

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 10, № 3, 2017

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEC,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Жак Сапир, проф. (Высшая школа социальных наук (EHSS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Пейтер Оуй (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Тюзин Байджан, кандидат наук, профессор (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Чжан Шуухуа, доктор, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Гориков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф. (Мурманский государственный технический университет, Мурманск, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некиселов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окреплов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (ЦЭМИ РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора д. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Загребельный А.В., ответственный секретарь к. ф. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Задумкин К.А., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора к. ф. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscs.ac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2017

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 10, no. 3, 2017

The Journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast" is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The Journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The Journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vscac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the Journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the Journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

CHIEF EDITOR

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD: FOREIGN MEMBERS

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, doctor of economics, professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, doctor of sociology, professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

EDITORIAL BOARD: RUSSIAN MEMBERS

D.V. Afanasyev, Ph.D. in sociology, associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, doctor of economics, professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, doctor of economics, professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivantsev, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

A.I. Kibitkin, doctor of economics, professor (Murmansk State Technical University, Murmansk, Russia)

S.V. Kuznetsov, doctor of economics, professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

E.B. Len'chuk, doctor of economics, professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, doctor of engineering (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

EDITORIAL STAFF

E.S. Gubanova, doctor of economics, professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy chief editor, doctor of economics, associate professor (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

A.V. Zagrebel'nyi, executive secretary, Ph.D. in philology (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

K.A. Zadumkin, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

G.V. Leonidova, Ph.D. in economics, associate professor ((RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

M.V. Morev, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

S.V. Terebova, Ph.D. in economics, associate professor (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, Deputy chief editor, Ph.D. in philology (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, doctor of economics, associate professor (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, doctor of economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России..... 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 32

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Лукин Е.В. О роли межотраслевого баланса в государственном регулировании экономики..... 41
- Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М. Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы 59
- Кожевников С.А. Повышение эффективности государственного управления – ключевая задача для современной России 78

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Егоров В.К. Особенности условий формирования человеческого потенциала нового поколения в России 100
- Бородкина О.И., Соколов Н.В., Тавровский А.В. Социальные риски международной иммиграции в Россию 114
- Абрамов Р.А., Стрельченко С.Г., Сурилов М.Н. Развитие межрегиональных связей в социальной сфере как важный резерв укрепления отношений в Союзном государстве 134

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Кузнецова Н.В., Кочева Е.В. Потенциал инновационного развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона 150

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Кузьмин А.И., Костина С.Н., Банных Г.А. Структура и динамика потребления домохозяйствами информационных товаров: региональный аспект 171

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

- Ильясов Б.Г., Мартынов В.В., Герасимова И.Б., Макарова Е.А., Закиева Е.Ш. Качество жизни: анализ влияния факторов, связанных со здоровьем, на основе системных и математических моделей 192

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Тихонова Т.В. Эколого-экономическая оценка водорегулирующей функции сельских территорий Республики Коми 209

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Бюрге Элван Эрхинли, Тюзин Байджан. Могут ли соседские связи оставаться важными для мигрантов в мегаполисах? 227

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Попов А.В., Соловьева Т.С. Барьеры реализации потенциала молодежи в трудовой деятельности 251
- Правила приёма рукописей статей 269
- Информация о подписке 275

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

Ilyin V.A. Significance of the Thesis “Cadres Decide Everything” as Applied to Modern Russia	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society.....	32

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

Lukin E.V. About the Role of Input-Output Balance in Government Regulation of the Economy	41
Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A. Tamitskii A.M. Innovation Course of Economic Development in the Northern and Arctic Territories in Russia and in the Nordic Countries	59
Kozhevnikov S.A. Gaining Efficiency of Public Administration – Key Objective for Modern Russia	78

SOCIAL DEVELOPMENT

Egorov V.K. Specific Features of Human Potential Development of a New Generation in Russia	100
Borodkina O.I., Sokolov N.V., Tavrovskii A.V. Social Risks of International Immigration into Russia	114
Abramov R.A., Strel’chenko S.G., Surilov M.N. Promoting Interregional Cooperation in the Social Sphere as an Important Reserve to Strengthen Relations within the Union State	134

INNOVATION DEVELOPMENT

Kuznetsova N.V., Kocheva E.V. Potential for Asia-Pacific Countries Innovative Development	150
---	-----

REGIONAL ECONOMY

- Kuz'min A.I., Kostina S.N., Bannykh G.A. Structure and Dynamics of Household Consumption of Information Goods: Regional Perspective 171

ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF PUBLIC HEALTH AND HEALTHCARE

- Il'yasov B.G., Martynov V.V., Gerasimova I.B., Makarova E.A., Zakieva E.Sh. Quality of Life: Analyzing the Impact of Factors Related to Health, Based on System and Mathematical Models 192

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Tikhonova T.V. Environmental and Economic Assessment of Water Regulation Function of Rural Territories in the Republic of Komi 209

FOREIGN EXPERIENCE

- Bürge Elvan Erginli, Tüzin Baycan. Could Neighbourhood Ties Still Be Important for the Migrants in a Metropolitan City? 227

YOUNG RESEARCHERS

- Popov A.V., Solov'eva T.S. Barriers to the Fulfilment of Young People's Potential in Their Work Activities 251

Manuscript Submission Guidelines 269

Subscription Information 275

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.1
УДК 323.2, ББК 66.3(2Рос),123
© Ильин В.А.

Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

15 июня 2017 г. состоялась очередная «прямая линия» с В. Путиным. Президент РФ в режиме он-лайн отвечал на вопросы населения, поступающие из всех регионов России. Традиционно наиболее актуальными вопросами стали социальные проблемы: уровень жизни, положение дел в сфере здравоохранения, образования и т.д. «Прямая линия» в очередной раз показала, что обыденные вопросы, волнующие людей, не решаются эффективно теми, кто по своему должностному положению обязан их решать. И граждане вынуждены адресовать

их главе государства... В связи с этим вновь актуализировался вопрос об эффективности кадров во всех звеньях системы государственного управления. Тезис «Кадры решают всё!» становится всё более значимым для настоящего и будущего России.

Современный период мирового развития характеризуется фундаментальными изменениями, происходящими в науке, экономике, государственном управлении. Эти процессы сопровождаются обострением геополитической конкуренции, усложнением социальных

Для цитирования: Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 9-31. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.1

For citation: Ilyin V.A. Significance of the Thesis “Cadres Decide Everything” as Applied to Modern Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 9-31. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.1

отношений, актуализацией новых глобальных вызовов. Мир переходит к новой экономике — экономике, основанной на знаниях и инновационных технологиях. Человеческий и интеллектуальный потенциал в ней становится решающим фактором не только развития страны, но и национальной безопасности, сохранения суверенитета.

Неизбежность вышеперечисленных тенденций не оставляет властвующим элитам времени для «раскачки». Каждое непродуманное управленческое решение становится фактором роста социальной напряженности и ослабления геополитических позиций.

В этих условиях как никогда актуален исторический опыт нашей страны, в котором было всё: от откровенного предательства властвующими элитами национальных интересов до выдающихся успехов, которые и по сей день являются предметом исторической гордости россиян.

В этом смысле особую роль в отечественной истории сыграл И.В. Сталин, его управленческий опыт и личные качества. При всей жесткости принимаемых им управленческих решений (что до сих пор вызывает среди экспертов неоднозначную оценку его роли в истории нашей страны) нельзя отрицать и успехи СССР в период его руководства. Напомним, что именно в этот период была проведена индустриализация, благодаря которой Советскому Союзу удалось в кратчайшие сроки превратиться из полуотсталой, аграрной страны в державу, которая смогла дать отпор вооруженной по последнему слову техники гитлеровской Германии. Управленческие таланты Сталина проявились и в мирное время: на взлете своего развития Советский Союз ждал годы величайших достижений в науке, экономике, освоении космоса и т.д.

В 1935 году Сталин выступил с речью¹ перед выпускниками военных академий, и тогда страна впервые услышала тезис «Кадры решают всё!». Почему спустя почти 100 лет, оглядываясь на российскую действительность, мы вновь обращаемся к этому ставшему крылатым выражению? Почему многое из того, что было сказано в этой речи, можно с точностью проецировать на кадровые проблемы сегодняшнего дня?

Для ответа на этот вопрос остановимся на четырех тезисах из этого документа, которые наводят на мысль об исторических параллелях между Россией 2000-х и Советским Союзом 1930-х гг.

Речь Сталина перед выпускниками военных академий (1935 г.). Тезис 1:

«Задача состояла в том, чтобы страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная. Вопрос стоял так: ЛИБО мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, ЛИБО мы ее не разрешим, и тогда наша страна – слабая технически и темная в культурном отношении – растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав».

Задачи, стоявшие перед высшим руководством Советского Союза в середине 1930-х гг., были во многом такими же, как в России в начале 2000-х. После «лихолетья» 1990-х В. Путин «принял» страну, мягко говоря, в «раздавленном» состоянии — с разрушенной экономикой, демографи-

¹ Полный текст речи Сталина представлен в приложении.

Стариков Н.В.: «Именно предательство элиты привело к крушению нашей государственности. Причем дважды за один XX век: в 1917 и 1991 году. И этот страшный урок должен быть усвоен, чтобы никогда больше не повторилась русская трагедия»².

ческим кризисом, социально-психологической дезадаптацией широких слоев населения, недоверием общества к власти и, кроме того, с «кипящим котлом» военных действий в Чечне, сопровождавшихся терактами даже в столице. По мнению многих экспертов³, период лихих 90-х был стратегически инициирован Западом для того, чтобы устранить Россию как геополитического конкурента.

Поэтому вопрос стоял именно так: либо сложившиеся в 90-е годы тенденции продолжатся и приведут к окончательной потере государственного суверенитета, либо появится человек, который своей политической волей наведет порядок в системе управления и предотвратит неминуемый кризис российской государственности.

² Стариков Н.В. Анатомия предательства элитами [Электронный ресурс] // Блог Н. Старикова от 03.02.2017. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/74668>

³ Левашов Л.Г. (*генерал-полковник, доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем*): «В начале 80-х годов, в период вступления на пост президента США Р. Рейгана, директором ЦРУ Кейси была предложена программа, по сути дела, развала Советского Союза. На основе этого 70-страничного доклада была принята десятилетняя программа по развалу СССР и освобождению его территорий для последующего переселения американцев. Вот с этого всё начиналось. А дальше шла стратегия, как всё делать... К сожалению, противостоять реализации этой программы не удалось, хотя Андропов и давал в связи с ней поручения. С приходом Горбачёва противодействию программе американцев не уделялось никакого внимания. Сегодня можно уверенно говорить, что нашим противником реализовывалась целенаправленная программа по дестабилизации и разрушению СССР как страны и государства. Это очень важно для понимания нынешней ситуации в России». (Источник: Литературная газета. – 1991. – № 31. – Авт. (6562) (03-08-2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-31-6562-03-08-2016/avgust-1991/>)

Речь Сталина перед выпускниками военных академий (1935 г.). Тезис 2: «... Были у нас товарищи, которые испугались трудностей и стали звать партию к отступлению. Они говорили: „Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей”.

Конечно, мы могли бы 3 миллиарда рублей валюты, добытых путем жесточайшей экономии и истраченных на создание нашей индустрии, – мы могли бы их обратить на импорт сырья и усиление производства предметов широкого потребления. Это тоже своего рода „план”. Но при таком „плане” мы не имели бы ни металлургии, ни машиностроения, ни тракторов и автомобилей, ни авиации и танков. **Мы оказались бы безоружными перед внешними врагами. Мы подорвали бы основы социализма в нашей стране. Мы оказались бы в плену у буржуазии внутренней и внешней.**

Мы выбрали план наступления, оттерев назад этих товарищей как людей, которые видели кое-как только у себя под носом, но закрывали глаза на ближайшее будущее нашей страны».

Индустриализацию страны, проведенную Сталиным в первой половине XX века, можно сравнить со сменой экономической модели современной России, которая еще не осуществлена, но по оценкам многих экспертов (С.С. Губанов, С.Ю. Глазьев, В.М. Полтерович, Б.Ю. Титов, Е.В. Балацкий, Ю.Ю. Болдырев и др.) и признанию самого Президента необходима, как важнейшее условие национальной безопасности.

Путин В.В.: «Текущая динамика, мы не раз это отмечали, показывает, что резервы и ресурсы, которые в начале двухтысячных двигали нашу экономику вперед, **не работают так, как прежде...** Необходимо одновременно обеспечить увеличение темпов роста отечественной экономики и провести структурные реформы для повышения её эффективности»⁴.

Однако, несмотря на многолетние разговоры о необходимости смены курса экономического развития (*вкладка 1*), доминирующим фактором российской экономики по-прежнему остаются цены на нефть и газ. Это свидетельствует о том, что **в современной властвующей элите, так же как и 100 лет назад, немало людей, ставящих «во главу угла» «сырье для производства ширпотреба», «закрывающих глаза на ближайшее будущее» России, говорящих о том, что ее развитие – «опасная мечта»⁴.**

В своем ключевом тезисе Сталин сделал правильный вывод из исторического опыта различных государств. Поэтому данный тезис и сегодня является лейтмотивом для тех государств, которые активно участвуют в конкурентной борьбе на глобальном уровне.

Это в полной мере касается и России. Многие эксперты и сегодня говорят об исключительной значимости человеческого капитала, отмечая, что «основное богатство нашей страны не нефть, не золото, а человеческие ресурсы, и от того, насколько кадры будут подготовлены и будут владеть современными знаниями, зависит то, как будет двигаться экономика и каким образом мы преодолеем имеющееся

⁴ Путин В.В. Выступление на заседании президиума Экономического совета 25 мая 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51996>

Речь Сталина перед выпускниками военных академий (1935 г.). Тезис 3: «... Изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период... Техника без людей, овладевших техникой, мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса... Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях „кадры решают все”».

Полтерович В.М.: «Для экономического развития государству следует инициировать, прежде всего, проекты, направленные на наращивание человеческого капитала, модернизацию образования. У нас не хватает специалистов по очень многим специальностям. Основная причина – в несовершенстве программ обучения. Идущая реформа образования ориентирована на формальные показатели – сколько учится иностранцев, какова площадь на одного студента и так далее. Но самое главное ведь не это, а программы обучения. **У нас они не успевают за прогрессом техники и науки»⁵.**

отставание в развитии»⁶. Об этом говорит и сам Президент: «Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России»⁷.

⁵ Полтерович В.М. Вопросы о системе, порождающей рост, не обойти [Эл. рес.] // Сайт Московской школы экономики МГУ от 24.02.2015. – Режим доступа: <http://mse-msu.ru/v-m-polterovich-voprosa-o-sisteme-porozhdayushhej-rost-ne-oboiti-intervyu-zhurnal-ekspert-yug/>

⁶ Гришин В. Из выступления на пленарном заседании VII Международной научно-практической конференции «Абалкинские чтения» [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://nrnews.ru/news/obshestvo/92050-eksperty-reu-podgotovili-prakticheskie-rekomendacii-po-razvitiyu-gynkatura-v-rossii.html>

⁷ Послание Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

Выдержки из посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ

Дата	Текст высказывания
<i>И президентский срок В.В. Путина (7 мая 2000 г. – 7 мая 2004 г.)</i>	
8 июля 2000 г.	Нынешний рост лишь в небольшой степени связан с обновлением экономического механизма. Во многом он является результатом благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры... С таким положением мы не можем мириться.
18 апреля 2002 г.	Я убежден: чтобы обеспечить достойный уровень жизни наших граждан, чтобы Россия оставалась весомым и полноценным членом мирового сообщества, была сильным конкурентом, наша экономика должна расти куда более быстрыми темпами...благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура уже не обеспечивает необходимых темпов развития экономики и ее конкурентоспособности... Правительство зафиксировало их в своем прогнозе на ближайшие годы в интервале 3,5–4,6 процента. Столь низкая оценка возможностей России не на пользу делу. Больше того, она не предполагает активной политики. Не предусматривает мер, нацеленных на использование возможностей российской экономики. Речь прежде всего о том потенциале, который есть в предпринимательстве, в научно-технической сфере, в современных технологиях управления.
<i>II президентский срок В.В. Путина (7 мая 2004 г. – 7 мая 2008 г.)</i>	
26 мая 2004 г.	Сегодня – чтобы в непростых условиях глобальной конкуренции занимать ведущие позиции – мы должны расти быстрее, чем остальной мир. Должны опережать другие страны и в темпах роста, и в качестве товаров и услуг, и в уровне образования, науки, культуры. Это – вопрос нашего экономического выживания, вопрос достойного места России в изменившихся международных условиях.
10 мая 2006 г.	Напомню: как об абсолютном приоритете мы неоднократно говорили о необходимости добиваться высоких темпов экономического роста. В Послании 2003 года были впервые сформулированы задачи удвоения валового внутреннего продукта на десять лет. Нетрудно посчитать: чтобы добиться этого результата, наша экономика должна ежегодно прирастать на 7 с небольшим процентов... хотел бы подчеркнуть, что если мы не устраним некоторые проблемы, если мы не улучшим основные макроэкономические показатели и не обеспечим должного уровня экономической свободы, если не создадим равные условия конкуренции и не укрепим право собственности, то поставленные в сфере экономики задачи вряд ли удастся решить в заявленные сроки.

Вкладка 1 (окончание)

Дата	Текст высказывания
<i>III президентский срок В.В. Путина (7 мая 2012 г. – н.в.)</i>	
12 декабря 2012 г.	Однобокая сырьевая экономика, мы об этом неоднократно говорили, не просто уязвима для внешних шоков. Главное, она не обеспечивает развитие и востребованность человеческого потенциала, не способна дать большей части нашего народа возможность найти применение своим силам, талантам, труду, образованию, а значит, по определению порождает неравенство. И, наконец, резервы сырьевой модели исчерпаны, тогда как интересы развития России требуют ежегодного роста не менее 5–6 процентов ВВП в ближайшее десятилетие.
4 декабря 2014 г.	Мы добьёмся успеха, если сами заработаем своё благополучие и процветание, а не будем уповать на удачное стечение обстоятельств или внешнюю конъюнктуру... Качество, масштаб российской экономики должны соответствовать нашей геополитической и исторической роли.
1 декабря 2016 г.	Главные причины торможения экономики кроются, прежде всего, в наших внутренних проблемах. Прежде всего, это дефицит инвестиционных ресурсов, современных технологий, профессиональных кадров, недостаточное развитие конкуренции, изъяны делового климата... Если мы не решим базовые проблемы российской экономики, не запустим в полную силу новые факторы роста, то на годы можем зависнуть возле нулевой отметки, и, значит, нам придётся постоянно ужиматься, экономить, откладывая на потом своё развитие. Такого мы себе позволить не можем... Для выхода на новый уровень развития экономики, социальных отраслей нам нужны собственные передовые разработки и научные решения. Необходимо сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие, так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни. Страны, которые смогут их генерировать, будут иметь долгосрочное преимущество, возможность получать громадную технологическую ренту. Те, кто этого не сделает, окажутся в зависимом, уязвимом положении.

На протяжении всех президентских сроков в своих обращениях к Федеральному Собранию Президент регулярно говорит о неудовлетворительных темпах роста российской экономики, необходимости поиска ее новых, инновационных источников, а также повышения эффективности управления. Однако эти целевые установки остаются декларативными, поскольку созданная кадровая система не нацелена на реальное выполнение поставленных главой государства задач.

Речь Сталина перед выпускниками военных академий (1935 г.). Тезис 4: «Лозунг „кадры решают все” требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к „малым” и „большим”, в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т.д. ... У нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры».

В предыдущем номере⁸ нами были приведены факты, свидетельствующие о последствиях, к которым приводит неэффективное управление, а по большому счету, просто безответственное отношение к положению дел в фундаментальной науке. «Рапортовать» о формальных показателях вместо того, чтобы «ценить и выращивать кадры» — часть системного кризиса государственного управления, причем это проявляется не только в науке, но и в других отраслях: в экономике, здравоохранении, образовании...

В середине 2016 г., то есть спустя 4 года после опубликования майских указов Президента, Правительство отрапортовало о выполнении «около 70% от общего числа поручений и 88% — от числа поручений, которые должны были быть выполнены к настоящему времени». Однако, как отмечают представители Общероссийского народного фронта, «из 162 наших заключений на доклады правительства о снятии соответствующих поручений с контроля мы подтвердили це-

⁸ Ильин В.А. Некрасивая история // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — № 2. — С. 9-21.

Путин В.В.: «Четыре года назад в известных майских указах были обозначены цели в экономике, социальной сфере, демографии, науке и образовании, в других областях. Мы взяли на себя тогда большую ответственность перед гражданами и должны работать без ссылок сегодня на сложности и внешние ограничения. Хочу подчеркнуть: **оценивать результаты проделанной работы** (я уже об этом говорил, причём, по-моему, в этом зале в прошлом году) **надо не по количеству снятых с контроля поручений или по объёму написанных отчётов — это у нас делать умеют, научились. Люди должны почувствовать реальные перемены к лучшему**»⁹.

лесообразность снятия с контроля **только по 24 поручениям**. Цифры именно такие: мы считаем, что 24 поручения действительно выполнены, остальные в той или иной степени не выполнены»¹⁰.

Как отмечают эксперты НИУ ВШЭ, для формальной отчетности о выполнении майских указов Президента Правительство использует 3 стратегии: изменение методологии расчетного показателя; увеличение числа ведомств, согласующих целевые показатели (что позволяет на неопределенное время увеличить срок допарламентского рассмотрения, который в настоящее время никак не регламентируется), и перекладывание ответственности за исполнение поручений на регионы¹¹.

⁹ Путин В.В. Выступление на заседании Комиссии по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития от 16 мая 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/51917>

¹⁰ Обещания третьего срока: как исполняются майские указы президента [Электронный ресурс] / О. Волкова, П. Никольская, И. Ткачёв, А. Могилевская // Сайт РБК. — Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/17/05/2016/573a034a9a7947d18967193a>

¹¹ Там же.

Возможно, это далеко не полный перечень инструментов и механизмов, при помощи которых Правительство «успешно» отчитывается о достижении стратегических ориентиров. Однако в любом случае это никак не соответствует ни национальным интересам, ни ответственности, возложенной Президентом на кабинет министров. Кадры, которые по факту не реализуют возложенную на них ответственность, продолжают оставаться на своих местах.

Последствия неэффективности управленческих кадров в конечном итоге отражаются на населении. Не случайно за период с 1999 по 1 половину 2017 гг. доля людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих» снизилась (с 69 до 46%). Однако можно ли сказать, что каждый второй бедный – это успешный результат почти 17-летнего государственного управления, причем экономикой

страны, которая объективно является одной из наиболее богатых в плане природных ресурсов и человеческого потенциала? При этом за период с 2008 по 2016 г. доля «бедных и нищих» заметно увеличилась (на 8 п.п., с 40 до 49%; *рисунк*).

Таким образом, можно сказать, что в XXI веке эффективность кадров государственного управления имеет для России тройную степень актуальности: как общий тренд мирового развития при переходе к инновационной экономике; как необходимое условие сохранения суверенитета в рамках глобальной конкуренции; и, наконец, как единственно возможный вариант обеспечения достойного и справедливого уровня и качества жизни граждан.

Не случайно вопрос о том, какие кадры нужны экономике России, стал названием прошедших в мае 2017 года Абалкинских чтений.

Динамика социальной самоидентификации населения на территории Вологодской области (в % от числа опрошенных)*

* Распределение ответов на вопрос «К какой категории Вы себя относите?»

Л.И. Абалкин, известный российский экономист, которого некоторые эксперты считают «первым противником» гайдоровских реформ¹², — характеризуя современную систему государственного управления, отмечал ее неэффективность, подчеркивая низкий уровень стратегического мышления ее представителей и их стратегического планирования. По его словам, качество и эффективность должны стать своеобразной установкой мышления, ориентиром, определяющим направленность мысли и позволяющим оценить достигнутое. В реальной жизни выработка таких установок образует важное звено долговременной стратегии. Сама стратегия не просто прокладывает курс социально-экономического развития страны, но и вырабатывает соответствующие политические установки. И задача состоит в том, чтобы перестроить на их основе общественное сознание, превратить эти установки в повседневный стиль экономического мышления хозяйственных руководителей и широких трудящихся масс¹³... В наше время, в век научно-технической революции, нельзя работать эффективно, не имея ясной перспективы, не владея стратегическим мышлением и видением проблемы. Ограниченность кругозора мышления ближайшими задачами вызывает, как показывает опыт, немало негативных явлений¹⁴.

Действительно, исторический опыт Советского Союза и современный опыт зарубежных стран так называемого «эко-

¹² Умер академик Абалкин — главный противник Гайдара [Электронный ресурс] // Газета «Неделя». — 2011. — 2 мая. — Режим доступа: <http://weekjournal.ru/economics/42096/>

¹³ Абалкин Л.И. Новый тип экономического мышления. — М.: Экономика, 1987. — С. 29-30.

¹⁴ Там же, с. 35.

Абалкин Л.И.: «Нынешняя политика государства в области экономики и управления внутренне противоречива и недостаточно эффективна. Примеров множество. Пенсионный фонд, задуманный как источник «длинных» денег, оказался на дотации бюджета. «Монетизированные» льготы требуют для своего осуществления больше средств, чем прежде. Огромные валютные доходы не идут на стимулирование отечественного производства. При сокращении занятых в стране численность сотрудников аппарата управления выросла в два раза. Чиновники узурпировали государственную власть и сделали ее источником получения незаконных средств... **Нужно стратегическое мировоззрение, отличительная черта которого — приоритет системности над нескоординированной чередой единичных мер**»¹⁵.

номического чуда»¹⁶ доказывают, что в основе государственного управления должна лежать четкая, научно обоснованная стратегия и неукоснительное ее выполнение всеми звеньями управленческой иерархии. Нельзя сказать, что в России существует дефицит стратегических документов, разрабатываемых на национальном уровне.

¹⁵ Абалкин Л.И. Путь к успеху — системность и сотрудничество // Национальные проекты. — 2007. — № 8(15). — С. 12-13.

¹⁶ «В последние 70 лет лишь небольшой группе стран удалось совершить «экономическое чудо»: добиться быстрого экономического роста — более 7% годовых — на протяжении 15–30 лет. Среди них пять восточноазиатских «тигров» и Малайзия, отстававшие страны Западной Европы (Испания, Греция, Ирландия) и разрушенные войной европейские экономики (Франция, Германия). Несмотря на радикальные различия, почти все эти страны, стремясь постепенно построить современные рыночные механизмы, проводили институциональные реформы по единым принципам... Практически все страны «экономического чуда» в той или иной форме использовали индикативное планирование». (Источник: Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5. — С. 34-56.)

За последние годы (с середины 2000-х) в стране было принято более 100 таких документов как общего характера¹⁷, так и регулирующих отношения в отдельных отраслях народного хозяйства: в промышленности¹⁸, АПК¹⁹, социальной сфере и так далее²⁰. Кроме того, нельзя забывать и об устных обращениях Президента к чиновникам различного уровня в ходе его выступлений с посланиями Федеральному Собранию, «прямых линий», встреч с представителями различных кругов общественности и т.д. Эти обращения, по сути, также являются стратегическими и тактическими указаниями к действию.

Однако такая множественность стратегических ориентиров с лихвой «компенсируется» их неисполнением. Отсутствие персональной ответственности чиновников за реализацию стратегических и тактических задач приводит к систематическому пересмотру прогнозных индикаторов, о чем мы уже говорили в одной из наших статей²¹.

Невыполнение Правительством стратегических национальных задач может являться результатом либо элементарного неумения, некомпетентности, либо созна-

¹⁷ Например: Стратегия национальной безопасности, Стратегия социально-экономического развития, Указ Президента РФ о долгосрочной государственной экономической политике и т.д.

¹⁸ Например: Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегия развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года, Стратегия развития геологической отрасли до 2030 года.

¹⁹ Например: Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года.

²⁰ Полный перечень: <http://strategy2030.midural.ru/content/perechen-federalnyh-strategicheskikh-dokumentov>

²¹ Ильин В.А. Экономическая политика Правительства продолжает противоречить интересам основной части населения страны // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 4. — С. 9–20.

Деягин М.Г.: «Как можно выработать образ будущего, когда у нас всю социально-экономическую политику определяют либералы? Они смотрят на нас глазами Запада и относятся к России как к котлете – как к объекту потребления и ни к чему больше. То, что они определяют социально-экономическую политику, – это только одна проблема. Другая проблема в том, что вам просто не интересен образ будущего котлеты, которая лежит у вас в холодильнике. Это будущее будет очень коротким – не дальше унитаза, и вряд ли этим образом вы будете заранее делиться с котлетой... Когда образ будущего отсутствует, хочется продлить зыбкую стабильность дальше. 16 лет удавалось продлить, понимаете? И почему не удастся продлевать всю жизнь, раз так долго уже удавалось? «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – **а вот чтобы понять, почему мгновенье не удастся растянуть в вечность, нужна определенная культура мышления»**²².

тельного, продуманного решения действовать в интересах личных, сиюминутных потребностей. И в том, и в другом случае государственное управление важнейшими отраслями народного хозяйства не может считаться эффективным, если оно ориентировано исключительно на «сегодняшний день». От этого и в обществе – конечном «потребителе» национальных благ этих важнейших отраслей – развивается неуверенность в будущем: для страны, для себя, для своих семей.

Об этом наглядно свидетельствуют данные социологических опросов населения (*вкладки 2 и 3*): **неуверенность в будущем и пессимизм в плане экономического развития характерен сегодня не для отдельных социально-демографических категорий населения**

²² Деягин М.Г. «Либералы относятся к России как к котлете – объекту потребления» [Электронный ресурс] // Деловая электронная газета Бизнес-Online. — Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/327971>

Вкладка 2

Доля людей, сталкивающихся с проблемой неуверенности в завтрашнем дне, в различных социально-демографических группах населения (в % от числа опрошенных)*

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	1 полугодие 2017 г.	Изменение (+/-), 1 полугодие 2017 г. по отношению к...		
								2016	2011	2007
<i>Пол</i>										
Мужской	40,1	60,0	46,3	46,5	56,8	57,9	62,3	+4	+2	+22
Женский	48,5	62,8	51,7	49,6	53,1	62,6	60,0	-3	-3	+12
<i>Возраст</i>										
До 30 лет	35,1	47,3	41,1	40,6	47,1	52,5	58,9	+6	+12	+24
30-55 лет	44,7	63,9	47,9	47,6	54,4	59,7	59,9	0	-4	+15
Старше 55 лет	53,1	69,7	58,8	54,2	59,9	66,2	63,7	-3	-6	+11
<i>Образование</i>										
Среднее и н/среднее	41,2	66,5	53,6	55,2	63,6	60,5	68,3	+8	+2	+27
Среднее специальное	47,6	64,2	49,6	49,4	50,8	64,4	59,6	-5	-5	+12
Высшее и н/высшее	45,4	54,2	44,2	40,0	49,2	56,3	54,7	-2	+1	+9
<i>Доходные группы</i>										
20% наименее обеспеченных	44,6	69,7	66,2	59,8	64,3	60,5	64,6	+4	-5	+20
60% среднеобеспеченных	47,7	63,3	50,1	48,0	57,6	59,6	60,7	+1	-3	+13
20% наиболее обеспеченных	39,2	50,0	35,3	29,5	39,4	59,3	57,8	-2	+8	+19
<i>Территории</i>										
Вологда	52,6	61,2	35,3	37,7	45,3	63,8	56,5	-7	-5	+4
Череповец	52,3	54,0	45,8	41,3	49,0	65,2	58,8	-6	+5	+7
Районы	37,5	65,5	57,9	57,7	63,0	55,9	64,8	+9	-1	+27
Область	44,7	61,5	49,3	48,2	54,7	60,5	61,0	+1	-1	+16

* Вопрос задается один раз год, в феврале. Данные мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области.

За период с 2007 по первое полугодие 2017 г. доля тех, кто сталкивается с проблемой неуверенности в завтрашнем дне, увеличилась **во всех социально-демографических категориях населения (на 4–27 п.п.)**.

Особенно тревожной выглядит тенденция увеличения доли неуверенных в своем будущем **среди представителей молодого поколения (люди в возрасте до 30 лет)**. В этой группе в 2007 г. доля неуверенных в будущем составляла 35%, в 2011 г. – 47%, в 2016 г. – 53%, в первом полугодии 2017 г. – 59%.

Следует также отметить, что во всех группах доля сомневающихся в завтрашнем дне остается очень значительной (55–68%).

Динамика индекса потребительских настроений в различных социально-демографических группах населения* (в пунктах)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	1 полугодие 2017 г.	Изменение (+/-), 1 полугодие 2017 г. по отношению к...		
								2016	2011	2007
<i>Пол</i>										
Мужской	107,8	90,3	91,0	87,6	76,8	78,7	82,8	+4	-8	-25
Женский	104,4	89,1	89,8	87,6	77,3	76,9	82,0	+5	-7	-22
<i>Возраст</i>										
До 30 лет	115,2	95,0	94,5	93,0	82,9	83,7	85,9	+2	-9	-29
30-55 лет	107,1	89,1	91,4	87,5	75,2	76,8	83,5	+7	-6	-24
Старше 55 лет	95,7	86,0	85,6	84,2	76,0	75,4	79,0	+4	-7	-17
<i>Образование</i>										
Среднее и н/среднее	100,2	85,6	83,4	80,5	73,6	74,7	76,8	+2	-9	-23
Среднее специальное	105,9	87,9	88,7	86,9	76,9	78,4	83,7	+5	-4	-22
Высшее и н/высшее	113,1	95,5	99,2	96,3	81,1	80,2	86,9	+7	-9	-26
<i>Доходные группы</i>										
20% наименее обеспеченных	88,2	74,8	71,2	69,8	62,5	64,8	70,4	+6	-4	-18
60% средне-обеспеченных	105,5	89,0	90,8	87,0	77,0	76,7	81,4	+5	-8	-24
20% наиболее обеспеченных	124,7	105,3	108,9	107,5	91,0	91,5	94,8	+3	-11	-30
<i>Территории</i>										
Вологда	104,2	90,9	92,3	90,8	75,9	77,1	80,8	+4	-10	-23
Череповец	114,9	98,9	97,7	95,3	83,3	78,4	84,2	+6	-15	-31
Районы	102,3	84,4	85,3	81,7	74,2	77,5	82,3	+5	-2	-20
Область	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	82,4	+5	-7	-24

* Данные мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области.

По итогам опросов, проведенных в первом полугодии 2017 г. **во всех социальных слоях**, индекс потребительских настроений (ИПН) составляет менее 100 пунктов, что, согласно методике²³, означает **преобладание среди населения пессимистических прогнозных ожиданий относительно перспектив развития экономики и собственного материального положения**. Следует также отметить, что в краткосрочной динамике колебания индекса незначительны (2–7 пунктов), в то время как в долгосрочной ретроспективе отмечается **существенное снижение ИПН (на 20–30 пунктов)**.

²³ **Методика вычисления ИПН:** из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой.

(например, для людей с низким уровнем доходов или пенсионеров), а для всех социальных слоев российского общества. Другими словами, это долговременный, многолетний и комплексный тренд психологической трансформации, охватывающий всё большее количество людей, в том числе жителей городов, представителей высокодоходных групп, людей с высшим образованием, молодежь. Причина его – отсутствие стратегического мышления у властвующих элит и соответственно выстроенная неэффективная система государственного управления.

С отсутствием стратегического мышления связаны многочисленные злоупотребления чиновников должностным положением в угоду своим личным интересам и крайний непрофессионализм в реформировании научно-образовательной сферы – главного «поставщика» высококвалифицированных кадров, являющихся фундаментом успешного экономического развития. Как отмечают эксперты, «главный источник проблемы – недостаточная квалификация тех, кто отвечает за реформирование науки... Наши чиновники не владеют элементарной техникой проведения институциональных реформ. И одна из главных ошибок, которую они делают и повторяют от реформы к реформе, – использование так называемого метода шоковой терапии. Так, проект закона от 28 июня 2013 года (о реформировании госакадемий) – типичная шоковая терапия. Цели этого закона не имели ничего

общего с целями повышения уровня науки в России. Что мы получили, всем известно. Компромисс, который мы сейчас имеем, достигается в отчаянной борьбе, а не в процессе проектирования. Это ведет к колоссальным издержкам»²⁴.

Российское законодательство выстроено так, что крупнейшим госкорпорациям удается избегать налоговых отчислений, употребляя выгоду от использования национальных ресурсов, как правило, в частных интересах. Так, за последние 10 лет (с 2006 по 2016) налоговая нагрузка на 10 крупнейших госкорпораций России сократилась в 2 раза (с 8 до 4%). И это при том, что в среднем практически за аналогичный период (с 2008 по 2016) доля дивидендов, поступивших от госкорпораций в федеральный бюджет, составляла менее 2% (табл. 1).

При этом госкорпорации продолжают «обходить» носящее подзаконный характер Постановление Правительства, обязывающее их направлять на дивиденды 50% чистой прибыли. Так, Совет директоров «Газпрома» по итогам 2016 г. рекомендовал использовать на дивиденды 190,3 млрд. руб. (20% чистой прибыли по МСФО), Совет директоров «Роснефти» – 63,4 млрд. руб. (31,5% от прибыли по МСФО). Таким образом, в совокупности государственный бюджет недополучил от крупнейших госкорпораций более 300 млрд. руб. (285 млрд. от «Газпрома» и 37 млрд. от «Роснефти»; табл. 2).

Таблица 1. Динамика доли дивидендов, поступивших от госкорпораций в федеральный бюджет в 2008–2016 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Всего за 2008–2016
Дивиденды, млрд. руб.	53,2	10,1	45,2	79,4	212,6	134,8	220,2	259,8	919,0	1934,3
К доходам бюджета, %	0,6	0,1	0,5	0,7	1,7	1,0	1,5	1,9	6,8	1,9

²⁴ Полтерович В.М. Реформаторам науки не хватает квалификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 3. – С. 28–31.

Таблица 2. Налоговая нагрузка по налогу на прибыль* крупнейших компаний РФ

Компания	2006		2011		2016	
	Млрд. руб.	К выручке, %	Млрд. руб.	К выручке, %	Млрд. руб.	К выручке, %
Татнефть	13,7	3,4	19,3	3,1	34,8	6,0
НЛМК	19,2	11,7	12,4	3,6	15,5	3,0
Сбербанк	26,2	7,1	79,8	8,0	135,6	4,8
ММК	12,7	7,3	0	0	15,2	4,1
Транснефть	26,0	12,8	44,3	6,6	68,5	8,1
Газпром	211,2	8,5	326,3	6,5	288,0	4,7
Роснефть	125,4	10,0	90,0	3,3	116,0	2,3
Газпромнефть	32,4	5,9	40,0	3,9	49,8	3,2
Северсталь	17,3	5,1	13,5	2,9	6,8	1,7
Лукойл	75,4	4,1	96,8	2,5	64,9	1,2
<i>В среднем по 10 крупнейшим компаниям</i>	<i>56,0</i>	<i>7,6</i>	<i>72,2</i>	<i>4,0</i>	<i>79,5</i>	<i>3,9</i>

* В целях сопоставимости налоговая нагрузка рассчитана только в отношении налога на прибыль.
Источники: данные финансовой отчетности компаний; расчеты ИСЭРТ РАН.

Таблица 3. Некоторые показатели Следственного комитета по Республике Коми и Приморскому краю

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	1 кв. 2017 г.	Итого за период 2014 г. – 1 кв. 2017 г.
<i>Республика Коми</i>					
Расследовано: получение взяток (ст. 290 УК РФ)	88	45	61	21	215
Расследовано: дача взяток (ст. 291 УК РФ)	31	29	15	9	84
Всего окончено коррупционных дел	97	84	85	26	292
Арестовано подозреваемых по коррупционным делам	124	108	113	36	381
<i>Приморский край</i>					
Возбуждено коррупционных уголовных дел	582	296	288	79	1245
Направлено в суд коррупционных дел	134	162	256	71	623
Количество обвиняемых в УД напр. в суд.	144	189	177	90	600

Источник: Антикоррупционный каток [Электронный ресурс] // Журнал «Эксперт». – 2017. – 8 мая. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/16/antikorrupsionnyj-katok/>
Источник данных для справки: база данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru

Вновь и вновь открывающиеся факты коррупции сопровождаются тем, что «постепенно, но верно растет статус задержанных за взяточничество чиновников. Если несколько лет назад у нас ловили в основном врачей при получении коробки конфет или сотрудников военкомата с конвертами, то сейчас вплотную взялись за самый высокий эшелон власти»²⁵.

При этом важно отметить, что количество арестованных по обвинению в коррупции в различных регионах России на самом деле исчисляется сотнями человек (табл. 3). Это означает не только то, что борьба с коррупцией идет эффективно и выстроена на системном уровне, но и то, что коррупция глубоко проникла в ряды «власть держащих», а это не происходит «за один день».

²⁵ Арбитраж Путина [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 17 нояб. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/editorial/2016-11-17/2_6861_red.html

Фадеев В.А.: «Уголовные дела больших чиновников на виду, о них сообщают федеральные СМИ. **Но есть тысячи не таких громких дел.** Например, знаменитое дело главы Республики Коми Гайзера. В сентябре 2015 г. он арестован и обвинен в организации преступного сообщества. Вместе с ним было арестовано еще 14 человек, практически вся верхушка республики. Об этом деле все знают. Оно на виду. А вот о других антикоррупционных делах в Коми за пределами республики мало кто знает: **в том же 2015-м году всего по таким делам было арестовано 108 человек, в прошлом году – 113, за 1 квартал этого года арестовано уже 36 человек.** А ведь это очень небольшой по населению регион...»²⁶

Сотни чиновников, уличенных в нарушении закона, – это прежде всего показатель **моральной деградации правящих элит по всей вертикали власти: федеральной, региональной, муниципальной.** Каждый из них проходил государственную подготовку. И каждого из них кто-то рекомендовал, продвигал, считал достойным занять управленческую должность... То есть организационно система их подготовки выстроена, но без персональной ответственности чиновников не только за выполнение своих непосредственных управленческих функций, но и за моральное состояние кадров во всех звеньях системы управления, она не может являться эффективной, а по сути – работает против национальных интересов России.

На деле мы имеем то, что имеем. Отсутствуют четкие критерии нравственности и ответственности перед страной и ее

²⁶ Фадеев В.А. Новости телеканала ОРТ от 09.04.2017 // Официальный сайт ОРТ. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/issue/2017-04-09/21:00#10>

гражданами. В элитах господствует ощущение безнаказанности, и остается лишь надеяться на то, чтобы оно было искоренено не только системными и решительными действиями силовых структур, но и законодательными инициативами Президента, усилиями гражданского общества, Счетной палаты и многих других институтов. Это задача №1, требующая системного решения и комплексного подхода.

Весьма показательным стал прошедший в мае 2017 г. Санкт-Петербургский Международный экономический форум (ПМЭФ–2017), на котором «самое представительное заседание стало **шокирующим манифестом финансово-экономической бюрократии РФ.** Во время полуторачасового обсуждения перспектив страны ни один из этих бюрократов ни разу не вспомнил об интересах населения, о падении доходов, о сокращении внутреннего рынка или о стагнации пенсионной системы. Речи министров Максима Орешкина, Антона Силуанова и главы ЦБ Эльвиры Набиуллиной фактически доказывали, что благополучие граждан не является для этих чиновников сколько-нибудь важным критерием»²⁷.

Таким образом, проблемы в системе государственного управления негативно сказываются на реализации национальных интересов. Это касается всех слоев российского общества и, в том числе, отражается на научно-образовательном потенциале нашей страны – ключевом ресурсе современной экономики.

Подобные проблемы возникают в том случае, когда у Правительства РФ, возглавляемого Д.А. Медведевым, нет понимания того, какое государство мы строим. И никто перед ним эту задачу не ставил и не ставит.

²⁷ Соловьева О. Проблемы населения не интересуют финансово-экономическую бюрократию [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2017. – 02 июня. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-06-02/4_7001_problems.html

Стариков Н.В.: «Представьте себе Конституцию независимого государства, в котором записано, что международные договоры и акты имеют приоритет над внутренним законодательством. Это как? **То есть там кто-то что-то решил и мы должны у себя это делать? Почему? Потому что это написано в Конституции.**

В другом месте есть противоречие: написано, что Конституция является высшим документом, который действует на территории России. **Так все-таки Конституция выше или акты, подписанные каким-нибудь Европарламентом?**

Второй вопрос – запрет на государственную идеологию. Что такое идеология? Это цель. **В Конституции официальный запрет: цели нет. Соответственно для чего существует наше государство? В Конституции нигде этого не написано.** Отсюда очень большое количество проблем: и алкоголизм, и чувство потерянности... **Потому что у нашего народа, у целой цивилизации отсутствует цель, причем это прямо записано в Конституции»²⁸.**

По большому счету, этого понимания нет и в Конституции, которую «писали под Ельцина, под будущую приватизацию, под будущий развал России»²⁹. Соответственно невозможно говорить о стратегическом мышлении и представлении о будущем, что и приводит к многочисленным порокам системы управления.

При этом, согласно 135 статье Конституции, для её изменения необходимо принять федеральный закон о созыве Конституционного Собрания. «С 1993 года этого

²⁸ Стариков Н.В. Нам обязательно надо менять конституцию! [Эл. рес.] // Информационный портал Politikus.ru. – Реж. дост.: <http://politikus.ru/video/64771-nikolay-starikov-nam-obyazatelno-nado-menyat-konstituciyu.html>

²⁹ Там же.

Стариков Н.В.: «Нас волнует вопрос: **почему за 23 (!) года с момента принятия Конституции, до сих пор не был разработан и принят рабочий вариант наиважнейшего федерального конституционного закона?** Текст самой Конституции был составлен и принят в считанные месяцы. Закон о Конституционном Собрании не принят до сих пор. У нас внезапно закончились грамотные юристы и специалисты по конституционному праву? Или вопрос в политической воле? Скорее всего – последнее...»³⁰

закона нет, хотя за последнее время было два случая, когда в Конституцию вносились изменения: это увеличение президентского срока и вхождение в состав России Крыма и Севастополя. Для таких изменений достаточно было определенной процедуры голосования в обеих палатах парламента... К тому же, немаловажно отметить тот простой факт, что за всё это время вопрос Конституционного Собрания был выведен из обсуждения в общем гражданском поле. Средства массовой информации и политики готовы обсуждать любые вопросы, кроме этого»³¹.

Как отмечают эксперты, «мир находится в почти полной неопределенности, а отсутствие стратегии в таких условиях – это тактический выигрыш. Потому что вы в любой момент можете пойти в любую сторону, вы абсолютно адаптивны. Но эта адаптивность – ловушка: в тактическом плане она выигрыш, а в стратегическом плане – абсолютный проигрыш, потому что вы не то что не знаете, куда плывете, а искренне не хотите знать этого. Жить по принципу «кривая выведет» могут Гаити

³⁰ Стариков Н.В. Пришло время принять закон о созыве Конституционного Собрания [Эл. рес.] // Официальный блог Н. Старикова от 06.03.2017. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/76003>

³¹ Там же.

Башкатова А.: «Президент выслушал [в ходе «прямой линии»] жалобы и дал понять, что Кремль и словом и делом на стороне простых людей... И хоть Путин об этом не сказал прямо, можно предположить, что он готовится выступить в роли того единственного человека, который будет решать накопившиеся проблемы в течение следующих шести лет. **Президент предстал перед слушателями и зрителями как последняя надежда на справедливое решение внутриэкономических проблем.** Царь хороший, это бояре плохие – вот один из главных мотивов его выступления... В Кремле подводят население к мысли, что с грузом всех этих нерешенных проблем президенту нельзя оставлять страну новому преемнику. О выдвижении на очередной президентский срок Путин вчера прямо не заявил. Но вчерашняя «Прямая линия» в очередной раз продемонстрировала электорату, что пока только Путин способен решить все болезненные проблемы населения в ближайшие шесть лет»³².

или Литва, но не такая большая и внутренне разнородная страна, как Россия»³³.

В связи с этим следует отметить исключительную актуальность для сегодняшнего дня нашего советского опыта управления, когда «Кадры решают всё!» было не пустыми словами, а реально выполнявшейся целевой установкой. **Без моральной и должностной ответственности правительственных кадров перед обществом и перед Президентом невозможно выполнить задачи, поставленные главой государства. Последние 17 лет – яркое тому доказательство.**

³² Башкатова А. Рецессии нет, а бедность есть [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2017. – 15 июня. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-06-15/1_7009_recessia.html

³³ Делягин М. Либералы относятся к России как к котлете – объекту потребления...

Не случайно по итогам состоявшейся в июне 2017 г. «прямой линии» с В. Путиным его пресс-секретарь Д. Песков отметил, что традиционно много на «прямую линию» приходит вопросов, связанных с «житейскими историями, в которых люди просят президента о помощи». Это по-прежнему те вопросы, которые могут и должны решать местные власти. **«По-прежнему, к сожалению, люди зачастую говорят о том, что до президента им достучаться иногда бывает легче, чем до руководства своих собственных регионов»**³⁴. И мы вынуждены уже не в первый раз констатировать: «Неизменный характер вопросов населения, задаваемых Президенту в ходе ежегодных «прямых линий» (о состоянии дорог, тарифах ЖКХ, административных барьерах для бизнеса, невозможности «достучаться» до чиновников и т.д.), говорит о том, что **насушные проблемы людей неэффективно решаются компетентными органами: жители самых разных регионов России вынуждены обращаться непосредственно к главе государства с жалобами на нижестоящие инстанции управленческой системы»**³⁵.

Именно к «компетентным органам», а не к Президенту люди предъявляют претензии, поэтому эксперты всё чаще отмечают, что формат «прямой линии» с главой государства «не устарел», но превращается «в ритуал»; что она нужна только «для тех людей, кто ее организывает»³⁶.

³⁴ В Кремле рассказали о «боли» при чтении обращений россиян к Путину [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 2017. – 14 июня. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/06/14/n_10175351.shtml

³⁵ Ильин В.А. Выборы в Государственную Думу – 2016. Экономическая политика Президента в оценках населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 3. – С. 34.

³⁶ Формат «прямой линии» с Президентом устарел? (комментарии политолога К. Калачева и директора Института прикладных политических исследований Д. Добромелова) [Электронный ресурс] // Информационный ресурс «Коммерсантъ.ru». – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3325508>

И подтверждается это снижением количества вопросов, адресуемых В. Путину³⁷: в 2015 г. — 3,25 млн., 2016 г. — 2,83 млн.; 2017 г. — 2,6 млн. Несмотря на то, что в дополнение к традиционным каналам связи в 2017 г. у населения появились новые возможности задать вопрос Президенту³⁸.

Стойкое ощущение социальной несправедливости, сложившееся в российском обществе, создает угрозу того, что Россия может «наступить на те же грабли», которыми ее «ударило» 100 и 25 лет назад. **Поскольку вся мировая эволюция идет к тому, что страна должна овладевать новыми знаниями и технологиями, выжить и сохранить свой суверенитет в ближайшем будущем сможет только тот, кто следует этому принципу. Пока власть не осознает это и будет «латать дыры», смотря на положение дел в стране «в статике», а не «в динамике», будущее России по-прежнему будет находиться под угрозой.**

И если так будет продолжаться дальше, нельзя исключать самые пессимистические прогнозы экспертов: «...Поскольку отчетливо диагностируется так называемый «Проект АнтиРоссия», ставящий целью геополитическое уничтожение России, то и прогнозирование сценариев развития страны становится более определенным. Никаких существенных изменений в ли-

³⁷ Статистика официального сайта программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://moskva-putinu.ru/#page/history>

³⁸ Вопросы можно было задавать с помощью телефонных звонков, SMS и MMS-сообщений, на сайте проекта, в мобильном приложении. Обращения принимались также от пользователей социальных сетей (в 2017 г. в двух — «ВКонтакте» и «Одноклассники»). Кроме того, в 2017 г. с помощью соцсетей можно было отправить не только текстовый вопрос, но и обратиться к Президенту, записав видеоролик. Также в 2017 г. появилась возможность непосредственно во время эфира организовать свой видеоканал со студией «Прямой линии» для пользователей приложения «Москва-Путину» и для тех, у кого на мобильных устройствах установлен «OK Live» — первое российское приложение для он-лайн-трансляций, распространяемое бесплатно в магазинах AppStore и GooglePlay.

Абалкин Л.И.: «Соотношение тактики и стратегии можно трансформировать как соотношение статики и динамики, к которым применяют совершенно разные подходы: статика — это проблема дележа. Между центром и регионами, между национальной обороной и здравоохранением, между наукой и экологией и т.д. Только делить. И если кому-то достается больше, то только за счет того, что кому-то — меньше. То есть из всех правил арифметики мы используем только два — отнять и разделить. Как только мы переходим на стратегию, на динамические решения проблем, то, в принципе, возможны решения, когда больше получают все. Не за счет друг друга, а за счет наращивания материальных объемов, повышения эффективности, ресурсосбережения»³⁹.

беральной модели страны на протяжении многих лет, и даже кризисных 2014–2015 гг., не произошло. Приверженность либеральной модели только подтверждается. Соответственно, деградационные процессы, переходящие в кризисные, также обретают форму устойчивого типа процессов. Кадровая политика — предельно консервативна. Система рефлексии в управлении практически подавлена, управляющий центр оказался в построенной им самим ловушке недостоверной информации. Система исходных ценностей и целей, по-видимому, окончательно выдавила из своих перечней интересы страны в целом, большинства населения, устойчивости развития, позиционирования страны в мире, успешности в классическом наборе

³⁹ Абалкин Л.И. Стратегия и тактика социально-экономических реформ на современном этапе (выступление на пленарном заседании Первой российской научно-практической конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ», Вологда, 22–24 января 1997 г.).

целей развития страны... Таким образом, стал более определенным новейший исторический процесс, в который погружена Россия. Исходя из его качественного видения, неудивительными становятся наиболее вероятные по данным исследования консервативные варианты. Это сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития...»⁴⁰

Сбудутся ли эти пессимистические прогнозы экспертов или России удастся в полной мере реализовать все свои преимущества в конкурентной борьбе — первоочередной вопрос сегодняшней повестки дня, и **ключевым условием для его успешного решения является политическая воля Президента — главного ответственного за эффективность кадров в системе государственного управления.**

⁴⁰ Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии). — М.: Наука и политика, 2016. — С. 669-670.

Приложение

«Кадры решают все!».

Речь Сталина перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 года

Товарищи!

Нельзя отрицать, что за последнее время мы имели большие успехи как в области строительства, так и в области управления. В связи с этим слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях. Но не об этом я хотел бы говорить сегодня. Я хотел бы сказать несколько слов о кадрах, о наших кадрах вообще и в частности о кадрах нашей Красной Армии.

Вы знаете, что мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну. Разоренная четырьмя годами империалистической войны, повторно разоренная тремя годами гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонувшими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств, — вот какую страну получили мы в наследство от прошлого.

Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная. Вопрос стоял так: ЛИБО мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, ЛИБО мы ее не разрешим, и тогда наша страна — слабая технически и темная в культурном отношении — растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав.

Наша страна переживала тогда период жесточайшего голода в области техники. Не хватало машин для индустрии. Не было машин для сельского хозяйства. Не было машин для транспорта. Не было той элементарной технической базы, без чего немислимо индустриальное преобразование страны. Были только отдельные пред-

посылки для создания такой базы. Надо было создать первоклассную индустрию. Надо было направить эту индустрию на то, чтобы она была способна реорганизовать технически не только промышленность, но и сельское хозяйство, но и наш железнодорожный транспорт. А для этого надо было пойти на жертвы и навести во всем жесточайшую экономию, надо было экономить и на питании, и на школах, и на мануфактуре, чтобы накопить необходимые средства для создания индустрии. Другого пути для изживания голода в области техники не было. Так учил нас Ленин, и мы шли в этом деле по стопам Ленина.

Понятно, что в таком большом и трудном деле нельзя было ждать сплошных и быстрых успехов. В таком деле успехи могут обозначиться лишь спустя несколько лет. Необходимо было поэтому вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперед к великой цели, не допуская колебаний и неуверенности в своих рядах.

Вы знаете, что мы вели это дело таким именно образом. Но не у всех наших товарищей хватило нервов, терпенья и выдержки. Среди наших товарищей нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к отступлению. Говорят, что «кто старое помянет, тому глаз вон». Это, конечно, верно. Но у человека имеется память, и невольно вспоминаешь о прошлом при подведении итогов нашей работы. Так вот, были у нас товарищи, которые испугались трудностей и стали звать партию к отступлению. Они говорили: «Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей. Создание индустрии при нашей отсталости, да еще первоклассной индустрии — опасная мечта».

Конечно, мы могли бы 3 миллиарда рублей валюты, добытых путем жесточайшей экономии и истраченных на создание нашей индустрии, — мы могли бы их обратить на импорт сырья и усиление производства предметов широкого потребления. Это тоже своего рода «план». Но при таком «плане» мы не имели бы ни металлургии, ни машиностроения, ни тракторов и автомобилей, ни авиации и танков. Мы оказались бы безоружными перед внешними врагами. Мы подорвали бы основы социализма в нашей стране. Мы оказались бы в плену у буржуазии внутренней и внешней.

Очевидно, надо было выбирать между двумя планами: между планом отступления, который вел и не мог не вести к поражению социализма, и планом наступления, который вел и, как знаете, уже привел к победе социализма в нашей стране.

Мы выбрали план наступления и пошли вперед по ленинскому пути, оттерев назад этих товарищей как людей, которые видели кое-как только у себя под носом, но закрывали глаза на ближайшее будущее нашей страны, на будущее социализма в нашей стране.

Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того: они угрожали кое-кому из нас пулями. Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики, — люди особого покроя. Они забыли, что большевиков

не запугаешь ни трудностями, ни угрозами. Они забыли, что нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Они забыли, что чем сильнее беснуются враги и чем больше впадают в истерику противники внутри партии, тем больше накаляются большевики для новой борьбы и тем стремительней двигаются они вперед.

Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу.

Да, товарищи, мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации нашей страны. И теперь этот путь можно считать уже пройденным.

Теперь уже все признают, что мы добились на этом пути громадных успехов. Теперь все признают, что мы имеем уже мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающийся и идущий в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красную Армию.

Это значит, что мы изжили уже в основном период голода в области техники.

Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно.

Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства.

Техника без людей, овладевших техникой, мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших колхозах и совхозах, в нашей Красной Армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она теперь имеет.

Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой.

Вот почему старый лозунг «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все».

В этом теперь главное.

Можно ли сказать, что наши люди поняли и осознали полностью великое значение этого нового лозунга? Я бы этого не сказал.

В противном случае мы бы не имели того безобразного отношения к людям, к кадрам, к работникам, которое наблюдаем нередко в нашей практике.

Лозунг «кадры решают все» требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т.д.

А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно-бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам.

Этим, собственно, и объясняется, что вместо того, чтобы изучать людей и только после изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми, как пешками. Ценить машины и рапортовать о том, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках, научились. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рапортовали о том, сколько людей мы вырастили за такой-то период и как мы помогали людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе. Чем это объясняется? Объясняется это тем, что у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры.

Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «Как же так, остался?» — они с тем же равнодушием ответили: «Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить».

На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем, а вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу». Вот вам штрих, может быть, малозначительный, но очень характерный. Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком того странного отношения людей к людям, которое сказалось в только что рассказанном эпизоде в далекой Сибири.

Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры.

Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все».

Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, наша страна будет непобедима.

Не будет у нас таких кадров — будем хромать на обе ноги.

Заканчивая речь, разрешите провозгласить тост за здоровье и преуспевание наших академиков-выпускников по Красной Армии! Желаю им успеха в деле организации и руководства обороной нашей страны!

Товарищи! Вы окончили высшую школу и получили там первую закалку. Но школа — это только подготовительная ступень. Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей. Помните, товарищи, что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их.

Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры. А если наша армия будет иметь в достаточном количестве настоящие закаленные кадры, она будет непобедима.

За ваше здоровье, товарищи!

Источник: Невежин В.А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы.

Ильин В.А.

Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Significance of the Thesis “Cadres Decide Everything” as Applied to Modern Russia

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin — RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в апреле – июне 2017 г., а также в среднем за последние 6 опросов (август 2016 – июнь 2017 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 года представлена годовая динамика данных.

В июне 2017 г. по сравнению с апрелем уровень одобрения деятельности Президента РФ увеличился на 4 п.п. (с 64 до 68%). Это соответствует среднегодовому показателю за 2016 г. и является наиболее высоким уровнем поддержки главы государства за 1 полугодие 2017 г. При этом доля негативных оценок деятельности Президента за последние два месяца уменьшилась на 4 п.п. (с 23 до 19%).

Уровень поддержки деятельности Председателя Правительства РФ за последние два месяца существенно не изменился и составляет 48%, что ниже, чем в 2013 – 2016 гг. (49–52%).

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ остается стабильным. В апреле – мае 2017 г. по данным ВЦИОМ и Левада-Центра он составил 82% (доля негативных оценок – 12% по данным ВЦИОМ, 18% – по данным Левада-Центра).

Деятельность Председателя Правительства в апреле – мае 2017 г. одобряли 52–53% россиян по данным ВЦИОМ и 44–46% – по данным Левада-Центра.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsc.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	67,8	68,7	68,4	67,3	65,7	63,6	67,5	66,9	-1	+8	-8
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	18,8	19,6	19,7	19,3	21,1	23,6	19,3	20,4	+2	-5	+9
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	52,3	52,7	49,4	50,4	50,4	47,5	47,9	49,7	-3	-10	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	27,6	27,7	30,6	30,1	29,8	32,8	32,1	30,5	+3	+6	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	37,7	38,4	39,1	40,2	38,9	36,7	40,6	39,0	+1	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	39,3	40,0	39,3	38,5	37,8	41,1	38,9	39,3	0	+9	+17
* Вопрос задается с 2008 г.																

В апреле – июне 2017 г. незначительно (на 2–3 п.п.) улучшилась оценка успешности решения Президентом ключевых проблем страны:

- ✓ укрепления международных позиций России – с 52 до 55%;
- ✓ наведения порядка в стране – с 47 до 50%;
- ✓ защиты демократии и укрепления свобод граждан – с 37 до 39%;
- ✓ подъема экономики и роста благосостояния населения – с 26 до 29%.

Следует отметить, что по всем вышеперечисленным проблемам (кроме «наведения порядка в стране») отмечаются наиболее высокие оценки за период с августа 2016 по июнь 2017 г. (последние 6 опросов).

Вместе с тем по-прежнему вызывает тревогу уровень поддержки населением деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния. В июне 2017 г. он составил 29%, что ниже, чем в 2011–2015 гг. (30–34%), и значительно ниже, чем в 2007 году (47%). В два раза чаще люди высказывают неудовлетворенность по поводу решения Президентом материальных проблем населения, причем удельный вес разделяющих это мнение остается стабильным на протяжении последних 6 опросов (57–60%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	51,2	50,1	51,4	51,9	54,5	52,4	55,3	52,6	+1	+6	-6
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	29,9	30,3	28,8	31,1	26,5	27,7	25,8	28,4	-2	-5	+3
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	109,5	118,0	120,4	121,3	119,8	122,6	120,8	128,0	124,7	129,5	124,2	+3	+12	-9
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	49,2	50,0	49,7	50,2	49,5	47,3	49,9	49,4	0	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	36,7	35,1	35,6	36,7	36,8	38,8	35,8	36,5	0	-14	+2
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	91,9	108,9	112,3	112,6	115,4	114,1	113,5	112,7	108,5	114,1	113,1	0	+26	-6
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	36,6	36,7	35,7	36,2	38,6	36,8	39,1	37,2	+1	+5	-7
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	44,3	45,0	44,7	44,3	41,3	43,5	39,7	43,1	-1	-5	+6
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	80,8	92,1	99,0	92,3	91,7	91,0	91,9	97,3	93,3	99,4	94,1	+2	+10	-13
Подъём экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	27,2	26,7	26,4	27,2	26,1	25,8	28,5	26,8	0	-4	-20
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	59,4	60,4	60,9	61,1	59,1	57,3	57,2	59,3	0	+3	+20
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	74,5	81,4	81,8	67,8	66,3	65,5	66,1	67,0	68,5	71,3	67,5	0	-7	-41

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенно не изменилась. Уровень поддержки «Единой России» составляет 32–34% (что ниже, чем в 2015 г. – 39%), ЛДПР – 11%, Справедливой России – 4-5%. Незначительно увеличилась доля людей, чьи интересы выражает КПРФ (на 3 п.п., с 6 до 9%). При этом заметно снизился удельный вес жителей, считающих, что ни одна из основных политических сил не отражает их интересы (на 6 п.п., с 35 до 29%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	2011		2013		2014		2015		2016		Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...						
		Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт		2016	2011	2007				
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	35,4	38,0	36,5	36,3	34,5	33,9	31,8	33,8	34,5	-1	+3	+4
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	10,4	21,9	10,5	12,8	13,9	10,2	10,7	11,1	11,5	+1	+4	+4
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	8,3	14,2	7,5	9,0	8,7	7,2	6,2	8,5	7,9	0	-2	+1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	4,2	10,8	4,7	6,1	4,9	4,3	4,8	5,1	5,0	+1	-1	-3
Другая	1,8	-	1,9	-	0,6	0,3	0,2	0,3	-	0,4	0,3	0,3	0,1	0,5	0,3	0,3	0	-2	-1
Никакая	17,8	-	29,4	-	34,9	34,4	31,8	29,4	-	26,1	23,7	30,1	30,7	34,8	29,1	29,1	0	0	+11
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	10,2	11,7	12,2	12,0	-	14,3	11,8	7,7	13,6	11,2	12,1	11,8	0	-1	-9

За последние два месяца оценки социального самочувствия населения существенно не изменились. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, составляет 69–71%; удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – 77–79%.

Положительные изменения отмечаются в самооценке уровня доходов. Так, в апреле – июне 2017 г. доля людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», уменьшилась на 4 п.п. (с 47 до 43%, что является самым низким показателем за последние 6 опросов и за период с 2011 по 2016 г.

Вместе с оценкой текущего материального положения улучшились и прогнозы населения относительно перспектив экономической ситуации в стране и своего личного благосостояния: индекс потребительских настроений увеличился на 3 пункта (с 81 до 84 п.), что также является лучшим значением за последние 6 опросов.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	68,8	70,2	70,4	67,2	68,6	71,0	69,4	+1	+6	+6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	26,2	25,8	24,3	26,1	28,5	25,5	23,2	25,6	-1	-3	-2
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	78,3	79,5	81,1	78,2	77,3	78,7	78,9	+1	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	15,6	15,5	14,9	14,9	16,1	16,4	14,8	15,4	0	0	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	42,1	43,2	42,3	43,7	42,5	42,8	43,5	43,0	+1	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	49,0	49,5	48,9	47,4	47,2	47,3	43,2	47,3	-2	+3	+5
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	79,4	80,8	79,4	82,0	80,8	84,3	81,1	+3	-8	-25

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Улучшение социального настроения за последние два месяца произошло в 6 социально-демографических категориях. Прежде всего, следует отметить рост доли положительных оценок среди людей старше 55 лет (на 7 п.п., с 60 до 67%), людей с высшим образованием (на 6 п.п., с 72 до 78%), а также среди людей, по самооценке доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (на 9 п.п., с 49 до 58%).

Ухудшение оценок социального настроения в апреле – июне отмечается только в одной группе (хотя весьма существенное) – среди людей в возрасте до 30 лет (на 5 п.п., с 81 до 76%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	68,8	67,3	71,6	73,3	66,9	67,6	72,5	69,9	+1	+5	+4
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	67,4	70,0	69,0	68,1	67,4	69,4	69,9	69,0	+2	+7	+7
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	76,4	74,5	76,3	80,8	70,9	80,5	75,4	76,4	0	+6	+5
30–55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,4	67,1	68,9	71,8	66,7	70,1	72,0	69,4	2	+7	5
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	64,0	67,7	68,3	62,8	65,8	60,4	67,4	65,4	+1	+7	+11
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	62,1	61,7	64,7	62,8	61,4	64,9	65,8	63,6	+1	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	68,4	68,5	72,1	72,7	67,7	69,3	70,2	70,1	+2	+6	+5
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	74,3	76,8	74,6	76,9	73,1	71,7	78,0	75,2	+1	+7	+7
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	52,5	56,3	55,5	57,5	44,6	49,1	57,1	53,4	+1	+8	+2
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	69,4	70,4	71,8	70,7	70,8	70,6	72,9	71,2	+2	+6	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	80,9	78,5	79,3	83,5	86,3	79,9	81,3	81,5	+1	+6	+7
Территории																
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	69,9	69,2	71,0	73,6	67,9	70,6	74,0	71,1	+1	+4	+8
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,7	74,0	72,7	74,0	73,7	74,1	76,1	74,1	+2	+3	+6
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	64,8	65,7	68,1	66,6	63,1	64,3	66,6	65,7	+1	+9	+4
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	68,8	70,1	70,4	67,2	68,6	71,1	69,4	+1	+6	+6

Ощутимое улучшение социального настроения среди людей старше 55 лет, лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, а также среди тех, кто по самооценке доходов относится к 20% наименее обеспеченных жителей области, требует более детального анализа. Основываясь на общероссийских исследованиях и комментариях экспертов из ВЦИОМ и Левада-Центра, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, резкое улучшение социальных настроений в мае 2017 г. среди людей старше 55 лет может быть связано с **резко возросшим интересом к празднованию Дня Победы**. По данным Левада-Центра праздновать День Победы 9 мая 2017 г. собирались 76% россиян, и это самый высокий показатель за период с 2000 по 2017 г. (для сравнения: в 2015 году – 65%, в 2016 г. – 63%²). Рост ажиотажа вокруг одного из главных национальных праздников (особенно для людей старшей возрастной категории) может быть связан, в свою очередь, с апрельскими событиями, среди которых главным оказался теракт в Санкт-Петербурге (так отметили 55% россиян. Для сравнения: следующим по значимости для людей стали такие события, как Пасха (28%), рост цен (20%), возобновление военных действий на Донбассе (14%)³).

Во-вторых, рост позитивных настроений в июне 2017 г. среди людей с высшим образованием (которые, чаще по сравнению с другими категориями населения интересуются политической и экономической жизнью в стране и за ее пределами) также нельзя рассматривать вне контекста апрельских событий. **На них могли повлиять информационные сообщения в СМИ**, в частности о положении дел на международной арене. Так, эксперты ВЦИОМ отмечают, что «апрель действительно был сложным временем для российского общества: он начался с теракта в питерском метро и прошел на фоне напряженности вокруг Сирии, Северной Кореи и Евровидения. Май же был хоть и сложным, но все же более спокойным и оптимистичным периодом: День Победы, отсутствие признаков роста цен и снижения курса рубля... Это и позволило в итоге показателям соцсамочувствия отыграть апрельские потери»⁴. «В условиях, когда давление неблагоприятных обстоятельств оказывается затяжным, общественное сознание готово жадно впитывать любые позитивные новости. В последние месяцы их было немало: наметившийся рост промышленного производства и ВВП в целом, укрепление рубля (общество воспринимает его как свидетельство экономического роста), стремительный спад напряженности вокруг Сирии и Северной Кореи и т.п. Все эти факторы стимулируют эмоциональный подъём»⁵.

В-третьих, среди низкодоходных категорий населения улучшение социального настроения в первой половине года, скорее всего, носит «**сезонный**» характер. Он связан с появлением возможности использовать дополнительные источники поддержания уровня жизни и удовлетворения психологической потребности в занятости и досуге (обе – связаны с приближением и началом дачного сезона). Соответствующая тенденция отмечалась и в 2015 г., и в 2016 г., хотя резкий рост позитивных эмоций наблюдался не в июне, а в апреле (в 2015 г. – с 38 до 56%, в 2016 г. – с 43 до 51%). В 2017 г. «скачок» позитивных эмоций произошел чуть позже (в июне, с 49 до 57%), и это может быть связано как с терактами в Санкт-Петербурге, так и с аномально холодным и дождливым климатом в весенне-летний период, который поставил под угрозу урожайность всего дачного сезона.

² Празднование Дня Победы [Эл. рес.] // Пресс-выпуск Левада-Центра от 05.05.2017. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2017/05/05/deklaratsii-o-dohodah-chinovnikov/>

³ Запомнившиеся события [Эл. рес.] // Пресс-выпуск Левада-Центра от 28.04.2017. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2017/04/28/zapomnivshiesya-sobytiya-10/>

⁴ Социальное самочувствие россиян: мониторинг [Эл. рес.] // Официальный сайт ВЦИОМ. – Пресс-выпуск №3398 от 19.06.2017. – Режим дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116274>

⁵ Счастье есть! [Эл. рес.] // Официальный сайт ВЦИОМ. – Пресс-выпуск №3362 от 26.04.2017. – Реж. дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116179>

Доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», в отдельных социально-демографических категориях населения (ретроспективный анализ; в % от числа опрошенных)

Категории населения	2015 г.			Изменение + / –		2016 г.			Изменение + / –		2017 г.			Изменение + / –	
	Фев.	Апр.	Июн.	Апр. к фев.	Июн. к апр.	Фев.	Апр.	Июн.	Апр. к фев.	Июн. к апр.	Фев.	Апр.	Июн.	Апр. к фев.	Июн. к апр.
Старше 55 лет	60,7	63,7	65,9	+3	+2	61,5	63,7	59,8	+2	-4	65,8	60,4	67,4	-5	+7
Высшее и н/высшее	65,8	73,1	70,6	+7	-3	72,9	71,5	73,3	-1	+2	73,1	71,7	78,0	-1	+6
20% наименее обеспеченных	38,3	55,6	57,1	+17	+2	42,6	51,3	52,0	+9	+1	44,6	49,1	57,1	+5	+8

Заключение

Таким образом, по результатам социологического опроса, проведенного в июне 2017 года, в динамике общественного мнения отмечаются отдельные, весьма существенные, позитивные изменения. В первую очередь они касаются улучшения самооценки доходов (снижение доли «бедных и нищих»), роста оптимистических ожиданий относительно уровня жизни (увеличение индекса потребительских настроений), а также улучшения социального настроения в некоторых социально-демографических категориях (среди людей старше 55 лет; лиц с высшим образованием; 20% наименее обеспеченных).

Анализ показывает, что рост позитивных настроений в июне нельзя рассматривать отдельно от апрельских событий, запомнившихся, прежде всего, терактом в Санкт-Петербурге. Эксперты ВЦИОМ, комментируя рост социальных настроений, который был зафиксирован ими в мае 2017 г., говорили о сочетании двух факторов: с одной стороны, относительно спокойная ситуация на международной политической арене; с другой стороны, укрепление курса рубля, что воспринимается обществом «как показатель экономического роста»⁶.

Вместе с тем нельзя сказать, что в оценках экспертов ВЦИОМ преобладают оптимистические ожидания. Скорее их следует назвать «осторожными». Так, руководитель Департамента исследований ВЦИОМ С. Львов отмечает, что, «получая сигналы об изменении маркеров социального самочувствия, все-таки следует дожидаться показателей следующей волны исследования, вместо того, чтобы делать вывод о том, что этот тренд является устойчивым и долгосрочным. Часто оказывается, что сумма факторов, таких как актуализированные страхи, резонансные события, скачки цен, общий информационный фон и т.п., сиюминутно «гнут» линию тренда социального самочувствия в ту или иную сторону»⁷.

«Экономика продолжает оставаться главным фактором обеспокоенности наших сограждан... Это выраженная тенденция, отражающая специфику «солидарной» реакции нашего общества на текущий кризис (экономика не избавляется от «лишних», а снижает доходы

⁶ Социальное самочувствие россиян: мониторинг [Эл. рес.] // Официальный сайт ВЦИОМ. – Пресс-выпуск №3398 от 19.06.2017. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116274>

⁷ Там же.

«всех»)»⁸. Не случайно и Президент в ходе ежегодной «прямой линии» начал свое общение с народом «с центрального вопроса: закончился ли экономический кризис?», «с проблем, которые не решены и которые являются наиболее острыми... У нас снизились реальные доходы граждан за последние несколько лет, и что особенно тревожно — это то, что увеличилось количество людей, живущих за чертой бедности, получающих доходы ниже прожиточного минимума»⁹.

Следует отметить, что традиционно свою роль играет и «сезонный» фактор. По крайней мере, ретроспективный анализ динамики общественного мнения показывает, что он мог повлиять на улучшение социального настроения самой социально уязвимой категории населения — людей, по самооценке доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области. Эксперты ВЦИОМ отмечают: «Не стоит забывать, что основными «генераторами» счастья продолжают оставаться факторы личной жизни. **Это говорит о том, что люди продолжают уходить во «внутренний мир» семьи, в меру сил отвлекаясь от проблем «внешнего мира», которые продолжают восприниматься ими как весьма болезненные»¹⁰.**

Таким образом, вести речь о том, что позитивные изменения, отмечаемые в динамике общественного мнения в июне 2017 г., станут устойчивой тенденцией, пока преждевременно. Настоящей «проверкой» станут осенние месяцы, когда заканчивается дачно-отпускной период, ухудшаются климатические условия и традиционно происходит увеличение тарифов ЖКХ. Именно в это время можно будет с большей долей вероятности говорить о том, что изменения в динамике общественного мнения отражают эффективность деятельности органов власти по поддержанию материального положения широких слоев населения и социальной защите «уязвимых» категорий.

---

⁸ Навстречу «Прямой линии с Владимиром Путиным»: актуальные проблемы, беспокоящие россиян [Эл. рес.] // Официальный сайт ВЦИОМ. — Пресс-выпуск №3396 от 15.06.2017. — Реж. дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116269>

⁹ Стенограмма прямой линии с В. Путиным 15.06.2017 [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента. — Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/news/54790>

¹⁰ Навстречу «Прямой линии с Владимиром Путиным»: актуальные проблемы, беспокоящие россиян [Эл. рес.] // Официальный сайт ВЦИОМ. — Пресс-выпуск №3396 от 15.06.2017. — Реж. дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116269>

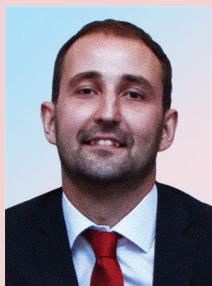
СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.2

УДК 338.45(470.12), ББК 65.305.02(2Рос-4Вол)

© Лукин Е.В.

О роли межотраслевого баланса в государственном регулировании экономики*

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: lukin_ev@list.ru

Аннотация. 30 марта 2017 г. в России произошло знаковое событие – Росстат опубликовал базовый межотраслевой баланс (МОБ) по экономике страны за 2011 г. и таблицы ресурсов и использования продукции за 2012–2014 гг. Этого события экономисты ждали более 20 лет. Последний МОБ был сформирован за 1995 г. В статье обобщены теоретические основы межотраслевого баланса и методологические подходы к его построению. Показано, что межотраслевой баланс является основой для государственного регулирования экономики промышленно развитых стран мира. Оценена ситуация с наличием статистической информации, необходимой при построении таблиц «затраты – выпуск» для российской экономики. Выделены возможные направления использования межотраслевых балансов в государственном регулировании экономики. Обосновано, что в МОБ представлены все ключевые макроэкономические показатели страны (региона) как в отраслевом, так и в народнохозяйственном разрезе. Установлено, что это важный аналитический инструмент, применяемый в исследовании межотраслевых взаимодействий в экономике, структурном анализе широкого спектра показателей (структуры производства, формирования ресурсов, цен покупателей, промежуточного потребления, использования товаров и услуг,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00136 «Анализ и прогнозирование развития региональной социально-экономической системы на основе применения межотраслевых балансов».

Для цитирования: Лукин, Е.В. О роли межотраслевого баланса в государственном регулировании экономики / Е.В. Лукин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 41-58. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.2

For citation: Lukin E.V. About the role of input-output balance in government regulation of the economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol.10, no. 3, pp. 41-58. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.2

добавленной стоимости и др.). Он позволяет анализировать обмен продукцией в текущем производственном (промежуточном) потреблении и продукцией, поступающей в конечное потребление. Помимо исследования структуры экономики, межотраслевой баланс дает возможность рассчитывать важные народнохозяйственные и отраслевые пропорции. На основе МОБ также можно рассчитать показатели экономической эффективности по отдельным отраслям и всему народнохозяйственному комплексу (производительность труда, фондоотдача, рентабельность). Для всех рассмотренных направлений приведены соответствующие практические примеры. Показано, что значимую часть в межотраслевых исследованиях занимают варианты и прогнозные расчеты. С помощью межотраслевых моделей можно проводить варианты расчеты состояния экономики с учетом изменений как со стороны личных и общественных потребностей, так и со стороны производственных возможностей. Представлены результаты вариантов расчетов развития экономики с использованием МОБ российских и зарубежных исследователей. Обосновано ключевое отличие прогнозных расчетов от вариантов, заключающееся в использовании динамических матриц коэффициентов прямых затрат. Систематизированы основные методы прогнозирования коэффициентов прямых затрат. Обобщены виды межотраслевых социально-экономических прогнозов (демографические, социальные и экологические прогнозы, прогнозы динамики и структуры производства, развития отдельных отраслей, освоения природных ресурсов и др.). Сделан вывод, что использование аналитических и прогностических возможностей межотраслевого баланса дает прочную основу для государственного регулирования экономики.

Ключевые слова: межотраслевой баланс, государственное регулирование экономики, анализ, моделирование, прогнозирование.

Одна из фундаментальных проблем, свойственных российской экономике, — слабая, неэффективная система управления социально-экономическими процессами, результатом функционирования которой является низкий уровень социально-экономического развития и отставание от зарубежных стран по конкурентоспособности, уровню инновационной активности и благосостоянию населения.

Современная экономика характеризуется сложной отраслевой структурой. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (ОКВЭД 2), введенный в действие с 01.02.2014, содержит более 2600 группировок [18]. Отрасли активно взаимодействуют друг с другом, осуществляя производство и распределение продукции, используя основные фонды и рабочую силу; происходит перераспределение доходов.

Учет этих процессов имеет большое значение для выработки управленческих воздействий. Регулирование экономики должно опираться на методологию, позволяющую заглянуть внутрь этого «черного ящика», исследовать его внутреннюю структуру. Для анализа основных межотраслевых связей, структурных сдвигов и пропорций в экономике, оценки последствий реализации управляющих воздействий и их эффективности, а также выявления факторов и условий развития целесообразно использовать методологию межотраслевого баланса.

Целью исследования является систематизация направлений использования межотраслевого баланса в государственном регулировании экономики. Для достижения цели, с опорой на фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых, решены следующие задачи: обобщены

теоретико-методологические основы построения межотраслевого баланса, содержательно раскрыта его структура. При этом прослежен опыт разработки таблиц МОБ и эволюция их практического использования в разных странах.

Межотраслевой баланс (таблицы «затраты – выпуск») представляет собой совокупность взаимосвязанных экономических показателей, подробно характеризующих производство и использование товаров и услуг, а также доходы, полученные в процессе производства в разрезе детализированных видов экономической деятельности, продуктов и услуг [15].

Схема МОБ содержит три квадранта (рис. 1). Первый квадрант, включающий промежуточное потребление, показывает стоимость всех товаров и рыночных услуг, потребленных в производственных целях. Во втором квадранте представлено конечное использование товаров и услуг, валовое накопление и экспорт товаров и услуг. Третий квадрант содержит стоимостную структуру валовой добавленной стоимости (ВДС). Важными стоимостными компо-

нентами ВДС (по строкам) являются оплата труда наемных работников, валовая прибыль, валовой смешанный доход, налоги и субсидии, связанные с производством, потребление основного капитала, налоги и субсидии на продукты.

Теоретические основы межотраслевого баланса были разработаны В.В. Леонтьевым. В 1930-х гг. он успешно реализовал этот метод при построении первых таблиц «затраты – выпуск» для США за 1919 и 1929 гг. по 44 отраслям экономики [21]. К середине 1950-х гг. идеи В.В. Леонтьева приобрели мировое признание, регулярные таблицы «затраты – выпуск» стали разрабатываться для США, Франции, Нидерландов, Норвегии, Австралии.

В отечественной практике метод впервые был полномасштабно реализован в межотраслевом балансе производства и распределения продукции в народном хозяйстве СССР за 1959 г. Базовые (т.е. сформированные на основе прямых обследований производства и потребления) МОБ разрабатывались в дальнейшем регулярно каждые 5 лет: за 1966, 1972, 1977, 1982, 1987 гг.

Рисунок 1. Схема межотраслевого баланса

Отрасли и ВДС			Промежуточный спрос						Конечный спрос		
			Отрасли-потребители						Конечное потребление	Накопление	Чистый экспорт
			1	2	3	4	5	6			
Отрасли-производители	Сельское хозяйство	1	I квадрант						II квадрант		
	Добыча	2									
	Промышленность	3									
	Строительство	4									
	Торговля	5									
	Транспорт и связь	6									
	Услуги	7									
	Прочее	8									
ВДС	Заработная плата		III квадрант								
	Предпринимательская прибыль										
	Налоги										

Источник: составлено автором на основе [14].

В настоящее время роль методологии МОБ, представляющей мощное средство количественного анализа взаимосвязей в реальной экономике, давно признана в большинстве стран мира [42]. Разработка таблиц «затраты – выпуск» стала частью регулярной работы статистических агентств в государствах, правительства которых желают проводить осмысленную промышленную и региональную политику [13]. Оценки таблиц «затраты – выпуск», выполненные на официальном и неофициальном уровнях, с разной периодичностью и разным качеством, существуют для 94-х из 193 стран, входящих в ООН [44]. При этом ведущие 20 стран (на которые приходится около 80% мирового ВВП) выпускают эти таблицы на регулярной основе силами государственных органов статистики.

В развитых странах таблицы «затраты – выпуск» давно встроены в систему национальных счетов (еще с 1968 г. в соответствии с рекомендациями руководства ООН по национальному счетоводству SNA-68; *табл. 1*). Так, например, в США годовые таблицы «затраты – выпуск» по 71 виду продуктов за 1947–2015 гг. находятся в открытом доступе на сайте Бюро экономического анализа (за 2007 г. доступны базовые таблицы по 389 продуктам). Разработка таких таблиц является обязательным элементом статистической базы для стран-членов Евросоюза. Эти таблицы разрабатываются в Японии, Китае, Канаде, ряде других стран (в т.ч. Украине, Беларуси и Казахстане). Для реализации крупных исследовательских задач (оценка распространенности технологий, выбросов углекислого

Таблица 1. Разработчики таблиц «затраты – выпуск»

Страна	Институт/организация	Доступный архив	Режим доступа
Германия	Federal Statistical Office	1999–2015	https://www.destatis.de/EN/Publications/Specialized/Nationalaccounts/NationalAccounts.html
Франция	France's National Institute for Statistics and Economic Studies	2005, 2010	http://www.bdm.insee.fr/bdm2/choixTheme?code=1#arbo:montrerbranches=theme1/theme2/theme145/theme343
Великобритания	Office for National Statistics	1997–2014	http://www.ons.gov.uk/ons/taxonomy/index.html?nscl=Supply+and+Use+Tables#tab-data-tables
Канада	Statistics Canada	1980–2015	http://www5.statcan.gc.ca/subject-sujet/result-resultat?pid=3764&id=2745&lang=eng&type=ARRAY&sortType=1&pageNum=1&more=0
США	Bureau of Economic Analysis	1947–2015	http://bea.gov/industry/io_annual.htm
Япония	Statistics Bureau	1990, 1995, 2000, 2005, 2011	http://www.soumu.go.jp/english/dgpp_ss/data/io/io05.htm
Евросоюз	Eurostat	1990–2015	http://ec.europa.eu/eurostat/data/database
Россия	Росстат	1998–2003, 2011–2014	http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135086739625
	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	1980–2013	http://macroforecast.ru/statistics.html
Международные организации	World Input-Output Database (WIOD)	2000–2014	http://www.wiod.org/new_site/database/niots.htm
	Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)	1995–2011	http://www.oecd.org/trade/input-outputtables.htm
	Global Trade Analysis Project (GTAP)	1993–2015	https://www.gtap.agecon.purdue.edu/databases/default.asp

газа, глобальных цепочек создания добавленной стоимости) базы данных таблиц «затраты – выпуск» создаются и международными организациями (WIOD, OECD, GTAP).

В России последние опубликованные Росстатом таблицы «затраты – выпуск» относятся к 2003 г. Данные в них агрегированы в 24 вида продуктов (промышленность представлена 13 видами). Тем не менее, несмотря на такую высокую степень агрегации, таблицы дают информацию о важнейших пропорциях производства и потребления в российской экономике, согласованную с системой национальных счетов. Однако после 2006 г. перестали разрабатываться даже такие агрегированные таблицы «затраты – выпуск».

Это вынудило исследовательские организации (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Институт макроэкономических исследований и др.) проводить экспериментальные оценки таблиц «затраты – выпуск». Результаты таких оценок получаются разные, однако ни подтвердить, ни опровергнуть их невозможно [15]. Реальную картину «внутреннего устройства» экономики, в том числе уточнение параметров ненаблюдаемой экономической деятельности по ее видам, может дать только разработка базовых таблиц «затраты – выпуск» по развернутой схеме на основе крупномасштабного обследования российской экономики.

14 февраля 2009 г. вышло Распоряжение Правительства РФ № 201-р, которое предписало Росстату «в целях формирования официальной статистической информации о межотраслевых связях и структурных пропорциях экономики Российской Федерации, а также повышения качества

статистических и прогнозных расчетов макроэкономических показателей» разработать базовые таблицы «затраты – выпуск» за 2011 г. и в 2015 г. представить их в Правительство РФ, а также осуществлять разработку базовых таблиц «затраты – выпуск» на регулярной основе один раз в 5 лет [17]. Во исполнение этого распоряжения Росстатом было организовано обследование затрат в российской экономике и разработаны базовые таблицы «затраты – выпуск» за 2011 г. В конце марта 2017 г. материалы были опубликованы в открытом доступе. Разработка следующего базового межотраслевого баланса, за 2016 г., стартовала в прошлом году. Можно утверждать, что работа по регулярному созданию российских таблиц «затраты – выпуск» после трудностей 1990-х налажена. У научной общественности и органов государственной власти появился надежный источник информации для проведения широкого круга межотраслевых исследований.

Проблемам практического применения МОБ посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. Среди них можно выделить В.В. Леонтьева, Э.Ф. Баранова, А.Г. Гранберга, М.Н. Узькова, Ю.В. Яременко, В.С. Немчинова, А.Г. Аганбегяна, В.С. Дадаева, В.В. Коссова, М.Я. Лемешева, Л.И. Данченко, В.Л. Вена, Э.Б. Ершова, В.Я. Лумельского, И.Н. Рабиновича, Л.А. Хиацера, Б.А. Щенникова, А.И. Эрлиха и др., а также зарубежных экономистов, таких как А. Гош, Н. Расмуссен, Р. Стоун, В.Д. Фишер, М. Хольцман, К. Масаки, Я. Моримота, Х. Нейдекер, В. Стрнад, Х. Тейл, М. Хатанака, И. Ямада и др.

Весь спектр направлений применения МОБ в экономических исследованиях можно условно разграничить на 2 блока: аналитические и модельные (вариантные и прогнозные) расчеты (рис. 2).

Рисунок 2. Направления применения МОБ

Аналитические расчеты	
1. Анализ абсолютных показателей 2. Анализ межотраслевых связей 3. Структурный анализ 4. Исследование основных пропорций 5. Анализ экономической эффективности	
Модельные расчеты	
1. Вариация структуры личного и общественного потребления 2. Вариация структуры накопления 3. Вариация ввоза и вывоза 4. Вариация валовых выпусков отраслей 5. Другие вариации	1. Динамика коэффициентов прямых и полных затрат 2. Динамика валовых выпусков отраслей 3. Динамика трудовых ресурсов и капитальных вложений 4. Динамика доходов и расходов населения

Аналитические расчеты

В межотраслевом балансе представлены все основные *макроэкономические показатели* (в том числе по видам экономической деятельности и институциональным секторам):

- валовой выпуск;
- промежуточное потребление;
- валовая добавленная стоимость;
- конечное потребление (домашних хозяйств и государства);
- валовое накопление;
- изменение запасов материальных оборотных средств;
- ввоз и вывоз;
- фонд оплаты труда;
- валовая прибыль и валовой смешанный доход;
- налоги (НДС, акцизы, таможенные пошлины и прочие) и др.

Анализ перечисленных показателей имеет большое практическое значение и широко применяется в экономических исследованиях [4, 9, 11, 12, 19, 34, 36, 47, 48, 50, 51, 53]. На их основе возможны динамические и межрегиональные сравнения, расчеты различных относительных показателей.

МОБ является важным аналитическим инструментом для *исследования межотраслевых взаимодействий в экономике*. Он позволяет анализировать обмен продукцией в текущем производственном (промежуточном) потреблении (I квадрант) и продукцией, поступающей в конечное потребление (II квадрант).

Анализ проводится на основе коэффициентов прямых¹ и полных² затрат, характеризующих структуру материальных затрат по отдельным отраслям. Величина полных затрат, т.е. индуцированного за счет межотраслевых связей дополнительного выпуска, оказывается тем выше, чем интенсивнее связи в экономике. Например, прямые затраты на производство 1000 руб. черных металлов составляют 671 руб., полные затраты, учитывающие межотраслевые взаимодействия, – 1447 руб.

¹ Коэффициенты прямых затрат – отраслевые показатели, выражающие непосредственные затраты продукции одной отрасли на производство продукции другой отрасли.

² Коэффициенты полных затрат – народнохозяйственные показатели, характеризующие как прямые, так и косвенные затраты одной отрасли на производство продукции другой отрасли, т.е. учитывающие народнохозяйственный оборот сырья и материалов по всей цепочке технологических связей.

Вопросы анализа межотраслевых связей находят отражение в трудах многих исследователей. Например, Й. Рихтер оценивает влияние роста туристических расходов на экономику Австрии [54], Л. Бейритц – зависимость расходов на научные исследования от объемов внешней торговли автомобилями и фармацевтическими товарами с крупнейшими торговыми партнерами – США и Китаем [24].

МОБ также позволяет проводить структурный анализ по широкому кругу показателей экономики:

- структура производства в отраслях экономики;
- структура формирования ресурсов товаров и услуг;
- структура цен покупателей по видам товаров и услуг;
- продуктовая структура промежуточного потребления;
- отраслевая структура промежуточного спроса (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);
- структура использования товаров и услуг (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);

- функциональная структура конечного спроса (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);

- продуктовая структура функциональных элементов конечного спроса (в том числе с разбивкой на отечественные и импортные товары и услуги);

- поэлементная структура добавленной стоимости по отраслям экономики;

- отраслевая структура элементов добавленной стоимости;

- продуктовая структура затрат отечественных и импортных товаров и услуг.

Примеры структурного анализа с использованием МОБ можно найти в трудах многих исследователей. Например, работы Р. Паницца посвящены структурному анализу экономики Италии на региональном уровне [23], Д. Найхуса – анализу структурных изменений в системе воспроизводства, показателей энергоемкости и экологического ущерба для китайской экономики [27], А. Широва – проблемы структурных изменений в народном хозяйстве России [37].

Помимо исследования структуры экономики, межотраслевой баланс дает возможность рассчитывать важные *народно-хозяйственные и отраслевые пропорции* (табл. 2).

Таблица 2. Показатели, характеризующие народнохозяйственные и отраслевые пропорции

Характеристика показателя	Расчетная формула
Соотношение потребляемой и производимой продукции	R/X
Соотношение ресурсов и производства продукции	N/X
Соотношение ресурсов и потребления	R/N
Удельный вес ввоза в совокупном внутреннем потреблении	I/R
Удельный вес местного производства в обеспечении потребления продукции	$(R - I)/R$
Удельный вес вывоза в общем объеме производства	W/X
Удельный вес вывоза в общем объеме ресурсов	W/N
Удельный вес добавленной стоимости в валовом выпуске	M/X
Удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции	$C/(C + V + A)$
Удельный вес амортизации в себестоимости продукции	$A/(C + V + A)$
Удельный вес оплаты труда в себестоимости продукции	$V/(C + V + A)$
Условные обозначения: X – валовой выпуск; Y – объем произведенного конечного продукта; W – объем вывоза; I – объем ввоза; R – объем потребления ($R = X - W + I$); N – объем ресурсов ($N = X + I$); C – материальные затраты; A – потребление капитала (амортизация); V – фонд оплаты труда; M – валовая добавленная стоимость; S – фонд накопления.	

На основе МОБ можно рассчитать также показатели *экономической эффективности* по отдельным отраслям и всему народнохозяйственному комплексу, такие как производительность труда, фондоотдача, рентабельность (табл. 3).

Примеры оценки эффективности экономики на основе данных МОБ можно найти в работах Л. Сафиуллиной (оценка конкурентоспособности российских реги-

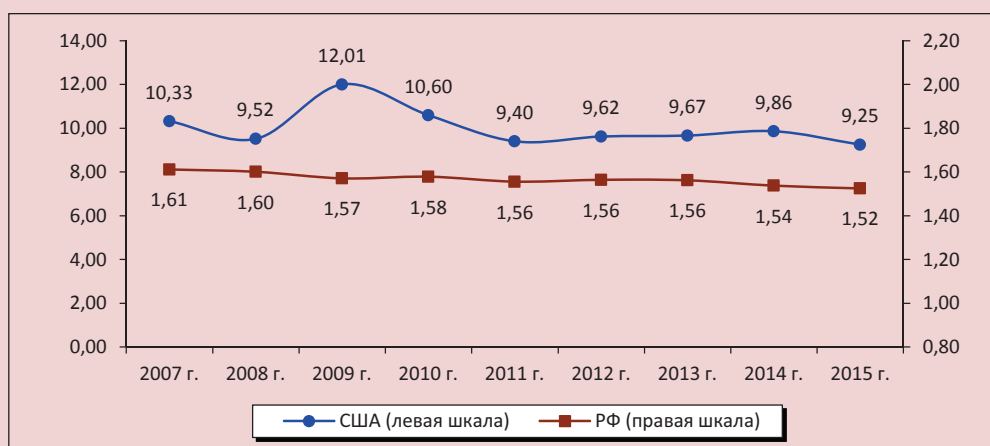
онов [22]), М. Грассини (оценка эффективности экономики Италии и отдельных ее отраслей [45]).

Мы использовали методологию межотраслевого баланса для расчета мультипликатора добавленной стоимости³, показателя, характеризующего технологичность экономики и глубину переработки сырьевых ресурсов (рис. 3) [11, 12]. Кроме того, эта методология является основой для

Таблица 3. Показатели, характеризующие эффективность народнохозяйственного комплекса и отдельных отраслей

Характеристика показателя	Расчетная формула
Материальные затраты на рубль валовой продукции, руб.	C/X
Производительность труда, руб./чел.:	
– по валовой продукции	X/L
– по произведённому продукту	$(Y - A)/L$
Фондоотдача, руб./руб.:	
– по валовой продукции	X/F
– по произведённому продукту	$(Y - A)/F$
Рентабельность, %:	
– по себестоимости	$M/(C + V) \cdot 100\%$
– по среднегодовой стоимости основных производственных фондов	$M/F \cdot 100\%$
– по сумме стоимостей потреблённого капитала и труда	$M/(A + V) \cdot 100\%$
Условные обозначения: L – количество занятых в отраслях экономики; F – среднегодовая стоимость основных производственных фондов; M – прибыль.	

Рисунок 3. Динамика мультипликатора добавленной стоимости в экономике РФ и США

Источник: рассчитано автором на основе [16, 46].

³ Данный показатель исчисляется отношением совокупной величины товарной массы к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот, и рассчитывается по официальным данным о детализированной разработке счета производства СНС.

проектирования вертикальной интеграции предприятий – ключевого инструмента повышения мультипликатора добавленной стоимости в экономике.

Аналитические возможности, предоставляемые МОБ, обусловили его активное применение в практике экономического анализа. В фундаментальной монографии по межотраслевому балансу Р.Е. Миллера и П.Д. Блэйра [49] отмечается, что в настоящее время межотраслевой анализ служит одним из наиболее широко применяемых в экономике методов. Его использование позволяет производить анализ абсолютных показателей, межотраслевых связей, структуры и основных пропорций экономики, ее экономической эффективности.

Модельные расчеты

Таблицы «затраты – выпуск» довольно легко «превращаются» в экономико-математическую модель. Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор валового выпуска продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В моделировании используется уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

Использование межотраслевой модели даже в простейшей ее форме позволяет выполнять вариантные расчеты состояния экономики с учетом изменений как со стороны личных и общественных потребностей, так и со стороны производственных возможностей. То есть с помощью этой модели можно использовать две гипоте-

зы вариантов развития экономики. Первая заключается в том, что конечный продукт (конечный спрос) является фактором развития отраслей экономики (что будет с экономикой, если изменить конечный спрос). Вторая (обратная) гипотеза предполагает, что динамика отраслевого производства определяет рост конечного продукта (что будет с экономикой, если изменить объемы производства товаров и услуг). Модельные расчеты ориентированы на достижение определенных конечных результатов в производственной (увеличение или сокращение объемов производства) и в социальной (повышение уровня жизни) сферах. Конечно, на практике используются более сложные модели, но общий их смысл при этом остается прежним – они позволяют взаимоувязать множество разнообразных экономических показателей.

При наличии в таблицах дополнительной строки, характеризующей затраты труда на единицу выпуска по отдельным продуктам, появляется возможность рассчитать полную потребность в трудовых ресурсах, которая возникает при увеличении конечного спроса на отдельные виды продуктов, учитывая не только прямые затраты, но и косвенные, индуцированные в смежных отраслях [15]. Не менее актуальна и противоположная по содержанию задача: определить, насколько сократится совокупная потребность в рабочей силе при сокращении спроса на тот или иной вид продукции с учетом снижения спроса на продукцию смежных отраслей и, соответственно, снижения потребности в рабочей силе. Анализ такого рода востребован при оценке масштабов безработицы, которая может возникнуть, например, в условиях кризиса или при масштабных изменениях структуры производства, требующей перераспределения трудовых ресурсов из одних отраслей в другие [15].

Работы по развитию методологии и практическому применению межотраслевого моделирования имеют давнюю историю. Принципы межотраслевого баланса, как уже отмечалось, были разработаны в первой половине XX века В.В. Леонтьевым, однако практическое использование межотраслевых моделей началось позже. Во многом это связано с большим объемом расчетов, которые требуется осуществить для построения прогноза, и высокими требованиями к полноте и качеству используемых статистических данных.

Большой вклад в развитие межотраслевых моделей внесли советские ученые. В 1960–1980 гг. в СССР наблюдался бум разработок межотраслевых моделей. Множество работ по проблеме статического и динамического межотраслевого баланса опубликовано А.Г. Гранбергом [3], Э.Б. Ершовым [6]. В этот период были созданы модели Ф.Н. Клоцвога, Н.Ф. Шатилова, В.В. Коссова, Я.М. Уринсона, Э.Ф. Бара-

нова, Ю.В. Яременко и др. В настоящее время разработки межотраслевых моделей ведутся в Институте макроэкономических исследований (Л.А. Стрижкова), Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН (М.Н. Узиков, Н.В. Суворов, А.Р. Белоусов и др.), Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (В.И. Суслов, Б.В. Мелентьев, Ю.С. Ершов и др.), Совете по организации производительных сил, Институте системных исследований РАН, Институте энергетических исследований РАН (Д.В. Шапот), ряде региональных институтов (табл. 4).

В использовании межотраслевых моделей весомую долю занимают вариантные расчеты. Исследователи рассматривают всевозможные варианты развития экономики при реализации тех или иных сценариев – от оценки последствий изменения ставок социальных взносов до выхода страны из Еврзоны (табл. 5).

Таблица 4. Межотраслевые модели развития российской экономики

Разработчик	Модель	Сущность
ЦМАКП	Модель долгосрочного развития экономики России	Кратко-, средне- и долгосрочный анализ экономической ситуации и сценарное прогнозирование экономической динамики России
Э.Б. Ершов и Ю.В. Яременко	Модель межотраслевых взаимодействий [40]	Прогнозирование структуры производства – материально-вещественных межотраслевых пропорций
ГУ ИМЭИ	Модельные инструменты МОБ [32]	Ядро инструментария, применяемого при проведении сценарно-прогнозных расчетов, составляют система межотраслевых моделей (статическая и динамическая модели стоимостного МОБ; модель цен на основе МОБ; модель натурально-стоимостного МОБ) и межсекторальная модель финансовых потоков, позволяющая более полно учитывать открытость рыночной экономики и прогнозировать оценки ВРД
ИНП РАН	Макроэкономическая межотраслевая модель российской экономики RIM [30]	Анализ и прогнозирование развития российской экономики с точки зрения ее структуры. Модель состоит из трех блоков: блока производства и распределения продукции, блока цен и доходов и блока расчетных показателей. Производство моделируется для 25 отраслей народного хозяйства (в том числе 15 отраслей промышленности). В составе ресурсов выделен также импорт. В качестве компонентов конечного использования выступают: потребление домашних хозяйств, государственных учреждений и некоммерческих организаций, валовые инвестиции в основной капитал, изменение запасов материальных оборотных средств и экспорт
ИЭОПП СО РАН	Оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели СИРЕНА и СИРЕНА-2 [35]	Исследование влияния территориальных факторов на тенденцию развития национальной экономики, обоснование концепции развития и размещения производительных сил, оценка возможностей и последствий сближения региональных уровней экономического развития и благосостояния

Таблица 5. Примеры вариантных расчетов развития экономики с использованием МОБ

Автор	Направление вариантных расчетов
В. Потапенко	Исследование вариантов развития пенсионной системы России [38]. Оценка последствий изменения ставок социальных взносов [20]
А. Янтовский	Исследование экономических эффектов для России, Беларуси, Казахстана и Украины при создании Единого экономического пространства [8]
Н. Сулов	Оценка макроэкономических эффектов реализации крупных инвестиционных проектов в сфере энергетики, а также последствия изменения применяемых технологий энергопотребления или изменения внешнеэкономических условий на энергетических рынках с помощью использования межрегиональной межотраслевой модели российской экономики [34]
В. Гильмундинов	Оценка последствий инфляционного таргетирования в современных российских условиях [2, 41]
К. Вейб	Моделирование технологических изменений в секторе производства возобновляемой энергии (энергия Солнца, ветра, энергия, получаемая при сжигании биомассы, гидро- и геотермальная энергия) [24]
Д. Мюллинс	Анализ функционирования сектора производства бензина в ЮАР и определение оптимального уровня потребления бензина для устойчивого экономического роста в условиях отсутствия собственных энергоресурсов и сильной зависимости внутренних цен от мировой конъюнктуры [22]
М. Плих	Моделирование экономической динамики при реализации проекта по добыче сланцевого газа в Польше [26]
Д. Мид	Исследование макроэкономических последствий расширения добычи газа в США [27]
Р. Хорст	Исследование динамики экономической активности и занятости как в целом по экономике, так и для отдельных штатов в условиях сокращения военных расходов бюджета США [27]
Р. Бардацци	Оценка последствий выхода Италии из зоны евро [25]
У. Лехр	Измерение и моделирование энергоэффективности экономики и оценки влияния ее снижения на экономическую динамику [24]
А. Озина–Емсина и В. Озолин	Оценка изменений в структуре внешней торговли и соответствующие отраслевые сдвиги в Латвии и других странах Балтии в период экономического роста 2004–2007 гг., связанного со вступлением в Евросоюз, и в период рецессии (2008–2010 гг.) [22]

Нами была разработана межотраслевая модель экономики, позволяющая помимо анализа ключевых показателей и основных пропорций в экономике проводить вариантные расчеты изменения объемов выпуска товаров и услуг, численности занятых (в разрезе профессий), фонда оплаты труда по отраслям и всей экономике в целом при сокращении или росте конечного спроса на продукцию отраслей [11, 12]. Модель позволяет увидеть, что произойдет с экономикой, если увеличится спрос в одной из отраслей (например, в сельском хозяйстве из-за ограничения импорта продовольствия в результате введения ответных санкций). Насколько при этом увеличится выпуск в отдельных отраслях и в целом по экономике, насколько потребуется увеличить численность работников (в разрезе профессий, т.е. сколько управленцев, рабочих, юристов и др. для этого понадобится) и фонд заработной платы.

Основное отличие прогнозных расчетов от вариантных заключается в использовании динамических матриц коэффициентов прямых затрат. Проблема их анализа и прогнозирования в настоящее время успешно решается достаточно большим количеством методов [1, 10, 31, 33, 39, 43, 52]:

- простые и слабо формализованные методы (экстраполяция, экспертные оценки, метод наложения матриц, дисперсионный анализ и др.);
- технико-экономические методы (методы технологических и ассортиментных сдвигов, нормативный метод, корреляционно-регрессионный и факторный анализ);
- формализованные экономико-математические методы: анализ временных рядов (методы сглаживания, авторегрессии, конечно-разностных уравнений), методы исследования зависимостей, метод линейного программирования, метод RAS и др.

Таблица 6. Примеры прогнозных расчетов развития экономики с использованием МОБ

Автор	Направление прогнозных расчетов
Коллектив ИМП РАН	Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007–2030 гг. по двум вариантам [5]. Прогноз социально-экономического развития Вологодской области до 2020 г. [7]. Прогноз социально-экономического развития Ивановской области [29]
К. Савчишина	Долгосрочный прогноз показателей бюджетной сферы и влияния бюджетных показателей на макроэкономическую динамику РФ [22]. Анализ и расчет экономической динамики Республики Беларусь в среднесрочной перспективе (2012–2016 гг.) [22]
А. Баранов	Прогноз развития экономики РФ в 2012–2015 гг. для умеренно-оптимистического (инерционного) и пессимистического сценариев развития мировой экономики [41]
В. Гильмундинов	Анализ и долгосрочный прогноз влияния финансовых и внешнеторговых шоков на развитие экономики РФ [2]
Н. Багаутдинова	Прогноз развития региональной экономики, основанный на реализации потенциала промышленных предприятий [28]
Д. Мид	Прогноз многофакторной производительности в рамках межотраслевого моделирования экономики США [27]
Г.Ф. Вердузко	Анализ и долгосрочный прогноз развития экономики Мексики [27]
Л. Чецци	Оценка и прогноз макроэкономических последствий реализации Европейского соглашения о бюджетной сбалансированности [23]

Система межотраслевых социально-экономических прогнозов включает демографические, социальные и экологические прогнозы, прогнозы динамики и структуры производства, развития отдельных отраслей, освоения природных ресурсов и др. (табл. 6).

Перспективным направлением использования МОБ выступает анализ последствий от принимаемых в экономике решений: оценка инвестиционных проектов с учетом государственной поддержки, эффективности федеральных целевых программ; обоснование создания особых экономических зон.

Таким образом, материалы статьи могут быть полезны для лиц, принимающих управленческие решения. Межотраслевой баланс представляет важный инструмент анализа и разработки научно обоснованных сценарных вариантов развития экономики и моделирования последствий их реализации для социально-экономической системы. В качестве управляющих переменных могут выступать валовой выпуск, производи-

тельность труда, промежуточное потребление, норма накопления основного капитала, оплата труда, объемы внешней и межрегиональной торговли, численность занятых, уровень безработицы и т.д. Использование аналитических и прогнозных возможностей МОБ дает прочную основу для государственного регулирования экономики. Его применение позволяет проводить углубленный анализ основных межотраслевых связей, структурных сдвигов и пропорций, увязать потребности и ресурсы в масштабе всего общественного производства, скоординировать развитие смежных отраслей и производств, обеспечить пропорциональность и взаимоувязку всех элементов народного хозяйства, рассчитывать различные варианты развития ситуации.

Новизна исследования, обуславливающая его вклад в развитие науки, заключается в систематизации традиционных и выявлении новых подходов к практическому использованию методологии межотраслевого баланса в государственном регулировании экономики.

Методологию МОБ целесообразно применять для расчета мультипликатора добавленной стоимости (показателя, характеризующего технологичность экономики и глубину переработки сырьевых ресурсов), а также для проектирования вертикальной интеграции предприятий (ключевого инструмента повышения мультипликатора добавленной стоимости в экономике).

Литература

1. Аганбегян, А.Г. Экономико-математический анализ межотраслевого баланса СССР / А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг. – М.: Мысль, 1968. – 357 с.
2. Гильмундинов, В.М. Концепция учета воздействия шоков фискальной и монетарной политики на отраслевую структуру экономики в общеравновесной межотраслевой модели с блоками агрегированных рынков / В.М. Гильмундинов // Проблемы и перспективы модернизации российской экономики: сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Алексеев, Л.К. Казанцева. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 61-68.
3. Гранберг, А.Г. Моделирование социалистической экономики / А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 1998. – 487 с.
4. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.
5. Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007–2030 гг. (по вариантам) // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 6. – С. 3-45.
6. Ершов, Э.Б. Взаимосвязи капитальных вложений и вводов основных фондов в динамической модели межотраслевого баланса / Э.Б. Ершов, Е.А. Рутковская // Экономика и математические методы – 1978. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 53-64.
7. Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Вологодской области / Л.Г. Иогман, А.А. Широков, А.А. Янговский, Д.Б. Кувалин // Проблемы прогнозирования. – 2009. – № 1. – С. 74-92.
8. Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС: монография / А.А. Широков и др. – СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. – 168 с.
9. Кучуков, Р. Модернизация экономики: проблемы и задачи [Текст] / Р. Кучуков // Экономист. – 2010. – № 1. – С. 20-29.
10. Леонтьев, В.В. Межотраслевая экономика [Текст] / В.В. Леонтьев. – М.: Экономика, 1997. – 479 с.
11. Лукин, Е.В. О факторах роста экономики [Электронный ресурс] / Е.В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1819>
12. Лукин, Е.В. Параметры технологического развития экономики России [Электронный ресурс] / Е.В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 7 (27). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=5245>
13. Мельникова, Л.В. Таблицы «затраты – выпуск»: путь к сближению наций / Л.В. Мельникова // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 27-34.
14. Методологические положения по статистике. – Вып. 1 / Госкомстат России. – М., 1996. – 510 с.
15. Михеева, Н.Н. Таблицы «затраты – выпуск»: новые возможности экономического анализа / Н.Н. Михеева // Вопросы экономики. – 2011. – № 7. – С. 140-148.
16. Национальные счета России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_15
17. Об информации о межотраслевых связях и структурных пропорциях экономики РФ [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 14.02.2009 г. № 201-р // КонсультантПлюс.
18. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ред. от 07.10.2016) [Электронный ресурс]: утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 г. № 14-ст // КонсультантПлюс.
19. Погосов, И.А. Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века [Текст] / И.А. Погосов, Е.А. Соколовская. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 36 с.

20. Потапенко, В.В. Последствия изменений ставок страховых взносов на обязательное социальное страхование [Электронный ресурс] / В.В. Потапенко. – Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2011/11>
21. Рябушкин, Б. Развитие отечественной методологии и аналитических возможностей межотраслевого баланса / Б. Рябушкин // Экономист. – 2013. – № 07. – С. 66-73.
22. Савчишина, К.Е. Итоги XX Международной конференции по межотраслевому моделированию INFORUM / К.Е. Савчишина // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 6. – С. 144-148.
23. Сайт Regional Institute for Economic Planning of Tuscany [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irpet.it>
24. Сайт Universität Osnabrück. – Режим доступа: <http://www.uni-osnabrueck.de>
25. Сайт University of Florence. – Режим доступа: <http://www.unifi.it>
26. Сайт University of Lodz. – Режим доступа: <http://iso.uni.lodz.pl>
27. Сайт University of Maryland. – Режим доступа: <http://www.umd.edu>
28. Сайт Казанского федерального университета. – Режим доступа: <http://krfu.ru>
29. Серебряков, Г.Р. Межотраслевая модель экономики Ивановской области / Г.Р. Серебряков, М.Н. Узиков, А.А. Янговский // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 4. – С. 64-74.
30. Серебряков, Г.Р. Опыт построения динамической межотраслевой равновесной модели российской экономики / Г.Р. Серебряков // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 2. – С. 3-19.
31. Стоун, Р. Метод затраты – выпуск и национальные счета / Р. Стоун: пер. с англ. – М.: Статистика, 1964. – 263 с.
32. Стрижкова, Л.А. Межотраслевые традиции ГУ ИМЭИ и проблема товарных балансов [Электронный ресурс] / Л.А. Стрижкова. – Режим доступа: http://www.macroeconomics.ru/МОВ_nujen.pdf
33. Суворов, Н.В. Экономический рост, межотраслевые пропорции и приоритеты развития реального сектора в среднесрочной перспективе / Н.В. Суворов, А.В. Суворов, В.Н. Борисов // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 4. – С. 49-64.
34. Суслов, Н.И. Моделирование и анализ межотраслевых и межрегиональных взаимосвязей развития энергетического сектора России [Электронный ресурс] / Н.И. Суслов. – Режим доступа: <http://regconf.hse.ru/uploads/70c02bddf34324a2cd7115725c17570c3138da1c.doc>
35. Суспицын, С.А. Проект СИРЕНА: комплекс моделей ситуационного анализа регионального развития / С.А. Суспицын. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. – 108 с.
36. Широ́в, А.А. Логика перехода к новой модели экономического роста [Текст] / А.А. Широ́в, М.С. Гусев // Экономист. – 2015. – № 9. – С. 5-12.
37. Широ́в, А.А. Обоснование возможных сценариев долгосрочного развития российской экономики / А.А. Широ́в, М.С. Гусев, А.А. Янговский // ЭКО. – 2012. – № 6. – С. 60-80.
38. Широ́в, А.А. Прогноз развития пенсионной системы России на период до 2030 г. / А.А. Широ́в, В.В. Потапенко // ЭКО. – 2011. – № 3. – С. 38-57.
39. Ямада, И. Теория и применение межотраслевого метода / И. Ямада. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 255 с.
40. Яременко, Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики / Ю.В. Яременко. – М.: Наука, 1997. – 400 с.
41. Baranov, A. Forecast for the Development of the Russian Economy for 2012-2015 Using the Dynamic Input-Output Model / A. Baranov, V. Gilmundinov, V. Pavlov, T. Tagaeva // Macroeconomic modelling for policy analysis: ed. by R. Bardazzi, L. Ghezzi. – Firenze: Firenze Univ. Press, 2013. – P. 135-146.
42. Baumol, W. Leontief's Great Leap Forward / W. Baumol // Economic Systems Research. – 2000. – № 12. – Pp. 141-152.
43. Eurostat Manual of Supply, Use and Input-Output Tables. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008. – 590 p.
44. Global Trade Analysis Project [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gtap.agecon.purdue.edu>
45. Grassini, M. Accumulation and Competitiveness [Электронный ресурс] / M. Grassini. – Режим доступа: http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2009/grassini_paper.pdf

46. Input-Output Accounts Data [Электронный ресурс] / Bureau of Economic Analysis. – Режим доступа: http://bea.gov/industry/io_annual.htm
47. Jiang, X. Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables / X. Jiang. – Groningen: University of Groningen, 2011. – 228 p.
48. Kurz, H.D. Who is Going to Kiss Sleeping Beauty? On the «Classical» Analytical Origins and Perspectives of Input – Output Analysis / H.D. Kurz // Review of Political Economy. – 2011. – Vol. 23. – № 1. – P. 25-47.
49. Miller, R.E. Input-Output Analysis: Foundations and Extensions / R.E. Miller, P.D. Blair. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 784 p.
50. Nishimura, S. Towards Analysis of Vertical Structure of Industries: A Method and its Application to U.S. Industries [Электронный ресурс] / S. Nishimura. – Режим доступа: https://www.iioa.org/working_papers/WPs/WPIOX11-001.pdf
51. Oosterhaven, J. Evaluation of Non-Survey International IO Construction Methods with the Asian-Pacific Input-Output Table [Электронный ресурс] / J. Oosterhaven, D. Stelder, S. Inomata. – Режим доступа: http://ir.ide.go.jp/dspace/bitstream/2344/641/3/ARRIDE_Discussion_No.114_inomata.pdf
52. Raa, T. Input-Output Economics: Theory and Applications. Featuring Asian Economies / T. Raa. – Singapore: World Scientific Publishing Co., 2010. – 549 p.
53. Raa, T. The Economics of Input-Output Analysis [Text] / T. Raa. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 212 p.
54. Richter, J. Commodity taxes, commodity subsidies, margins and the like [Электронный ресурс] / J. Richter. – Режим доступа: <http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2010/Richter.pdf>

Сведения об авторе

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, заместитель заведующего отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Lukin E.V.

About the Role of Input-Output Balance in Government Regulation of the Economy

Abstract. March 30, 2017, a notable event took place in Russia: the Federal State Statistics Service (Rosstat) published the basic input-output balance (IOB) for the national economy for 2011 and the tables that show the resources and utilization of products for 2012–2014. Economists have been waiting for this event for more than 20 years. The latest IOB was made in 1995. The present paper summarizes theoretical foundations of input-output balance and basic methodological approaches to its construction. It is shown that input-output balance is the basis for government regulation of the economy in industrialized countries. The paper evaluates the situation with the availability of necessary statistical information to build the “input – output” tables for the Russian economy. The author highlights possible areas, in which input-output balance can be used in government regulation of the economy. It is proved that input-output balance contains all the main macroeconomic indicators of the country (region) in its sectoral and national economic context. It is established that IOB is an important analytical tool for the study of inter-industrial interaction in the economy, for carrying out structural analysis of a wide range of indicators (structure of production, formation of resources, purchasers’ prices, intermediate consumption, use of goods and services, value added, and others). It helps analyze exchange of the products in current production (intermediate) consumption and the products that enter final consumption. In addition to the study of the structure of the economy, input-output balance provides an opportunity to calculate important economic and sectoral proportions. On the basis of IOB it is also possible to calculate cost-effectiveness ratios in individual industries and the whole national economy. These ratios include labor

productivity, capital productivity, and return on assets ratio. Relevant practical examples are provided for all the directions considered. It is shown that variants and forecast calculations are a significant part of interdisciplinary research. Input-output models help carry out variants calculations of the state of the economy taking into consideration changes in both personal and social needs, and in production capabilities. The author presents the results of variants calculations of economic development with the use of IOB of Russian and foreign researchers. The paper substantiates the main difference between forecast and variants calculations, which consists in using dynamic matrices of direct costs ratios. The paper classifies basic methods of forecasting direct costs ratios, summarizes the types of inter-sectoral socio-economic forecasts (demographic, social and environmental forecasts, forecasts of dynamics and structure of production, development of specific sectors, natural resources, etc.). It is concluded that the use of analytical and forecasting opportunities of input-output balances provides a strong basis for government regulation of the economy.

Key words: input-output balance, government regulation of the economy, analysis, modeling, forecasting.

References

1. Aganbegyan A.G., Granberg A.G. *Ekonomiko-matematicheskii analiz mezhotraslevogo balansa SSSR* [Economic-mathematical analysis of the input-output balance of the USSR]. Moscow: Mysl', 1968. 357 p. (In Russian).
2. Gil'mundinov V.M. Kontseptsiya ucheta vozdeistviya shokov fiskal'noi i monetarnoi politiki na otraslevuyu strukturu ekonomiki v obshcheravnovesnoi mezhotraslevoi modeli s blokami agregirovannykh rynkov [The concept of accounting for the impact of shocks of fiscal and monetary policy on the industrial structure of the economy in a general equilibrium input-output model with blocks of aggregated markets]. In: Alekseev A.V., Kazantseva L.K. (Eds.) *Problemy i perspektivy modernizatsii rossiiskoi ekonomiki: sb. nauch. tr.* [Problems and prospects of modernization of the Russian economy: a scientific collection]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2014. Pp. 61-68. (In Russian).
3. Granberg A.G. *Modelirovanie sotsialisticheskoi ekonomiki* [Modeling of the socialist economy]. Moscow: Ekonomika, 1998. 487 p. (In Russian).
4. Gubanov S. Neoundustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoundustrialization plus vertical integration (about a formula for the development of Russia)]. *Ekonomist* [Economist], 2008, no. 9, pp. 3-27. (In Russian).
5. Dolgosrochnyi prognoz razvitiya ekonomiki Rossii na 2007-2030 gg. (po variantam) [Long-term forecast of Russia's economic development for 2007-2030. (options)]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2007, no. 6, pp. 3-45. (In Russian).
6. Ershov E.B., Rutkovskaya E.A. Vzaimosvyazi kapital'nykh vlozhenii i vvodov osnovnykh fondov v dinamicheskoi modeli mezhotraslevogo balansa [the Relationship of capital investment and the entry of fixed assets into dynamic input-output models]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and mathematical methods], 1978, vol. 14, no. 1, pp. 53-64. (In Russian).
7. Iogman L.G., Shirov A.A., Yantovskii A.A., Kuvalin D.B. Dolgosrochnyi prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Vologodskoi oblasti [Long-term forecast of socio-economic development of the Vologda Oblast]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2009, no. 1, pp. 74-92. (In Russian).
8. Shirov A.A. et al. *Kompleksnaya otsenka makroekonomicheskogo effekta razlichnykh form glubokogo ekonomicheskogo sotrudnichestva Ukrainy so stranami Tamozhennogo soyuza i Edinogo ekonomicheskogo prostranstva v ramkakh EvrAzES: monografiya* [Comprehensive assessment of macroeconomic effect of various forms of deep economic cooperation of Ukraine with the countries of the Customs Union and the common economic space within EurAsEC: monograph]. Saint Petersburg: Tsentr integratsionnykh issledovaniy, 2012. 168 p. (In Russian).
9. Kuchukov R. Modernizatsiya ekonomiki: problemy i zadachi [Modernization of economy: problems and challenges]. *Ekonomist* [Economist], 2010, no. 1, pp. 20-29. (In Russian).
10. Leont'ev V.V. *Mezhotraslevaya ekonomika* [Interbranch economy]. Moscow: Ekonomika, 1997. 479 p. (In Russian).
11. Lukin E.V. O faktorakh rosta ekonomiki [Economic Growth Factors]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues], 2016, no. 2. Available at: <http://vtr.vsc.ac.ru/article/1819>. (In Russian).

12. Lukin E.V. Parametry tekhnologicheskogo razvitiya ekonomiki Rossii [Technological development of the Russian economy]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues], 2015, no. 7 (27). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=5245>. (In Russian).
13. Mel'nikova L.V. Tablitsy "zatraty – vypusk": put' k sblizheniyu natsii ["Input–output" tables: the path to the rapprochement of nations]. *EKO*, 2011, no. 5, pp. 27-34. (In Russian).
14. *Metodologicheskie polozeniya po statistike. Vypusk pervyi* [Methodological provisions on statistics. Issue number one]. Moscow, 1996. 510 p. (In Russian).
15. Mikheeva N.N. Tablitsy "zatraty-vypusk": novye vozmozhnosti ekonomicheskogo analiza ["Input–output" tables: new opportunities for economic analysis]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economics], 2011, no. 7, pp. 140-148. (In Russian).
16. *Natsional'nye scheta Rossii* [Russia's national accounts]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_15. (In Russian).
17. Ob informatsii o mezhotraslevykh svyazyakh i strukturnykh proporsiyakh ekonomiki RF: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.02.2009 g.№ 201-r [About the information on interindustry linkages and structural proportions of the economy of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation from February 14, 2009 No. 201-r]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. (In Russian).
18. OK 029-2014 (KDES Red. 2). Obshcherossiiskii klassifikator vidov ekonomicheskoi deyatel'nosti (red. ot 07.10.2016): utv. Prikazom Rosstandarta ot 31.01.2014 g. № 14-st [All-Russian classifier of types of economic activities (as amended on October 07, 2016): approved by the order of Rosstandart on January 31, 2014 No. 14-st]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. (In Russian).
19. Pogosov I.A., Sokolovskaya E.A. Balans resursov i ispol'zovaniya produktsii v Rossii v nachale XXI veka [Balance of resources and use of products in Russia in the early 21st century]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2014. 36 p. (In Russian).
20. Potapenko V.V. *Posledstviya izmenenii stavok strakhovykh vnosov na obyazatel'noe sotsial'noe strakhovanie* [Effects of changes in the rates of insurance contributions on compulsory social insurance]. Available at: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2011/11>. (In Russian).
21. Ryabushkin B. Razvitie otechestvennoi metodologii i analiticheskikh vozmozhnostei mezhotraslevogo balansa [Development of domestic methodologies and analytical opportunities for input-output models]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no 07, pp. 66-73. (In Russian).
22. Savchishina K.E. Itogi XX mezhdunarodnoi konferentsii po mezhotraslevomu modelirovaniyu INFORUM [Results of the 20th international conference on interindustry modeling INFORUM]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2012, no. 6, pp. 144-148. (In Russian).
23. *Website of the Regional Institute for Economic Planning of Tuscany*. Available at: <http://www.irpet.it>
24. *Website of Universität Osnabrück*. Available at: <http://www.uni-osnabrueck.de>
25. *Website of the University of Florence*. Available at: <http://www.unifi.it>
26. *Website of the University of Lodz*. Available at: <http://iso.uni.lodz.pl>
27. *Website of the University of Maryland*. Available at: <http://www.umd.edu>
28. *Website of Kazan Federal University*. Available at: <http://kpfu.ru>. (In Russian).
29. Serebryakov G.R., Uzyakov M.N., Yantovskii A.A. Mezhotraslevaya model' ekonomiki Ivanovskoi oblasti [Interindustry model of Ivanovo Oblast economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2001, no. 4, pp. 64-74. (In Russian).
30. Serebryakov G.R. Opyt postroeniya dinamicheskoi mezhotraslevoi ravnovesnoi modeli rossiiskoi ekonomiki [Experience of building a dynamic interindustry equilibrium model of the Russian economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2000, no. 2, pp. 3-19. (In Russian).
31. Stone R. *Metod zatraty – vypusk i natsional'nye scheta* [Input-output and national accounts]. Translated from English. Moscow: Statistika, 1964. 263 p. (In Russian).
32. Strizhkova L.A. *Mezhotraslevye traditsii GU IMEI i problema tovarnykh balansov* [Interindustry traditions of GU IMEI and the problem of commodity balances]. Available at: http://www.macroeconomics.ru/MOB_nujen.pdf. (In Russian).
33. Suvorov N.V., Suvorov A.V., Borisov V.N. Ekonomicheskii rost, mezhotraslevye proporsii i priority razvitiya real'nogo sektora v srednesrochnoi perspektive [Economic growth, interindustry proportions and priorities for the development of the real sector in the medium term]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2002, no. 4, pp. 49-64. (In Russian).

34. Suslov N.I. *Modelirovanie i analiz mezhotraslevykh i mezhregional'nykh vzaimosvyazei razvitiya energeticheskogo sektora Rossii* [Modeling and analysis of intersectoral and interregional links in the development of the energy sector of Russia]. Available at: <http://regconf.hse.ru/uploads/70c02bddf34324a2cd7115725c17570c3138da1c.doc>. (In Russian).
35. Suspitsyn S.A. *Proekt SIRENA: kompleks modelei situatsionnogo analiza regional'nogo razvitiya* [Project SIREN: a set of models for the situational analysis of regional development]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2002. 108 p. (In Russian).
36. Shirov A.A., Gusev M.S. Logika perekhoda k novoi modeli ekonomicheskogo rosta [Logic of transition to a new model of economic growth]. *Ekonomist* [Economist], 2015, no. 9, pp. 5-12. (In Russian).
37. Shirov A.A., Gusev M.S., Yantovskii A.A. Obosnovanie vozmozhnykh stsensariiev dolgosrochnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki [Substantiation of possible long-term scenarios of Russian economic development]. *EKO*, 2012, no. 6, pp. 60-80. (In Russian).
38. Shirov A.A., Potapenko V.V. Prognoz razvitiya pensionnoi sistemy Rossii na period do 2030 g. [Forecast of development of the pension system of Russia for the period till 2030]. *EKO*, 2011, no. 3, pp. 38-57. (In Russian).
39. Yamada I. *Teoriya i primenenie mezhotraslevogo metoda* [Theory and application of interindustry analysis]. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry, 1963. 255 p. (In Russian).
40. Yaremenko Yu.V. *Teoriya i metodologiya issledovaniya mnogourovnevoi ekonomiki* [Theory and methodology of studying the multilevel economy]. Moscow: Nauka, 1997. 400 p. (In Russian).
41. Baranov A., Gilmundinov V., Pavlov V., Tagaeva T. Forecast for the Development of the Russian Economy for 2012-2015 Using the Dynamic Input-Output Model. In: Bardazzi R., Ghezzi L. (Eds.). *Macroeconomic modelling for policy analysis*. Firenze: Firenze Univ. Press, 2013. Pp. 135-146.
42. Baumol W. Leontief's Great Leap Forward. *Economic Systems Research*, 2000, no. 12, pp. 141-152.
43. *Eurostat Manual of Supply, Use and Input-Output Tables*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008. 590 p.
44. *Global Trade Analysis Project*. Available at: <https://www.gtap.agecon.purdue.edu>
45. Grassini M. *Accumulation and Competitiveness*. Available at: http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2009/grassini_paper.pdf
46. *Input-Output Accounts Data*. Bureau of Economic Analysis. Available at: http://bea.gov/industry/io_annual.htm
47. Jiang X. *Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables*. Groningen: University of Groningen, 2011. 228 p.
48. Kurz H.D. Who is Going to Kiss Sleeping Beauty? On the "Classical" Analytical Origins and Perspectives of Input – Output Analysis. *Review of Political Economy*, 2011, vol. 23, no. 1, pp. 25-47.
49. Miller R.E., Blair P.D. *Input-Output Analysis: Foundations and Extension*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 784 p.
50. Nishimura S. *Towards Analysis of Vertical Structure of Industries: A Method and its Application to U.S. Industries*. Available at: https://www.iioa.org/working_papers/WPs/WPIOX11-001.pdf
51. Oosterhaven J., Stelder D., Inomata S. *Evaluation of Non-Survey International IO Construction Methods with the Asian-Pacific Input-Output Table*. Available at: http://ir.ide.go.jp/dspace/bitstream/2344/641/3/ARRIDE_Discussion_No.114_inomata.pdf
52. Raa T. *Input-Output Economics: Theory and Applications. Featuring Asian Economies*. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2010. 549 p.
53. Raa T. *The Economics of Input-Output Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 212 p.
54. Richter J. *Commodity taxes, commodity subsidies, margins and the like*. Available at: <http://inforumweb.umd.edu/papers/conferences/2010/Richter.pdf>

Information about the Author

Evgenii Vladimirovich Lukin – Ph.D. in Economics, Laboratory Head. Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Статья поступила 10.04.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.3

УДК [332.12:001.895](98), ББК 65.049-551(41)

© Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М.

Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы

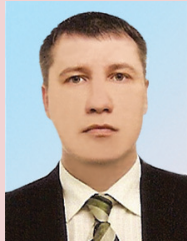
**Константин Сергеевич
ЗАЙКОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17
E-mail: k.zaikov@narfu.ru

**Марина Рудольфовна
КАЛИНИНА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17
E-mail: m.r.kalinina@narfu.ru

**Николай Александрович
КОНДРАТОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163000, пр. Ломоносова, д. 4
E-mail: n.kondratov@narfu.ru

**Александр Михайлович
ТАМИЦКИЙ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163000, пр. Ломоносова, д. 2
E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

Для цитирования: Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы / К.С. Зайков, М.Р. Калинина, Н.А. Кондратов, А.М. Тамицкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 59-77. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.3

For citation: Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A. Tamitskii A.M. Innovation course of economic development in the Northern and Arctic territories in Russia and in the Nordic countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 59-77. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.3

Аннотация. В основе политики России в Арктике лежит инновационная модернизация в интересах национальной безопасности, развития рационального природопользования, сбережения уникальных арктических экосистем и местных сообществ. Цель предпринятого нами исследования – проанализировать особенности инновационной политики в северных и арктических территориях России и странах Северной Европы. В статье приведен оригинальный анализ разработки мер такой политики, который, по нашему мнению, может проводиться через раскрытие сценариев развития арктической зоны и вызовов их реализации в долгосрочной перспективе; характеристику положения северных территорий и государств в национальных и глобальных рейтингах инновационной активности; изучение подходов к формированию инновационной политики на примере стран Северной Европы, опыт которых может быть применим в схожих по географическим и геополитическим особенностям субъектах РФ. Актуализированы два стратегических сценария социально-экономического развития российской арктической зоны, приоритетного внимания заслуживает инновационный сценарий. Несмотря на усилия государства по диверсификации российская экономика по-прежнему остается сырьевой. Инновационные разработки в сырьевых отраслях, поддерживаемые идеологией импортозамещения, на сегодня качественно не меняют ситуацию. В статье отмечены вызовы, препятствующие воплощению инновационных тенденций в отраслях российской арктической экономики. Вместе с тем в Арктической зоне РФ (АЗРФ) имеются успешные примеры внедрения инноваций (Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ), что подтверждается национальным рейтингом. Соседи России по арктическому региону – Дания, Исландия, Швеция, Норвегия и Финляндия, перешедшие более 30 лет назад к постиндустриальной фазе развития, – в настоящее время являются лидерами глобальных рейтингов инновационной деятельности. Практический интерес представляет характеристика особенностей разработки и внедрения инноваций в странах Северной Европы, изучение их опыта и возможностей его использования в российских условиях. В заключение отмечается, что разработка и внедрение в отраслях арктической экономики инновационных технологий с использованием зарубежного опыта, инструментов международного сотрудничества и перспективных направлений интеллектуального сервиса может служить ответом на системные и стремительные трансформации, которые происходят в арктическом регионе в настоящее время. Материал статьи может быть использован в учебно-образовательном процессе в вузах, актуален для государственных и научных работников, географов и экономистов, занимающихся вопросами прогнозирования и территориального развития северных регионов.

Ключевые слова: Арктика, Северная Европа, стратегии развития, инновации, экономическое развитие, наука, международное сотрудничество.

Арктика – северная полярная область Земли, включающая северные окраины материков Евразия и Северная Америка, Северный Ледовитый океан с островами, а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. Северные страны по-разному подходят к определению границ своих арктических зон, однозначно они до сих пор не определены [9]. Сухопутные

территории России, относящиеся к Арктической зоне, приведены в Указе Президента России от 2 мая 2014 года. № 296¹.

Страны, расположенные как внутри (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция), так и

¹ Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296.

вне арктической зоны (Индия, Китай, Япония, Сингапур, Республика Корея), и их объединения (Европейский союз) в начале XXI века разработали и подкрепляют финансированием стратегии изучения Арктики и Крайнего Севера. Основу документов составляют тезисы об устойчивом социально-экономическом развитии, эффективном и комплексном использовании минеральных, водных биологических и туристско-рекреационных ресурсов, изучении и модернизации прибрежных зон в целях развития портов и береговой инфраструктуры, о развитии арктического судоходства, решении экологических проблем, развитии международного сотрудничества по линии Арктического Совета, Совета Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР), Европейского союза (ЕС). В сфере внимания северных стран – естественно-научные исследования, трансфер знаний, обмен компетенциями по работе в экстремальных природно-климатических условиях Арктики [8, 14, 16, 19–22].

Актуальны усилия приарктических государств по диверсификации экономического базиса северных территорий и расширению их отраслевой структуры. Этого возможно достичь в рамках инновационной политики, реализуемой на принципах стратегического планирования государственно-частного партнерства в сотрудничестве с промышленными предприятиями, научно-образовательными и общественными организациями и с использованием инструментов международного сотрудничества.

Формирование и развитие инновационной политики в Арктической зоне РФ (АЗРФ). Эта зона занимает свыше 9 млн. км², из которых около 6,7 млн. км² приходится на водное пространство, что составляет 45% площади Северного Ледовитого океана.

Протяженность арктического побережья нашей страны – максимальная среди стран, имеющих арктические зоны. В пределах арктического сектора континентальный шельф достигает 6,1 млн. км², или 41% всей акватории РФ. Особо отметим, что из всей этой площади постоянно находится подо льдом примерно 5,1 млн. км² (70% площади сектора), из них под паковым льдом – 1,5 млн. км² (23%) [1].

В российском секторе Арктики сконцентрирован природно-ресурсный (стоимостью в несколько десятков триллионов долларов США), научно-производственный и технологический потенциал, который способен в долгосрочной перспективе обеспечить социально-экономическое и инновационное развитие страны. Он участвует в производстве 12% ВВП и создает около 30% экспорта России. В АЗРФ проживает более 2,5 млн. человек, что превышает половину общей численности населения Арктики [1, 4].

На современном этапе арктический макрорегион с экономической точки зрения характеризуется монопрофильной ресурсно-сырьевой специализацией. Доля добавленной стоимости добывающих отраслей и предприятий в этом регионе достигает 60% (для сравнения: в Гренландии, на Крайнем Севере Норвегии, Финляндии, Швеции и в Исландии – не более 15%, в приполярных районах США и Канады – около 30%) [8].

Российская Арктика, как значимый регион, постепенно превращается в самостоятельный субъект государственного управления [15]. В 2008–2013 годах были разработаны и утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», «Стратегия развития Арктической зоны Российской

Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» и ряд других документов².

Ключевые тезисы российской стратегии – знание, присутствие и рост. В основу документа положен принцип наращивания и концентрации конкурентоспособного научного знания, инвестиций и производственного потенциала в наиболее перспективных направлениях, в центрах, формирующих очаги социально-экономической эффективности в Арктической зоне.

Отмеченная стратегия содержит два пути развития российской Арктики в долгосрочной перспективе: инерционный и инновационный. Они различаются характером гипотез, принятых при формировании социально-экономических тенденций, внешними и внутренними факторами, а также ограничениями, в т.ч. случайными. При их разработке учитывались программные положения профильных министерств и ведомств РФ, рекомендации рабочих групп Арктического Совета, зарубежные арктические стратегии и другие документы [14].

Инерционный сценарий отражает конфликт интересов полярных стран и усиление борьбы между ними за природные ресурсы спорных зон, в т.ч. увеличение давления в отношении присутствия российских предприятий на архипелаге Шпицберген. Данный сценарий отражает пролонгацию действующих в настоящее время тенденций в ключевых отраслях экономики Арктики и основывается на консервативных оценках роста ключевых показателей. Предполагается, что темпы роста ВРП вхо-

дящих в арктическую зону территорий, реальных доходов населения и бюджетных доходов, рост производительности труда будут ниже среднероссийских, а ожидаемые структурные сдвиги в арктической экономике и прирост инвестиций будут происходить медленно. Контрасты между развитием динамичного западного и депрессивного восточного секторов арктической зоны усилятся³.

Инновационный сценарий основан на оптимистических оценках развития основных отраслей арктической экономики с учетом реализации инвестиционных проектов, ориентирован на обеспечение сотрудничества циркумполярных стран в освоении месторождений минерального сырья и топлива на арктическом шельфе, что будет способствовать более быстрому, чем в инерционном сценарии, темпам их освоения.

Характерными чертами этого сценария являются, с одной стороны, последовательная реализация конкурентных преимуществ АЗРФ на базе использования ее природно-ресурсного потенциала, с другой стороны, проявление нового качества экономического роста, основанного на расширении экономического базиса арктических территорий России путем усиления влияния новых промышленных и информационно-коммуникационных услуг и технологий в различных отраслях арктического хозяйства. Реализация инновационного сценария предполагает развитие человеческого потенциала, модернизацию научно-технической и институциональной среды, промышленной, энергетической, транспортной инфраструктуры, создание производств по глубокой переработке природных ресурсов, нацеленных на получе-

² Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: утв. Президентом РФ в 2008 г.; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года: утв. Президентом РФ в 2013 г.

³ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года.

ние продукции с высокой добавленной стоимостью. Темпы развития АЗРФ, как предполагается, будут выше среднероссийских за счет реализации мегапроектов в ресурсной и транспортно-коммуникационной сферах (ключевое внимание уделяется развитию Северного морского пути, сухопутных железных и автомобильных дорог).

Первое место в структуре хозяйства АЗРФ занимает газовый комплекс (здесь добывается более 80% российского газа), второе – горнопромышленный с центрами в Норильском районе Красноярского края и на Кольском полуострове. Поэтому при реализации инновационного сценария особый акцент сделан на разработке месторождений сырья и топлива, в т.ч. на континентальном шельфе арктических морей. Внедрение инноваций при этом должно сопровождаться безукоснительным соблюдением мер экологической безопасности (предосторожный подход). Эта деятельность должна быть, с одной стороны, адаптирована к условиям неоднородности экономического пространства российской Арктики, с другой стороны, продиктована стремлением максимального использования ее конкурентных преимуществ.

Опыт России и зарубежных государств свидетельствует, что освоение ресурсов шельфа – наукоемкий процесс. Россия, унаследовавшая от СССР систему арктических исследований, к настоящему времени практически утратила первенство в их продвижении, особенно это касается разработок, ведущихся в интересах социально-экономического развития территорий Крайнего Севера и Арктики. Тем не менее в нашей стране предпринимаются системные государственные шаги по формированию научной политики в арктическом регионе. Это выражается, например, в развитии системы организации научных исследований и разработок, в участии рос-

сийских университетов в проектах сетевого Университета Арктики, вовлечении РФ в программы Международного арктического научного комитета, использовании научного центра на Шпицбергене, сотрудничестве в рабочих группах БЕАР, Арктического Совета, программы ЕС «Северное измерение» [2, 5]. На стимулирование инновационной деятельности в АЗРФ нацелено Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства, в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы». На наш взгляд, этот документ нуждается в совершенствовании, т.к. важнейшим критерием оценки эффективности работы над проектами является их стоимость.

Инновационная активность в условиях арктической экономики подвержена влиянию значительного числа вызовов, на которые требуется дать ответ. Инновационные тенденции в части освоения ресурсов арктического шельфа характеризуются тем, что на современном этапе Россия отстает от своих динамичных соседей на 30–40 лет по срокам, технике и технологиям добычи углеводородов с морских месторождений. К числу вызовов мы относим макроэкономический, финансовый, природно-климатический, экологический, энергетический, инфраструктурный, социально-демографический, кадровый, правовой, информационный и другие. Следует отметить, что инвестиции в разведку и добычу полезных ископаемых, особенно на шельфе, носят долгосрочный характер.

В 2014 г. в отношении российских промышленных и финансовых корпораций со стороны ЕС, Норвегии, США, Канады, Австралии и других стран были введены санкции, которые распространяются и на нефтегазовую отрасль. Ограничительные меры запрещают продажу, поставку, передачу или экспорт технологий, оборудования и оказание услуг, если имеются основания полагать, что они будут использованы для разведки и добычи нефти и газа, в т.ч. и на шельфе Арктики.

Несмотря на это, ведущие иностранные компании сохраняют интерес к освоению ресурсов арктического побережья и шельфа, причем часто это происходит с привлечением инновационных технологий. Согласно российскому законодательству к работам на арктическом шельфе допущены компании с государственным участием «Роснефть» и «Газпром», функционирующие в интересах всего государства, обладающие технологиями и опытом работы в суровых природно-климатических условиях Крайнего Севера. Между ними распределено более 80% лицензий по разработке углеводородов Баренцева и Карского морей в границах Тимано-Печорской и Западно-Сибирской нефтегазоносных провинций. Эти предприятия участвуют в разведке ресурсов Штокмановского месторождения («Газпром», Total), Новоземельских участков в Карском («Роснефть», British Petroleum) и Баренцевом морях («Роснефть», ExxonMobil, ENI). «НОВАТЭК» и Total осваивают Южно-Тамбейское газоконденсатное месторождение на Ямале. Китайские инвестиционные фонды участвуют в разработке проекта строительства железнодорожной магистрали «Белкомур». Вьетнамские компании допущены к разведке и разработке месторождений нефти и газа в Ненецком автономном округе [3].

Инновационный рейтинг арктических регионов РФ. В связи с намеченной реализацией инновационного сценария интерес представляет рейтинг инновационного развития субъектов РФ, который составляется Институтом стратегических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики». Для этого используются данные официальной статистики (Росстат), библиометрическая и патентная информация, отчеты Федерального казначейства, открытые данные органов государственной власти субъектов РФ⁴.

Структура российского регионального инновационного индекса представлена на *рисунке 1*. Индекс формируется на основе субиндексов, которые характеризуют основные сферы инновационной деятельности: *социально-экономические условия, научно-технический потенциал, инновационную деятельность и ее результативность, качество инновационной политики.*

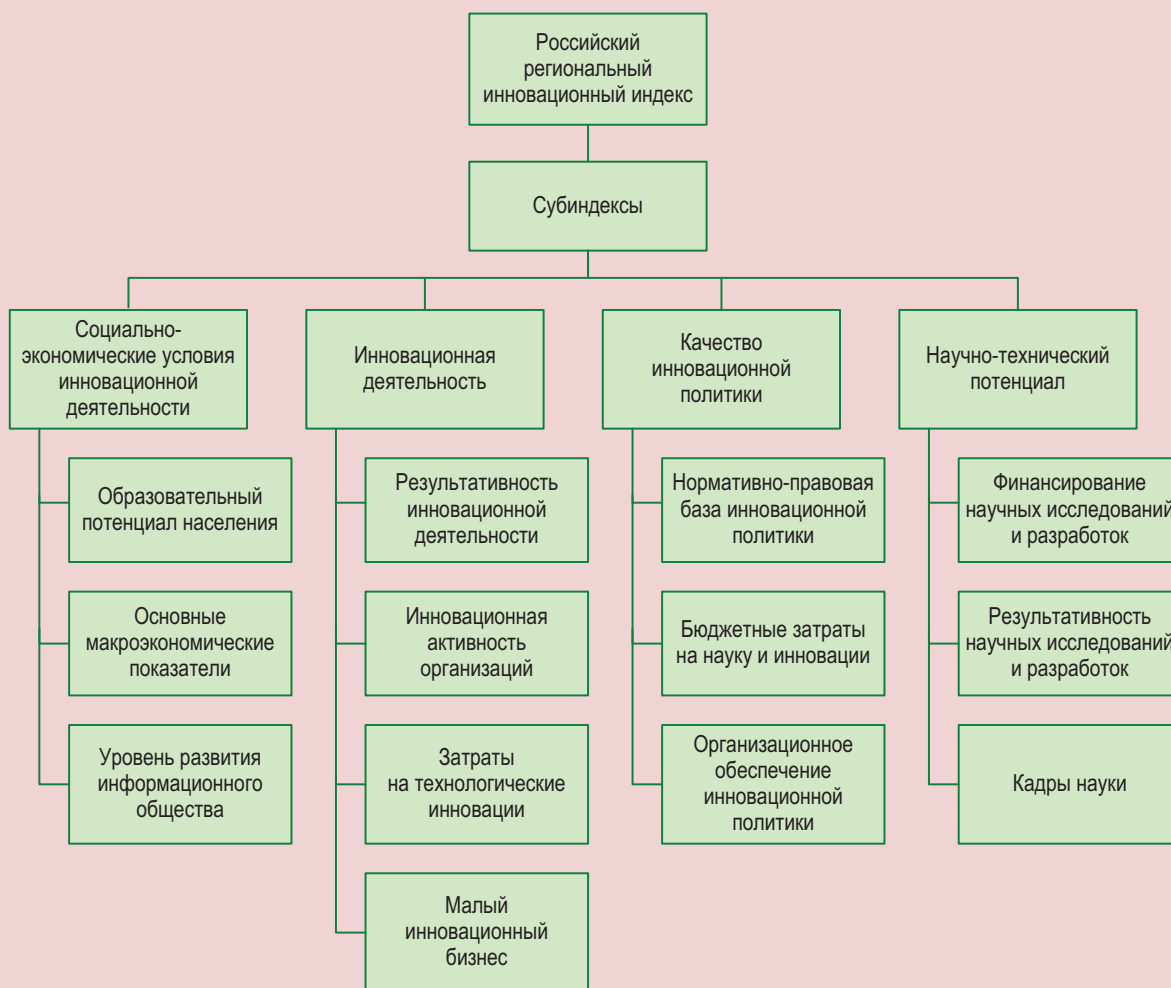
В *таблице 1* показано положение субъектов АЗРФ в 2012–2014 гг. в таком рейтинге. Учитывая особенности статистического наблюдения, мы привели данные по целому субъекту, относящемуся к Арктической зоне РФ.

Анализируя эти данные, можно отметить стабильность инновационной активности в субъектах российской Арктической зоны – изменения в 2012–2014 гг. оказались незначительными. Лидерами положительной динамики являются Республика Саха (Якутия) и ЯНАО, поднявшиеся на 16 и 13 позиций соответственно. Это может быть объяснено государственным вниманием к научно-технической политике, высоким уровнем квалификации человеческих ресурсов, взаимодействием про-

⁴ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. – Вып. 3 и 4 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015, 2016. – 248 с.

Рисунок 1. Структура российского регионального инновационного индекса

Источник: Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. – Вып. 3 и 4 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015, 2016. – 248 с.

Таблица 1. Рейтинг субъектов АЗРФ по значению российского регионального инновационного индекса (2012–2014 гг.)

Субъект	Показатели рейтинга		
	2012	2013	2014
Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)	39	34	26
Архангельская область	38	55	63
Республика Коми	30	36	41
Мурманская область	40	43	37
Красноярский край	16	12	12
Республика Саха (Якутия)	60	55	44
Чукотский автономный округ	77	75	73
Ненецкий автономный округ	80	79	80

Источник: Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. – Вып. 3 и 4 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015, 2016. – 248 с.

мышленности, малого бизнеса и науки, которое направлено на повышение эффективности использования местного природно-ресурсного потенциала. На территории ЯНАО реализуются проекты с международным участием в сфере освоения минерального сырья и развития транспортной инфраструктуры, что способствует притоку инвестиций и использованию передовых технологий при работе в экстремальных природно-климатических условиях Арктики. В Якутии большую роль играют многопрофильные научно-образовательные комплексы, которые занимаются созданием прогрессивных технологий и их внедрением в производство. В составе таких комплексов – технопарки, венчурные компании, государственное агентство по координации инновационной деятельности, Арктический инновационный центр Северо-Восточного федерального университета. В целях формирования научно-инновационной системы, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие Якутии, с 2011 г. действует государственная программа «Научно-техническое и инновационное развитие Республики Саха (Якутия) на 2012–2019 годы».

Основными причинами, препятствующими развитию инноваций в Архангельской области и Республике Коми, которые в анализируемом рейтинге демонстрируют ухудшение позиций на 25 и на 11 пунктов соответственно, могут быть названы недостаток финансовых средств (в отличие от Республики Якутия, где ежегодно на формирование инновационной инфраструктуры, научные исследования и трансфер технологий выделяются гранты Президента Республики), отсутствие квалифицированных кадров и отток трудоспособного населения (из Архангельской области, по данным государственной статистики, с 2000 года выехало более 100 тыс. человек),

износ производственных мощностей, слабое развитие транспортной и социальной инфраструктуры. Для исправления ситуации, как мы полагаем, было бы целесообразно полнее изучить и использовать опыт инновационной деятельности в успешных регионах России, в т.ч. в Якутии и ЯНАО. При этом следует учитывать сходные географические, природно-климатические условия и природно-ресурсный потенциал, а также научно-исследовательскую инфраструктуру и отраслевую структуру хозяйства, дополнить недостающие элементы нормативно-правовой базы. Отметим, что в Архангельской области в 2015–2017 гг. наметились шаги по повышению инновационной активности в реальном секторе экономики, что выразилось в создании кластеров в лесном комплексе и машиностроении.

О возможности формирования инновационно-ориентированной экономики на базе реализации проектов в минерально-сырьевом комплексе свидетельствует опыт разработки и реализации инновационной политики в высокоразвитых странах Северной Европы.

Подходы к формированию инновационной политики в странах Северной Европы. Государства Северной Европы являются лидерами рейтингов в сфере инновационной деятельности. В Глобальном индексе инноваций (Global Innovation Index) бизнес-школы INSEAD, Корнуэльского Университета и Всемирной организации интеллектуальной собственности в 2013–2016 годах. Дания, Швеция и Финляндия признаны наиболее инновационными странами мира (*табл. 2*). Аналогичные показатели эти страны демонстрируют в рейтинге Innovation Union Scoreboard Европейской Комиссии и в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, охватывающем свыше 150

Таблица 2. Рейтинг России и стран Северной Европы в Глобальном индексе инноваций в 2013–2016 гг.

Страна	2013	2014	2015	2016
Дания	9	8	10	8
Швеция	2	3	3	3
Финляндия	6	4	6	5
Исландия	13	19	13	13
Норвегия	16	14	20	22
Россия	62	49	48	43

Источник: Global Innovation Index [Электронный ресурс] / INSEAD. Cornell University. World Intellectual Property Organization. – 2013, 2014, 2015, 2016. – Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org>.

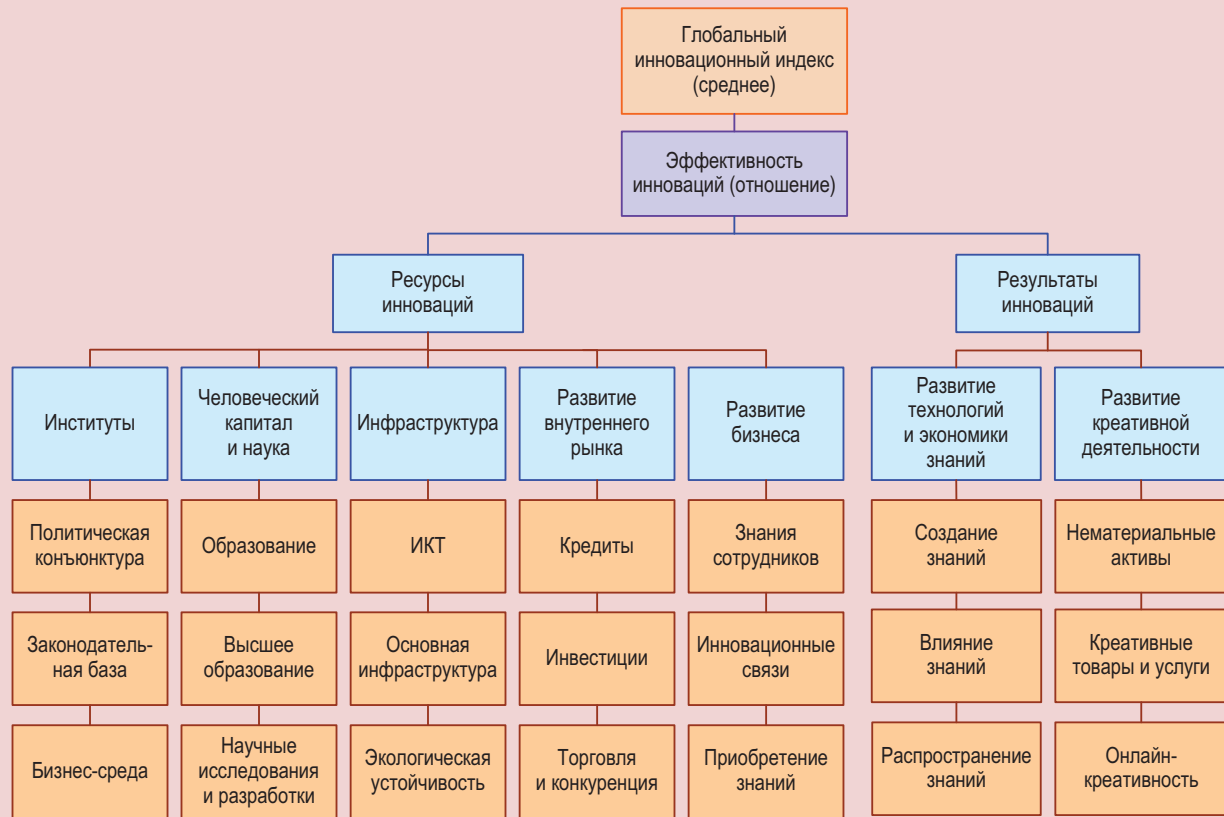
стран. Здесь учитываются базовые факторы (степень развития общественных институтов, систем здравоохранения и образования, состояние инфраструктуры, макроэкономическая стабильность), инновационные факторы (уровень развития бизнеса, имеющиеся инновации) и факторы, повышающие эффективность (высшее образование, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, уровень развития финансового рынка, технологическая развитость, размер внутреннего рынка).

На *рисунке 2* показана структура глобального инновационного индекса (2016 г.).

Высокий уровень инновационности экономик стран Северной Европы можно объяснить рядом причин. Швеция, Финляндия, Норвегия, Дания и Исландия формируют национальную инновационную политику, используя особенности географического положения, стимулируя развитие трудовых ресурсов, развивая систему образования, научных исследований и НИ-ОКР. Встраиваясь в политико-географические процессы на европейском континенте, реализуя потенциал регионального сотрудничества, эти государства превратились в лидеров в областях, формирующих их международную специализацию. Одно из достоинств североевропейских стран — их экономико-географический статус «малых стран» [6].

Концепция «национальной инновационной системы», разработанная шведским профессором Б.О. Лундваллем, легла в основу экономической, научно-технической, технологической и инновационной политики многих стран ЕС. Идеи инновационного развития регионов и концепцию «регионов обучения» разрабатывали норвежские экономико-географы Б. Асайм и А. Изаксен. Понятие «общество знания», которое ныне широко используется, ввел в оборот американский экономист М. Кастеллс, а норвежский исследователь К. Согнер развил его, разработав понятие «инновационная культура», которое представляется отличительной чертой североевропейской модели социально-экономического развития. Развитию глобальной экономической теории и практики способствовала шведская школа теории распределения и модели кумулятивной инфляции К. Векселя (1851–1926 гг.). Г. Мюрдаль (1898–1987 гг.) разработал институциональную теорию преодоления экономической отсталости. Шведские экономисты Э. Хекшер (1879–1952 гг.) и Б. Олин (1899–1979 гг.) выявили связь национальных издержек производства с факторными преимуществами стран, объяснив принципы, которые определяют экспортную специализацию стран на производстве той или иной продукции и служат обоснованием теории международного разделе-

Рисунок 2. Структура Глобального инновационного индекса 2016 г.

Источник: Global Innovation Index [Электронный ресурс] / INSEAD. Cornell University. World Intellectual Property Organization, 2016. – Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org>.

ния труда. На развитие социально-экономической мысли и практики большое влияние оказали концепции шведских профсоюзных деятелей и социал-демократии. Разработки Е. Рена и Р. Мейднера до сих пор служат, хотя и не бесспорной, теоретической основой регулирования рынка труда в социально ориентированной рыночной экономике и используются в идеях «государств всеобщего благосостояния» в Швеции и Финляндии. Трудовые ресурсы отличает способность не только к получению и анализу новой информации, но и к приобретению новых компетенций, иными словами – способность к самообучению, что усиливает творческий характер трудовой деятельности [10].

В процессе создания и внедрения инноваций велика роль государства. Она сводится к формированию стратегий, программ и институтов, определяющих цели, задачи, ресурсы и направления инновационной деятельности.

В основе инновационной политики североевропейских государств лежит управляемая государством научная политика. Основную работу в этом направлении осуществляют Министерство образования и науки совместно с Министерством предпринимательства, энергетики и коммуникаций в Швеции, Министерство торговли, промышленности и рыболовства и Министерство образования и исследований в Норвегии, Министерство образования и

культуры и Министерство занятости и экономики в Финляндии.

Одной из причин развития инноваций в странах Северной Европы могут быть названы традиции изобретательства. Скандинавская фундаментальная наука и прикладные инженерные разработки внесли значительный вклад в создание технологий, выводящих индустриальное общество на новую ступень развития.

Североевропейские страны являются мировыми лидерами по Индексу человеческого развития ООН [10], в т.ч. характеризуются высокими показателями развития высшего и послевузовского образования. По данным за 2012 г., Норвегия и Дания расходуют на образование свыше 4% ВВП при среднем мировом показателе около 3% (в т.ч. в России). Вместе с тем несмотря на то что приарктические страны уделяют серьезное внимание обеспечению своих циркумполярных территорий квалифицированными кадрами, высшая школа в этом регионе развита неравномерно. Это можно объяснить, в частности, различной степенью развития территориальной и отраслевой структуры экономики и инфраструктуры северных территорий [18].

В Швеции при поддержке государства (Управление инновационных систем) уделяется внимание развитию научно-производственных центров и кластеров. К таковым относятся, например, инновационно-технологический кластер в Чисте, автомобильный — в Гётеборге, биотехнологический кластер «Эресунн» — на юге страны, на границе с Данией и совместно с ее университетами и предприятиями. В этих образованиях реализуется государственная модель Triple Helix Model (Тройная спираль). В ее основе лежат три актора высокотехнологического развития — государственная власть, бизнес и университеты, которые стимулируют инновации, что

способствует увеличению качества жизни населения и улучшению состояния окружающей среды на региональном уровне. Вместе с тем риском развития инновационной системы является развитие наукоемких производств лишь в транснациональных компаниях (таких как Ericsson, AstraZeneca, SKF, TETRAPACK, Volvo). Успехи большинства компаний в «старых» отраслях (горнодобывающей, пищевой) связаны с использованием традиционных технологий. Система коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности характеризуется недостаточным развитием стимулирующей налоговой политики в инвестиционной деятельности, что сдерживает развитие высокотехнологических секторов экономики. Тем не менее Швеция и Финляндия — европейские лидеры по доле расходов на НИОКР в ВВП [10].

В сравнительном аспекте можно отметить, что Правительством РФ, во исполнение поручения Президента России в 2012 году, из всех территорий АЗРФ только в Архангельской области был отобран и включен в федеральный перечень инновационных территориальных кластеров судостроительный кластер. Он создан на базе предприятий г. Северодвинска с опорой на объекты федеральной и региональной научной и производственной инфраструктуры (машиностроительные предприятия, учреждения высшего и среднего профессионального образования, центры исследований, разработок и трансфера технологий, центры коллективного пользования научным оборудованием). Внутри кластера осуществляется проектирование и изготовление устройств для разведки и добычи нефти на арктическом шельфе (например, узлов морской ледостойкой стационарной платформы «Приразломная» и агрегатов плавучей атомной электростан-

ции) и апробирование адаптированных к арктическим условиям энергетических устройств, применяющихся в морском судостроении (например, винторулевых движителей AZIPOD для судов ледового класса).

С 2016 г. в Архангельской области формируется лесопромышленный инновационный территориальный кластер «Помор Инновалес», в который входят более 40 участников, среди которых лидеры лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной промышленности России, а также транспортно-логистические, образовательные и научно-исследовательские организации. Цель объединения предприятий – укрепление лидерства в РФ по глубокой переработке древесины и выпуску конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью. В состав кластера входят, в частности, Архангельский ЦБК, лесозаготовительные предприятия региона, ОАО «Северное морское пароходство», ОАО «Архангельский морской торговый порт», ООО «Соломбальский машиностроительный завод, ООО «Архбиофарм», ФБУ «Северный научно-исследовательский институт лесного хозяйства», «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» и другие организации. В 2016 г. подписано соглашение между предприятиями кластера и Институтом природных ресурсов Финляндии, в котором отражена необходимость совместной работы по рациональному использованию лесных ресурсов в северных районах двух стран. Приоритетное внимание уделяется внедрению прогрессивных технологий лесостроительства, строительства дорог, ландшафтного планирования, выращивания посадочного материала с лучшими наследственными свойствами, повышению социальной ответственности бизнеса и развитию биоэкономики. На

данном этапе развития российских кластеров пока рано анализировать их работу, однако имеются основания ожидать улучшения позиций субъектов АЗРФ в рейтингах инновационного развития. Формирование инновационных территориальных кластеров в России предусмотрено Стратегией инновационного развития на период до 2020 г. и опирается на мировой опыт, представленный в т.ч. в странах Северной Европы.

Стратегические направления развития инноваций в Финляндии разрабатываются Агентством по финансированию технологий и инноваций, Центром технических исследований в сотрудничестве с Академией наук, вузами и бизнес-сообществом. Особенностью национальной модели поддержки инноваций является ее ориентированность на развитие инфраструктуры, представленной исследовательскими кластерами при университетах (например, центр New Factory на базе университетов Тампере). На фоне конкуренции с азиатскими и североамериканскими производителями электроники в Финляндии большое внимание уделяется развитию НИОКР в сферах информационных технологий, телекоммуникаций, производства электротехники (например, Nokia), которые в настоящее время являются основой развития экономики страны.

В инновационном отношении Норвегию отличает от других стран арктического региона ориентированность на эксплуатацию сырьевых ресурсов, вокруг которых формируются узкие направления высокотехнологического сектора национальной экономики. На государственном уровне инновационную политику формирует Норвежский исследовательский совет, организация «Инновационная Норвегия», корпорация промышленного развития. Благодаря реализации научных проектов,

применению дифференцированного налогообложения происходит стимулирование разработок и их внедрение компаниями-недропользователями, что снижает затраты на освоение месторождений и способствует поддержанию высокого качества окружающей среды. Научные исследования и инвестиции сфокусированы на обеспечении безопасного глубоководного бурения нефти и газа на шельфе, разработке систем мониторинга запасов энергоносителей. Успехи в этих областях стимулируют развитие судостроения, экологически чистых технологий, возобновляемой энергетики, информационных и телекоммуникационных технологий. На фоне высоких показателей развития человеческого потенциала, рынков товаров, рабочей силы и финансов в Норвегии отмечаются относительно низкий уровень инвестиций и развития сопутствующей инфраструктуры [6]. Данное обстоятельство обозначается часто как «норвежский парадокс», суть которого в следующем: вопреки низкой инновационности, экономика Норвегии характеризуется высокой производительностью труда и доходами [17].

В Исландии система управления инновациями и связанных с ними научных исследований начала формироваться после финансового кризиса 2008 г., когда правительством страны был разработан план диверсификации экономики, заключавшийся, помимо прочего, в увеличении доли обрабатывающих отраслей и сферы услуг в ВВП. В настоящее время инновационную политику разрабатывают Министерство образования, науки и культуры, Министерство промышленности и инноваций и ряд других структур, которые связаны с университетами и предприятиями с уклоном в сторону судостроения, альтернативной энергетики, рыбной промышленности и биотехнологий.

В Дании за последние 20 лет благодаря пересмотру научно-технической политики сформировалась институциональная среда развития инновационной деятельности. В настоящее время датская экономика характеризуется высокой степенью создания и трансляции новых знаний, применения венчурного капитала и сотрудничества между субъектами экономических отношений. Органы управления инновационной политикой – Министерство высшего образования и науки, Агентство по образованию, науке и инновациям, Датский национальный исследовательский фонд и другие. В инновационной стратегии Дании (2015 г.) провозглашены ключевые направления инновационной политики страны: развитие взаимодействия между бизнесом и научно-исследовательскими структурами, доступ к высококвалифицированной рабочей силе, развитие технологического сервиса и коммерциализация исследований. На государственном уровне перспективными признаны исследования в сферах нетрадиционной энергетики, транспорта, охраны окружающей среды, повышения качества городской среды, развития пищевой промышленности, здоровья населения, информационных и телекоммуникационных технологий.

Таким образом, целью государственной инновационной политики в странах Северной Европы является формирование условий, способствующих развитию человеческого потенциала, обеспечивающих устойчивое и комплексное социально-экономическое развитие территорий на основе ускоренного перехода к сбалансированному развитию сферы услуг и отраслей промышленности, создание механизмов поддержки достижений научно-технического прогресса, стимулирование действующих и создание новых территориально-производственных комплексов.

Анализ опыта развития инноваций в североевропейских странах свидетельствует о национальных особенностях их разработки и внедрения, что обусловлено дифференцированной ресурсной базой – стратегиями развития государств, структурой их экономик, человеческим капиталом, организацией научной политики, интеллектуальными ресурсами, мировыми тенденциями развития рынка товаров и услуг. Общими чертами инновационной политики является стимулирование развития наукоемких отраслей экономики, модернизация системы подготовки и переподготовки кадров, соучастие образования, науки, государственной власти и бизнеса в развитии инфраструктуры и продвижении НИОКР. Это способствует скорейшему внедрению разработок в производство и их коммерциализации.

Особо следует отметить, что подходы и результаты исследований арктического региона используются при определении направлений геополитических устремлений и инновационно-технологической политики северных стран Европы. Это обеспечивает прорывным решениям быструю финансовую и организационную поддержку, чем достигается прогресс в исследованиях и скорейшее внедрение их результатов в производство [5].

В заключение отметим, что в настоящее время происходит рост интереса к Арктике со стороны исследователей и экспертов в различных областях науки и практики. Усиление внимания к Арктике связано с глобализацией экономики, сокращением добычи минерального сырья и топлива в традиционных районах, развитием межконтинентальных транспортных путей, необходимостью обеспечения устойчивого развития обширных, ранее не осваивавшихся регионов и морских акваторий. В

конце XX – начале XXI в. в Арктике происходят системные и стремительные трансформации, которые развиваются в условиях нехватки знаний об их причинах и последствиях. Примером может служить изменение климата, влекущее за собой беспрецедентное снижение сезонных минимумов морского льда, улучшение условий разведки и разработки полезных ископаемых, освобождение ото льда транспортных путей [12].

Поиск ответов на вызовы освоения природных ресурсов арктической зоны возможен с помощью мер инновационной политики при использовании опыта соседних приполярных государств. Страны Северной Европы выделяются в мире по разработке и применению инновационных технологий во всех сферах экономики и непроектной сфере. Они занимают лидирующие позиции в глобальных рейтингах инновационной деятельности. Важной предпосылкой перехода к инновационному типу развития стала смена парадигмы государственной экономической политики в начале 1990-х гг. Это выразилось в постепенном снижении доли сырьевых отраслей в ВВП, в сфере международной специализации – переходе к предоставлению услуг, основанных на использовании наукоемких технологий и информатизации. В этом состоит качественное отличие вектора развития североевропейских государств от российского опыта. Исследования показывают, что рост промышленного производства в субъектах АЗРФ происходит в основном за счет экстенсивных факторов, т.е. увеличения объема добычи природных ресурсов, а не использования инновационных технологий [13]. Меры инновационной политики в субъектах Арктической зоны РФ разрабатываются, за редким исключением,

недостаточно и, как следствие, Россия по сравнению с северными государствами, развивающимися в сходных географических условиях, демонстрирует отставание в рейтингах инновационной активности.

Вопрос перенесения в российские условия опыта инновационной деятельности в странах Северной Европы не может быть решен однозначно. С одной стороны, важно учитывать сходные географические, природно-климатические условия и природно-ресурсный потенциал, системы расселения населения, отраслевую и территориальную системы хозяйствования северных регионов Европы и России. С другой стороны, механический перенос даже самого прогрессивного зарубежного опыта экономического развития в условия другого государства малоэффективен. Требуется его глубокое изучение, учет национальных особенностей, знание качества и менталитета местных трудовых ресурсов, институциональной среды и нормативно-правовой базы, которые, несомненно, будут различаться в разных государствах.

А.Н. Пилясов рассматривает Арктику как исследовательскую лабораторию, территорию открытий, обширный регион инновационного поиска. Он пишет: «Арктическая зона России является крупным полигоном развития фундаментальных и прикладных научных исследований в различных областях знаний... Для этого в арктических сообществах есть многочисленные благоприятные предпосылки... Крупнейший в Арктике Мурманск и другие российские арктические города способны стать интеллектуальными площадками новой экономики, основанной на знаниях и инновациях» [7].

Статус арктической державы не дается сегодня автоматически, исходя только из особенностей географического положения.

Приоритетные направления усилий — научные исследования и инновационная деятельность. Нашей стране предстоит, опираясь на собственный богатый исторический опыт, используя передовые технологии соседних приполярных стран, радикально модернизировать инфраструктуру, в т.ч. научную (особенно в сфере изучения и освоения шельфа и прогноза климатических изменений), транспортную (прежде всего сухопутную) и жилищно-коммунальную сферу. Этого возможно достичь, используя членство в международных организациях, которые предоставляют возможности для обмена опытом хозяйствования в высоких широтах и сформированными при этом компетенциями трудовых ресурсов, участия в совместных междисциплинарных научных исследованиях, развития академической и научной мобильности в северных университетах, а также создавая условия для привлечения прямых зарубежных инвестиций. В интересах развития российских арктических территорий необходимо уделять больше внимания, как это сделано в соседних странах, сфере арктического интеллектуального сервиса. Он охватывает виды экономической деятельности, включающие в себя полярную гидрографию, наблюдение за изменением климата и ледовой обстановкой, модернизацию и развитие сети наземных и космических спутниковых наблюдений за климатом и состоянием арктических экосистем. В таких сервисах во всем мире создаются новые рабочие места, зарабатывается научный авторитет, такой сервис выступает заказчиком и потребителем инновационных результатов научной деятельности. Именно в этой сфере, полагаем, наиболее целесообразно синтезировать передовой зарубежный опыт и накопленные Россией знания.

Литература

1. Арктика: интересы России и международные условия их реализации [Текст] / Ю.Г. Барсегов, В.А. Корзун, И.М. Могилевкин и др. – М.: Наука, 2002. – 356 с.
2. Арктический Совет. Общая информация [Текст] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arctic-council.org/>.
3. Богоявленский, В.И. Стратегии, технологии и технические средства поиска, разведки и разработки морских месторождений в Арктике [Текст] / В.И. Богоявленский, И.В. Богоявленский // Вестник МГТУ. – 2014. – Том 17. – № 3. – С. 437-451.
4. Додин, Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы) [Текст]. – СПб.: Наука, 2005. – 283 с.
5. Стратегические приоритеты научных исследований России и зарубежных государств в арктическом регионе [Текст] / К.С. Зайков, М.Р. Калинина, Н.А. Кондратов, А.С. Тамицкий // Арктика: экология и экономика. – 2016. – № 3. – С. 29-37.
6. Пилипенко, И.В. Малые страны Западной Европы: особенности развития и место в международном разделении труда [Текст] / И.В. Пилипенко // Известия АН. Серия: Географическая. – 2001. – № 3. – С. 29-41.
7. Пилясов, А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания [Текст] / А.Н. Пилясов. – М.: Либроком, 2009. – 544 с.
8. Пилясов, А.Н. Прогнозное развитие российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи, уроки зарубежных стратегий [Текст] / А.Н. Пилясов // Арктика: экология и экономика. – 2011. – № 2. – С. 10-17.
9. Российская Арктика: современная парадигма развития [Текст] / под ред. акад. А.И. Татаркина. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 844 с.
10. Северная Европа. Регион нового развития [Текст] / под ред. Ю.М. Дерябина, Н.М. Антошиной. – М.: Весь мир, 2008. – 512 с.
11. Сеница, А.Л. Демографическое развитие арктической зоны РФ в 2010-2014 гг. [Текст] / А.Л. Сеница // Арктика: экология и экономика. – 2016. – № 1(21). – С. 18-27.
12. Цатуров, Ю.С. Современное изменение климата Арктики: результаты нового оценочного доклада Арктического Совета [Текст] / Ю.С. Цатуров, А.В. Клепиков // Арктика: экология и экономика. – 2012. – № 4(8). – С. 76-81.
13. Цукерман, В.А. Концептуальные основы инновационного промышленного развития Севера и Арктики [Текст] / В.А. Цукерман // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2012. – № 3. – С. 139-143.
14. Чистобаев, А.И. Арктика: геополитические и геоэкономические интересы зарубежных стран [Текст] / А.И. Чистобаев, Н.А. Кондратов // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 1(25). – С. 84-91.
15. Чистобаев, А.И. Арктическая зона Российской Федерации как особый объект государственного управления [Текст] / А.И. Чистобаев, П.Ю. Малинин // Региональные исследования. – 2016. – № 2(52). – С. 122-128.
16. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011– 2020. [Text] 2011. 58 pp.
17. Grønning, T., Moen S.E. and Olsen D.S. Low innovation intensity. High growth and specialized trajectories: Norway”, in Edquist, C. and L. Hommen (eds.) Small-Country Innovation Systems: Globalisation, Change and Policy in Asia and Europe. [Text] // Edward Elgar, UK, 2008. P. 281-318.
18. Fagerberg J., Mowery D., Verspagen B. Innovationsystems, pathdependency and policy: The coevolution of science, technology and innovation policy and industrial structure in a small, resourcebased economy. [Text] [Electronic resource]. URL: <http://www.sv.uio.no/tik/InnoWP/prime%202008%20fagerberg%20et%20al.pdf>
19. Finland’s Strategy for the Arctic Region. [Text] / Prime Minister Offices, 2010, 98 pp.
20. New building blocks in the North. The next step in the Government’s High North Strategy. [Text] / Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2009, 94 pp.
21. Sweden’s Strategy for the Arctic region. [Text] / Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden, 2011, 52 pp.
22. The Norwegian Government’s High North Strategy. [Text] / Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2006, 76 pp.

Сведения об авторах

Константин Сергеевич Зайков – кандидат исторических наук, директор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Арктический центр стратегических исследований (Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Марина Рудольфовна Калинина – кандидат философских наук, советник ректора по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: m.r.kalinina@narfu.ru)

Николай Александрович Кондратов – кандидат географических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 163000, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 4; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Александр Михайлович Тамицкий – кандидат политических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 163000, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 2; e-mail: a.tamitskiy@gmail.com)

Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A. Tamitskii A.M.

Innovation Course of Economic Development in the Northern and Arctic Territories in Russia and in the Nordic Countries

Abstract. The policy of Russia in the Arctic is based on innovation modernization in the interests of national security, development of the smart use of natural resources, conservation of unique arctic ecosystems and local communities. The aim of the present research was to analyze specific features of innovation policy in Northern and Arctic territories of Russia and the Nordic countries. The article presents an original analysis of development of such a policy, which, in our opinion, can be carried out with the help of considering development scenarios of the Arctic zone and challenges of their implementation in the long term, with the help of studying the situation in the Northern territories and countries in national and global innovation activity rankings; with the help of studying approaches to the formation of innovation policy in the Nordic countries, the experience of which could be used by Russian Federation constituent entities that have similar geographical and geopolitical features. We considered two strategic scenarios of socio-economic development of the Russian Arctic zone and the innovative scenario deserves priority attention. Despite the government's efforts to diversify the Russian economy, it still remains resource-driven. So far, innovation developments in the primary industries supported by the ideology of import substitution has not changed the situation for the better. The present article highlighted the challenges that hinder the implementation of innovation trends in the Russian Arctic economy. However, the Arctic zone of the Russian Federation (the Russian Arctic) provides examples of successful implementation of innovation (in the Republic of Sakha (Yakutia), in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug), as evidenced by national rankings. Russia's neighbors in the Arctic region such as Denmark, Iceland, Sweden, Norway and Finland, all of which entered a post-industrial phase of development over 30 years ago, are current leaders in global innovation rankings. It is of practical interest to study characteristic features of development and innovation in the Nordic countries, their experience and possibilities of its use under the Russian conditions. In conclusion, we note that the development and implementation of innovation technology, the use of foreign experience, international cooperation tools and perspective areas of intellectual

service in the Arctic economy can serve as a response to system and rapid transformations that occur in the Arctic region at present. The material of the article can be used in the educational process in universities, it is also relevant for government officials, researchers, geographers, and economists, who deal with forecasting and territorial development in the Northern regions.

Key words: Arctic, Nordic countries, development strategies, innovation, economic development, science, international cooperation.

References

1. Barsegov Yu.G., Korzun V. A., Mogilevkin I.M. et al. *Arktika: interesy Rossii i mezhdunarodnye usloviya ikh realizatsii* [Arctic: Russian interests and international conditions for their implementation]. Moscow: Nauka, 2002. 356 p. (In Russian).
2. *The Arctic Council. General Information*. Available at: <http://www.arctic-council.org/>.
3. Bogoyavlenskii V.I., Bogoyavlenskii I.V. Strategii, tekhnologii i tekhnicheskie sredstva poiska, razvedki i razrabotki morskikh mestorozhdenii v Arktike [Strategy, technologies and technical means of searching, exploration and development of sea fields in Arctic]. *Vestnik MGTU* [Proceedings of the MSTU], 2014, vol. 17, no. 3, pp. 437-451. (In Russian).
4. Dodin D.A. *Ustoichivoe razvitiye Arktiki (problemy i perspektivy)* [Sustainable development of the Arctic (problems and perspectives)]. Saint Petersburg: Nauka, 2005. 283 p. (In Russian).
5. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskii A.S. Strategicheskie prioritety nauchnykh issledovaniy Rossii i zarubezhnykh gosudarstv v arkticheskom regione [Strategic research priorities of Russia and foreign countries in the Arctic Region]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2016, no. 3, pp. 29-37. (In Russian).
6. Pilipenko I.V. Malye strany Zapadnoi Evropy: osobennosti razvitiya i mesto v mezhdunarodnom razdelenii truda [Small countries of Western Europe: development and place in the international division of labor]. *Izvestiya AN. Seriya: Geograficheskaya* [Izvestiya of RAS: Geographical Series], 2001, no. 3, pp. 29-41. (In Russian).
7. Pilyasov A.N. *I poslednie stanut pervymi: severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [So the last shall be first: northern periphery on its way toward knowledge economy]. Moscow: Librokom, 2009. 544 p. (In Russian).
8. Pilyasov A.N. Prognoznoe razvitiye rossiiskoi Arktiki: transformatsiya prostranstva, vneshnie svyazi, uroki zarubezhnykh strategii [Expected development of the Russian Arctic regions: space transformation, external relations and lessons of foreign strategy]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2011, no. 2, pp. 10-17. (In Russian).
9. Tatarkin A.I. (Ed.). *Rossiiskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya* [The Russian Arctic: a modern paradigm of development]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 844 p. (In Russian).
10. Deryabin Yu.M., Antoshina N.M. *Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya* [Northern Europe. The region of a new development]. Moscow: Ves' mir, 2008. 512 p. (In Russian).
11. Sinitsa A.L. Demograficheskoe razvitiye arkticheskoi zony RF v 2010–2014 gg. [Demographic development of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation in 2010–2014]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2016, no. 1(21), pp. 18-27. (In Russian).
12. Tsaturov Yu.S., Klepikov A.V. Sovremennoe izmeneniye klimata Arktiki: rezul'taty novogo otsenochного doklada Arkticheskogo Soveta [Contemporary climate change in the Arctic: results of a new assessment report of the Arctic Council]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2012, no. 4(8), pp. 76-81. (In Russian).
13. Tsukerman V.A. Kontseptual'nye osnovy innovatsionnogo promyshlennogo razvitiya Severa i Arktiki [Conceptual foundations of innovation industrial development in the North and in the Arctic]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2012, no. 3, pp. 139-143. (In Russian).
14. Chistobaev A.I., Kondratov N.A. Arktika: geopoliticheskie i geoeconomicheskie interesy zarubezhnykh stran [The Arctic: geopolitical and geo-economic interests of foreign countries]. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and security], 2014, no. 1 (25), pp. 84-91. (In Russian).

15. Chistobaev A.I., Malinin P.Yu. Arkticheskaya zona Rossiiskii Federatsii kak osobyi ob"ekt gosudarstvennogo upravleniya [The Arctic zone of the Russian Federation as a special object of public administration]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], 2016, no. 2(52), pp. 122-128. (In Russian).
16. *Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011– 2020*. 2011. 58 p.
17. Grønning T., Moen S.E., Olsen D.S. Low innovation intensity. High growth and specialized trajectories: Norway". In: Edquist C., Hommen L. (Eds.) *Small-Country Innovation Systems: Globalisation, Change and Policy in Asia and Europe*. Edward Elgar, 2008. Pp. 281-318.
18. Fagerberg J., Mowery D., Verspagen B. *Innovation systems, path dependency and policy: The co-evolution of science, technology and innovation policy and industrial structure in a small, resource-based economy*. Available at: <http://www.sv.uio.no/tik/InnoWP/prime%202008%20fagerberg%20et%20al.pdf>
19. *Finland's Strategy for the Arctic Region*. Prime Minister Offices, 2010. 98 p.
20. *New building blocks in the North. The next step in the Government's High North Strategy*. Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2009. 94 p.
21. *Sweden's Strategy for the Arctic region*. Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden, 2011. 52 p.
22. *The Norwegian Government's High North Strategy*. Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2006. 76 p.

Information about the Authors

Konstantin Sergeevich Zaikov – Ph.D. in History, Director, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arctic Center for Strategic Studies (17, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Marina Rudol'fovna Kalinina – Ph.D. in Philosophy, Adviser to the Rector on International Cooperation, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: m.r.kalinina@narfu.ru)

Nikolai Aleksandrovich Kondratov – Ph.D. in Geography, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (4, Lomonosov Avenue, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Aleksandr Mikhailovich Tamitskii – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (4, Lomonosov Avenue, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: a.tamitskiy@gmail.com)

Статья поступила 17.01.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.4

УДК 338(470), ББК 65.050.11(2Рос)

© Кожевников С.А.

Повышение эффективности государственного управления — ключевая задача для современной России

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Аннотация. В статье обосновано, что решение проблем социально-экономического развития России, обеспечение высокого качества жизни населения и национальной безопасности актуализируют проблему повышения эффективности деятельности органов власти. Из анализа отечественного и зарубежного исторического опыта можно сделать вывод о существовании многих факторов, которые детерминируют как развитие государственности, так и снижение эффективности государственного управления. Их учет крайне важен при реформировании системы государственного управления в современной России. Нами рассмотрен ряд методических подходов к оценке эффективности управления, сложившихся в научной литературе и практике, отмечены также недостатки, ограничивающие их широкое использование. В данной работе использованы целевой и функциональный подходы, на основе которых доказана неэффективность государственного управления в постсоветский период, приведшая к кризисным явлениям в ключевых отраслях российской экономики, преодолеть которые без изменения государственной политики не представляется возможным. Причем на современном этапе специфическими чертами управления, снижающими его эффективность, является несогласованность действий органов власти, противоречивость управленческих решений, принимаемых на различных уровнях, отсутствие обоснованного, объективного стратегического планирования и прогнозирования. В связи с

Для цитирования: Кожевников, С.А. Повышение эффективности государственного управления — ключевая задача для современной России / С.А. Кожевников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 78-99. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.4

For citation: Kozhevnikov S.A. Gaining efficiency of public administration — key objective for modern Russia. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 78-99. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.4

этим крайне актуальной становится задача совершенствования государственного управления на базе использования современных методов с целью повышения его эффективности. Важную роль в этом процессе, на наш взгляд, играет новая промышленная политика, в число основополагающих направлений которой входит стимулирование развития цепочек с высокой добавленной стоимостью. Результаты проведенного анализа показали отставание текущего уровня интеграции российских хозяйствующих субъектов от зарубежного, что может служить фактором, ограничивающим их конкурентоспособность на мировых рынках и вклад в социально-экономическое развитие территорий. Как нами доказано, формирование и развитие интегрированных компаний предполагает необходимость разработки государственной политики, которая с помощью стимулирующих мер должна побуждать предприятия к созданию таких компаний. На примере Белгородской области показана эффективность внедрения проектного управления в деятельность властных структур; обосновано, что активизация данных процессов требует развитой институционально-правовой и организационной среды.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность государственного управления, институты развития, добавленная стоимость, вертикальная интеграция, проектное управление, методика оценки эффективности.

Крайне важными для современной России в условиях наличия комплекса острых социально-экономических проблем, необходимости обеспечения высокого уровня и качества жизни населения, устойчивости развития территорий и национальной безопасности являются вопросы повышения эффективности государственного управления. Однако сложившаяся в стране система государственного управления, несмотря на многочисленные попытки ее реформирования, по-прежнему не отвечает стоящим перед ней задачам и не способствует полноценному решению накопившихся проблем. Истоки последних ученые видят в несовпадении философии реформ и их инструментальной организации, неэффективности действий правящей элиты по удовлетворению важнейших потребностей населения в повышении качества жизни, обеспечению социальной справедливости, в преследовании собственных интересов [6].

О деструктивном влиянии данных факторов на эффективность государственного управления свидетельствует и мировая

практика. В частности, внутренние противоречия в США в первой половине XIX в. (между фермерско-буржуазным Севером и рабовладельческим Югом), агрессивная деятельность рабовладельцев по навязыванию своих интересов, непоследовательность федеральной политики (принятие билля Канзас–Небраска в 1850 г., нарушившего прежнее равновесие между рабовладельческими и свободными штатами) фактически стали причинами кризиса государственности и начала Гражданской войны в стране. Похожие процессы наблюдались в Японии в XV в.: на фоне ослабления центральной власти правители провинций (сюго) стали использовать власть исключительно в своих интересах. Данные противоречия привели к началу новой эпохи феодальной раздробленности – «эпохе воюющих провинций».

Неспособность власти к решению системных экономических проблем, снижение на фоне этого уровня жизни населения, отсутствие единства политических элит ведут в конечном счете к кризису государственности и обострению «социальных

болезней» в обществе (например, приход в Германии к власти нацистов в 30-е гг. XX в.).

В свете этой проблемы, связанные с повышением эффективности государственного управления в России, постоянно поднимаются первыми лицами государства. Так, еще в 1999 г. Президент РФ В.В. Путин в своей предвыборной статье «Россия на рубеже тысячелетий» обратил внимание на необходимость усиления роли государства, его институтов, гражданского общества в модернизации экономики и в целом жизни страны [19]. В июле 2016 года на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам он вновь отметил, что на современном этапе «самое главное – повышение эффективности управления и отраслями, и экономикой в целом...с полной персонификацией ответственности за это достижение или, наоборот, за отсутствие результатов» [20]. В сентябре 2016 года Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев на Инвестиционном форуме в Сочи заявил, что «низкая эффективность системы государственного управления – один из ключевых факторов, который сдерживает развитие страны» [3].

Эти обстоятельства обуславливают актуальность данного исследования. Его целью является обоснование с помощью анализа ключевых тенденций социально-экономического развития России необхо-

димости разработки приоритетных направлений повышения эффективности государственного управления.

Несмотря на наличие в настоящее время множества исследований по вопросам эффективности государственного управления, пока так и не сложилось единого подхода к пониманию сущности самого государственного управления как социального института (*табл. 1*).

В узком смысле государственное управление отождествляется со сферой функционирования исключительно органов исполнительной власти. В расширенном толковании – это деятельность всех ветвей государственной власти, их органов и должностных лиц по регулированию общественных отношений.

Мы будем придерживаться широкого подхода, понимая под *государственным управлением* *практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу* [1].

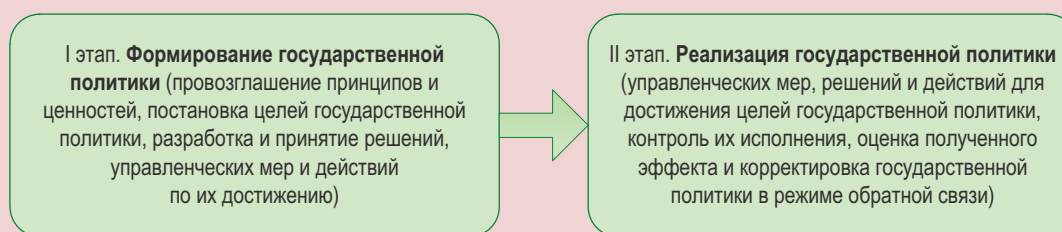
Соглашаясь с мнением С.С. Сулакшина и А.В. Клименкова о том, что государственное управление следует рассматривать как деятельность по реализации всех функций управления (целеполагание, планирование, организация, мотивация, контроль и т.п.), можно выделить в нем два основных этапа: формирование госу-

Таблица 1. Подходы к трактовке сущности государственного управления

Подход	Содержание
1. Широкий подход	<i>Государственное управление – непосредственная деятельность всех ветвей государственной власти, их органов и должностных лиц по регулированию общественных отношений.</i>
2. Узкий (административный) подход	<i>Государственное управление – деятельность органов исполнительной власти по практическому воплощению выработанного на основе соответствующих процедур политического курса (англ. public policy). Это, прежде всего, административная, исполнительно-распорядительная деятельность.</i>
Источник: составлено автором по [1, 4, 9].	

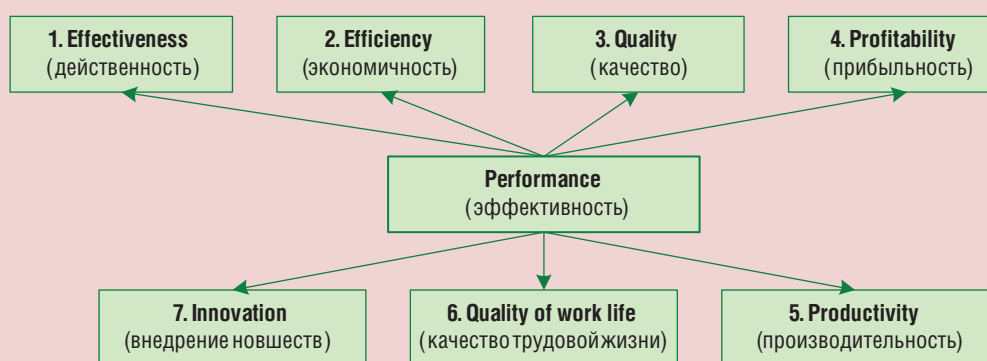

Рисунок 1. Этапы государственного управления

Источник: составлено автором по [8].

Рисунок 2. Основные компоненты категории «эффективность»

Источник: составлено автором по [22].

государственной политики и ее реализацию (рис. 1). В этой связи весьма важным является проведение оценки эффективности на всех этапах управленческого процесса.

В свою очередь, критический анализ экономической литературы по рассматриваемой проблематике позволяет утверждать, что понятие «эффективность» весьма многозначно и его устоявшегося определения до сих пор не сложилось. При этом можно говорить лишь о некотором единообразном концептуальном подходе к ее трактовке. Так, в работе Д.С. Синка она рассматривается как комплексное явление, включающее в себя следующие компоненты (рис. 2).

Таким образом, эффективность – сложная, системная и многокомпонентная категория, в состав которой входят такие

элементы, как результативность, экономичность, инновационность и качественные преобразования в системе в результате управленческого действия.

Исходя из этого, под *эффективностью государственного управления* будем понимать *системную категорию, отражающую достижение не только экономических, но и социально-политических результатов деятельности органов власти, заключающихся в решении общественно значимых задач, обеспечении на основе этого национальной безопасности страны, повышении уровня и качества жизни населения.*

Критический анализ отечественного и зарубежного исторического опыта позволяет утверждать, что существует целый ряд факторов, которые могут привести как к росту, развитию и повышению эффектив-

Таблица 2. Факторы, влияющие на эффективность государственного управления, становление, расцвет или упадок государственности на различных этапах исторического развития

Факторы развития	Факторы упадка
<p>1. Политическое объединение сил под единым интегрирующим началом (Древний Египет, конец 4 тыс. до н.э.; Древняя Индия, 2500–2000 гг. до н. э.; Киевская Русь, XIV–XV вв.); <i>общей религией</i> (Древний Китай, вторая половина I тысячелетия до н.э.).</p> <p>2. Единая идентификация народа (Древняя Греция, V–IV вв. до н.э.); <i>внутреннее согласие</i> (Древний Рим, II в. н.э.; Англия при Генрихе I, 1100–1135 гг.);</p> <p>3. Ликвидация внешней угрозы (Древний Египет, конец 4 тыс. до н.э.); <i>сильная армия, расширение территории страны</i> (Киевская Русь, IX–X вв.; Московская Русь при Иване IV Грозном, 1533–1584 гг.);</p> <p>4. <i>Забота о внутреннем единстве, внутреннем развитии, о благосостоянии населения</i> (Древний Рим, II в. н.э.; Киевская Русь при князе Владимире, 980–1015 гг. и Ярославе Мудром, 1036–1054 гг.).</p> <p>5. <i>Повышение роли государства в экономике и управлении страной</i> (реформы Петр I, пер. половина XVIII в.; Шуваловская реформа, 1753 г.; СССР, 1930–1940 гг.).</p> <p>6. <i>Перенимание различных достижений и изобретений</i> (Древний Египет, конец 4 тыс. до н.э.; Древний Шумер и Аккад, около 7000 лет назад; Япония, около 500 г. до н.э.); <i>смена технологического уклада</i> (Китай в XX в.).</p> <p>7. <i>Развитие законодательства</i> (Древний Вавилон, ок. 1894–1595 гг. до н.э.); США во второй половине XVIII в. – избрание первого президента и принятие конституции).</p> <p>8. <i>Активная дипломатия</i> (Древний Вавилон, ок. 1894–1595 гг. до н.э.; Московская Русь, XIV–XV вв.).</p> <p>9. <i>Развитие экономики, использование преимуществ внешней торговли</i> (Киевская Русь в X – пер. пол. XI в.).</p> <p>10. <i>Реформы, осуществление изменений в социально-экономической и политической жизни адекватных требованиям времени, использование лучшего опыта</i> (Древний Китай, вторая половина I тыс. до н.э., Чжаньго; реформы Александра II в России, 1855–1881 гг.).</p>	<p>1. <i>Разобщенность, борьба между политическими силами</i> (Древний Египет, XI–VI вв. до н.э.; Древний Вавилон, ок. 1894–1595 гг. до н.э.; Российская Империя при Николае II, 1894–1917); <i>классовые и социальные противоречия</i> (Древний Китай, последняя четверть I в. до н.э.; Древняя Греция, V в. до н.э.; США, вторая половина XIX в.; Россия, 1990-е гг. – начало XXI в.).</p> <p>2. <i>Ослабление центральной власти</i> (Древний Египет, XI–VI вв. до н.э.; Российская Империя в Смутное время, XVII в.; Япония, XV в.).</p> <p>3. <i>Чрезмерная социальная несправедливость, восстания населения против власти</i> (Древний Египет, XI–VI вв. до н.э.; Российская империя при Михаиле Романове, 1613–1645 гг.; время царствования Екатерины II (1762–1796 гг.).</p> <p>4. <i>Коррупция</i> (Древняя Греция, V в. до н.э.); <i>слабый контроль населения за деятельностью государственной власти</i>.</p> <p>5. <i>Противоречивость, непоследовательность и отсутствие четко заданных ориентиров реформирования, не успешное решение ключевых и системных проблем государства</i> (реформы Александра I, 1801–1825 гг.; СССР, 1970 гг.; Россия в настоящее время).</p>
Источник: составлено автором.	

ности государственного управления, так и упадку государственности (табл. 2).

Учет этого исторического опыта крайне важен при реформировании системы государственного управления, сложившейся в современной России.

В настоящее время используется целый ряд международных индикаторов для оценки эффективности государственного управления на национальном уровне (интегральный показатель государственного управления, индекс восприятия коррупции, индекс экономической свободы, индекс глобальной конкурентоспособности,

показатель оценки качества целей и прогресса реформ в стране и др.) [5].

Вместе с тем данные методики отличаются некоторыми «узкими» местами, ограничивающими масштабы их применения на практике для проведения оценки эффективности управления, такими как:

а) непрозрачность и субъективность индексов (для их построения используются данные многочисленных и разнообразных источников, значительная часть из которых не находится в открытом доступе, что приводит к невозможности расчетов индексов);

б) оценка не столько самой эффективности государственного управления, сколько политических процессов в стране;

в) свертывание большого объема информации в один индикатор, что не позволяет выяснить конкретные причины получения страной той или иной оценки и т.п. [23].

В российской практике используются собственные методики оценки, нашедшие свое закрепление в указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ¹ и других нормативно-правовых актах. К недостаткам этого методического инструментария относятся большое количество используемых показателей и неполный охват ими всей организационной структуры управления; включение индикаторов, которые не могут быть прямо отнесены к деятельности какого-то одного конкретного подразделения органа власти и отражают скорее развитие региона в целом (величина ВРП, уровень безработицы и др.); отсутствие иерархии показателей; их несбалансированность, несоотнесенность между собой; проблема определения пороговых значений показателей с целью установления качественных итоговых выводов (хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно); универсальное оценивание всех регионов по разработанным критериям [18].

Обобщение литературы по рассматриваемой проблематике, а также существующей практики позволило выделить два основных подхода к оценке эффективности государственного управления: *целевой* (эффективность оценивается исходя из динамики продвижения к целевым значениям

¹ См. напр.: Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ», Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ».

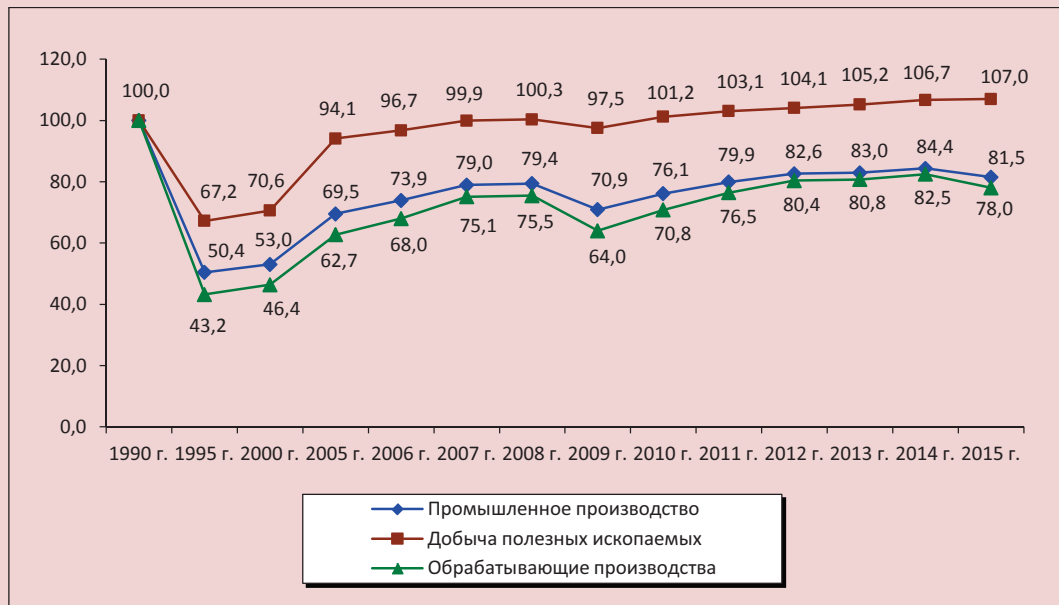
показателей социально-экономического развития; соблюдения экологических и социальных ограничений развития; качества жизни населения; эффективности проектов и программ, реализуемых с участием органа власти) и *функциональный* (оценка эффективности базируется на показателях качества исполнения основных функций управления: системы целевого стратегического планирования и управления; законодательного, нормативного и методического обеспечения; наличия неформальных институтов рыночной инфраструктуры; системы обучения и повышения квалификации работников органов государственного управления) [4].

В нашем исследовании эффективности государственного управления возьмем за основу преимущественно целевой подход, однако акцент сделаем как на качестве исполнения важнейших функций управления, так и на наличии условий для их осуществления (т.е. функциональный подход).

Неэффективное государственное управление в России в постсоветский период привело к тому, что в ключевых отраслях экономики наблюдаются кризисные явления, преодолеть которые без изменения приоритетов государственной политики, на наш взгляд, не представляется возможным. Так, по объему промышленного производства пока не удалось превзойти показатель начала 1990-х гг.: в 2015 году индекс составлял 82% от уровня 1990 года, а по обрабатывающим производствам — только 78% (рис. 3).

О деструктивных явлениях в отечественной промышленности, о деиндустриализации экономики свидетельствует устойчивая тенденция к снижению доли обрабатывающих производств в ВРП, которая в регионах России составляет около 17%, тогда как в регионах Китая — 33%, Южной Кореи — 28%, Индонезии — 25% [12].

Рисунок 3. Индекс промышленного производства в РФ, % к 1990 году

Источник: данные Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru.

Значительная часть производимой продукции относится к низшим технологическим укладам и неконкурентоспособна на мировых рынках. Так, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей² в ВРП субъектов РФ находится на уровне, не превышающем 20–30%, тогда как в США, Японии, Германии, Южной Корее, Тайвани этот показатель составляет в среднем 40–50% [14] (табл. 3).

Основной продукцией, которую Россия экспортирует на мировые рынки, являются товары минерально-сырьевого происхождения. Причем в течение 2000–2015 гг. в структуре экспорта наблюдалось дальнейшее увеличение доли минеральной продук-

ции – с 53,8 до 71,3% (рост на 17,5 п.п.), в то время как доля машин и оборудования сократилась с 8,8 до 5,1% (на 3,7 п.п.)³. Таким образом, Россия по-прежнему позиционирует себя на мировых рынках как сырьевая держава.

При этом в других отраслях материального производства продолжают накапливаться системные проблемы. В частности, несмотря на предпринимаемые федеральными и региональными властями меры, в 2015 году физический объем продукции сельского хозяйства так и не превысил уровень 1990 года. В среднем по стране он составляет лишь 95% от уровня базового периода. Среди других территорий наибольшее падение отмечается в Дальневосточном федеральном округе (на 43,5%; табл. 4).

² К высокотехнологичным отраслям Росстат причисляет виды экономической деятельности, отнесенные к ним в соответствии с международными классификациями (например, производство фармацевтической продукции, аппаратуры для радио, телевидения и связи, изделий медицинской техники, средств измерений, оптических приборов и аппаратуры, часов, летательных аппаратов, включая космические).

³ Доля машиностроительной продукции в общей стоимости экспорта составляет в Японии около 65%, в США и Германии – около 50, Швеции – 45, Канаде – 42% [17].

Таблица 3. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъектов Российской Федерации

Территория	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2015 г.	2015 г. к 2005 г., п.п.
Российская Федерация	20,1	19,1	19,4	19,4	19,3	-0,8
<i>Центральный ФО</i>	<i>22,1</i>	<i>21,8</i>	<i>20,8</i>	<i>21,2</i>	<i>20,5</i>	<i>-1,6</i>
<i>Северо-Западный ФО</i>	<i>23,1</i>	<i>22,7</i>	<i>23,1</i>	<i>23,3</i>	<i>24,4</i>	<i>1,3</i>
Республика Карелия	18,4	17,4	18	18,1	18,3	-0,1
Республика Коми	13,2	10,3	10,7	12,2	13,1	-0,1
Архангельская область	18,8	16,9	16,9	18,4	18,9	0,1
Вологодская область	22,8	22,6	21,1	20,6	20,3	-2,5
Калининградская область	22,6	22,4	23	25,6	26,4	3,8
Ленинградская область	14,3	13,7	12,2	12,2	13,5	-0,8
Мурманская область	18,3	17,1	18,6	17,9	19,1	0,8
Новгородская область	27,7	27,9	30,1	29,5	29,3	1,6
Псковская область	24,1	23,1	23,2	23,4	21	-3,1
г. Санкт-Петербург	28,8	29,6	30,9	30,2	31,7	2,9
<i>Южный ФО</i>	<i>16,8</i>	<i>16,7</i>	<i>16,3</i>	<i>16,4</i>	<i>16,3</i>	<i>-0,5</i>
<i>Северо-Кавказский ФО</i>	<i>18,1</i>	<i>18,4</i>	<i>18,1</i>	<i>18,0</i>	<i>19,1</i>	<i>+1,0</i>
<i>Приволжский ФО</i>	<i>23,1</i>	<i>23,3</i>	<i>22,8</i>	<i>23,2</i>	<i>23,2</i>	<i>+0,1</i>
<i>Уральский ФО</i>	<i>13,4</i>	<i>12,8</i>	<i>12,4</i>	<i>12,3</i>	<i>12,7</i>	<i>-0,7</i>
<i>Сибирский ФО</i>	<i>18,8</i>	<i>18,0</i>	<i>18,2</i>	<i>18,7</i>	<i>19,6</i>	<i>+0,8</i>
<i>Дальневосточный ФО</i>	<i>15,4</i>	<i>15,0</i>	<i>13,7</i>	<i>13,7</i>	<i>15,2</i>	<i>-0,2</i>

Источник: данные Единой межведомственной информационно-статистической системы Росстата. – <https://www.fedstat.ru/indicator/43525>.

Таблица 4. Индекс производства продукции сельского хозяйства (во всех категориях хозяйств), % к 1990 г.*

Территория	1990 г.	1991 г.	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
РФ	100	95,5	55,1	60,7	68,1	80,2	81,4	72,2	88,8	84,5	89,4	92,5	95,3
<i>Центральный ФО</i>	<i>100</i>	<i>97,1</i>	<i>57,2</i>	<i>62,2</i>	<i>64,2</i>	<i>80,1</i>	<i>83,3</i>	<i>70,3</i>	<i>94,8</i>	<i>98,8</i>	<i>105</i>	<i>109,7</i>	<i>115,2</i>
<i>Северо-Западный ФО</i>	<i>100</i>	<i>99,4</i>	<i>53,6</i>	<i>59,1</i>	<i>52,8</i>	<i>52,5</i>	<i>54,7</i>	<i>55,8</i>	<i>60,4</i>	<i>62,8</i>	<i>62,7</i>	<i>65,6</i>	<i>68,5</i>
Республика Карелия	100	96,7	39,7	47,2	40,6	41,7	40,2	39,8	39,8	37,5	39,1	38,4	37,9
Республика Коми	100	104,9	68,3	68,3	57,1	58,2	56,6	58,4	63,6	64,5	61,2	60,7	61,2
Архангельская обл.	100	99,7	61,8	56,6	38,9	33,0	34,7	33,9	36,6	36,9	33,6	34,3	29,2
Вологодская область	100	96,8	64,1	72,3	61,1	57,7	56,3	52,1	57,6	54,8	51,1	50,2	52,0
Калининградская обл.	100	100,0	46,4	48,1	47,8	53,7	59,0	59,1	59,2	62,3	64,8	71,2	78,5
Ленинградская обл.	100	98,8	49,3	59,7	61,8	64,0	66,9	68,7	74,7	80,7	83,7	85,8	87,4
Мурманская область	100	92,3	32,2	37,0	26,6	32,6	32,9	32,1	32,7	32,7	26,8	22,2	16,9
Новгородская область	100	98,7	53,2	57,5	53,6	50,7	59,7	75,1	88,1	92,5	84,1	93,6	107,5
Псковская область	100	104,4	55,4	59,9	41,9	36,3	37,0	37,3	39,3	41,6	46,9	57,7	66,5
<i>Южный ФО</i>	<i>100</i>	<i>88,0</i>	<i>42,0</i>	<i>50,8</i>	<i>70,1</i>	<i>90,7</i>	<i>83,6</i>	<i>82,9</i>	<i>93,9</i>	<i>85,1</i>	<i>89,0</i>	<i>93,6</i>	<i>95,0</i>
<i>Приволжский ФО</i>	<i>100</i>	<i>99,3</i>	<i>64,5</i>	<i>70,1</i>	<i>77,0</i>	<i>89,2</i>	<i>89,0</i>	<i>65,8</i>	<i>92,3</i>	<i>86,5</i>	<i>90,2</i>	<i>94,0</i>	<i>95,4</i>
<i>Уральский ФО</i>	<i>100</i>	<i>94,4</i>	<i>56,3</i>	<i>61,3</i>	<i>69,3</i>	<i>75,5</i>	<i>78,9</i>	<i>71,1</i>	<i>88,8</i>	<i>75,8</i>	<i>82,1</i>	<i>82,0</i>	<i>84,9</i>
<i>Сибирский ФО</i>	<i>100</i>	<i>84,6</i>	<i>53,8</i>	<i>60,1</i>	<i>61,5</i>	<i>68,5</i>	<i>75,3</i>	<i>71,3</i>	<i>74,9</i>	<i>67,4</i>	<i>75,4</i>	<i>72,8</i>	<i>74,1</i>
<i>Дальневосточный ФО</i>	<i>100</i>	<i>93,7</i>	<i>47,2</i>	<i>43,8</i>	<i>44,6</i>	<i>49,2</i>	<i>50,7</i>	<i>51,7</i>	<i>55,6</i>	<i>54,1</i>	<i>48,6</i>	<i>58,2</i>	<i>56,5</i>

Источник: рассчитано авторами на основе данных официального сайта Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fedstat.ru.
* Данные по Северо-Кавказскому федеральному округу представлены только за 2011–2015 гг, поэтому в таблице не приведены.

Кроме того, в 1990–2015 гг. наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению посевных площадей, занятых сельскохозяйственными культурами: в среднем по стране они уменьшились почти на треть, а в регионах СЗФО их сокращение происходило еще более быстрыми темпами. Аналогичные деструктивные явления зафиксированы и в животноводстве. За последние 25 лет поголовье крупного рогатого скота снизилось на 2/3, а в регионах ситуация еще более пессимистическая – сокращение составило около 4–5 раз.

Негативные явления в отечественном сельском хозяйстве служат одним из истоков современных проблем сельских терри-

торий. В большинстве регионов России с начала 1990-х гг. численность населения сельских территорий стремительно снижалась. Например, в СЗФО в период 1990–2015 гг. она уменьшилась на 20%.

Отсюда следует, что без кардинального изменения государственной политики население данных территорий и в дальнейшем будет ориентировано на миграцию в города, где созданы более благоприятные условия для комфортной жизни (табл. 5).

В целом бизнес-сообщество как одна из «групп интересов» признает, что в настоящее время государственное управление в России неэффективно и не отвечает стоящим перед страной вызовам. Актуальной

Таблица 5. Распределение ответов сельских жителей на вопрос «Собираетесь ли Вы в ближайшие 2–3 года переехать на постоянное место жительства в город?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	2010 г.		2015 г.		2015 г. к 2010 г., п.п.	
	Все респонденты	В т.ч. в возрасте 16–30 лет	Все респонденты	В т.ч. в возрасте 16–30 лет	Все респонденты	В т.ч. в возрасте 16–30 лет
Уеду точно	6,8	14,0	14,0	26,6	+7,2	+12,6
Задумываюсь об отъезде	18,4	27,3	27,9	37,6	+9,5	+10,3
Считаю переезд маловероятным	26,0	26,8	27,2	18,9	+1,2	-7,9
Нет	48,8	31,9	30,9	16,9	-17,9	-15,0

Источники: Бондаренко Л.В. Демографическая ситуация на селе и перспективы развития сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013. – № 3. – С. 53-57; Ушачев И.Г. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции // Там же. – 2015. – № 2. – С. 8-15.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Какую роль должно играть российское государство в экономике в ближайшие несколько лет?», % от числа ответивших

Оценка	Год					Изменение 2015 г. к 2007 г., п.п.
	2007	2008	2010	2014	2015	
Государство должно активизировать экономическую политику, расширяя спектр используемых инструментов	43,6	44,6	41,2	45,5	58,8	+15,2
Государство должно сохранить определенное влияние на экономическую жизнь в стране, но его роль должна уменьшиться	16,4	17,9	20	34,8	23,5	+7,1
Государство должно усилить степень прямого участия в экономической жизни и активнее вмешиваться в хозяйственную политику	16,4	26,8	17,6	6,1	8,8	-7,6
Нынешняя степень участия государства в экономике оптимальна	3,6	8,9	5,9	0,0	7,4	+3,8
Государство должно полностью отказаться от прямого вмешательства в экономическую жизнь и только следить за соблюдением законов всеми экономическими агентами	12,7	1,8	9,4	13,6	1,5	-11,2

Источник: результаты опросов ИСЭРТ РАН среди руководителей промышленных предприятий Вологодской области.

задачей при этом является активизация роли государства, расширение спектра используемых инструментов. На это в 2015 году указали 59% руководителей предприятий промышленности Вологодской области (табл. 6)⁴.

Одна из ключевых проблем государственного управления на федеральном уровне – несогласованность действий Правительства РФ со стратегическим курсом Президента. Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года отмечается, что одной из стратегических задач развития российского АПК является необходимость к «2020 году полностью обеспечить внутренний рынок отечественным продовольствием... и стать крупнейшим мировым поставщиком здоровых, экологически чистых, качественных продуктов питания». В то же время на практике сформирована такая нормативно-правовая и институциональная среда, которая не позволяет успешно решать данную задачу. Предприятия отрасли, и прежде всего малый бизнес, «кошмарятся» как раньше, так и сейчас.

Например, в соответствии с приказом Минтранса РФ от 13.02.2013 г. № 36 сельхозтоваропроизводители обязаны устанавливать тахографы на транспортные средства при перевозке грузов за пределами границ того района, в котором оно зарегистрировано. Нормы ФЗ от 13.07.2015 г. № 248 требуют от производителей оформ-

⁴ ИСЭРТ РАН с 1993 года проводит анкетный опрос руководителей промышленных предприятий Вологодской области с целью выявления тенденций развития отрасли, оценки эффективности и определения перспективных направлений совершенствования государственного управления. В рамках исследования опрашиваются руководители предприятий металлургии, лесопромышленного комплекса, машиностроения, пищевой, химической, легкой и строительной промышленности. В нем приняли участие: в 2016 г. – 68 руководителей, 2014 г. – 67; 2013 г. – 97; 2012 г. – 95; 2011 г. – 93; 2010 г. – 85; 2009 г. – 64; 2008 г. – 57; 2007 г. – 56 руководителей.

ления специального разрешения на передвижение негабаритной техники по дорогам областного и федерального значения⁵. Разрешение выдается на 10 поездок, действует 3 месяца и стоит 1,5 тыс. рублей. На основании ч. 2 ст. 8.7 Кодекса об административных нарушениях РФ сотрудники Россельхознадзора имеют право взимать с сельхозтоваропроизводителей штраф (до 50 тыс. рублей) за невнесение в почву минеральных удобрений. Все это никак не способствует развитию отрасли и активизации деятельности хозяйствующих субъектов.

Решения Правительства РФ зачастую противоречат друг другу и здравому смыслу. В частности, задачами подпрограммы 5 «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» Государственной программы развития российского сельского хозяйства, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 19 декабря 2014 г. № 1421, являются «стимулирование приобретения сельхозхозяйственными товаропроизводителями высокотехнологичных машин и оборудования, повышение их инновационной активности и расширение масштабов развития отрасли на инновационной основе». В то же время Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2016 г. № 81 «Об утилизационном сборе в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним...» определен его размер, значительно повышающий конечную цену на покупку данной продукции [24].

⁵ Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования норм, регулирующих движение по автомобильным дорогам тяжеловесных и крупногабаритных транспортных средств и транспортных средств, осуществляющих перевозки опасных грузов».

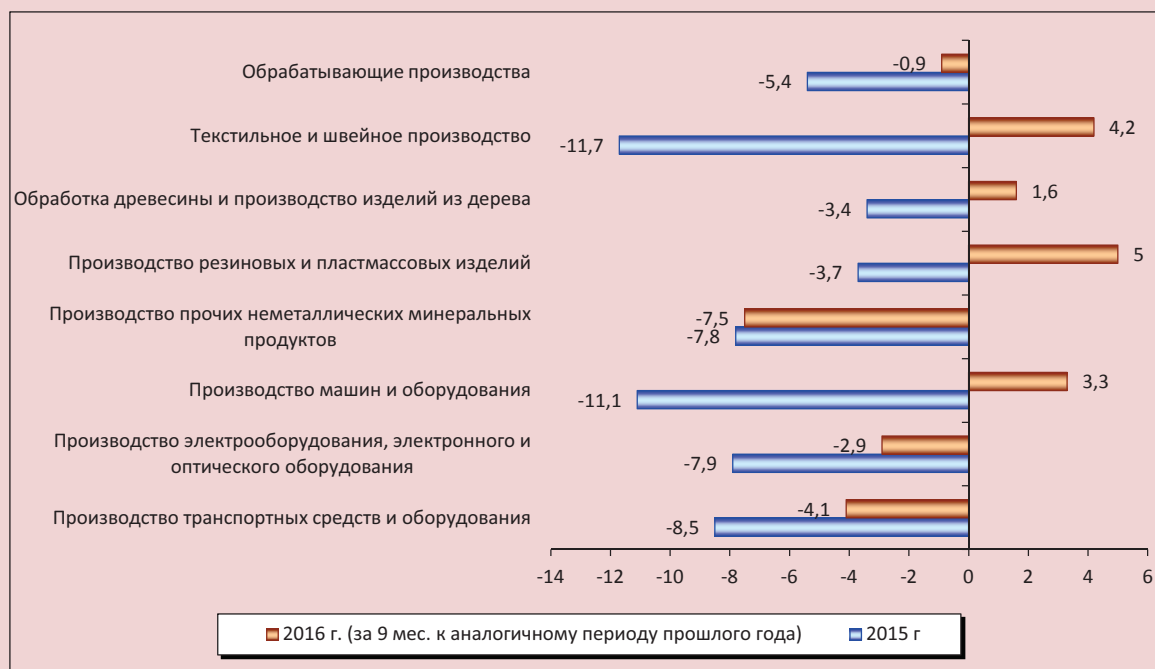
Аналогичная политика применяется и в отношении других отраслей. В частности, в свете введенных санкций и реализации политики импортозамещения был принят «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» (утв. распоряжением Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р). Но, как оказалось, антикризисный план был ориентирован на спасение банковского сектора: на эти цели выделено около 1,7 трлн. руб., тогда как на меры по импортозамещению, на поддержку несырьевого экспорта – 4 млрд. руб., малого и среднего предпринимательства – 5 млрд. руб.

За годы реализации в стране политики импортозамещения (конец 2014–2016 гг.) производство стратегически важных

продуктов выросло незначительно, а по целому ряду позиций упало (рис. 4).

При этом можно признать, что для существующего государственного управления характерно фактически отсутствие обоснованного, объективного прогнозирования при выработке стратегических управленческих решений. Так, Министерство экономического развития РФ в течение только сентября–октября 2016 года 3 раза корректировало прогноз социально-экономического развития России на 2017–2018 гг. с учетом требований Министерства финансов и Центробанка РФ к составлению проекта федерального бюджета. Теперь базовый сценарий развития страны предусматривает рост ВВП в 2017 году на 1,9% (предыдущий прогноз – 0,2 и 0,6%; табл. 7).

Рисунок 4. Индекс физического объема промышленного производства по отраслям промышленности, % к предыдущему году

Источник: составлено по данным Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#

Таблица 7. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов (базовый сценарий)

Показатели	2016 г.	2017 г.			2018 г.		
	Оценка	Прогноз от 16 сентября 2016 г.	От 10 октября 2016 г.	От 17 октября 2016 г.	От 16 сентября 2016 г.	От 10 октября 2016 г.	От 17 октября 2016 г.
Цена на нефть Urals, долл./ барр.	41	40	40	52	40	40	55
Инфляция на конец года, %	5,8	4,9	4	4	4,4	4	4
Курс доллара, руб.	67,5	65,5	67,5	67,5	65	68,7	68,7
ВВП, %	-0,6	0,6	0,2	1,9	1,7	0,9	2,4
Инвестиции в основной капитал, %	-3,7	0,3	-0,5	2,1	2,2	1,2	2,6
Реальные располагаемые доходы, %	-5,6	0,5	0,2	1,5	1	0,3	1,9
Реальная зарплата, %	0,3	0,6	0,4	2,9	1,9	1,2	3,1
Розничная торговля, %	-4,6	1,1	0,6	0,5	1,5	0,9	1,1
Промышленность, %	0,4	1,2	1,1	1,5	1,8	1,7	1,9
Экспорт, млрд. долл.	279	...	284	344	...	290	365
Импорт, млрд. долл.	187	...	194	212	...	200	223
Счет текущих операций, млрд. долл.	32	...	30	30	...	25	25
Безработица, %	5,9	...	5,9	5,9	...	5,8	5,8

Источник: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/20151026>; данные Министерства экономического развития Российской Федерации.

На фоне этих процессов в экономической сфере наблюдается дальнейшее нарастание кризисных явлений, о чем свидетельствует падение реального уровня жизни россиян. Доля тех, кто причисляет себя к среднему классу, сократилась в 2016 году до 51% (на 10 п.п. по сравнению с показателем за 2014 г.). В абсолютном выражении из среднего класса могло выпасть 14 млн. человек⁶.

Данные других исследований еще более пессимистичны. Например, по результатам исследований РАНХиГС, доля россиян, относящихся к среднему классу, снизилась к

концу 2015 года с 20 до 15% от общей численности населения⁷.

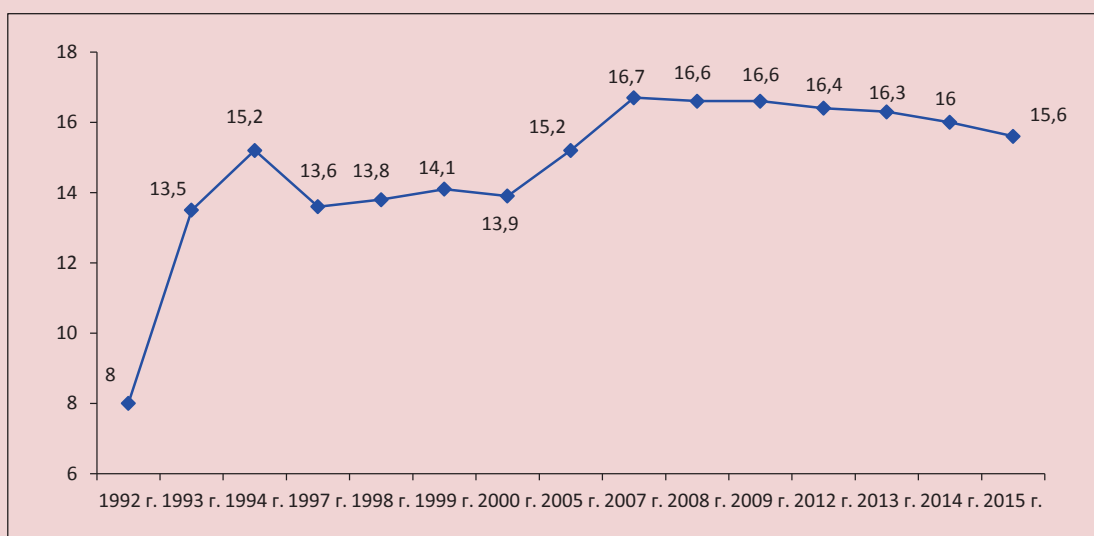
Причем в течение последних полутора десятилетий продолжает нарастать «пропасть» между доходами самых богатых и самых бедных граждан страны. Об этом свидетельствует динамика коэффициента фондов, показывающего соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (рис. 5).

Таким образом, о социальной направленности государственной политики говорить, к сожалению, не приходится.

⁶ Источник: данные за третий квартал 2016 года опроса Sberbank CIB, который проводится среди 2,3 тыс. россиян со средним уровнем дохода в возрасте 18–65 лет в 164 городах с населением более 100 тыс. человек. Эта оценка получена исходя из того, как сами люди идентифицируют себя. Данные выпускаются ежеквартально и позволяют проследить уровень потребительской уверенности россиян – представителей среднего класса.

⁷ В данной методологии средний класс – люди, которым присущи как минимум 2 из 3 критериев: материальный достаток (доход не ниже средней заработной платы по региону, наличие сбережений, достаточных для приобретения автомобиля), профессиональные качества (высшее образование, принадлежность к группе специалистов или предпринимателей) и самооощения (оценка благосостояния, доступа к власти и уважения).

Рисунок 5. Коэффициент фондов в Российской Федерации в 1992–2015 гг.

На фоне этого отмечается резкое снижение доверия населения к госструктурам и социальным институтам по сравнению с оценками за 2015 год. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведенного АНО «Левада-Центр» (табл. 8).

Согласно ему, рейтинг доверия к Правительству РФ оказался самым низким за последние пять лет. В 2016 году около ¼ ответивших признали, что Правительство РФ «совсем не заслуживает доверия». Эти данные коррелируют с результатами исследований ИСЭРТ РАН.

Судя по результатам проведенного нами анализа, приоритетными направлениями деятельности в области совершенствования государственного управления, которые позволят повысить его эффективность, являются:

1) усиление прямого государственного участия в развитии территорий, отраслей, комплексов; совершенствование государственной политики в ключевых сферах социально-экономической системы, развитии экономики знаний (ИТ, биотехнологий, генной инженерии);

2) повышение доступности инвестиционных ресурсов для предприятий, реализующих проекты в новейших отраслях экономики (шестого технологического уклада), несырьевом секторе путем совершенствования денежно-кредитной политики, докапитализации и повышения эффективности функционирования институтов развития;

3) использование передовых методов организации деятельности в государственном секторе, новых технологий и лучших практик реализации государственных функций и предоставления услуг (например, внедрение проектного подхода к управлению);

4) организация эффективного взаимодействия органов власти, бизнес-структур и институтов гражданского общества в достижении стратегических задач государственного управления (создание при Президенте РФ структуры, которая наделена особыми полномочиями по разработке и реализации ключевых реформ и в состав которой должны входить представители власти, бизнеса и гражданского общества;

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживает доверия..? (доля людей, выбравших вариант ответа «вполне заслуживает»)

Органы власти и социальные институты	Год					2016 г. к 2015 г., +/-	2016 г. к 2012 г., +/-
	2012	2013	2014	2015	2016		
Президент РФ	51	55	79	80	74	-6	+23
Армия	39	43	53	64	60	-4	+21
Органы госбезопасности	33	36	46	50	46	-4	13
Правительство РФ	29	30	46	45	26	-19	-3
Совет Федерации РФ	21	24	39	40	24	-16	3
Госдума	20	25	37	40	22	-18	2
Полиция	20	18	21	29	24	-5	4
Прокуратура	23	26	32	37	24	-13	1

Источник: Институциональное доверие: пресс-выпуск / АНО «Левада-Центр». – 2016. – 13 октября.

снижение налоговой нагрузки на новые и динамично развивающиеся производства и др.);

5) переход к комплексной оценке правовых актов различных уровней, нацеленных на регулирование в той или иной сфере деятельности;

6) повышение эффективности межведомственного взаимодействия, взаимодействия органов власти федерального, регионального и муниципального уровня (перераспределение источников налоговых доходов между различными уровнями бюджета, снижение зависимости региональных и местных бюджетов от межбюджетных трансфертов и др.).

Важную роль в этих процессах играет новая промышленная политика, основополагающими направлениями которой являются стимулирование развития горизонтальных и вертикальных связей, гибких организационных форм воспроизводственных цепочек с высокой добавленной стоимостью; усиление роли национальных компаний в формировании глобальных цепочек добавленной стоимости [13].

Вместе с тем уровень интеграции российских хозяйствующих субъектов отстает от зарубежного, о чем свидетельствуют

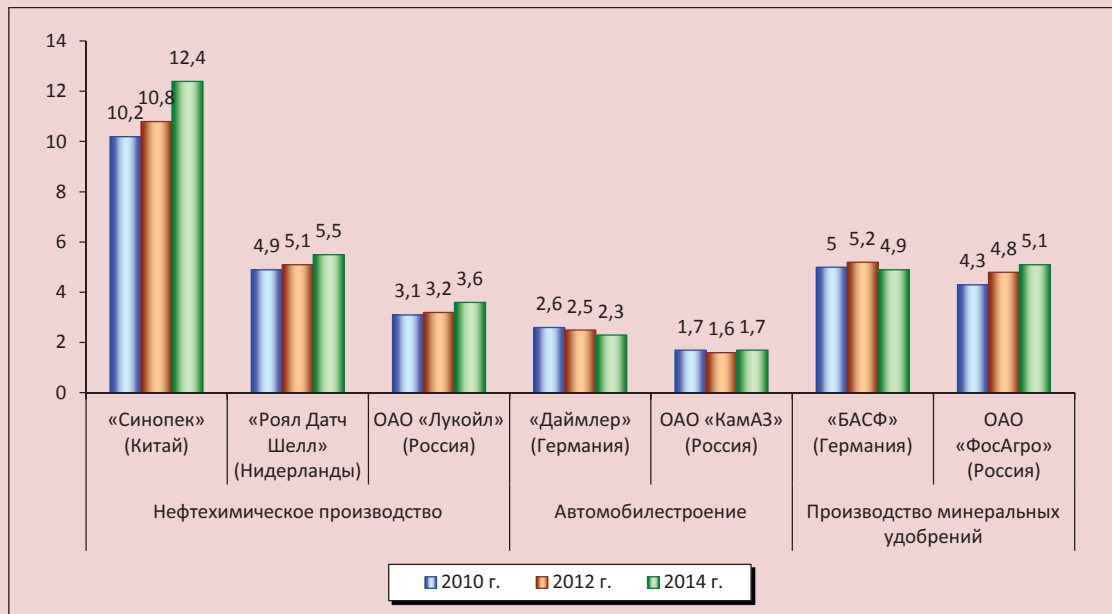
значения мультипликатора добавленной стоимости⁸ (рис. 6).

При этом следует отметить, что значение мультипликатора добавленной стоимости в среднем по экономике России существенно ниже, чем в развитых странах мира: около 1,3–1,5 (по расчетам С.С. Губанова и других исследователей) против 12,8 в США и 11–13 единиц в других развитых странах мира [25].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что основные технологические цепочки в российской экономике разрушены и ее основу составляют большое количество дезинтегрированных хозяйствующих субъектов, производящих в рамках одного предприятия продукцию лишь нескольких переделов. Объем российских высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью ограничен, и они неконкурентоспособны на мировых рынках по сравнению с продукцией крупнейших ТНК, производящих аналогичную продукцию.

⁸ Мультипликатор добавленной стоимости – отношение совокупной величины товарной массы, произведенной предприятием, к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот. Характеризует глубину технологического передела на предприятии и производимую продукцию с точки зрения величины добавленной стоимости.

Рисунок 6. Мультипликатор добавленной стоимости зарубежных и отечественных вертикально интегрированных структур (ВИС) в 2010–2014 гг.

Источник: рассчитано автором на материалах ежегодных отчетов компаний.

Поэтому важной задачей для органов власти России являются трансформационные преобразования в экономике путем ликвидации дезинтегрированности, а также восстановления технологических цепочек добавленной стоимости в приоритетных отраслях, поскольку лишь в этом случае удастся осуществить реальное перевооружение промышленности, провести ее неоиндустриализацию на основе инноваций.

Формирование и развитие вертикально интегрированных компаний предполагает необходимость разработки государственной политики, которая должна побуждать предприятия с помощью стимулирующих мер к созданию интегрированных хозяйственных субъектов.

Основные методы построения интегрированных структур, выявленные нами на основе исследования зарубежного

опыта (Франция, Италия, Германия, США, Великобритания, Китай, Япония, Южная Корея), включают в себя выкуп государством контрольных пакетов акций предприятий, финансовые инструменты (государственные банки контролируют предприятия посредством финансовых механизмов, побуждая их к объединению), государственное регулирование (объединение отраслей и предприятий в группы), жесткое государственное регулирование конкуренции (регулирование, принуждающее к объединению предприятий или уходу с рынка) и др.

Иными словами, процесс формирования и развития ВИС должен происходить при активной поддержке со стороны органов власти (прежде всего, федеральных и региональных), направленной на создание благоприятных условий для повышения

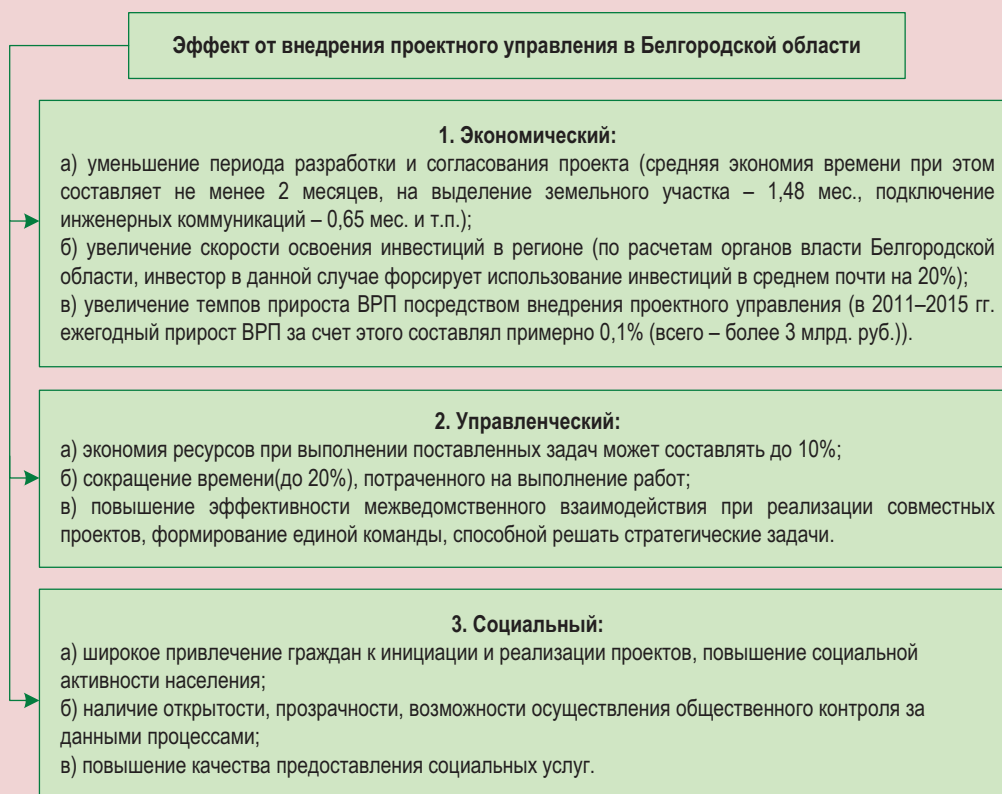
эффективности использования ресурсных возможностей хозяйствующих субъектов. В целом управление процессами интеграции предполагает широкое использование методов и форм программно-целевого управления, при котором вся совокупность объектов, участвующих в формировании ВИС, будет рассматриваться в качестве единого объекта с общей задачей функционирования.

Потребность в модернизации, переводе национальной экономики на инновационные рельсы развития, а также в полноценном решении комплекса проблем развития территорий обуславливает необходимость повышения эффективности го-

сударственного управления посредством совершенствования системы организации управленческих процессов в публичном секторе. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что решением данных проблем является активное внедрение в деятельность органов власти проектного подхода к управлению.

Одним из субъектов РФ, где практика проектного управления получила наибольшее развитие, выступает Белгородская область. Внедрение проектного управления в органах власти региона вызвало возникновение значительного эффекта для всей региональной социально-экономической системы (рис. 7).

Рисунок 7. Эффект от внедрения проектного управления в Белгородской области

Источник: составлено по [15, 21].

При этом изучение институционально-правового и организационного обеспечения позволило признать, что факторами такого успеха Белгородской области являются:

1. Высокий уровень его поддержки со стороны высшего должностного лица субъекта (Губернатора региона).

2. Определение органа власти, ответственного за внедрение проектного управления.

3. Включение в единый контур всех органов государственной и муниципальной власти региона.

4. Профессиональное переобучение работников органов власти.

5. Создание среды оценки и отбора проектов для реализации (экспертные комиссии по их рассмотрению, привлечение внешних экспертов).

6. Построение системы администрирования «от исполнителя проекта до руководителя органа власти».

7. Формализация проектного управления (проектная документация, роли, процедуры, порядки).

8. Наличие технологической поддержки проектной деятельности (автоматизированная информация система (АИС)).

9. Мотивационная политика, ориентированная как на участие работников в проектах, так и на успешное их завершение. Она заключается в материальном стимулировании госслужащих, успешно завершивших реализацию проекта путем формирования в регионе проектного премиального фонда, а также присвоение им рангов в области проектного управления (например, проектный специалист 1–4 класса, выступающий членом рабочей группы проекта, и менеджер проекта 1–4 класса, являющийся его руководителем) [21].

Таким образом, при формировании благоприятных условий проектное управление

может стать одним из инструментов развития, позволяющих эффективно управлять государственными программами, проектами, в реализации которых ключевой проблемой является низкая эффективность при огромных бюджетных расходах. Однако достижение таких положительных результатов требует развитой институционально-правовой и организационной среды не только на федеральном, но и региональном уровнях.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в целом реализуемая государственная политика и управление фактически на всех его уровнях характеризуются неэффективностью, то есть неспособностью своевременно и полноценно решать внутренние социально-экономические проблемы страны, связанные с повышением уровня и качества жизни ее населения, решением общественно значимых задач, отвечать на стоящие перед Россией вызовы, обеспечивать национальную безопасность в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях.

Преодолеть кризисные явления в экономике страны без изменения приоритетов государственной политики в ключевых сферах народного хозяйства, на наш взгляд, не представляется возможным. Государство должно перейти к политике активно действующего актора в экономической жизни страны. Управление при этом необходимо ориентировать на развитие реального сектора экономики, реализацию проектов, служащих задачам развития и укрепления страны, обеспечивающих диверсификацию экономики, модернизацию ключевых ее отраслей, производство продукции с высокой добавленной стоимостью, являющейся конкурентоспособной на мировых рынках. Главным индикатором эффективности государственного управления при этом должны стать уровень

и качество жизни населения, динамично развивающаяся экономика, отвечающая стоящим перед ней вызовам.

В этой связи перед наукой встает ряд задач, успешное решение которых позволит дать обоснованные рекомендации относительно повышения эффективности государственного управления. Это такие задачи, как:

а) исследование проблем эффективности управления территориями (странами, регионами) в существующих и изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях;

б) исследование возможностей, условий и механизмов применения современных методов управления (проектное управление, бенчмаркинг, краудсорсинг, реинжиниринг, SMART-технологии, ГЧП и т.п.);

в) разработка методического инструментария оценки эффективности государственного и муниципального управления, государственной политики в различных сферах (в т.ч. с использованием экономико-математических методов);

г) исследование вопросов повышения эффективности стратегического планирования и управления социально-экономическими системами;

д) разработка направлений совершенствования государственной политики в области развития института местного самоуправления в России;

е) исследование вопросов эффективной организации взаимодействия органов власти, бизнес-структур и институтов гражданского общества в достижении стратегических задач государственного управления.

При этом важным является формирование системы мониторинга эффективности государственного управления территориями, отраслями, комплексами, осуществляемое на основе утвержденной методологии и показателей, что позволит своевременно выявлять существующие проблемы и выработать научно обоснованные предложения по повышению эффективности государственного управления в России.

Литература

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления [Текст] / Г.В. Атаманчук. – М.: Омега-Л, 2004. – 301 с.
2. Вольманн, Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» [Текст] / Х. Вольманн // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 93-99.
3. Выступление Дмитрия Медведева на пленарном заседании XV Международного инвестиционного форума «Сочи-2016» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/24729/>
4. Дербетова, Т.Н. Оценка эффективности государственного управления: от общих подходов к конкретно-предметным / Т.Н. Дербетова // Интернет-журнал «Науковедение». – 2012. – № 1. – С. 1-8.
5. Добролюбова, Е.И. Показатели эффективности реформ государственного управления в России: возможные подходы (рабочие материалы) / Всемирный банк. – 2000. – 22 с. – Режим доступа: http://www.politanaliz.ru/articleprint_568.html.
6. Ильин, В.А. Правящие элиты – проблема национальной безопасности России / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 10.
7. Ильин, В.А. Стратегия национальной безопасности-2015 – шаг к новому этапу развития России [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1(43). – С. 9-25.
8. Качество и успешность государственных политик и управления: монография / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, С.М. Строганова. – М.: Научный эксперт, 2012. – 496 с.

9. Клименко, А.В. Модернизация функционала исполнительной власти и ее результаты [Текст] / А.В. Клименко // Проблемы современного государственного управления в России: мат. науч. семинара. – Вып. 4 (25) «Проблема оценки качества государственного управления». – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 6-47.
10. Кожевников, С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти [Электронный ресурс] / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 5. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2037>.
11. Кожевников, С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции [Электронный ресурс] / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1885>
12. Кондратьев, В.Б. Глобальная обрабатывающая промышленность [Электронный ресурс]. – http://www.perspektivy.info/rus/ekob/globalnaja_obrabatyvajushhaja_promyshlennost_2013-06-11.htm
13. Ленчук, Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития [Текст] / Е.Б. Ленчук // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 3. – С. 132-143.
14. Мезенцева, О.Е. Развитие высокотехнологичного производства в мире и России [Текст] / О.Е. Мезенцева // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 7. – С. 176-181.
15. Павлова, О.А. Опыт внедрения проектного управления на примере Белгородской области [Электронный ресурс] / О.А. Павлова. – Режим доступа: leader-id.ru/upload/file/get/3267/.
16. Повышение эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований [Текст] : заключ. отчет о НИР / Т.В. Ускова, А.Н. Чекавинский, Н.В. Ворошилов, С.А. Кожевников. – Вологда, 2013. – 181 с.
17. Половинкин, В.Н. Современное состояние и проблемы развития отечественного машиностроения / В.Н. Половинкин, А.Б. Фомичев // Атомная стратегия. – Режим доступа: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4639>
18. Программно-целевое управление региональным развитием [Текст] / С.В. Перфильев, И.Н. Логинов, О.Ю. Горбова, О.И. Дудукина. – Рязань, 2012. – 123 с.
19. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий / В.В. Путин // Российская газета. – 1999. – 30 дек.
20. Путин потребовал повысить эффективность управления экономикой [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». – 2016. – 13.07. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2016/7/13/821281.html>.
21. Савченко, Е. Белгородская область: проектное управление для муниципальных инициатив [Текст] / Е. Савченко // Самоуправление. – 2012. – № 2. – С. 6-7.
22. Синк, Д.С. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение [Текст] / Д.С. Синк: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. В.И. Данилова–Данильяна. – М.: Прогресс, 1989. – 528 с.
23. Справка по интегральным показателям качества государственного управления (применяемым в странах ОЭСР) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.csr.ru/_upload/editor_files/file0097.doc.
24. Чекавинский, А.Н. Фермерский сектор Вологодской области: со-стояние, проблемы и возможности развития [Текст] / А.Н. Чекавинский // Молочнохозяйственный вестник. – 2016. – № 2. – С. 143-151.
25. Input-Output Accounts Data [Electronic resource] / Bureau of Economic Analysis. – Available at http://bea.gov/industry/io_annual.htm

Сведения об авторе

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Kozhevnikov S.A.

Gaining Efficiency of Public Administration – Key Objective for Modern Russia

Abstract. The article proves that addressing the issues of socio-economic development of Russia, ensuring the population's high quality of life and national security is of particular importance. Analysis of domestic and foreign historical experience concludes that there are many factors which determine both the development of statehood and the decreasing public administration efficiency. Their consideration is extremely important for the reformation of public administration in modern Russia. We consider a series of technical approaches to assessing management effectiveness, which have established in the academic literature and practice, point to the drawbacks limiting their wider use. The present paper uses target and functional approaches which prove the inefficiency of public administration in the post-Soviet period, which led to the crisis in key sectors of the Russian economy, which is impossible to overcome without changing the government policy. Moreover, at the present stage, management is characterized by specific features reducing its efficiency; these include lack of coordination between the actions of authorities, contradictory management decisions made at different levels, lack of sound objective strategic planning and forecasting. In this regard, improving public administration based on the use of modern methods in order to improve its efficiency is becoming acute. In our view, an important role in this process belongs to the new industrial policy whose fundamental area includes stimulating the development of high value-added chains. The results of analysis demonstrate that the current level of integration of Russian economic entities lags behind the foreign levels, which is a factor limiting their competitiveness on world markets and their contribution to the socio-economic development of territories. We prove that the formation and development of integrated enterprises suggests the need to develop government policy which, with the help of stimulus measures should encourage enterprises to practice such integration. On the example of the Belgorod Oblast we demonstrate the efficiency of implementing project management in government activity; we prove that the activation of these processes requires a well-developed institutional and organizational environment.

Key words: public administration, public administration efficiency, development institutions, value added, vertical integration, project management, performance evaluation techniques.

References

1. Atamanchuk G.V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya* [Theory of public administration]. Omega-L, 2004. 301 p. (In Russian).
2. Vol'mann Kh. Otsenivanie reform gosudarstvennogo upravleniya: "tret'ya volna" [Evaluation of public administration reforms: "the third wave"]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2010, no. 10, pp. 93–99. (In Russian).
3. *Vystuplenie Dmitriya Medvedeva na plenarnom zasedanii XV Mezhdunarodnogo investitsionnogo foruma "Sochi-2016"* [Dmitrii Medvedev's speech at the plenary session of the 15th International Investment Forum "Sochi-2016"]. Available at: <http://government.ru/news/24729/>. (In Russian).
4. Derbetova T.N. Otsenka effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya: ot obshchikh podkhodov k konkretno-predmetnym [Evaluation of public administration efficiency: from general to specific objective approaches]. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* [Naukovedenie online journal], 2012, no. 1, pp. 1–8. (In Russian).
5. Dobrolyubova E.I. Pokazateli effektivnosti reform gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: vozmozhnye podkhody (rabochie materialy) [Indicators of public administration efficiency in Russia: possible approaches (working papers)]. *Vsemirnyi bank* [World Bank], 2000. 22 p. Available at: http://www.politanaliz.ru/articleprint_568.html. (In Russian).

6. Ilyin V.A. Pravyashchie elity – problema natsional'noi bezopasnosti Rossii [The ruling elites: a problem for Russia's national security]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 4, p. 10. (In Russian).
7. Ilyin V.A. Strategiya natsional'noi bezopasnosti-2015 – shag k novomu etapu razvitiya Rossii [National Security Strategy 2015 – a step towards the new phase of Russia's development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1(43), pp. 9–25. (In Russian).
8. Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Orlov I.B., Stroganova S.M. *Kachestvo i uspeshnost' gosudarstvennykh politik i upravleniya: monografiya* [Quality and efficiency of state policy and administration]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2012. 496 p. (In Russian).
9. Klimenko A.V. Modernizatsiya funktsionala ispolnitel'noi vlasti i ee rezul'taty [Modernization of functions of executive authorities and its results]. *Problemy sovremenno gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: mat. nauch. Seminara. Vyp. 4 (25) "Problema otsenki kachestva gosudarstvennogo upravleniya"* [Issues of modern public administration in Russia: proceedings of an academic seminar. Issue 4 (25) "Problem of estimating of public administration quality"]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2009. Pp. 6–47. (In Russian).
10. Kozhevnikov S.A. Proektnoe upravlenie kak instrument povysheniya effektivnosti deyatel'nosti organov gosudarstvennoi ispolnitel'noi vlasti [Project management as a tool for enhancing the performance of government executive bodies]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues], 2016, no. 5. Available at: <http://vtr.vscac.ru/article/2037>. (In Russian).
11. Kozhevnikov S.A. Formirovanie tekhnologicheskikh tsepochek dobavlennoi stoimosti v forme vertikal'noi integratsii [Developing technology value chains in the form of vertical integration]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues], 2016, no. 3. Available at: <http://vtr.vscac.ru/article/1885>. (In Russian).
12. Kondrat'ev V.B. *Global'naya obrabatyvayushchaya promyshlennost'* [Global manufacturing]. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/globalnaja_obrabatyvayushchaya_promyshlennost_2013-06-11.htm. (In Russian).
13. Lenchuk E.B. Kurs na novuyu industrializatsiyu – global'nyi trend ekonomicheskogo razvitiya [Focus on neo-industrialization – global trend in economic development]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of forecasting], 2016, no. 3, pp. 132–143. (In Russian).
14. Mezentseva O.E. Razvitie vysokotekhnologichnogo proizvodstva v mire i Rossii [Development of high-tech manufacturing in the world and in Russia]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental reseach], 2015, no. 7, pp. 176-181. (In Russian).
15. Pavlova O.A. *Opyt vnedreniya proektnogo upravleniya na primere Belgorodskoi oblasti* [Experience of project management implementation in the Belgorod Oblast]. Available at: leader-id.ru/upload/file/get/3267/. (In Russian).
16. Uskova T.V., Chekavinskii A.N., Voroshilov N.V., Kozhevnikov S.A. *Povyshenie effektivnosti upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi razvitiem munitsipal'nykh obrazovaniy: zaklyuch. otchet o NIR* [Enhancing the efficiency of socio-economic development management of municipal units: final research report]. Vologda, 2013. 181 p. (In Russian).
17. Polovinkin V.N., Fomichev A.B. Sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya otechestvennogo mashinostroeniya [Current state and issues of domestic mechanical engineering development]. *Atomnaya strategiya* [Atom strategy]. Available at: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4639>. (In Russian).
18. Perfil'ev S.V., Loginov I.N., Gorbova O.Yu., Dudukina O.I. *Programmno-tselevoe upravlenie regional'nym razvitiem* [Target program management of regional development]. Ryazan', 2012. 123 p. (In Russian).
19. Putin V.V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii [Russia at the turn of millennium]. *Rossiiskaya gazeta*, 1999. December 30. (In Russian).
20. Putin potreboval povysit' effektivnost' upravleniya ekonomikoi [Putin demands to enhance economic management efficiency]. *Delovaya gazeta "Vzglyad"* [Business newspaper "Vzglyad"]. 13.07. 2016. Available at: <http://vz.ru/news/2016/7/13/821281.html>. (In Russian).
21. Savchenko E. Belgorodskaya oblast': proektnoe upravlenie dlya munitsipal'nykh initsiativ [The Belgorod Oblast: project management for municipal initiatives]. *Samoupravlenie* [Self-administration], 2012, no. 2, pp. 6-7. (In Russian).
22. Sink D.S. Upravlenie proizvoditel'nost'yu: planirovanie, izmerenie i otsenka, kontrol' i povyshenie [Productivity management – planning, measurement and evaluation, control and improvement]. Translated from English and edited by Danilov–Danil'yan V.I. Moscow: Progress, 1989. 528 p. (In Russian).

23. *Spravka po integral'nykh pokazatelyam kachestva gosudarstvennogo upravleniya (primenyaemym v stranakh OESR)* [Statement on integrated indices of public administration quality (used in OECD states)]. Available at: http://www.csr.ru/_upload/editor_files/file0097.doc. (In Russian).
24. Chekavinskii A.N. *Fermerskii sektor Vologodskoi oblasti: so-stoyanie, problemy i vozmozhnosti razvitiya* [Farmer sector of the Vologda region: state, problems and possibilities of their development]. *Molochnokhozyaistvennyi vestnik* [The dairy farming bulletin], 2016, no. 2, pp. 143-151. (In Russian).
25. Input-Output Accounts Data. *Bureau of Economic Analysis*. Available at http://bea.gov/industry/io_annual.htm

Information about the Author

Sergei Aleksandrovich Kozhevnikov – Ph.D. in Economics, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Статья поступила 28.02.2017.

Особенности условий формирования человеческого потенциала нового поколения в России*

**Валерий Кузьмич
ЕГОРОВ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский проспект, д. 32
E-mail: ve@isesp-ras.ru

Аннотация. В статье на основе сравнительного анализа понятий человеческого капитала и человеческого потенциала сделан выбор в пользу последнего как наиболее полно отражающего особенности состояния и развития общества и отдельной личности. С учётом этого даётся определение приоритетов нового поколения в процессе приёма и передачи социокультурных и научно-технологических достижений предыдущих поколений, а также оценка нравственного состояния общества. Раскрыты особенности коммуникационного процесса в обществе в современных условиях и их влияния на человеческий потенциал молодёжи. Даётся оценка роли идеологии в обеспечении общественной стабильности и позитивного состояния человеческого потенциала. Приводится сопоставление образования и воспитания как взаимодополняющих элементов системы формирования нового поколения. В наиболее общем виде рассмотрены некоторые особенности кризисного состояния в нашей стране и даётся описательное определение кризиса справедливости как его составной части. Обоснован тезис о том, что нынешнее кризисное состояние науки, образования и здравоохранения является результатом их непоследовательного и неадекватного реформирования. В статье содержится ряд предложений для наращивания человеческого потенциала нового поколения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-22-03004.

Для цитирования: Егоров, В.К. Особенности условий формирования человеческого потенциала нового поколения в России / В.К. Егоров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 100-113. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.5

For citation: Egorov V.K. Specific features of human potential development of a new generation in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 100-113. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.5

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, поколение, экономика, общественная стабильность, кризис, образование, воспитание, наука, здравоохранение, идеология, религия, справедливость, нравственность, культура, реформы.

Понятие поколения, вне сомнения, является в силу своей многозначности одним из основных смыслообразующих в понятийном аппарате целого ряда фундаментальных и прикладных наук: от биологии и истории, социальной и национальной психологии до конфликтологии, педагогики, литературоведения, культурологии и ещё многих, многих дисциплин. И совсем невозможно представить себе без этого понятия, даже если оно не артикулируется, а лишь подразумевается, повседневное общение, когда речь идёт о смене эпох, порядков, традиций и образа жизни, ценностных установок и т.д.

Очень распространено образное механистическое представление о поколении, как о звене непрерывной исторической (эволюционной) цепи. Цепи, в которой нет и двух одинаковых звеньев.

В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс определили: «История есть не что иное как последовательная смена поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями. В силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность в совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно изменённой деятельности» (1, 29). Понимая под культурой «надприроду», т.е. всё, что является в мир вследствие деятельности человека, можно утверждать, что основным содержанием в отношениях между предыдущими и последующими поколениями выступает диалек-

тическое единство сохранения и передачи полученных культурных ценностей с созданием качественно новых.

В то же время, поскольку человеческое сообщество представляет собой крайне сложный по своей структуре и находящийся под воздействием неопределённо большого количества разнонаправленных факторов эндогенного и экзогенного характера историко-культурный и социально-биологический феномен, его историческое развитие нелинейно, а результирующий вектор на каждой его стадии имеет сложную конфигурацию. Выбор нелинейной модели исторического процесса в качестве одного из элементов теоретического обоснования заявленной темы служит авторской установкой, позволяющей адекватно осмыслить, какие формы способно принимать социокультурное состояние общества в меняющихся исторических условиях.

Нелинейная модель предполагает, что общество, представленное на каждом из последовательных исторических этапов своего развития новыми поколениями, может претерпевать изменения как в прогрессивном направлении, так и переживать регресс, причём его отдельные социальные организмы способны остановиться в своём развитии (стагнация) и деградировать. При этом наименее устойчивы перед лицом социально-психологических, экономических и прочих девиаций новые поколения. И естественно, что в социальной жизни молодёжи, находящейся в стадии своего формирования и, в силу этого, наиболее остро воспринимающей изменения в обществе, начинают преобладать элементы

нонконформистской психологии в её самых различных проявлениях. Отсюда наряду с периодами созидательного энтузиазма и позитивных общественных преобразований с участием молодёжи могут возникать и возникают состояния застоя, «потерянные» поколения, «лишние люди», времена стихийных протестных выступлений или деятельности разных по степени радикализма и массовости молодёжных движений и организаций с соответствующими идеологическими установками.

Критическое отношение молодёжи к наследству, оставляемому предыдущими поколениями, диалектично, оно необходимо и желательно в той степени, в которой оно стимулирует креативную направленность в использовании этого наследства в «изменённых условиях» бытия на пути прогресса. В то же время отрицание его, возведённое в абсолют, а также не просто радикальный отказ от «продолжения унаследованной деятельности», но и активное воспрепятствование передаче наработанных предыдущими поколениями культурных ценностей иным социальным организациям способно привести к разрушению культуры.

Не отрицая огромного значения для новых поколений восприятия ими накопленных и переданных предыдущими поколениями культурных и материальных ценностей, результатов и плодов науки и образования, организационно-правовых принципов и установок, т.е. всего того, что обеспечивает полноценное и безопасное физическое существование, главными следует полагать наследование и передачу ценностей нравственно-этического, духовного свойства. Именно это во все времена было задачей и смыслом жизни и деятельности философов и просветителей, духовных вождей, проповедников и простых учителей. И также во все времена их ак-

тивность, в результате которой появлялись новые учения, догматы, религии и т.д., воспринимались, как минимум, с непониманием и неприятием, а как максимум — гонениями и физическим уничтожением силами доминирующей части общества, исповедовавшей консервативные идеи и системы верований.

При этом отрицанию подвергались не только отдельные догматы и идеи, но и их совокупности. Если в разных странах в периоды господства государственных религий гонениям подвергались адепты ересей, схизм, расколов и т.д., то в новое время в самих светских государствах и между ними с разной степенью ожесточённости велась идеологическая борьба. Внутри целого ряда стран эта борьба завершилась, по официальным утверждениям, упразднением государственной, общенациональной идеологии. Иными словами, идеи остались, но без консолидирующей их совокупности, т.е. идеологии.

Но практика показывает, что, каким бы активным ни было отрицание идеологии и даже её правовой запрет как «системы взглядов и идей, характеризующих какую-либо социальную группу, класс, политическую партию, общество» (7, 236), масштаб её распространения, в том числе во времени, выходил далеко за пределы отдельной страны и отдельной эпохи, а основные принципы превращали её не только в явление государственного масштаба, но и в мировой феномен. Хотя идеологии по форме и содержанию менялись от страны к стране и от эпохи к эпохе, суть их была и осталась единой, и её вместила в себя всего лишь одна фраза из Евангелия: «*Quo vadis, Domine?*»

Ответ на вопрос о том, каковы смысл и ценности жизни отдельного человека и существования всего человечества, верно ли выбраны способы их обретения и направ-

ление движения к цели, и представляет собой собственно идеологию, свойственную, с некоторыми различиями, любой человеческой общности и даже человечеству в целом. Представляется очевидным, что, как бы ни менялось во времени представление о том, каким может быть ответ на этот вопрос вопросов и в какой степени изменчивыми и противоречивыми могут быть проходящие, казавшиеся ранее неизменными её постулаты, идеология независимо от её официального статуса была, есть и останется одним из основных *человекообразующих* факторов.

Данный тезис является одним из основных элементов авторской установки, и с учётом неоднозначного отношения в российском обществе к проблеме идеологии и составляющим её ценностям в настоящей работе будет предпринята попытка определить их место в формировании «человеческого потенциала» нынешнего нового поколения. На основании предварительного осмысления заявленной проблемы предлагается рассматривать понятие человеческого потенциала расширительно, в самом общем виде, как *совокупность свойств, качеств и способностей, приобретённых человеком в процессе его эволюции как «человека разумного», творящего надприроду-культуру и являющегося в силу этого основным фактором развития и отдельного индивидуума, и человеческого общества в целом* (авт).

Аргументация в пользу данного варианта устанавливается путём сопоставления его с некоторыми уже имеющимися определениями человеческого потенциала с последующими выводами. Не углубляясь в детальное рассмотрение вопроса формирования и использования понятийного аппарата, автор придерживается тезиса, изложенного в одной из современных работ, близкой к заявленной теме настоящей работы, но имеющего характер универсаль-

ной констатации: «Нестрогие и неадекватные дефиниции не только искажают смысл и основные сущностные характеристики, ... но и существенно затрудняют интерпретацию и продуктивное использование об-их» (5, 410).

В научных, научно-популярных трудах, в публицистике словосочетание «человеческий потенциал» встречается часто, и эта частота создаёт впечатление его смысловой определённости, в то время как эта определённость представляется всё же относительной. Прежде всего потому, что понятие «человеческий потенциал» нередко считают синонимом понятия «человеческий капитал», которое уже давно и устойчиво занимает своё место в понятийном аппарате экономической науки. В немалой степени этому способствует широкая распространённость таких словосочетаний, как «трудовой потенциал», «производственный потенциал» и т.п., создающих впечатление синонимичности понятий человеческого капитала и человеческого потенциала в силу их общей экономической детерминированности. На этом фоне обращает на себя внимание отсутствие устойчивого, адекватного определения собственно *человеческого потенциала*, а также преобладание в научных работах его различных описательных вариантов.

К примеру, современная «Новая экономическая энциклопедия» 2011 года даёт следующую формулировку определения: «Человеческий капитал — оценка воплощённой в индивиде *потенциальной способности* (выделено авт.) приносить доход. Человеческий капитал включает врождённые способности, а также образование и приобретённую квалификацию, которые способствуют повышению производительности труда. Обычно имеется в виду стоимость, создаваемая в результате затрат на обучение, образование и укрепление здоровья» (6, 259).

Нетрудно заметить, что наряду с экономической детерминантой в этой формулировке понятие человеческого капитала раскрывается через потенциал индивида, *что, скорее, означает наличие взаимообусловленности, но не их синонимичность.*

С течением времени, соответственно смене технологических укладов и социально-политическим трансформациям в разных странах, в мировой экономике число объектов человеческого капитала существенно выросло: высокие технологии, инновации, новые источники энергии — в промышленном производстве; охрана труда, здравоохранение, корпоративная ответственность бизнеса и т.п. — в социальной сфере. Качественно изменилось содержание понятия, которое, тем не менее, оставалось в рамках функциональности. Об этом можно судить хотя бы по приведенному выше современному определению человеческого капитала.

Сложившееся в нынешних условиях положение является следствием недостаточной разработанности понятийного аппарата и наиболее адекватным представляется *утверждение о соотношении человеческого потенциала и человеческого капитала как общего и частного.* В том или ином виде это находит подтверждение в различных публикациях по данной теме. Принципиально важным представляется признание, что человеческий капитал служит существенной, но не единственной формой проявления человеческого потенциала, в том числе и в организации, и функционировании экономики.

В подтверждение этого тезиса уместно привести здесь развёрнутые цитаты из работ современных исследователей затронутой проблемы. Одна из ведущих исследователей в этой области д.э.н. И.В. Соболева (Институт экономики РАН) в монографии «Человеческий потенциал российской

экономики: проблемы сохранения и развития» (12), отмечая, что фокусирование исследований на роли человека как производителя, на трудовом потенциале наносило ущерб анализу экономической роли потребностей и потребления, заключает, что «трудовой потенциал представляет собой лишь одну из подсистем более объёмной категории — человеческий потенциал. Статистический аспект отличия трудового потенциала от человеческого потенциала состоит в том, что носителями первого являются только трудоспособные граждане, в то время как второго — всё население страны, в том числе за пределами трудоспособного возраста... В концепции человеческого потенциала население рассматривается во всём богатстве его способностей, знаний, навыков, личностных характеристик вне зависимости от того, в какой мере они находят или могут найти конкретное применение в производительной деятельности. С этой точки зрения даже при анализе трудоспособного населения можно провести различие между его трудовым и человеческим потенциалом» (12, 12).

Сохраняя сформулированное ранее авторское определение человеческого потенциала, представляется также настоятельно необходимым привести определение из монографии: *«Человеческий потенциал экономики можно характеризовать как накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетенции, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемой в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей».* И почти афористично выглядит вывод: «Если трудовой потенциал на индивидуальном уровне соответствует рабочей силе, то человеческий потенциал — личности. Конечно, граница между понятиями «рабочая сила» и «лич-

ность» представляется очень гибкой» (там же). Нетрудно заметить, что, внешне сохраняя экономическую детерминированность («человеческий потенциал экономики»), данное определение и сделанный вывод вполне логично переводят понятие трудового потенциала в *подсистему человеческого потенциала*, распространяющегося на социологическую, психологическую и философскую категории. В монографии приведен перечень конкретных научных дисциплин (помимо экономики), предметом исследования которых является человеческий потенциал. Это психология, медицина, эргономика, социальная и историческая антропология, биоэтика, социальная генетика, этнография. Представляется, однако, что этот перечень в силу множественности категорий, охватываемых понятием человеческого потенциала, значительно шире.

Е. Котырло, исследователь из университета г. Умеа (Швеция), определяя различие между человеческим капиталом и человеческим потенциалом тем, «что первый вовлечён в процесс производства, а второй *может быть* вовлечён», подчёркивает, что «человеческий потенциал не имеет возрастных границ, ограничений по здоровью, но половозрастная структура, равно как и состояние здоровья общества, измеряемое через ожидаемую продолжительность жизни, являются важными его показателями, позволяющими сделать международные, межрегиональные и межтерриториальные сравнения» (10.6.2011).

Упоминание в данной цитате того, что ряд показателей человеческого потенциала важны для проведения международных исследований, имеет существенное практическое значение для сопоставления отечественных методик, практики и результатов междисциплинарных научных исследований с общемировыми, поскольку рас-

ширительное понимание человеческого потенциала, которое всё более институализируется в нашем понятийном аппарате, в наибольшей степени соответствует общепринятому за рубежом понятию *возможности* (capabilities) *развития человеческих способностей*. Концепция развития человеческих способностей, разработанная нобелевским лауреатом в области экономики за 1998 год Амартья Сеном, была положена в основу предложенного им же соответствующего метода измерения – Индекса развития человека (ИРЧ). Этот метод с начала 90-х годов прошлого столетия используется при разработке программ развития ООН и служат одним из основных инструментов, в том числе, в международных исследованиях.

В подтверждение адекватности изложенных выше вариантов определения человеческого потенциала и соответствующих тезисов из работ различных авторов хотелось бы привести в качестве примера образование – как сферу социальной активности, в которой собственно экономика является одним из основных, но далеко не единственным, объектом. Практически каждый трудоспособный индивидуум на личном опыте осознаёт, что образование, прежде всего специальное и профессиональное, необходимо и обязательно при определении его возможностей самореализации в экономическом смысле, т. е. получении дохода. В то же время образование, как общее, так и специальное, нередко, соответственно предпочтениям и намерениям его получателя, если и способно конвертироваться в рост доходов, то опосредованно или же доставляя ему неэкономические дивиденды в виде совершенствования личности, её удовлетворённости полной, гармоничностью и смыслом жизни, успешной социализацией и т.п.

Как правило, лишь отчасти экономическое содержание присутствует в реализации полученного системного знания и творческих навыков в области культуры и искусства, спорта, в гуманитарных науках, некоторых отраслях фундаментальных научных исследований, результаты которых могут стать экономически выгодными лишь в неопределённо далёком будущем или вообще не станут таковыми. Этот перечень можно продолжать.

В процессе становления и развития личности, развёрнутой характеристикой которой является в нашем случае человеческий потенциал, наиболее важное место принадлежит воспитанию — самой близкой человеку сфере общественной активности, где отдельный человек может в зависимости от жизненной ситуации выступать и объектом и субъектом воздействия социальной среды. Направленность на один и тот же объект с совпадающими, в принципе, целями позволяет рассматривать *образование и воспитание как единую систему*, в которой образование представляет собой наиболее системно организованную, институционально оформленную и соответственно функционирующую её часть. В силу этого именно образование, специальное и профессиональное, может быть капитализировано (или нет, см. выше). В то же время воспитание, располагающее как формальными, так и неформальными и бесконечно вариативными способами и средствами влияния на личность, имеет преобладающее значение для выработки, *прежде всего*, морально-нравственной и этической составляющих человеческого потенциала.

Стороны, движущие силы, характер протекания, стартовые, промежуточные и конечные состояния, формальные и творческие подходы, юридические нормы и традиции, свобода и нравственные огра-

ничения — всё это и многое другое, относящееся к воспитанию, было и остаётся неопределённо большим комплексом проблем для человековедения. В настоящей работе представляется достаточным отметить, что воспитание как обществообразующий феномен проявляет себя во всех общественных ячейках и структурах: в семье, в формальных и неформальных, временных и устойчивых объединениях, на производстве, на государственной и военной службе, в политических, просветительских, гуманитарных и иных акциях, в деятельности СМИ, культовых учреждений и учреждений культуры и т.д.

Формирование устойчивых представлений о морали, нравственности, этике межличностных отношений, что было отмечено выше, выступая как необходимое и обязательное условие сохранения стабильности общества в целом, далеко не всегда является или же зачастую не воспринимается таковым в деловых отношениях в настоящее время. К примеру, расхожее выражение «бизнес и ничего личного» уже достаточно давно используется теми, кто произносит эту сентенцию для самооправдания своего эгоизма и избыточного прагматизма. И чем дальше, тем больше в общественной жизни, и, прежде всего в деловых отношениях, взаимное уважение, чувство справедливости, совесть и способность поддержать того, кому нужна помощь, начинают проигрывать неразборчивой в средствах деловой хватке, установкам и рекомендациям: «цель оправдывает средства», «это ваши проблемы» т.п.

Эти и подобные им установки и рекомендации вытекают из необременённых моралью писаных и неписаных законов, регулирующих экономические отношения. Здесь уместно сослаться на использованное К. Марксом в его «Капитале» вы-

ражение английского публициста начала XIX века Т. Даннинга о том, что при 100% прибыли капитал попирает все человеческие законы, а при 300% способен пойти на любое преступление даже под страхом виселицы. В мягкой форме с этим утверждением коррелирует содержащееся, в частности, в «Википедии» определение «прибыли». Вот его фрагмент: «Размер прибыли характеризует успешность предпринимательской деятельности, *получение прибыли обычно является главной целью и движущим мотивом всех видов предпринимательства*» (выделено авт). Судя по всему, осуществление деловых отношений согласно упомянутым чуть выше законам предусмотрено «по умолчанию», и, к сожалению, современная практика в бизнесе подтверждает готовность и способность капитала, как и 200 лет назад, пойти на всё ввиду перспектив высокой прибыли.

В последние десятилетия в России произошли не только коренные изменения в структуре общественного производства, но и что, возможно, ещё существеннее, — в мотивациях к участию в нём нового поколения, уже сформировавшегося за этот период. То есть произошли принципиальные изменения в структуре человеческого потенциала как наиболее общей характеристике этого поколения. Механизм сохранения и передачи накопленных предыдущими поколениями общекультурных ценностей явно нарушился. Можно усмотреть в настоящем утверждении какие-то признаки идеализации недавнего прошлого и ностальгические мотивы, но, даже с учётом их возможного наличия, нельзя не согласиться, что нынешний массив наработанных и предназначенных к передаче следующим поколениям ценностей количественно и качественно уступает тому, что было накоплено к концу XX века и растратчено в последующие годы.

Нет особого смысла перечислять утраченные позиции в науке, отставание в области современных технологий и уровне образования и т.д. Принципиально важным для оценки перспектив нынешнего состояния и дальнейшего развития нашего народа и государства являются набирающие силу социально-психологические трансформации, способные при сохранении нынешних тенденций привести к утрате самоидентификации населения страны как общности. Речь идёт о смене концептуальных ценностных установок: *от постоянного и расширенного воспроизводства всех видов благ в интересах всего народа к неограниченному потреблению этих благ незначительной частью населения нашей страны.*

Социальная и национальная психологии нового поколения формируются в условиях раздвоения общественного сознания, порождённого всё более расширяющимися противоречиями между формально декларируемыми демократическими принципами, включая юридически закреплённые (человек — высшая ценность, равенство перед законом, народ — единственный источник власти, земля и природные ресурсы — основа жизнедеятельности народов и пр. и пр.), и реалиями повседневной жизни. В целом же имеется достаточно оснований утверждать, что конституционно определённая как социальное государство Россия быстро и последовательно приобретает всё более устойчивые признаки государства сословного.

Отмена какой-либо государственной или общеобязательной идеологии, преследующая, казалось бы, благую цель расширения свободы личности, была продекларирована и ускоренно осуществлена в стране, где не одно поколение населения жило в условиях административно-командной системы и всё ещё сохраняло пережитки социальной психологии соот-

ветствующего типа. Один из традиционных регуляторов общественных отношений, который ранее в какой-то мере поддерживал единство общества и представлял собой, хотя и существенно ослабевшую, одну из основных скреп государства, перестал существовать при отсутствии сколько-нибудь адекватной замены.

Позиционировать же в этом качестве религию в полной мере вряд ли правомерно, несмотря на поддерживаемую государством активизацию деятельности в стране прежде всего признанных традиционными конфессий. Религия не способна заполнить идеологическую лауну, в первую очередь, в силу светского характера государства, а также из-за отсутствия у церкви необходимого морального потенциала для того, чтобы встать над приобретающими антагонистический характер общественными противоречиями и попытаться объединить общество перед углубляющимся кризисом справедливости.

Кризис справедливости — это давно уже не формула речи, а требующая серьёзного научного анализа с последующим принятием на государственном уровне комплекса социально-экономических и политических мер характеристика нынешнего состояния страны и общества. Директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН В.В. Локосов в одном из своих интервью сказал: «Для нормального функционирования государства разница в уровне доходов между 10% самых богатых и 10% самых бедных не должна превышать 8–10 раз. По данным Росстата, в среднем по стране этот показатель составляет 16. По различным экспертным оценкам, — от 25 до 40 раз. Для сравнения: в СССР разрыв был 4–4,5 раза» (МК, 6.10.2016). При этом, как следует из упомянутого интервью, «сфера платных услуг в здравоохранении уже достигла 48% (не-

сколько лет назад — 20%). В высшем образовании — 60%» («Аргументы недели», 6.10.2016). Естественно, что социальный характер государства, конституционные свободы и пр. при таком экономическом раскладе чисто декларативны, тем более что законность не обеспечивается на должном уровне в условиях коррупции, в невиданных ранее масштабах распространившейся во всех государственных структурах, включая правоохранительные.

Человеческий потенциал нового поколения формируется в условиях социально-психологической раздвоенности, потому что основные институты государства, призванные обеспечивать и формировать позитивную направленность и содержание этого потенциала, не способны адекватно решать соответствующие задачи. Речь идёт о «неэлитных» системах здравоохранения и образования, которые ориентированы на обеспечение физического и нравственного благосостояния подавляющей части населения нашей страны. Работники этих сфер делают всё возможное для того, чтобы поддерживать физическое и моральное здоровье народа и «сеять разумное, доброе, вечное», но в нынешних условиях они вынуждены много усилий прилагать прежде всего для своего простого физического выживания. «Оптимизация» этих систем с быстро растущей платной компонентой при пропорциональном снижении доходов населения уже привела к сокращению числа соответствующих учреждений и, как следствие, численности врачей и учителей. И реформирование не снижает темпа.

В июле 2016 года большой общественный резонанс вызвало практически не мотивированное заявление вице-премьера О. Голодец о том, что две трети населения России не нуждаются в высшем образовании. И это при том, что число специалистов с высшим образованием, занятых

в современном промышленном производстве, в России ниже, чем в большинстве развитых стран, а доля отечественной высокотехнологичной современной продукции в мировом экспорте составляет менее одного процента. Не углубляясь в силу общеизвестности этого явления в его подробности, следует отметить явное несоответствие подобных предложений и последующих шагов по их реализации общемировой тенденции на повышение уровня подготовки и образования работников высокотехнологичных сфер производства, а также явное противоречие с курсом на инновационное, прорывное развитие современного отечественного производства, на становление и развитие в нашей стране «экономики знаний».

Реакция общественности на заявление вице-премьера была в основном протестной, но в то же время идеи, изложенные в заявлении, имели и своих сторонников. Предпринимались даже попытки разъяснить обществу суть заявления. Пример из откликов на заявление: «Сегодня нашему молодому населению, пытается донести до нас Ольга Голодец, больше нужно „образование для жизни“. Неважно, каким мы его назовём — высшим или недовысшим, — оно должно помочь любому человеку не просто реализовать себя как личность, но ещё и накормить его самого, его семью. Ну и, в конечном счёте, и всю страну. И это не исключает его дальнейшего образования или самообразования» («Независимая газета», Приложение. 20.07.2016). Следовательно, перед образованием в данном контексте прежде всего ставится задача «реализовать себя как личность», в то время, как содействие именно «формированию личности» во все времена было и остаётся главной целью и смыслом образования — одной из важнейших функций государства и общества.

Изложенное выше представляет собой лишь одно из длинного ряда явлений, сопровождающих многолетнее реформирование отечественного образования, явная непродуманность и непоследовательность которого наряду с технологическими и экономическими издержками наносит неисчислимый ущерб человеческому потенциалу нового поколения России в целом и, как следствие, — самому будущему страны.

Ещё более драматичными, чем нынешняя ситуация в здравоохранении и образовании, выглядят итоги реформы Российской академии наук, которая, как это признаётся сейчас не только учёными, привела, по сути, к краху старейшего в России научно-просветительского учреждения, одной из её государствообразующих структур. (Вне рассмотрения в рамках настоящей работы остаётся очень сложная история реформы Академии, которой посвятил свою книгу, назвав её «Убийство РАН», известный писатель В.С. Губарев.) Представляется достаточным, согласно заявленной теме, отметить лишь то, что эта «реформа» наносит и уже нанесла значительный ущерб отечественному научно-исследовательскому, творческому потенциалу страны.

Одним из основных результатов «реформ» стало то, что и без того существенный отток молодых ученых за рубеж заметно увеличился. В поисках признания обществом своих способностей, самореализации, получения достойных условий для жизни и работы выехали за рубеж и успешно трудятся там не на благо российской науки наиболее способные и предприимчивые воспитанники отечественной научной школы. В условиях осуществления антироссийских санкций имеет место несбалансированный, интеллектуальный экспорт из России.

Объективности ради следует отметить некоторую активизацию в 2016 году Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утверждённой президентом ещё в 2006 году. Программа очень затратной, скромной по результатам и вызывающей неприятие со стороны многих учёных и специалистов, которые, оставаясь в своей стране, в непростых организационных и финансовых условиях пытаются сохранить для следующих поколений отечественную и мировую науку.

Новое поколение в нашей стране, несмотря на все сложности переживаемого периода, конечно же продуцирует новые знания, идеи, материалы, технологии, производительные силы — всё то, что составляет человеческий капитал, то, что ликвидно и способно приносить прибыль. К сожалению, существенная часть даже этого капитала остаётся нереализованной или уходит из страны вместе с природными ресурсами. Взамен Россия получает уже готовый импортный потребительский продукт или создаёт на своей территории его «отвёрточный» вариант. Неликвидная же часть человеческого потенциала, переданная предыдущими поколениями, их этические принципы, идеалы уходят с этими поколениями.

Соответственно заявленной теме настоящей работы автор приходит к выводу, что *наиболее общей характеристикой человеческого потенциала, оценкой его качества является соотношение в нём экономической и социальной составляющих, а основной тенденцией его развития в настоящее время является растущее преобладание экономической составляющей. Стремительно увеличивающийся дисбаланс в пользу послед-*

ней выступает основной причиной кризиса в социальной сфере, и прежде всего в науке, образовании, здравоохранении. Экономика претендует на самодостаточность без каких-либо ограничений и обязательств в отношении социального развития страны, в то время как в долгосрочном плане подобная диспропорция в развитии двух составляющих единого государственного организма способна привести к глубокому системному кризису с непредсказуемыми последствиями. Поэтому многие учёные-экономисты уверены, что в настоящее время в России требования (параметры) социального развития должны доктринально и нормативно учитываться при принятии государственных экономических программ и отдельных решений.

Глубина современных проблем социально-экономического развития России, поиск путей и способов их решения не остались без внимания и серьёзных исследований отечественных учёных-экономистов и обществоведов в целом. Классическими стали работы на эту тему выдающегося отечественного учёного-экономиста академика Д.С. Львова, обстоятельный анализ работ которого содержится в статье Г.Б. Клейнера «Аксиоматика академика Львова». Проекты перечня и детальные разработки управленческих документов предложены в монографии В.И. Якунина, С.С. Сулакшина и др. «Социальная доктрина Российской Федерации. Макет-проект». Обстоятельно и всесторонне учёные раскрывают содержание мер, необходимых для формирования государственной социальной политики, излагают порядок их исполнения, в том числе в виде целевых программ и нормативно-правовых актов, регулирующих социальное развитие. Число исследователей данного вопроса и перечень их работ множатся.

В заключительной части настоящей работы хотелось бы ещё раз подчеркнуть особую роль академика Д.С. Львова в формировании взгляда на экономику как интегральную часть государственного организма. Дмитрий Семёнович, последовательно и настойчиво выступавший за привнесение нравственных начал в сферу деловых отношений, отстаивал *идею органичного соединения социальных и экономических целей и критериев*. Он полагал необходимыми разработку и реализацию целостной системы социального регулирования в России как совокупности целенаправленных воздействий на экономику и социум, обеспечивающих устойчивое социальное развитие. В своих работах и многочисленных выступлениях он утверждал, что движущими силами экономики, наряду с конкуренцией и сопряженными с нею индивидуализмом и прагматизмом, являются нравственные начала, совесть. Не

случайно с лёгкой руки Д.С. Львова в научный оборот вошло словосочетание «экономика совести».

И сколько бы ни противились подобным истинам экономические пуристы, но гипертрофированный, доведённый до абсурда индивидуализм и чисто экономическая концепция бытия невозможны и разрушительны на практике хотя бы потому, что человек — существо социальное. Отсюда — представление о сложной структуре человеческого потенциала с его неотъемлемой нравственной компонентой. Отсюда же — огромная общегосударственная и общественная задача формирования человеческого потенциала нового поколения.

Применительно к деятельности учёного сообщества это может означать, в том числе, инициативную разработку совместных масштабных исследовательских проектов с учётом специфики российских регионов.

Литература

1. Маркс, К. Избранные произведения / К. Маркс Ф. Энгельс. — Т. 1, М., 1980.
2. Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М.: Наука, 1980.
3. Becker G.S. The economic way of looking at life. Journal of political economy. 1993. Vol. 101.
4. Schultz T. Investment in human capital. American economic review. 1961. Vol. 1.
5. Sen A. Development as capabilities expansion. Journal of development planning. Vol. 19.
6. Толстой, Л.Н. Избранные письма / Л.Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. — Т. 19.
7. Губарев, В.С. Убийство РАН / В.С. Губарев. — М., 2013.
8. Докторович, А.Б. Социально-ориентированное развитие общества: теории и методы системного анализа / А.Б. Докторович. — М., 2003.
9. Клейнер, Г.Б. Аксиоматика академика Львова / Г.Б. Клейнер // Вестник финансовой академии. — 2010. — № 4.
10. Котырло, Е.С. Человеческий потенциал и человеческий капитал как научные категории / Е.С. Котырло // Аудит и финансовый анализ. — 2011. — № 6.
11. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скобляков. — М., 2005.
12. Соболева, И.В. Человеческий потенциал российской экономики. Проблемы сохранения и развития / И.В. Соболева. — М.: Наука, 2007.
13. Социальная доктрина Российской Федерации. Макет-проект / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин. — М.: Научный эксперт, 2010.
14. Новая экономическая энциклопедия. — М., 2011.
15. Толковый словарь русского языка. — М., 2003.
16. Философия: энциклопедический словарь. — М., 2004.

Сведения об авторе

Валерий Кузьмич Егоров – кандидат исторических наук, заведующий международным отделом, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: ve@isesp-ras.ru)

Egorov V.K.

Specific Features of Human Potential Development of a New Generation in Russia

Abstract: The article on the basis of comparative analysis of terms such as human capital and human potential chooses the latter as one reflecting the specific features of the state and development of the society and an individual most completely. With this in mind, the author identifies the priorities of a new generation in the process of perception and transmission of socio-cultural and science and technology achievements of the previous generations, as well as evaluates the moral state of the society. The author also shows specific features of the communication process amid present conditions and their impact on young people's human potential. The article assesses the role of ideology in social stability and favorable state of human potential. Education and upbringing are compared as complementary elements in the system of shaping a new generation. The author considers in most general terms some specific features of a crisis situation in our country and gives a descriptive definition of a justice crisis as its component. He substantiates the thesis that the present crisis state of science, education and healthcare is the result of their inconsistent and inadequate reformation. The article contains a number of propositions for building up human potential of a new generation.

Key words: human capital, human potential, generation, economy, social stability, crisis, education, upbringing, science, healthcare, ideology, religion, justice, morality, culture, reforms.

References

1. Marx K., F. Engels *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Volume 1. Moscow, 1980. (In Russian).
2. Smith A. *Issledovaniya o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Nauka, 1980. (In Russian).
3. Becker G.S. The economic way of looking at life. *Journal of political economy*, 1993, vol. 101.
4. Schultz T. Investment in human capital. *American economic review*, 1961, vol. 1.
5. Sen A. Development as capabilities expansion. *Journal of development planning*, vol. 19.
6. Tolstoy L.N. *Izbrannye pis'ma* [Selected letters]. Collections of works in 22 volumes – vol. 19. (In Russian).
7. Gubarev V.S. *Ubiystvo RAN* [The killing of RAS]. Moscow, 2013. (In Russian).
8. Doktorovich A.B. *Sotsial'no-orientirovannoe razvitie obshchestva: teorii i metody sistemnogo analiza* [Socially oriented development of the society: theories and methods of system analysis]. Moscow, 2003. (In Russian).
9. Kleiner G.B. Aksiomatika akademika L'vova [L'vov axiomatics]. *Vestnik finansovoi akademii* [Vestnik of the Finance Academy], 2010, no. 4. (In Russian).
10. Kotyrló E.S. Chelovecheskii potentsial i chelovecheskii kapital kak nauchnye kategorii [Human potential and human capital as scientific categories]. *Audit i finansovyi analiz* [Audit and financial analysis], 2011, no. 6. (In Russian).
11. Smirnov V.T., Soshnikov I.V., Romanchin V.I., Skoblyakov I.V. *Chelovecheskii kapital: sodержanie i vidy, otsenka i stimulirovanie* [Human capital: essence and types, appraisal and stimulation]. Moscow, 2005. (In Russian).

12. Soboleva I.V. *Chelovecheskii potentsial rossiiskoi ekonomiki. Problemy sokhraneniya i razvitiya* [Human potential of the Russian economy. Issues of conservation and development]. Moscow: Nauka, 2007. (In Russian).
13. Yakunin V.I., Sulakshin S.S. *Sotsial'naya doktrina Rossiiskoi Federatsii. Maket-proekt* [Social Doctrine of the Russian Federation. Model project]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2010. (In Russian).
14. *Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya* [New economic encyclopedia]. Moscow, 2011. (In Russian).
15. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2003. (In Russian).
16. *Filosofiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy. Encyclopedic dictionary]. Moscow, 2004. (In Russian).

Information about the Author

Valerii Kuz'mich Egorov – Ph.D. in History, Head of the International Department, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimov Avenue, 117218, Moscow, Russian Federation; e-mail: 4571240@mail.ru)

Статья поступила 21.10.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.6

УДК 316, ББК 60.5

© Бородкина О.И., Соколов Н.В., Тавровский А.В.

Социальные риски международной иммиграции в Россию*

Ольга Ивановна

БОРОДКИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191124, ул. Смольного, д. 1/3,
9 подъезд

E-mail: oiborodkina@gmail.com

Николай Викторович

СОКОЛОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191124, ул. Смольного, д. 1/3,
9-й подъезд

E-mail: nvsspb@yandex.ru

Александр Владимирович

ТАВРОВСКИЙ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191124, ул. Смольного, д. 1/3,
9-й подъезд

E-mail: alextavr@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10092) в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Бородкина, О.И. Социальные риски международной иммиграции в Россию / О.И. Бородкина, Н.В. Соколов, А.В. Тавровский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 114-133. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.6

For citation: Borodkina O.I., Sokolov N.V., Tavrovskii A.V. Social risks of international immigration into Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 114-133. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.6

Аннотация. В статье обосновывается социологическая теория миграционных рисков. Несмотря на то, что в отечественной социологической науке теории риска в последние годы уделяется все больше внимания, риски миграционных процессов не получили должного осмысления. По мнению авторов, такая теория должна учитывать социальные риски для всех участников миграционного процесса: для принимающих стран, стран исхода и для самих мигрантов. Основанием типологической модели миграционных рисков послужила теория интеграции Х. Эссера и Ф. Хекманна. В модели описывается то, как различные риски проявляются на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности, с учетом четырех измерений социальной интеграции: культурного, структурного, интеракционного и идентификационного. На основании теоретической модели выделяется несколько групп рисков для принимающего населения: риски, основанные на опыте взаимодействия местного населения с мигрантами на микроуровне, и воспринимаемые риски, которые могут быть сформированы СМИ под влиянием тех или иных политических сил на макроуровне. Эти группы рисков были изучены с помощью телефонного опроса общественного мнения жителей Санкт-Петербурга (N=1017). Исследование показывает значение культурной дистанции между принимающим сообществом и мигрантами, что проявляется в повышенном внимании к воспринимаемой угрозе нормам и ценностям местного населения, тогда как риски, связанные с рынком труда и проявлениями насилия, остаются на периферии общественного внимания. Отмечается также высокий уровень социальных рисков для той части принимающего сообщества, которая включена в повседневные взаимодействия с мигрантами. Члены сообщества боятся собственной включенности в миграционный процесс и пытаются закрыться от него – «не замечают» присутствия мигрантов в своей повседневности, «не вникают» в особенности их труда и быта, ограничиваются предельно общим взглядом на события, участниками которых на самом деле уже являются. По мнению авторов, анализ социальных рисков международной миграции должен занимать одно из ведущих мест в предметной области социологии риска и социологии миграции, более того, эта проблема может стать самостоятельным направлением рискологических и миграционных теорий.

Ключевые слова: риск, международная миграция, принимающие страны, страны-доноры, общественное мнение, Санкт-Петербург.

Введение

Распад Советского Союза привел к интенсификации миграционных процессов и образованию на постсоветском пространстве миграционной системы, в которой Россия играет роль страны-реципиента. На протяжении постсоветских десятилетий конфигурация миграционных потоков существенно меняется. На смену массовой вынужденной миграции русскоязычного населения бывших советских республик, которая, по сути, была репатриацией выходцев из России и их потомков, приходит массовая трудовая миграция, состоящая в

значительной степени из молодых жителей центральноазиатских и закавказских республик с преобладанием мужчин [5; 14]. Так, в 2016 г. доля мигрантов из Узбекистана в возрасте от 18 до 39 лет составила более 70% (табл. 1).

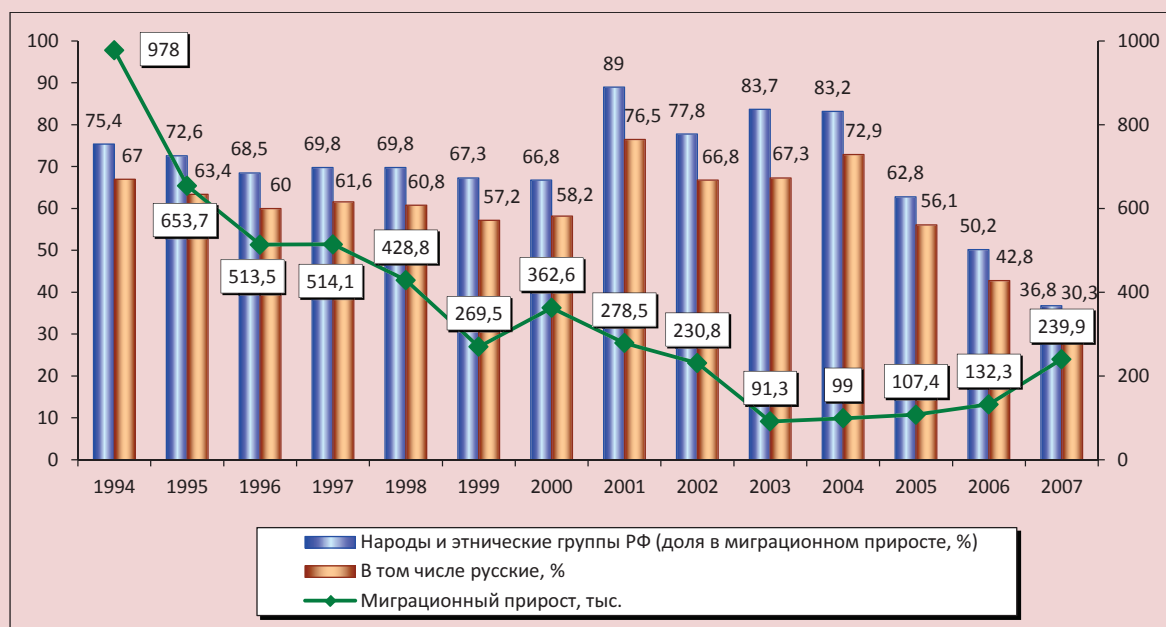
К середине 2000-х гг. доля русских и других этнических групп РФ в миграционном приросте существенно снижается, достигая в 2007 г. 36, 8% (рис. 1), а трудовая миграция, наоборот, приобретает массовый характер: например, количество выданных в 2014 г. разрешений на работу и патентов составило 3689,9 тыс. (рис. 2).

Таблица 1. Контингент мигрантов из стран – главных миграционных доноров России (более 400 тыс. человек), распределение по полу и возрасту (на 5 апреля 2016 г.)

Страна	Пол	Возраст						Всего
		<17	18-29	30-39	40-49	50-59	60+	
Украина	Мужчины	177 637	407 436	354 097	252 237	173 836	85 970	1 451 213
	Женщины	156 524	236 375	189 905	157 891	156 345	139 155	1 036 195
	Всего							2 487 408
Узбекистан	Мужчины	75 131	729 916	315 079	226 413	71 261	10 367	1 428 167
	Женщины	34 552	104 549	88 710	58 366	25 283	16 154	327 614
	Всего							1 755 781
Таджикистан	Мужчины	75 067	358 384	167 347	93 717	29 116	3 699	727 330
	Женщины	30 783	51 301	36 309	22 290	7 953	2 570	151 206
	Всего							878 536
Казахстан	Мужчины	54 510	107 387	77 783	57 938	45 659	27 355	370 632
	Женщины	42 563	58 395	38 874	33 244	37 034	41 400	251 510
	Всего							622 142
Кыргызстан	Мужчины	55 594	175 366	65 012	38 784	13 580	2 785	351 121
	Женщины	40 975	95 001	43 934	27 690	10 793	4 680	223 073
	Всего							574 194
Азербайджан	Мужчины	36 911	110 233	76 117	60 371	41 740	13 190	338 562
	Женщины	31 222	46 214	31 028	30 399	26 512	14 882	180 257
	Всего							518 819
Молдова	Мужчины	23 765	118 008	79 841	53 010	28 948	5 619	309 191
	Женщины	18 146	51 498	37 608	31 847	21 648	8 011	168 758
	Всего							477 949

Составлено по данным Главного управления по вопросам миграции МВД России.

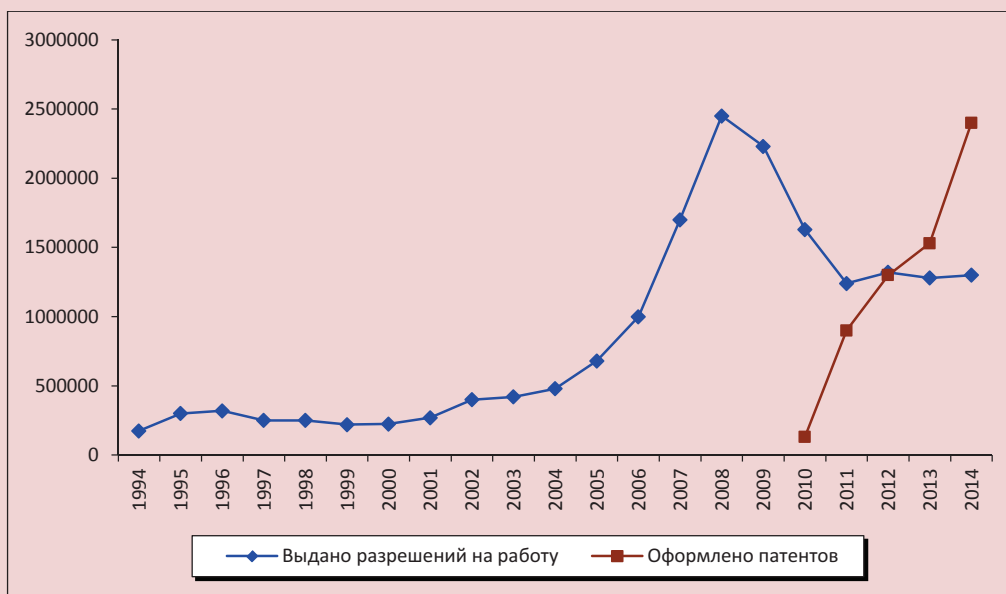
Рисунок 1. Доля этнических групп РФ (включая русских) в миграционном приросте, %

Примечание. Этнический состав мигрантов учитывался до 2007 г.

Источник: составлено по данным Росстата.

Рисунок 2. Количество выданных разрешений на работу и оформленных патентов

Примечание. Выдача патентов на работу у физических лиц началась в 2010 г.

Источник: составлено по данным ФМС России.

Трудовая миграция в основном имеет возвратный характер, однако значительная часть трудовых мигрантов оседает в России, оставаясь на легальном или нелегальном положении. Приведенные данные указывают на значительный масштаб миграционных потоков в Россию, при этом необходимо учитывать недокументированную трудовую миграцию, которая, по оценке экспертов, может быть рассчитана с учетом поправочного коэффициента 1,8 [13, с. 26]).

Несмотря на высокую мобильность и адаптивность, молодежь по сравнению с другими возрастными группами обладает незначительным объемом социального, культурного и экономического капитала, что во многом связано со сложной социально-экономической ситуацией стран-доноров. В современной России молодые мигранты сталкиваются с проблемой

социальной интеграции в ее культурном, структурном, интеракционном и идентификационном измерениях [23; 26]. Помимо нехватки капитала на пути социальной интеграции мигрантов встает целый ряд барьеров: институциональные (противоречивый и рестриктивный характер миграционной политики и законодательства, неразвитость правоприменительной практики в отношении соблюдения прав мигрантов, широкое распространение коррупционных практик среди проверяющих органов, спекулирование на теме миграции в политическом и медийном дискурсах), интерактивные (дискриминационные действия представителей принимающего населения, включая радикальные анти-мигрантские общественные движения) и культурные (ксенофобия принимающего населения, этноцентристские и расистские предрассудки).

Недостаток капитала и барьеры на пути интеграции молодых мигрантов приводят к возникновению новых социальных неравенств, которые складываются в ходе процессов эксплуатации, иерархизации, этнической стратификации, сегрегации и маргинализации. Новые социальные неравенства ограничивают доступ мигрантов к жизненно важным ресурсам, затрудняют или полностью лишают их возможности действовать во многих значимых сферах принимающего общества, представляют опасность самой их жизни [40]. Неравенства возникают в сфере экономики, образования, социального обеспечения, здравоохранения, рынка жилья, культуры и политики.

Эта ситуация чревата усилением социальных рисков, понимаемых как возможные негативные последствия, которые с определенной степенью вероятности могут затронуть всех участников миграционного процесса: самих мигрантов, общества-доноры и принимающее общество. Миграционная ситуация становится все более комплексной, что является вызовом для социальных наук и требует сложных подходов, которые бы учитывали взаимосвязь принимающего общества, общества стран-доноров, а также интересы, права и практики самих мигрантов. Перспектива социальных рисков может дать дополнительный толчок изучению новых социальных неравенств и концепций интеграции мигрантов.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в данной работе впервые осуществлен синтез теорий риска и теорий социальной интеграции мигрантов. На основе теоретического синтеза разработана оригинальная типологическая модель социальных рисков международной иммиграции в Россию и изучено восприятие миграционных рисков населением Санкт-Петербурга.

Социальные риски международной миграции: концептуальные подходы

Важнейшую роль в изучении социальных рисков международной миграции играет теория риска, которая складывается в социальных науках в 1980-е годы XX века и связана, в первую очередь, с именами Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса, М. Дуглас. Указанные авторы подчеркивают значение социального, политического и культурного контекста, в рамках которого производятся и воспринимаются риски. Н. Луман отмечает возрастающую неопределенность во всех сферах современного общества и связывает риски с принятием решения в ситуации выбора, когда возможны негативные последствия. Он вводит значимое различие. Если возможная потеря соотносится с решением, то это риск, если с внешними причинами, то есть с окружающей средой, то мы имеем дело с опасностью [28, p. 21-22].

Э. Гидденс и У. Бек связывают появление общества риска с процессом модернизации, делающим акцент на будущем и усиливающим рефлексивность общества [2]. М. Дуглас подчеркивает роль политики и культуры в отборе значимых для общества рисков [22].

Для современного российского общества, по мнению ряда социологов, например О.Н. Яницкого, характерна недостаточная рефлексивность, что проявляется в неспособности адекватно и своевременно оценивать происходящие социальные перемены и реагировать на них. Незрелость социальной рефлексии в современном российском обществе приводит к недостаточному осмыслению рисков и в конечном счете усиливает рискогенный характер российского общества [16; 17].

Изучение миграционных процессов в мировой науке носит междисциплинарный характер. В данном исследовании прини-

мается широкая перспектива понимания миграции как комплексного, многоуровневого, длительного процесса социокультурной трансформации индивидов и групп. Выделим несколько областей, наиболее релевантных для данного исследования. В отношении теории миграционных процессов по-прежнему актуальной остается синтетическая теория миграции Д. Массея [30]. Она интегрирует шесть теорий: теорию неоклассической экономики [41], новую экономическую теорию трудовой миграции [39], теорию сегментированного рынка труда [34], теорию мировых систем [37], теорию социального капитала и миграционных сетей [20; 31] и теорию кумулятивной причинности [29]. Синтез Д. Массея позволяет ответить на ряд фундаментальных вопросов: какие структурные факторы в развивающихся странах способствуют эмиграции и какие структурные факторы в развитых странах создают спрос на мигрантов? Каковы мотивации людей, которые, испытывая влияние этих макроструктурных факторов, решаются на переезд из одной страны в другую? Какие институциональные структуры возникают в ходе международных миграций для поддержания международной мобильности и как они, в свою очередь, влияют на миграционные процессы? И наконец, как государство реагирует на возникающие потоки людей и насколько эффективной может быть миграционная политика?

Кроме того, для понимания миграционных процессов, идущих на постсоветском пространстве, в частности евразийской интеграции, полезной представляется теория миграционных систем [24; 27]. Данная теория обращается к широкому историческому контексту, определившему формирование социальных структур, которые возникли в ходе устойчивых политических, экономических и культурных взаимосвязей между двумя или более обществами.

Под влиянием процессов глобализации свои коррективы в вышеописанные теории вносят относительно новые исследования транснациональной миграции и транснациональных пространств. В них критически переосмысливаются прежние понятия о границах, нациях и сообществах, переопределяются отношения между глобальным и локальным и на передний план выходят концепции детерриторизации и глобального пространства, сетей и потоков — людей, товаров, услуг, капиталов, технологий и идей, преодолевающих национальные и региональные границы (концепция пространственно-временной компрессии Д. Харви, теория потоков М. Кастельса и Дж. Урри, теория скейпов А. Аппадурай). Изучение того, как в процессе глобализации экономики индивиды и группы перемещаются через региональные и национальные границы, создавая новые транснациональные пространства и отношения, получает развитие в концепции транснационализма [33; 38]. Здесь подчеркивается, что мигранты находятся одновременно в двух социальных мирах — общества исхода и принимающего общества и сохраняют тесные связи с родиной, активно участвуя в его экономической, политической и культурной жизни [19]. В последнее время концепция транснационализма, в свою очередь, подвергается критическому переосмыслению [42].

Другим значимым исследовательским полем является изучение включения мигрантов в принимающее общество. Для понимания этого процесса в социальных науках сформировалось целое семантическое поле: абсорбция, адаптация, аккультурация, ассимиляция, инклюзия (включение), инкорпорация и, наконец, интеграция. В позднейших исследованиях многие из этих понятий были пересмотрены. Так, классическое понимание ассимиляции (М. Гордон) было переосмыслено Р. Альбой,

В. Ни, Г. Гансом, Р. Брубейкером [18; 21; 25], в то время как А. Портес, М. Чжоу и Р. Румбо предложили теорию «сегментной ассимиляции», согласно которой дети мигрантов ассимилируются в разные сегменты принимающего общества, что зависит как от характеристик самих представителей второго поколения мигрантов, так и от характеристик этих сред.

Следует подчеркнуть, что миграционная ситуация в России остается на периферии западных исследований. В свою очередь, российские исследования миграции остаются по преимуществу эмпирически ориентированными. Тем не менее, они заложили твердую основу для изучения современной миграционной ситуации в России. Из последних работ отметим исследования миграционных процессов А.Г. Вишневого [5], работы В.И. Мукомеля [9], В. Малахова, Е. Варшавера и др. по проблемам адаптации и интеграции мигрантов [3; 8], анализ миграционных рисков Ж.А. Зайончковской, Д.В. Полетаева, Ю.Ф. Флоринской и др. [7], исследования В.И. Мукомеля, К.С. Григорьевой по миграционной политике [10], работы по трудовой миграции С.В. Рязанцева [11; 12; 13], исследования гражданства О.С. Чудиновских [15] и транснациональных связей С.И. Абашина [1].

Наиболее перспективной для нашего подхода является теория социальной интеграции Х. Эссера [23], получившая развитие в работах Ф. Хекманна [26]. Представители этого подхода выделяют четыре измерения социальной интеграции: культурное, структурное, интеракционное и идентификационное, обозначая барьеры интеграции и последствия (дез)интеграции для процессов социальной структуризации и дифференциации. Данная теория используется не только в эмпирических исследованиях интеграции, но и для мониторинга и оценки миграционной политики [4].

Рассмотрим основные группы рисков для участников миграционного процесса, которые могут проявляться на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности. В процессе выделения групп рисков мы будем отталкиваться от четырех измерений социальной интеграции, предложенных в модели Х. Эссера и Ф. Хекманна.

Во-первых, выделим группу рисков, которым подвергаются *сами мигранты* (табл. 2). Эти риски могут проявляться на рынке труда и жилья, в сфере образования и здравоохранения, а также в повседневной жизни мигрантов.

Следующая группа рисков касается *обществ-доноров*. На макроуровне это риски, связанные с оттоком наиболее активных групп трудоспособного населения, особенно молодежи, и вызванные этим изменения экономики и социально-демографической структуры. Экономика отдающих обществ в большой степени зависит от денежных переводов мигрантов и в меньшей степени развивается за счет внутренних ресурсов, технологических инноваций и создания новых рабочих мест. Кроме того, особые риски несет с собой эмиграция квалифицированных специалистов, так называемая «утечка мозгов». Кроме того, нарушается гендерный и поколенческий баланс, что на мезо- и микроуровне приводит к изменению структуры семьи, гендерного порядка и процессов социализации.

Наконец, последняя группа рисков касается *принимающего общества*. Пожалуй, наиболее значимым на макроуровне является риск развития новых форм социального неравенства, появление нового низшего класса в лице низкоквалифицированных работников-мигрантов, обладающих ограниченным набором трудовых и социальных прав, и недокументированных мигрантов, лишенных большинства прав. Эта ситуация чревата развитием этнической

Таблица 2. Типология социальных рисков для мигрантов в зависимости от измерений социальной интеграции и уровня социальной реальности

Уровень социальной реальности	Измерения социальной интеграции			
	Культурное	Структурное	Интеракционное	Идентификационное
Микро	Со стороны принимающего населения: ксенофобия, этноцентристские и расистские предубеждения, стигматизация; со стороны мигрантов: недостаток языковой, коммуникативной, правовой компетентности, низкая профессиональная квалификация; дисквалификация	Непризнание и неуважение, выстраивание статусных иерархий, потеря статуса, дискриминация	Отношения с принимающим сообществом: коммуникативная неудача, срыв взаимодействия, конфликтное взаимодействие, насилие; отношения с обществом исхода: ослабление или разрыв социальных связей	Маргинализация
Мезо	Ксенофобия, этноцентристские и расистские предубеждения, стигматизация	Ограничение доступа к принимающим сообществам, социальным сетям и организациям; институциональная дискриминация	Недоверие; межгрупповой конфликт и насилие; радикальные антимигрантские общественные движения	Исключение, сегрегация со стороны принимающих сообществ, социальных сетей, организаций; самоизоляция сообществ, социальных сетей и организаций мигрантов
Макро	Ксенофобия, этноцентристские и расистские предубеждения, стигматизация, спекулирование на тему миграции в политическом и медийном дискурсах	Иерархизация, этническая стратификация, эксплуатация, противоречивый и рестриктивный характер миграционной политики и законодательства; потеря легального статуса и криминализация; неразвитость институтов поддержки и защиты прав мигрантов, институциональная дискриминация	Коррупция среди принимающих органов, институциональное насилие, выдворение, депортация	Исключение, сегрегация со стороны принимающего общества; самоизоляция со стороны сообществ мигрантов

Источник: составлено авторами.

стратификации, этнизацией социальных проблем и усилением правых антимигрантских позиций как в повестке политических партий, так и со стороны антимигрантских общественных движений. Конфликтное противостояние большинства и меньшинства, новые социальные неравенства бросают прямой вызов социальной сплоченности общества. Ситуация может осложняться конфликтами между различными группами мигрантов, что приводит к росту насилия в принимающем обществе.

В отношении общества приема важно, с одной стороны, выделить риски, осно-

ванные на опыте взаимодействия местного населения с мигрантами на микроуровне: например, риски, связанные с низким качеством услуг, оказываемых мигрантами, риски снижения образовательного уровня в школах, где учатся дети-мигранты, риски поведенческих конфликтов, обусловленных различием культурных норм.

С другой — воспринимаемые риски, которые могут быть сформированы СМИ под влиянием тех или иных политических сил на макроуровне. В последнюю группу входят, например, воспринимаемые риски конкуренции и демпинга на рынке

труда, риски в области здоровья, связанные с образом мигрантов как носителей опасных болезней, а также риски, связанные с представлением о широком распространении насилия и преступности в среде мигрантов.

В заключение теоретической части можно утверждать, что трансграничная миграция, являясь одной из стратегий снижения рисков домохозяйств в обществах исхода, сама порождает новые риски как для этих обществ, так и для обществ приема и для самих мигрантов. Так, например, большой риск представляет, с одной стороны, нехватка человеческого и социального капитала мигрантов, а с другой — те ситуации неопределенности в процессе обретения правового статуса, на рынке труда, в сфере образования, здравоохранения, повседневных взаимодействий, которые создаются рискогенными решениями различных акторов принимающего общества.

Методы исследования

Эмпирическую базу исследования составляют результаты массового опроса, проведенного в Санкт-Петербурге с целью оценки миграционной ситуации в городе и отражения миграционных рисков в сознании принимающего сообщества. Санкт-Петербург является одним из наиболее привлекательных для международной трудовой и образовательной миграции регионов, и ситуация в нем хотя и не исчерпывает собой всего многообразия миграционных рисков, но основные из них репрезентирует достаточно хорошо.

Методика сбора данных — телефонное стандартизированное интервью. Выбор методики определен тем, что телефонные опросы являются оптимальными для быстрого сканирования общественного мнения таких крупных городов, как Санкт-Петербург. Дополнительным мотивом

использования именно телефонных интервью стало наличие по некоторым индикаторам лонгитюдных данных, ранее собранных с применением именно данной методики.

Вопросник включал в себя 40 вопросов о ситуации в городе, контактах горожан с мигрантами в различных сферах жизни, оценки позитивных и негативных последствий миграции, эффективности институционального контроля этого процесса, отношения к различным вариантам стратегии управления миграцией и миграционной политики государства, а также 6 вопросов о демографическом, экономическом и социальном статусе респондента. Большая часть вопросов — полузакрытые с вариантом ответа «другое». Для оценочных переменных использовались специально разработанные вербальные порядковые шкалы, представляющие ключевые варианты в пределах возможного спектра суждений. Более простые вопросы сопровождалась шкалой Лайкерта. Также применена методика «кафетерий Лайкерта», позволяющая идентифицировать позицию респондента по совокупности оценивания серии индикаторов.

Генеральная совокупность исследования — жители Санкт-Петербурга, достигшие возраста 18 лет и старше. Выборка стратифицированная, пропорционально распределена между 18 муниципальными районами Санкт-Петербурга. Отбор телефонных номеров из общей базы городских стационарных абонентов — случайный, осуществлялся системой САТІ с помощью специального программного обеспечения, основанного на использовании генератора случайных чисел.

Интервью проводились только по телефонам, установленным в жилом фонде (по месту жительства респондентов). При

отборе респондентов по конкретному телефонному номеру применялось квотирование по полу и возрасту. Наполнение территориальной и половозрастной структуры выборки контролировалось автоматически – по мере предельного наполнения районных подвыборок и легкодоступных для исследования демографических категорий относящиеся к ним респонденты более не включались в исследование.

Общий размер полученной выборки составил 1017 человек, что обеспечивает предельную случайную ошибку выборки $\Delta=3,1\%$ для доверительной вероятности 95%.

Ввод данных осуществлен непосредственно в процессе интервью с помощью интерактивной формы системы CATI. Обработка данных выполнена с помощью программы SPSS версия 16.0. Визуализация данных выполнена с помощью MS Excel (графики) и MS Word (таблицы). Для анализа матриц сопряженности использован тест Хи-квадрат по Пирсону и методика стандартизированных остатков. В ходе анализа данные были частично сгруппированы в укрупненные смысловые категории – в шкале Лайкерта объединены категорические и мягкие варианты ответов, созданы дихотомические переменные на основе выделения некоторых вариантов ответа в сложных вербальных шкалах.

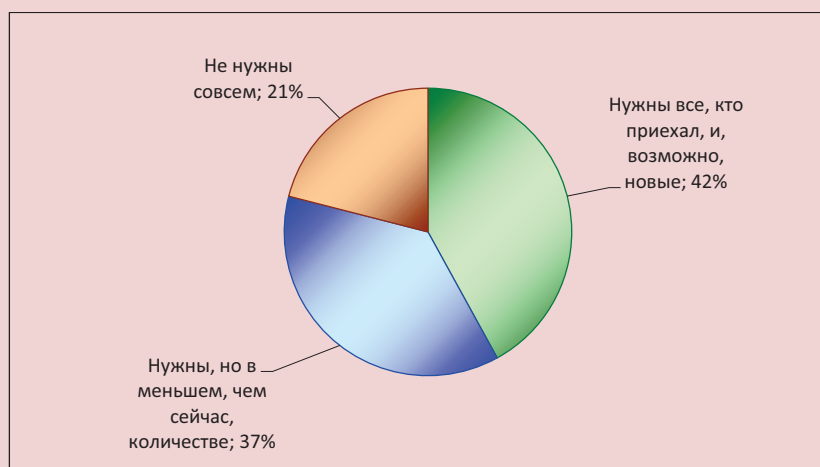
Результаты телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга

Анализ общественной рефлексии на макроуровне – отношения к миграции как явлению и мигрантам как неразделенному контингенту – показал, что в петербургском сообществе преобладают сдержанные оценки при достаточно широкой дифференциации подходов. Модальным ответом на вопрос «*Нужны ли сегодня мигранты Санкт-Петербургу?*» стал вариант «*нужны,*

но меньше, чем сейчас есть в городе» – 34,1% опрошенных. Вторая по численности категория горожан (30,3%) допускает сохранение актуального контингента мигрантов, но против его увеличения. Только 7,5% жителей Петербурга приветствуют увеличение численности мигрантов в городе («*нужны, надо чтобы мигранты продолжали приезжать в Санкт-Петербурге*»). А каждый пятый (18,8%) вообще против их присутствия – «*мигранты в Санкт-Петербурге не нужны – те, кто приехал, пусть уезжают*». Обращает на себя внимание относительно малый вес затруднившихся с ответом (5,7%) и сформулировавших другой (в основном – дифференцированный) вариант (3,6%). Это свидетельствует о том, что тема миграции в принимающем сообществе дискутируется и определенные позиции уже сформированы.

Углубленный анализ показал, что категории допускающих сохранение статус кво и допускающих рост миграции подобны по своей позиции в отношении других индикаторов и могут быть объединены. Напротив, позиция тех, кто допускает присутствие мигрантов при сокращении их численности, существенно отличается от позиции полного исключения приезжих. Следовательно, в зоне определенного мнения [6, с. 100] наблюдаются три основные точки зрения (рис. 3). При этом большинство горожан выступают за сокращение численности мигрантов (52,9% от общего числа опрошенных, 58,3% от числа высказавших определенную позицию), но это большинство не выработало на момент исследования общую (доминирующую) позицию. На практике речь идет о широком спектре ожиданий – от сокращения численности отдельных проблемных контингентов до удаления всех приезжих без исключения.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Нужны ли сегодня мигранты Санкт-Петербургу?» (% от числа ответивших на данный вопрос)

Второй индикатор, характеризующий позицию принимающего сообщества на макроуровне, — отношение к возможной амнистии нелегальных мигрантов. С учетом проективного характера объекта оценки в ходе интервью пояснялось, что речь идет о предложении «разрешить нелегальным мигрантам остаться и работать в России при условии соблюдения законодательства и уплаты налогов». Анализ показал, что поведение данного показателя в значительной мере подобно и связано с рассмотренным выше. Доли затруднившихся с ответом на эти два вопроса практически совпадают (8,5%), среди определившихся незначительный перевес у противников амнистии (48,8% от выборки в целом, 53,3% высказавших определенную позицию). При этом обращает на себя внимание высокая доля горожан, категорически возражающих против амнистии нелегальных мигрантов — 31,2% респондентов. Таким образом, лагерь противников амнистии на 2/3 составляют те, кто «безусловно против» нее. Среди сторонников амнистии, напротив, преобладает умеренная

позиция (26,5% ответов «скорее поддерживаю» из 42,8% опрошенных, выступающих за амнистию).

Перекрестный анализ показал взаимосвязь распределений, отражающих общественные позиции по поводу потребности города в мигрантах и амнистии нелегалов (табл. 3). Анализ матрицы сопряженности с применением методики стандартизированных остатков позволил выявить статистически существенные сдвиги в пропорциях распределения сторонников и противников амнистии в двух оппозиционных друг другу категориях горожан — тех, кто допускает сохранение и/или увеличение контингента мигрантов в Санкт-Петербурге, и тех, кто выступает за их полное удаление из города. Модальная же категория респондентов («мигрантов нужно меньше, чем сейчас») голосует против амнистии в пропорции, очень близкой к средней по выборке.

Представленные наблюдения позволяют сделать два промежуточных вывода. Во-первых, мигранты в значительной мере ассоциируются в массовом сознании с

Таблица 3. Взаимосвязь представлений о потребности Санкт-Петербурга в мигрантах и отношения к возможной амнистии нелегальных мигрантов (% ответивших по категориям)

Отношение к предложению провести амнистию нелегальных мигрантов	Нужны ли сегодня мигранты Санкт-Петербургу?		
	Нужны все, кто уже приехал, и, возможно, новые	Нужны, но меньше, чем сейчас есть – их численность нужно сократить	Не нужны совсем – те, кто приехал, пусть уезжают
Поддерживают амнистию	59,8	42,2	24,6
<i>станд. остаток</i>	3,9	-0,9	-4,2
Против амнистии	40,2	57,8	75,4
<i>станд. остаток</i>	-3,6	0,9	3,9
Итого	100	100	100

нелегальными мигрантами, а миграция в целом, вероятно, – с нелегальной миграцией. В данном случае наблюдается как раз эффект медийного конструирования социальной проблемы, поскольку с точки зрения воздействия на повседневность принимающего сообщества легальный/нелегальный статус приезжего является второстепенным фактором и производится от эффективности/неэффективности функционирования механизмов государственного контроля. Во-вторых, фактически проявляются две оппозиционные друг другу стратегии отношения принимающего сообщества к мигрантам: первая состоит в том, чтобы принимать всех и, вероятно, даже стимулировать миграцию, вторая – полностью ее исключить. Промежуточная позиция – сокращать контингент мигрантов, сохраняя его как таковой, – по сути, является компромиссной. Ее распространенность в массовом сознании свидетельствует о недостаточном оформлении общественной позиции по отношению к миграции как явлению.

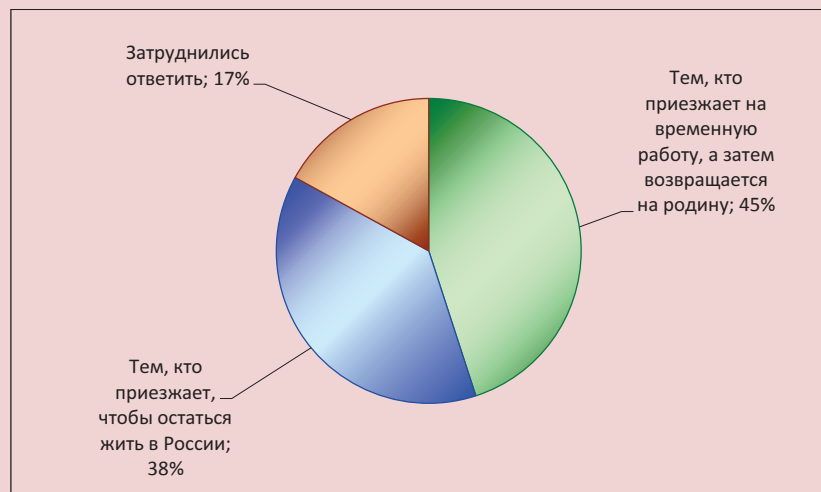
Третий индикатор макроуровня, использованный при анализе, – выбор миграционного приоритета для принимающего сообщества. Респондентов спрашивали, кому следует отдавать предпочтение при выдаче виз, разрешений на пребывание и работу в России: тем, кто приезжает на временную работу, или тем, кто плани-

рует остаться и жить здесь постоянно? Как и в отношении амнистии нелегалов, опрошенные распределились на два близких по размеру лагеря с небольшим преимуществом у сторонников модели временного пребывания (рис. 4). Однако в данном случае значительно большим (17%) оказался вес затруднившихся с ответом, что свидетельствует о том, что такие «тонкости» миграционного процесса уже реже обсуждаются горожанами.

Анализ системы из трех индикаторов макроуровня показывает, что, хотя миграционная тематика привычна для петербургского сообщества, говорить о сформировавшейся общественной позиции в этой области рано. Об этом свидетельствуют почти равновероятное распределение опрошенных между ключевыми альтернативами и модальность компромиссных позиций. Петербуржцы до сих пор массово воспринимают мигрантов как временную рабочую силу и фокусируют внимание на их формальном статусе (легальном или нелегальном). Общественная рефлексия отстает от объективного процесса трансформации самого принимающего сообщества, что выводит этот процесс из-под социального контроля и создает риски на макроуровне.

Как соотносятся тенденции макроуровня с данными индикаторов мезо- и микроуровней? Для этого обратимся к оценке

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Кому, на Ваш взгляд, надо отдавать приоритет при выдаче виз и разрешений на пребывание в России – тем, кто приезжает на временную работу, или тем, кто планирует остаться и жить здесь постоянно?» (% от общего числа опрошенных)

городским сообществом собственных миграционных рисков: от 50 до 87% опрошенных подтвердили различные по содержанию угрозы, вытекающие из присутствия мигрантов в Санкт-Петербурге (рис. 5).

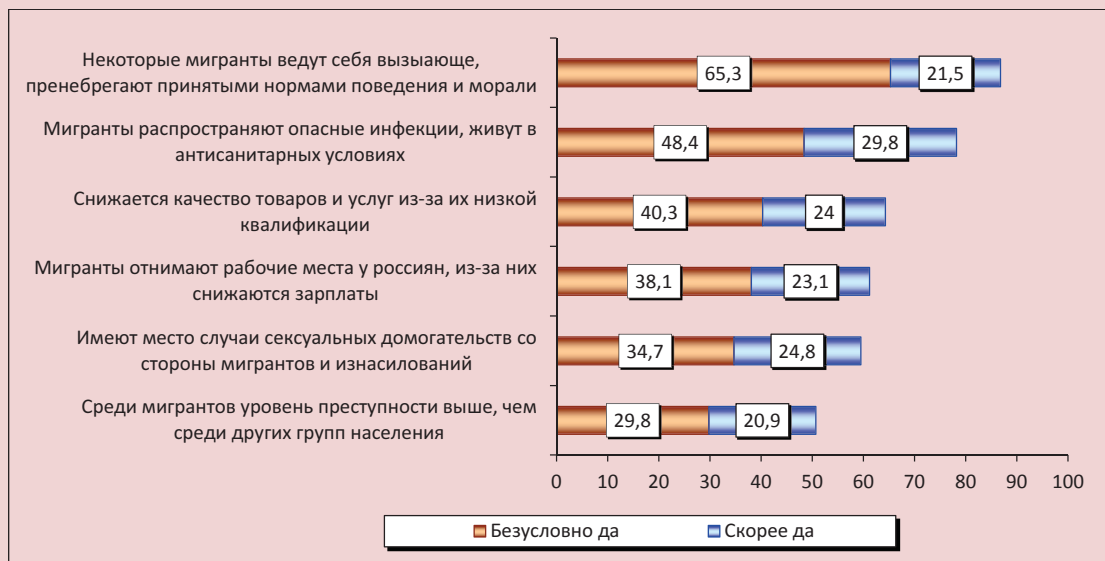
Однако анализ структуры проблем, которые горожане ассоциируют с присутствием мигрантов, рождает новые вопросы. Лидирующие позиции занимают претензии, по сути, к образу жизни мигрантов – аморальному поведению, игнорированию локальных культурных образцов и «грязному» быту. Почему эти моменты существенно опережают функциональные по своему содержанию сюжеты конкуренции на рынке труда и потери качества и технологической культуры? Ведь вторые угрожают реальным материальным ущербом, тогда как первые – скорее символическим. Почему нижние позиции в рейтинге рисков оказались у наиболее общественно опасных проявлений – насильственной преступности и сексуальной агрессии? Ведь именно после событий та-

кого содержания происходило большинство массовых волнений, связанных с мигрантами.

Одним из возможных объяснений выступает то, что принимающее сообщество отдает при интерпретации миграционных явлений приоритет культурным капиталам и целям, тогда как экономические капиталы и цели безопасности остаются на периферии общественного внимания. Тогда культурная дистанция между принимающим сообществом и контингентами мигрантов, представляющих различные сообщества-доноры, может представлять определяющий фактор, на основе которого выстраивается вся система взаимодействия, включая экономическое сотрудничество и конкуренцию, вплоть до конфликтов в форме насилия.

Для характеристики миграционной ситуации на *микроуровне* представим, прежде всего, два индикатора, отражающих вовлеченность населения в наиболее острые интеракции, связанные с насилием и сек-

Рисунок 5. Верификация горожанами рисков принимающего сообщества (доли утвердительных ответов на вопрос: «С какими из перечисленных суждений Вы согласны?») (% от общего числа опрошенных)

суальной агрессией. В данном случае методика предполагала гендерную дифференциацию индикаторов. Респондентам-мужчинам был задан вопрос о том, случилось ли им лично когда-либо участвовать в драках с мигрантами или других конфликтах с ними с применением насилия или угрозы насилия. Женщин спрашивали, случилось ли им лично быть жертвой сексуальных домогательств, приставаний или насилия со стороны мигрантов. По итогам опроса 18,5% мужчин и 9,4% женщин ответили утвердительно.

Доля вовлеченных в острую конфликтную интеракцию с мигрантами существенно выше в молодежной среде. Почти каждый третий мужчина в возрасте до 30 лет (29,7%, стандартизированный остаток 2,6) сообщил о наличии у него опыта насильственного взаимодействия с мигрантами. Каждая пятая девушка этой возрастной категории (21,3%, стандартизированный остаток 4,3) подвергалась как минимум приставаниям мигрантов.

Наличие опыта острой конфликтной интеракции значительно усиливает проблематизацию контингента мигрантов. Так, среди мужчин, лично участвовавших в драках и/или иных насильственных взаимодействиях, половина (49,4%, стандартизированный остаток 2,7) безусловно подтверждают, что уровень преступности среди мигрантов выше, чем в других слоях населения. Большинство женщин, подвергавшихся сексуальной агрессии (54,5%, стандартизированный остаток 2,6), безусловно верифицируют мигрантов в качестве потенциального источника такой агрессии.

Таким образом, исследование показывает высокий уровень социальных рисков для той части принимающего сообщества, которая включена в повседневные взаимодействия с мигрантами. Возможно, реакцией на повышенный уровень рисков как раз является игнорирование сообществом проблемных моментов миграционного процесса, их оценки и задач фор-

мирования определенной общественной позиции. Члены сообщества боятся собственной включенности в миграционный процесс и пытаются закрыться от него — «не замечают» присутствия мигрантов в собственной повседневности, «не вникают» в особенности их труда и быта, ограничиваются предельно общим взглядом на события, участниками которых на самом деле уже являются.

Заключение

В данном исследовании мы постарались наметить контуры социологической теории миграционных рисков. Несмотря на то, что в отечественной социологической науке теории риска в последние годы уделяется все больше внимания, риски миграционных процессов не получили должного осмысления. Мы полагаем, что эвристическое значение предложенной теоретической модели состоит в том, что она позволяет выделить и показать взаимосвязь различных групп миграционных рисков для всех участников миграционного процесса в принимающих странах, странах исхода и для самих мигрантов. Основанием теоретической модели миграционных рисков послужила теория интеграции Х. Эссера и Ф. Хекманна. Мы постарались описать то, как различные риски проявляются на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности, учитывая четыре измерения социальной интеграции, выделенные Эссером и Хекманном.

Разумеется, в одном исследовании невозможно изучить все категории рисков,

которые позволяет выделить предложенная модель, поэтому для эмпирического исследования мы выбрали только две группы миграционных рисков принимающего населения: актуальных рисков взаимодействия на микроуровне и воспринимаемых рисков, которые могли быть сформированы СМИ под влиянием тех или иных политических сил на макроуровне. Эти группы рисков были изучены с помощью опроса общественного мнения жителей Санкт-Петербурга, что закладывает хорошую основу для дальнейших сравнительных исследований как российского, так и международного масштаба.

Настоящее исследование показывает значение культурной дистанции между принимающим сообществом и мигрантами, что проявляется в повышенном внимании к воспринимаемой угрозе нормам и ценностям местного населения, тогда как риски, связанные с рынком труда и проявлениями насилия, остаются на периферии общественного внимания. Отмечается также высокий уровень социальных рисков для той части принимающего сообщества, которая включена в повседневные взаимодействия с мигрантами.

По нашему мнению, анализ социальных рисков международной миграции должен занимать одно из ведущих мест в предметной области социологии риска и социологии миграции, — более того, эта проблема может стать самостоятельным направлением рискологических и миграционных теорий.

Литература

1. Абашин, С. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию [Текст] / С. Абашин // Восток на Востоке, в России и на Западе: транграничные миграции и диаспоры / под ред. С. Панарина. — СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 159-176.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.

3. Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий [Текст] / Е. Варшавер, А. Рочева, Е. Кочкин, Е. Кулдина. – М.: РАНХиГС, Центр исследований миграции и этничности, 2014. – 153 с.
4. Вилкенс, И. Интеграционный мониторинг в Германии. Эмпирическое исследование процессов интеграции иммигрантов (на примере федеральной земли Гессен) [Текст] / И. Вилкенс // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России / ред. и сост. М.С. Розанова. – СПб.: Скифия-принт, 2016. – С. 119-140.
5. Вишневский, А.Г. Вводная статья. Новая роль миграции в демографическом развитии России [Текст] / А.Г. Вишневский // Миграция в России. 2000–2012: хрестоматия в 3 томах. – Т. 1. – Ч. 1. – М.: Спецкнига, 2013. – 880 с.
6. Гавра, Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт [Текст] / Д.П. Гавра. – СПб.: ИСЭП РАН, 1995. – 350 с.
7. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции [Текст] / Ж.А. Зайончковская, Д.В. Полетаев, Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, К.А. Доронина. – М.: Центр миграционных исследований, 2014. – 118 с.
8. Малахов, В. Интеграция мигрантов: концепции и практики [Текст] / В. Малахов. – М.: Мысль, 2015. – 272 с.
9. Мукомель, В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества [Текст] / В.И. Мукомель // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 411-467.
10. Мукомель, В.И. Новаии в российском миграционном законодательстве в контексте правоприменения [Текст] / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева // Миграционное право. – 2016. – № 2-3.
11. Рязанцев, С.В. Трудовая иммиграция в Россию: эффекты или риски для страны? [Текст] / С.В. Рязанцев // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – 2013. – № 1. – М.: ИСПИ РАН. – С. 124-137.
12. Рязанцев, С.В. Иностраные трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике. [Текст] / С.В. Рязанцев, В.И. Скоробогатова // Экономическая политика. – 2013. – № 4. – С. 21-29.
13. Рязанцев, С.В. Недокументированная трудовая миграция в российской экономике [Текст] / С.В. Рязанцев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Том 1. – № 1(1). – С. 24-33.
14. Тюрюканова, Е. Трудовая миграция в Россию [Электронный ресурс] / Е. Тюрюканова // ДемоскопWeekly. – 2008. – № 315–316. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema01.php>
15. Чудиновских, О.С. О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. [Текст] / О.С. Чудиновских // Демографическое обозрение. – 2014. – № 3. – С. 65-126.
16. Яницкий, О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» [Текст] / О.Н. Яницкий // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / под ред. Т. Заславской. – М., 1997. – 368 с.
17. Яницкий, О.Н. Социология риска: ключевые идеи [Текст] / О.Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 3-35.
18. Alba, R., Nee, V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration / R. Alba, V. Nee // International migration review. – Vol. 31. – No 4. – 1997. – Pp. 826-874.
19. Bauböck, R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism / R. Bauböck // International Migration Review. – Vol. 37. – No 3. – 2003. – Pp. 700-723.
20. Boyd, M. Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas / M. Boyd // International Migration Review. – Vol. 23. – 1989 – Pp. 638-670.
21. Brubaker, R. The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – Vol. 24. – No. 4. – 2001. – Pp. 531-548.
22. Douglas, M., Wildavsky, A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers / M. Douglas, A. Wildavsky. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982. – 221 p.

23. Esser, H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft* / H. Esser. – Frankfurt-New York: Campus, 2000. – 511 S.
24. Fawcett, J.T. *Networks, Linkages and Migration Systems* / J.T. Fawcett // *International Migration Review*. – Vol. 23. – 1989. – Pp. 671-680.
25. Gans, H.J. *Toward a Reconciliation of “Assimilation” and “Pluralism”: The Interplay of Acculturation and Ethnic Retention* / H.J. Gans // *International Migration Review*. – Vol. 31. – No 4. – 1997. – Pp. 875-892.
26. Heckmann, F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung* / F. Heckmann. – Heidelberg: Springer VS, 2015. – 309 S.
27. Kirz, M.M., Lim, L.L., Zlotnik, H. *International Migration Systems: a Global Approach*. Oxford, UK: Clarendon Press, 1992.
28. Luhmann, N. *Risk: A Sociological Theory* / N. Luhmann. – N.Y., 1993. – 236 p.
29. Massey, D.S. *Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration* / D.S. Massey // *Population Index*. – Vol. 56. – 1990. – Pp. 3-26.
30. Massey, D.S., Arango, J., Koucouci, A., Pelligrino, A. and Taylor, E.J. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium* / D.S. Massey et al. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 376 p.
31. Massey, D.S., Goldring, L.P., Jorge, D. *Continuities in Transnational Migration: An Analysis of 19 Mexican Communities* / D.S. Massey, L.P. Goldring, D. Jorge // *American Journal of Sociology*, 99, 1994, Pp. 1492–1533.
32. Morawska, E. *In Defense of the Assimilation Model* / E. Morawska // *Journal of American Ethnic History*. – Vol. 13. – 1994. – Pp. 76-87.
33. Ong, A. *Flexible Citizenship. The Cultural Logics of Transnationality* / A. Ong. – Durham, 1999. – 336 p.
34. Piore, M.J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society* / M.J. Piore. – Cambridge: CUP. – 1979. – 229 p.
35. Portes, A., Rumbaut, R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation* / A. Portes, R.G. Rumbaut. Berkeley: University of California Press, 2001. – 430 p.
36. Portes, A., Zhou, M. *The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants* / A. Portes, M. Zhou // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – Vol. 530. – 1993. – Pp. 74-96
37. Sassen, S. *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow* / S. Sassen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 240 p.
38. Schiller, N.G., Basch, L. and Blanc-Szanton, C. *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered* / N.G. Schiller, L. Basch, C. Blanc-Szanton. – NY, 1992. – 259 p.
39. Stark, O. *The Migration of Labor* / O. Stark. – Cambridge: Basil Blackwell, 1991. – 416 p.
40. Therborn, G. *The killing fields of inequality* / G. Therborn. – Cambridge, UK: Polity Press, 2013. – 180 p.
41. Todaro, M.P. *Internal Migration in Developing Countries* / M.P. Todaro. – Geneva: International Labor Office, 1976. – 112 p.
42. Waldinger, R. *The Cross-Border Connection: Immigrants, Emigrants, and Their Homelands* / R. Waldinger. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015. – 240 p.

Сведения об авторах

Ольга Ивановна Бородкина — доктор социологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; e-mail: oiborodkina@gmail.com)

Николай Викторович Соколов — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; e-mail: nvsspb@yandex.ru)

Александр Владимирович Тавровский — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; e-mail: alextavr@mail.ru)

Borodkina O.I., Sokolov N.V., Tavrovskii A.V.

Social Risks of International Immigration into Russia

Abstract. The article explains the sociological theory of immigration risks. Despite the fact that domestic sociology has been recently attracting more attention to the risk theory, risks of migration processes have not yet been properly considered. According to the authors, such a theory must consider social risks for all participants of the migration process: host countries, countries of origin and immigrants. The typological model of immigration risks is based on the theory of integration by H. Esser and F. Heckmann. The model describes how various risks are manifested at the micro, meso and macro level of social reality taking into account the four dimensions of social integration: cultural, structural, interactional and identification. Based on the theoretical model the authors identify several groups of risks for the host population: risks based on local and migrant population interaction at the micro level and perceived risks which can be formed by the media under the influence of certain political forces at the macro level. These risk groups were examined using a telephone survey of public opinion of Saint Petersburg residents (N=1017). The study shows the importance of a cultural distance between the host community and the migrants manifested in increased attention to the standards and values of the host population, whereas risks associated with the labor market and violent behavior remain at the background of public attention. The authors also note a high level of social risk for the part of the host community involved in daily interaction with migrants. Members of community are scared of being involved in the migration process and try to shield themselves from it – they “ignore” the presence of migrants in their everyday life, “do not get involved” in their work and life focusing only on very general view of events which they are actually part of. According to the authors, analysis of social risks of international immigration should be one of the leading areas in sociology of risk and sociology of migration; moreover, this issue may become an independent area of risk assessment and migration theories.

Key words: risk, international migration, host countries, donor countries, public opinion, Saint Petersburg.

References

1. Panarin S. (Ed.). Abashin S. I zdes', i tam: transnatsional'nye aspekty migratsii iz Tsentral'noi Azii v Rossiiu [Here and there: transnational aspects of immigration from Central Asia into Russia]. *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspori* [East in the East, in Russian and in the West: cross-border migration and diaspora]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 159-176. (In Russian).
2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society. Towards new modernism]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 383 p. (In Russian).
3. Varshaver E., Rocheva A., Kochkin E., Kuldina E. *Kirgizskie migranty v Moskve: rezul'taty kolichestvennogo issledovaniya integratsionnykh traektorii* [Kirghiz migrants in Moscow: results of quantitative examination of integration trajectories]. Moscow: RANKhiGS, Tsentr issledovaniia migratsii i etnichnosti, 2014. 153 p. (In Russian).
4. Wilkens I. Integratsionnyi monitoring v Germanii. Empiricheskoe issledovanie protsessov integratsii immigrantov (na primere federal'noi zemli Gessen) [Integration monitoring in Germany. Empirical study of immigrant integration processes]. *Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii* [Labor migration and migrant integration policy in Germany and Russia]. (Edited by Rozanova M.S.). Saint Petersburg: Skifiya-print, 2016. Pp. 119-140. (In Russian).
5. Vishnevskii A.G. Vvodnaya stat'ya. Novaya rol' migratsii v demograficheskom razvitii Rossii [Introduction article. The new role of migration in Russia's demographioc development]. *Migratsiya v Rossii. 2000–2012: khrestomatiya v 3 tomakh* [Migration in Russia. 2000–2010: compilation in three volumes]. Vol. 1, ch. 1. Moscow: Spetskniga, 2013. 880 p. (In Russian).

6. Gavra D.P. *Obshchestvennoe mnenie kak sotsiologicheskaya kategoriya i sotsial'nyi institut* [Public opinion as a sociological category and a social institution]. Saint Petersburg.: ISEP RAN, 1995. 350 p. (In Russian).
7. Zaionchkovskaya Zh.A., Poletaev D.V., Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Doronina K.A. *Zashchita prav moskvichei v usloviyakh massovoi migratsii* [Protection of rights of Moscow citizens amid mass migration]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy, 2014. 118 p. (In Russian).
8. Malakhov V. *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Migrant integration: concepts and practices]. Moscow: Mysl', 2015. 272 p. (In Russian).
9. Mukomel' V.I. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' primimayushchego obshchestva* [Migrant adaptation and integration: technical approaches to assessing the results and the role of the host community]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Russia in reform: year-book]. Moscow: Novyi khronograf, 2016, issue 14, pp. 411-467. (In Russian).
10. Mukomel' V.I., Grigor'eva K.S. *Novatsii v rossiiskom migratsionnom zakonodatel'stve v kontekste pravoprimeneniya* [Novelties in Russian migration legislation in terms of administration of law]. *Migratsionnoe pravo* [Migration law], 2016, no. 2–3. (In Russian).
11. Ryazantsev S.V. *Trudovaya immigratsiya v Rossiyu: efekty ili riski dlya strany?* [Labor immigration into Russia: effects or risks for the country?]. *Rossiya v novoi sotsial'no-politicheskoi real'nosti: monitoring vyzovov i riskov* [Russia in the new socio-political reality: monitoring of challenges and risks], 2013, no. 1. Moscow: ISPI RAN. Pp. 124-137. (In Russian).
12. Ryazantsev S.V., Skorobogatova V.I. *Inostrannye trudovye migranty na rossiiskom rynke truda i novye podkhody k migratsionnoi politike* [Foreign labor migrants on the Russian labor market and new approaches to the migration policy]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2013, no. 4, pp. 21-29. (In Russian).
13. Ryazantsev, S.V. *Nedokumentirovannaya trudovaya migratsiya v rossiiskoi ekonomike* [Undocumented labor migration in the Russian economy]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Vestnik TSU. Socio-economic and legal research], 2015, vol. 1, no. 1(1), pp. 24-33. (In Russian).
14. Tyuryukanova E. *Trudovaya migratsiya v Rossiyu* [Labor migration in Russia]. *Demoskop Weekly*, 2008, no. 315–316. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema01.php>. (In Russian).
15. Chudinovskikh O.S. *O politike i tendentsiyakh priobreteniya grazhdanstva Rossiiskoi Federatsii v period s 1992 po 2013 g.* [On the policy and trends in obtaining Russian citizenship during 1992–2013]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2014, no. 3, pp. 65-126. (In Russian).
16. Yanitskii O.N. *Modernizatsiya v Rossii v svete kontseptsii «obshchestva riska»* [Modernization in Russia in the context of “risk society”]. *Kuda idet Rossiya? Obshchee i osobennoe v sovremennom razviti* [Where is Russia going? Common and peculiar in the modern development] (ed. by Zaslavskaya T.). Moscow, 1997. 368 p. (In Russian).
17. Yanitskii O.N. *Sotsiologiya riska: klyucheveye idei* [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2003, no. 1, pp. 3-35. (In Russian).
18. Alba R., Nee V. *Rethinking assimilation theory for a new era of immigration*. *International migration review*, 1997, vol. 31, no. 4, pp. 826-874.
19. Bauböck R. *Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism*. *International Migration Review*, 2003, vol. 37, no. 3, pp. 700-723.
20. Boyd M. *Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas*. *International Migration Review*, 1989, vol. 23, pp. 638-670.
21. Brubaker R. *The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States* / R. Brubaker. *Ethnic and Racial Studies*, 2001, vol. 24, no. 4, pp. 531-548.
22. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982. 221 p.
23. Esser H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft*. Frankfurt-New York: Campus, 2000. 511 p.
24. Fawcett J.T. *Networks, Linkages and Migration Systems*. *International Migration Review*, 1989, vol. 23, pp. 671-680.
25. Gans H.J. *Toward a Reconciliation of “Assimilation” and “Pluralism”: The Interplay of Acculturation and Ethnic Retention*. *International Migration Review*, 1997, vol. 31, no. 4, pp. 875-892.
26. Heckmann F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. Heidelberg: Springer VS, 2015. 309 p.

27. Kirz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. *International Migration Systems: a Global Approach*. Oxford, UK: Clarendon Press, 1992.
28. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. New York, 1993. 236 p.
29. Massey D.S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index*, 1990, vol. 56, pp. 3-26.
30. Massey D.S., Arango J., Koucouci A., Pellegrino A., Taylor E.J. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 376 p.
31. Massey D.S., Goldring L.P., Jorge D. Continuities in Transnational Migration: An Analysis of 19 Mexican Communities. *American Journal of Sociology*, 1994, pp. 1492-1533.
32. Morawska E. In Defense of the Assimilation Model. *Journal of American Ethnic History*, 1994, vol. 13, pp. 76-87.
33. Ong A. *Flexible Citizenship. The Cultural Logics of Transnationality*. Durham, 1999. 336 p.
34. Piore M.J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*. Cambridge: CUP, 1979. 229 p.
35. Portes A., Rumbaut R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press, 2001. 430 p.
36. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993, vol. 530, pp. 74-96
37. Sassen S. *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 240 p.
38. Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered*. New York, 1992. 259 p.
39. Stark O. *The Migration of Labor*. Cambridge: Basil Blackwell, 1991. 416 p.
40. Therborn G. *The killing fields of inequality*. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. 180 p.
41. Todaro M.P. *Internal Migration in Developing Countries*. Geneva: International Labor Office, 1976. 112 p.
42. Waldinger R. *The Cross-Border Connection: Immigrants, Emigrants, and Their Homelands*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015. 240 p.

Information about the Authors

Ol'ga Ivanovna Borodkina – Saint Petersburg University (1/3, Smolny Street, entrance 9, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: oiborodkina@gmail.com)

Nikolai Viktorovich Sokolov – Saint Petersburg University (1/3, Smolny Street, entrance 9, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: nvsspb@yandex.ru)

Aleksandr Vladimirovich Tavrovskii – Saint Petersburg University (1/3, Smolny Street, entrance 9, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: alextavr@mail.ru)

Статья поступила 05.12.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.7

УДК 332.135, ББК 65.04

© Абрамов Р.А., Стрельченко С.Г., Сурилов М.Н.

Развитие межрегиональных связей в социальной сфере как важный резерв укрепления отношений в Союзном государстве*

Руслан Агарунович

АБРАМОВ

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
E-mail: oef08@mail.ru

Сергей Георгиевич

СТРЕЛЬЧЕНКО

Парламентское Собрание Союза Беларуси и России
Москва, Российская Федерация, ул. Мясницкая, д. 47
E-mail: rea.gov@gmail.com

Меир Нисонович

СУРИЛОВ

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36

* Выполнено в рамках проекта – Грантового соглашения (Договор) №16-27-01001/16 от 30.05.2016г. в РГНФ. Международный конкурс РГНФ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ) 2016 года. «Разработка Концепции стратегического развития межстрановой интеграции национальных инновационных систем Союзного государства до 2030 года».

Для цитирования: Абрамов, Р.А. Развитие межрегиональных связей в социальной сфере как важный резерв укрепления отношений в Союзном государстве / Р.А. Абрамов, С.Г. Стрельченко, М.Н. Сурилов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 134-149. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.7

For citation: Abramov R.A., Strel'chenko S.G., Surilov M.N. Promoting interregional cooperation in the social sphere as an important reserve to strengthen relations within the Union State. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 134-149. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.7

Аннотация. В современных условиях глобализации все более очевидной становится необходимость функционирования межрегионального сотрудничества в процессе реализации внешнеэкономических связей стран. При этом, если государство становится частью крупного интеграционного образования, оно должно учитывать те аспекты, которые возникают при совместном существовании двух и более стран в блоке. В качестве подобного образования рассматривается опыт Союзного государства. Целью исследования является определение ведущих факторов, препятствующих созданию единого экономического пространства Союзного государства и возможностей по развитию межрегиональных связей, что будет способствовать более динамичным процессам адаптации региональных экономик к современным бизнес-процессам и, соответственно, – возникновению новых возможностей для развития и реализации конкурентных преимуществ регионов обеих стран. Новизна исследования представлена тем, что в статье определяется суть и значение понятия «межрегиональное сотрудничество». В ранее опубликованных исследованиях вопрос сотрудничества на уровне регионов Союзного государства рассматривался крайне узко – исключительно в рамках одной отрасли или двух регионов страны. Используемая методология не ограничивается только методом ретроспективного анализа, но используются такие методы социально-экономического моделирования, пространственных данных. Обосновывается необходимость развития межрегионального сотрудничества в рамках Союзного государства России и Беларуси. Особо подчеркивается авторская позиция относительно актуальности аспектов развития межрегионального сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в сферах образования, науки, культуры, медицины и туризма в контексте построения единого экономического пространства. Исходя из анализа фактического материала, отражающего опыт сотрудничества субъектов Российской Федерации и областей Республики Беларусь, авторы выделяют основные проблемы подобного взаимодействия. В частности, показано, что в рамках Союзного государства контакты и расширение сотрудничества регионов сопряжены с трудностями федеративного и унитарного устройства государств. Выявлено, что существующие связи имеют широкую географическую распространённость. В дискурсе рассмотрения практических проблем авторы представляют рекомендации по развитию взаимодействия двух стран в социальной сфере, а также платформ для кооперации в инновационных секторах экономической среды. Представленные рекомендации могут быть использованы в работе законодательных и исполнительных органов Союзного государства и учтены в деятельности региональных властных структур в целях повышения инвестиционной привлекательности административно-территориальных единиц обеих стран.

Ключевые слова: пространственные связи, региональная экономика, социальная сфера, дифференциация регионов, Союзное государство.

Постановка проблемы и актуальность исследования

Межрегиональное сотрудничество является для любого государства возможностью для экономического роста, диверсификации экономических потоков и повышения самостоятельности каждого регионального образования. Общий вопрос всегда заключается в том, каким об-

разом осуществляется межрегиональное сотрудничество. В финансовом аспекте выгодным является то, что каждый регион может развивать кооперацию и пространственные экономические связи, тем самым получая дополнительные доходы для своего развития. В управленческом аспекте подобная выгода остается прерогативой для повышения человеческого капитала насе-

ления, а также в Союзном государстве – взаимной интеграции на основе межпротранственных связей и интеграции экономических систем. Подобный подход отражен и в теоретическом базисе понятия «межрегиональное сотрудничество». Так, Протокол 2 (Мадридская конвенция от 5.05.1998) определяет его как любое совместное действие, предназначенное устанавливать отношения между территориальными сообществами и властями двух и более договаривающихся сторон (кроме отношений приграничного сотрудничества соседних сообществ).

То есть в случае межрегионального сотрудничества устанавливаются связи между административно-территориальными единицами, которые могут не граничить между собой.

Актуальность выделения данного понятия обосновывается в преамбуле Протокола № 2: «Для эффективного выполнения своих функций территориальные сообщества и власти все больше сотрудничают не только с соседними властями других государств, но и с зарубежными властями, не являющимися соседними» [10].

В российской научной литературе исследованию вопросов межрегионального сотрудничества посвящены труды таких ученых, как В.Н. Блохин, С.К. Волков, Л.В. Воробьева, С.Л. Голобородко, Я.М. Кестер, В. Куйбида, К.Ю. Кудин, Р.А. Латыпов, Е.В. Лукин, С. Максименко, Л. Прокопенко, И. Розпутенко, А. Рудик, А.Н. Спартак, И. Студенников, В. Удовиченко, Т.В. Ускова, Ю. Шаров, И.Н. Шапкин, И. Шумляева и др.

Представленные в данных трудах подходы к понятию «межрегиональное сотрудничество» весьма различны. Вместе с тем, в сущности, все они характеризуют систему отношений субъектов взаимодействия из разных регионов страны в сферах эконо-

мики, политики, культуры, образования, охраны природы и т. д., обусловленную рядом факторов: географических, социально-экономических и политико-правовых.

В свою очередь, межрегиональное сотрудничество можно рассматривать как один из ключевых внешних факторов социально-экономического и политического развития региона. Межрегиональное сотрудничество осуществляется регионами, которые имеют схожие цели и задачи развития местного сообщества и региональной экономики. Если же государство становится частью более крупного образования, оно должно учитывать те аспекты, которые возникают при совместном существовании двух и более стран в блоке.

Необходимо отметить, что практически все страны СНГ, включая Россию, пока еще живут за счет экономического потенциала и экономической инфраструктуры, созданной в основном в советский период. При этом для западного мира в целом после Второй мировой войны был характерен наиболее важный процесс – региональная экономическая интеграция. Создавались крупнейшие региональные экономические организации. Особенно активно и заметно этот процесс шел в Европе: сначала «шестерка» и «семерка», затем ЕЭС, на базе которого создан ЕС, уже не только экономическое, но и политическое объединение европейских стран. На этом фоне формирование Союзного государства России и Беларуси отражает мировую тенденцию интеграционных процессов от региональных до мировых (глобализация).

Если рассматривать опыт существующих интеграционных группировок (прежде всего ЕС) и практику сотрудничества, можно сделать вывод, что любое интеграционное объединение (особенно «продвинутое», каким является Союзное государство) будет успешным только при наличии

мощной инфраструктуры сотрудничества. В этой связи приобретает особую актуальность тесное взаимодействие по линии регионов России и Беларуси.

Цель исследования

Союзное государство России и Беларуси является развивающимся объединением, которое затрагивает интересы более 150 миллионов человек. Экономическая политика протекает в режиме существования двух наднациональных образований: Евразийского экономического союза и декларируемого Союзного государства. Этим обусловлена цель настоящего исследования, которая заключается в определении ведущих факторов, препятствующих созданию единого экономического пространства Союзного государства и возможностей по развитию межрегиональных связей.

Изложение основного материала исследования

Межрегиональное сотрудничество берет свое начало от информационного содействия с обеих сторон – участников Союзного государства и до иных форм – симпозиумов, межгосударственных встреч и круглых столов. Потенциальные обмен мнениями и решение вопросов в дальнейшем становятся причинами проведения уже межгосударственных встреч на уровне правительств. Так, со стороны Российской Федерации в товарном обмене участвуют более 3000 предприятий и более 50 регионов. В июне 2016 года прошел Третий форум регионов России и Беларуси. На нем было определено, что товарное сотрудничество Союзного государства должно стать причиной и форматом развития уже Евразийского экономического союза. При этом география сотрудничества со стороны России не ограничивается приграничными регионами. Даже такие удаленные территории, как Сахалинская, Тюменская области и Приморский край, обменива-

ются товарами с Беларусью. В структурах государственного управления также существует понимание того, что вместе с экономическими связями необходимо развивать и культурные. Это обуславливает необходимость рассмотрения структуры подобных связей.

Межрегиональное сотрудничество является инструментом решения региональных проблем и составляющей механизма экономического роста как на национальном, так и региональном уровнях. Для страны в целом активизация межрегионального сотрудничества решает главную задачу по капитализации, мобилизации и оптимизации использования ресурсов регионов как главного источника социально-экономического развития Союзного государства. Регионы, участвующие в этой разновидности интеграционных процессов, получают:

- более широкий доступ субъектов хозяйствования к ресурсам: финансовым, трудовым, материальным, новейшим технологиям;
- возможность производить и поставлять продукцию на межрегиональный рынок, который является более емким;
- возможность оперировать на более широком интегрированном, возможно международном, рыночном пространстве;
- создание привилегированных условий для субъектов хозяйствования регионов-участников, в т. ч. защита от конкурентов-производителей из других регионов и стран;
- совместное решение сложных совместных социально-экономических, научно-технических, экологических и других проблем.

Как логическое продолжение стратегического курса Союзного государства на утверждение в обществе принципов демократии межрегиональное сотрудничество

необходимо развивать по тем направлениям, которые решают общие для нескольких регионов проблемы на пути роста и дают возможность капитализировать ресурсы, которые по мощности существенно превышают возможности отдельных регионов.

Экономика регионов в Союзном государстве характеризуется несбалансированным развитием и неоднородностью социально-экономического положения, которые усугубляются из-за нестабильной экономической и политической ситуации и усиления кризисных явлений в экономике. Это делает невозможным удовлетворение потребностей граждан на уровне, превышающем установленный государством, уменьшает возможности среднесрочного прогнозирования и отрицает применение долгосрочного планирования, ослабляет стимулы к расширению хозяйственных связей и нарушает существующие механизмы взаимодействия органов власти, органов местного самоуправления и общественного сектора.

Поэтому необходима активизация внутренних усилий каждого региона для достижения собственных целей развития. На этом пути полезной может стать модель эндогенного развития регионов, которая приобрела особую популярность в 1980-х годах на Западе и базируется на максимальном использовании местных ресурсов — рабочей силы, аккумуляции на местном уровне капитала, предпринимательского потенциала, специфических знаниях производственного процесса и возможностях выполнения специфических профессиональных задач. Другим элементом модели является способность местной экономики контролировать процесс накопления на локальном уровне. Однако не у всех регионов есть достаточный производственный и ресурсный потенциал для самостоятельного выполнения поставленных задач, поэто-

му единственным выходом из этой ситуации является использование преимуществ участия в межрегиональных или международных интеграционных процессах.

Систематизация современного опыта по решению задач первого и второго направлений анализа, а также работ по оценке межрегионального сотрудничества позволила сформулировать авторское видение методики построения модели оценки хода и результатов межрегионального сотрудничества.

Для понимания сущности методики необходимо дать пояснения к этой модели. На первом этапе проводится выбор тех показателей социально-экономического развития регионов-участников Союзного государства, на которых может появиться результат межрегионального сотрудничества. Поскольку его целью является создание плодотворных взаимоотношений, которые основаны на принципах сотрудничества и ориентированы на рациональное воспроизводство ресурсов, то в первую очередь можно выделить следующие группы показателей: валовой региональный продукт, межрегиональная торговля, межрегиональное движение капиталов и инвестиций, межрегиональная миграция населения, транспортные потоки и тому подобное. Необходимо привлечь к анализу и показатели уровня жизни населения, оценки занятости, образования, здравоохранения и другие. Выбирать данные по официальной статистической информации [11].

На следующем этапе отобранные показатели необходимо исследовать на предмет характера их влияния на экономическую или социальную эффективность сотрудничества, то есть по возможности получения позитивного или негативного синергетического эффекта. Такие действия необходимо проводить, опираясь на ана-

лиз динамики изменений абсолютных и относительных статистических показателей, классифицированных на первом этапе, а также на экспертные оценки, ибо по некоторым составляющим объемам межрегиональных потоков отсутствуют официальные данные.

Полученные таким образом две группы индикаторов (увеличение полезного ресурса и ухудшение социально-экономического состояния) должны сформировать систему показателей, входя в ее состав с соответствующей ранговой позицией (по силе воздействия) и направлению действия (знак «+» или «-»). Такой методический инструментарий позволит выявить только информативные в интеграционном аспекте показатели, что значительно упростит оценки хода процесса и результатов межрегионального сотрудничества как в целом, так и по отдельным направлениям и программам.

При этом взаимовыгодное сотрудничество не ограничивается только товарообменными операциями: активно развивается промышленная кооперация [2]. В частности, создаются совместные сборочные производства, что, в свою очередь, способствует созданию объектов сопутствующей инфраструктуры и обеспечивает занятость населения (в Башкирии – сбор комбайнов; в Ярославской области – комплектующие для сбора двигателей). Программы сотрудничества затрагивают преимущественно высокотехнологичные отрасли (программа «Исследования и разработка высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного сырья Союзного государства» («СКИФ-НЕДРА») 2015–2018 годы, программа «Разработка космических и наземных средств обеспечения по-

требителей России и Беларуси информацией дистанционного зондирования Земли» («Мониторинг-СГ») 2013–2017 годы, программа «Разработка современной и перспективной технологии создания в государствах-участниках Союзного государства тепловизионной техники специального и двойного назначения на базе фотоприемных устройств инфракрасного диапазона третьего поколения»), а также предпринимаются попытки начать сотрудничество в отрасли сельского хозяйства (программа «Инновационное развитие производства картофеля и топинамбура» («Картофель и топинамбур») 2013–2016 годы).

Нормативно-правовую сторону вопроса регулируют ряд подзаконных актов. Со стороны РФ – это Федеральный закон от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», а со стороны Республики Беларусь – Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 183 (с изменениями от 22.06.2015 г.) «Об утверждении Положения о товаропроводящей сети белорусских организаций за рубежом, классификатора видов поставок товаров, подлежащих учету при осуществлении экспортных операций, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь». В настоящее время на региональном уровне заключено и действует более 260 соглашений и протоколов о торгово-экономическом сотрудничестве, а также программ по развитию сотрудничества. Примером может служить соглашение о разработке методов переработки моторных масел с компанией «КАМАЗ» в городе Гродно. Важность рассмотрения данной сферы подчеркивается тем, что на нее выделяется более 20% от общего бюджета Союзного государства: на образо-

вание — 62,3 млн. руб., на культуру и искусство — 89,9 млн. руб., здравоохранение — 36,8 млн. руб., социальную политику — 60,8 млн. руб. Таким образом, значимость расходов на социальную сферу принимается исходным важнейшим принципом развития со стороны органов государственной власти.

Образование. В сфере образовательной деятельности интеграция ведется на уровне государственных учебных заведений. По данным Министерства образования и науки РФ, каждый год выделяется от 20 до 50 бюджетных мест в вузах Российской Федерации для граждан Республики Беларусь. В частности, из 17427 граждан, которые по состоянию на 1.01.2016 г. обучаются в России, чуть более 200 имеют стипендию. В Беларуси в 54 учебных заведениях обучается более 2000 россиян. Согласно данным Министерства образования РБ, 73% из них обучаются на бюджетной основе и получают стипендию.

Согласно гл. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 7 февраля 2006 г. №80 «О правилах приема в высшие и средние специальные учебные заведения», помимо обязательного экзамена по русскому/белорусскому языку, каждой группе специальностей соответствуют свои два вступительных экзамена. В форме центрального тестирования (ЦТ) разрешено сдавать не более трёх экзаменов. Абитуриенту предлагается сдать на выбор или ЦТ, или ЕГЭ. Результаты взаимно не признаются, шкала пересчета и нормативные сроки пересдачи относительно друг друга отсутствуют.

Сотрудничество в региональном аспекте в сфере образования представляется актуальным в трех основных направлениях:

1. Создание сетевого университета, реализующего программу «двойного диплома», при этом содержание учебных программ идентично с включением

международного компонента. Реализовано только участие в более виртуализированном пространстве. Примером является Сетевой университет СНГ, Сеть университетов Пограничья и технический консорциум Сетевого университета СНГ.

2. Формирование на базе высших учебных заведений научно-производственных комплексов. В Российской Федерации подобные комплексы успешно работают, в Республике Беларусь научные исследования имеют тенденцию к разделению на изыскания в учебных заведениях и НИИ. Но даже в реализованных региональных комплексах (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы) превалирует уровневое обучение с включением в состав университета колледжей и школ. В России подобные комплексы проектировались и реализовывались в частном образовательном секторе, но не имели значительного распространения.

3. Доступ студентов, а также аспирантов к возможности предоставления квалификационных работ, свободному переводу в учебные заведения и признание всех взаимных программ обучения даже в текущем варианте весьма затруднительны. Поэтому вопрос практического признания промежуточных документов остается открытым.

Существующие в рамках Союзного государства контакты характеризуются обменом технологиями и высокой степенью обмена студентами в приграничных регионах (Могилевской, Гомельской, Смоленской и Брянской областях). Отдельные контакты пытались построить на принципах энтузиазма сотрудники ряда частных учебных заведений. Опыт насчитывает порядка 5–7 начинаний в этой области за период 2010–2016 гг. (планировалось подписание документа о программе двойного диплома между Международным юридическим

институтом (Москва – Волгоград) и Белорусским институтом права (Минск – Могилев), в 2012 году между Университетом имени Витте (Москва – Ростов-на-Дону) и Институтом современных знаний (Минск) обсуждался проект создания Сетевого университета. Его проект был заморожен на 5 лет (до 2017 года).

Подобные направления были озвучены и высказывались на совещаниях в Министерстве образования и науки РФ.

Культура. Другая важная составляющая коммуникации Союзного государства на уровне социальных связей – культурные формы сотрудничества, которые в основном реализуются посредством организации совместных мероприятий. В 2007–2015 годах заключено более 50 соглашений о развитии культуры (табл. 1).

Анализ статистических данных показывает, что участников из Союзного государства, не считая общегосударственных фестивалей, присутствует почти 40–50% от общего количества выступающих. Таблица отражает лишь часть тех мероприятий, которые формируются на территории сопредельных государств. Всего же проведе-

но более 400 совместных культурных сессий и выставок культуры как в России, так и в Беларуси. Наиболее характерно участие коллективов и отдельных представителей страны в международных конкурсах и фестивалях.

В программах сотрудничества, подписанных субъектами РФ, зачастую отсутствует совместная деятельность по репрезентации культурных форм. В то же время только в программе сотрудничества Курской области с Беларусью на 2016 год запланировано более 20 мероприятий подобного толка: выставки, региональные ярмарки, совместная реклама достижения стран и регионов. В каждом регионе в течение года проводится от 5 до 10 выставок белорусской культуры и идентичности, чего не хватает в программах сотрудничества со стороны России.

Основное сотрудничество протекает в приграничных регионах с небольшим участием регионов ЦФО. В основном это Могилевская, Минская и Гомельская области; со стороны России – Брянская, Смоленская, Курская и частично Саратовская области.

Таблица 1. Динамика культурных отношений между регионами России и Беларуси в 2016 году*

Регионы России, проводящие фестивали (с датой фестиваля)	Регионы Беларуси, участвующие в культурном обмене (с датой фестиваля)
Москва, Россия, 27.03.2016, III Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «МОСКВА ВЕРИТ ТАЛАНТАМ» (международный детский фестиваль)	Минск, 27.03.2016, II Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «БЕЛОРУССКИЕ УЗОРЫ» (международный фестиваль, 40% участников – из России)
Москва–Владимир, 27.03.2016, поездка на два фестиваля: «МОСКВА ВЕРИТ ТАЛАНТАМ» (Москва, Россия) и «ВДОХНОВЕНИЕ ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА» (Владимир, Россия) (фестиваль союзного государства)	Витебск, Беларусь, 4.05.2016, III Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «НА ЛЕГЕНДАРНОЙ СЦЕНЕ» (славянский фестиваль культуры)
Владимир, Россия, 30.03.2016, V Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «ВДОХНОВЕНИЕ ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА» (фестиваль с международным участием)	
Ростов-на-Дону, Россия, 1.04.2016, I Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «В ГОСТЯХ У ЮЖНОЙ СТОЛИЦЫ» (40% приглашенных участников – из РБ)	
Сочи, Россия, 2-5.05.2016, XIV Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «НА ТВОРЧЕСКОМ ОЛИМПЕ» (международный фестиваль)	
Новосибирск, Россия, 5.05.2016, II Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «СИБИРСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ» (международный фестиваль)	
* Составлено автором на основе данных порталов органов государственной власти субъектов РФ и РБ.	

Медицинский туризм. Всего более 45000 россиян в 2015 году прибегли к услугам врачей в Беларуси, включая посетителей санаториев (все санатории принимают только по направлениям врачей). По данным Национального статистического комитета РБ, структура лечения выглядит так (рисунок).

Наибольшей популярностью пользовались онкологические и стоматологические услуги наравне с хирургическими процедурами. Также отмечается, что на лечение в Беларусь приехали, помимо граждан России, более 5000 иностранцев. Экспорт медицинских услуг Минска в 2015 г. увеличился по сравнению с предыдущим годом на 200 тыс. долл. и составил 10,1 млн. долл.

По существующим сегментам рынка медицинского туризма можно выделить следующие направления, которые весьма популярны в Беларуси:

1. Диагностика и лечение (в том числе оперативное).
2. Возобновляемое лечение в центрах реабилитации и физиотерапии.

3. Дентал-туризм (предоставление услуг по лечению, протезированию, косметическая стоматология).

4. SPA и Wellness туризм.

5. Бьюти туризм (в том числе пластическая хирургия).

6. Термальный туризм (санаторно-курортное лечение на минеральных источниках).

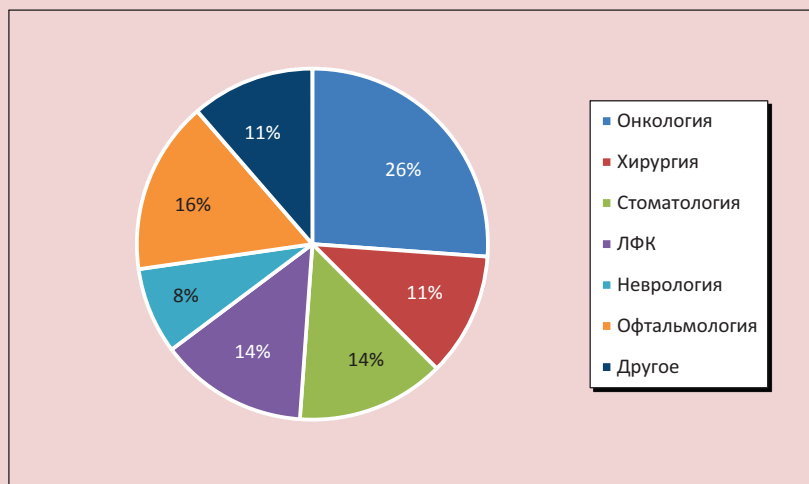
7. Бальнеологический туризм.

8. Медицинский туризм для пожилого возраста.

Основные тенденции медицинского и туристического сотрудничества регионов России и Беларуси представлены в *табл. 2*.

Анализируя спрос на общие туристические услуги, следует отметить, что, по данным Национального статистического комитета РБ, численность организованных туристов из Российской Федерации, посетивших Республику Беларусь в 2015 году, составила 70 390 человек. Средняя продолжительность пребывания российских туристов в Республике Беларусь составляет пять дней, что является одним из

Распределение потребления медицинских услуг в Беларуси

Источник: составлено автором на основе различных разделов сайта Национального статистического комитета РБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>

Таблица 2. Тенденции медицинского и туристического сотрудничества регионов России и Беларуси*

Регионы взаимодействия	Проект или программа взаимодействия
Минская область (Институт генетики и цитологии НАН Беларуси) – Москва (ФАНО)	Цель программы «ДНК-идентификация» – разработка инновационных геногеографических и геномных технологий для криминалистики и для профилактики социально значимых заболеваний. Эти технологии позволяют повысить безопасность граждан Союзного государства и противодействовать терроризму
Московская область (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины, Медицинский радиологический научный центр, Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии), Ленинградская область (Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт радиационной гигиены, Калужская область (Обнинский научно-исследовательский центр «Прогноз»), Брянская область (Департамент здравоохранения Брянской области, Брянский клиничко-диагностический центр)	Противодействие изменению показателей заболеваемости после аварии на Чернобыльской АЭС
Витебская область – Московская область Могилевская область – Саратовская область, Нижегородская область	Туризм агроэкологического типа
Минская область – Москва, Ленинградская область Могилевская область – Ярославская область, Саратовская область, Тульская область	Медицинский туризм
Минская область – Калининградская область, Башкортостан, Ярославская область, Пензенская область	Поддержка наукоемких медицинских производств
* Составлено автором по результатам исследования.	

самых высоких показателей на пространстве СНГ и соответствует уровню туристского обмена между странами Восточной и Центральной Европы. Наиболее динамично развивается сотрудничество Республики Беларусь с Москвой и Санкт-Петербургом, Московской, Смоленской, Ярославской, Брянской, Нижегородской, Саратовской и Тульской областями. В Беларуси российские туристы знакомятся с памятниками истории, архитектуры, искусства, природными и этническими особенностями, современной жизнью белорусского народа. Популярностью у российских туристов пользуется отдых в белорусских агроэкоусадебках. Из общего количества иностранных граждан, посетивших белорусские агроэкоусадебки, российские туристы составляют более 80%. В обратном направлении за 2015 год выехало на отдых 533,8 тысячи белорусских граждан, из которых Россию выбрали

64,1 тыс. чел. Наиболее посещаемыми регионами стали Московская и Ленинградская области.

Выводы и рекомендации. В ходе проведенного анализа мы разработали рекомендации, которые в общем ключе направлены на преодоление тех проблем, которые в настоящее время препятствуют интеграции регионов стран Союзного государства.

Сотрудничество в сфере образования в региональном аспекте представляется актуальным в трех основных направлениях:

1. Создание сетевого университета, реализующего программу «двойного диплома», при этом содержание учебных программ идентично с включением международного компонента.

2. Формирование на базе высших учебных заведений научно-производственных комплексов.

3. Практическое признание промежуточных документов.

В сфере культуры необходимо расширение пространственного охвата фестивалей и включение участия в них коллективов из Союзного государства.

Со стороны России необходимо проводить мероприятия, которые будут презентовать малоизвестные места, что может стать предпосылкой развития туризма. В общем плане наиболее перспективным является закладывание в бюджеты регионов и Союзного государства средств на проведение совместных выставок и программ культурного обмена. Объединение усилий регионов в отрасли здравоохранения и медицинского туризма позволит к 2020 г. создать новую отрасль – медицинский сервисный туризм, которая не только существенно повлияет на туристический рынок, но и скажется на общем уровне здоровья населения.

Для более плотного сотрудничества необходимо стандартизировать цели и процедуры медицинского обслуживания с внесением изменений в Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации «Об оказании медицинской помощи гражданам Республики Беларусь в учреждениях

здравоохранения Российской Федерации и гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь» от 24 января 2006 года – предоставить действие медицинской страховки на территории всего государства, а региональные медицинские программы предложить к расширению на всех граждан, которые находятся в регионе действия программы на весь период их пребывания.

Как показывает *таблица 3*, основное сотрудничество идет с приграничными районами, регионами ЦФО и ПФО. Рекомендуется расширение географии сотрудничества на ЮФО, СЗФО и в дальнейшем на Сибирь и Дальний Восток.

Рекомендуется, помимо расширения региональных программ взаимодействия в сферах народного хозяйства, сосредоточить внимание на увеличении допуска товаров и услуг на внутренний рынок, прежде всего, приграничных регионов. Необходимо формирование новых принципов сотрудничества, при которых для разветвления культурной, социальной или экономической деятельности не требуется регистрация юридического лица принимающей стороны, граждане Беларуси выво-

Таблица 3. Регионы, в наибольшей степени задействованные в сотрудничестве РФ и РБ*

Отрасль	Российская Федерация	Республика Беларусь
Образование	г. Москва Новосибирская область Свердловская область Калининградская область Воронежская область Смоленская область	Минская область Могилевская область Брестская область Гродненская область
Культура	г. Москва Московская область Владимирская область Ростовская область Краснодарский край Новосибирская область	Минская область Витебская область
Здравоохранение	Минская область Брянская область	Московская область Калужская область

* Составлено автором по результатам исследования.

дятся из-под действия закона об иностранных гражданах. Передача полномочий по заключению торгово-экономических соглашений о сотрудничестве и развитию на уровень регионов без ратификации Правительством позволит сократить связи через центральные каналы коммуникации и перейти на формат многосторонних прямых связей.

Экономика регионов в Союзном государстве характеризуется несбалансированным развитием и неоднородностью социально-экономического положения, которые усугубляются из-за нестабильной экономической и политической ситуации и усиления кризисных явлений в экономике. Это делает невозможным удовлетворение потребностей граждан на уровне, превышающем установленный государством, уменьшает возможности среднесрочного прогнозирования и отрицает применение долгосрочного планирования, ослабляет стимулы к расширению хозяйственных связей и нарушает существующие механизмы взаимодействия органов власти, органов местного самоуправления и общественного сектора.

Поэтому необходима активизация внутренних усилий каждого региона для достижения собственных целей развития. На этом пути полезной может стать модель эндогенного развития регионов, которая приобрела особую популярность в 1980-х годах на Западе и базируется на максимальном использовании местных ресурсов — рабочей силы, аккумуляции на местном уровне капитала, предпринимательского потенциала, специфических знаниях производственного процесса и возможностях выполнения специфических профессиональных задач. Другим элементом модели является способность местной экономики контролировать процесс накопления на локальном уровне. Однако не у всех ре-

гионов есть достаточный производственный и ресурсный потенциал для самостоятельного выполнения поставленных задач, поэтому единственным выходом из этой ситуации выступает использование преимуществ участия в межрегиональных или международных интеграционных процессах.

Межрегиональное сотрудничество служит инструментом решения региональных проблем и составляющей механизма экономического роста как на национальном, так и региональном уровнях. Для страны в целом активизация межрегионального сотрудничества решает главную задачу по капитализации, мобилизации и оптимизации использования ресурсов регионов как главного источника социально-экономического развития Союзного государства. Регионы, участвующие в этой разновидности интеграционных процессов, получают:

- более широкий доступ субъектов хозяйствования к ресурсам: финансовым, трудовым, материальным, новейшим технологиям;
- возможность производить и поставлять продукцию на межрегиональный рынок, который является более емким;
- возможность оперировать на более широком интегрированном, возможно международном, рыночном пространстве;
- создание привилегированных условий для субъектов хозяйствования регионов-участников, в т. ч. защита от конкурентов-производителей из других регионов и стран;
- совместное решение сложных социально-экономических, научно-технических, экологических и других проблем.

Как логическое продолжение стратегического курса Союзного государства на утверждение в обществе принципов демократии межрегиональное сотрудничество не-

обходимо развивать по тем направлениям, которые решают общие для нескольких регионов проблемы на пути роста и дают возможность капитализировать ресурсы, которые по мощности существенно превышают возможности отдельных регионов. В этой связи требуется налаживание

кооперативных связей, особенно в ключе обеспечения позиции по импорту санкционных продуктов, разработки программ импортозамещения. Помимо экономических и политических норм необходимо четко следовать политике культурного и образовательного обмена.

Литература

1. Абрамов, Р. А. Интеграционные механизмы университетов РФ и РБ как форма доступа к современному высшему образованию [Текст] / Р.А. Абрамов // Высшее образование в России. – 2015. – №10. – С. 68-74.
2. Блохин, В.Н. Состояние социально-экономической динамики сельских территорий российско-белорусского приграничья. Часть II [Текст] / В.Н. Блохин // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – Серыя 5: Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2016. – Т. 6. – № 1. – С. 103-110.
3. Волков, С.К. Межрегиональное сотрудничество как актуальная форма экономического развития [Текст] / С.К. Волков // Теоретическая экономика. – 2014. – №6. – С. 54-59.
4. Воробьева, Л.В. Межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации с зарубежными странами как одна из важнейших составляющих внешнеэкономической деятельности регионов [Текст] / Л.В. Воробьева. – М.: Научная книга, 2006. – 127 с.
5. Информационно-аналитический портал Союзного государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soyuz.by/>
6. Кудин, К.Ю. Межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук / К.Ю. Кудин. – М., 2012. – 24 с.
7. Лукин, Е.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы [Текст] / Е.В. Лукин, Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 148 с.
8. Островская, А.А. Основы инновационного развития Союзного государства Россия – Беларусь [Текст] / А.А. Островская, А.Н. Карнаух // Наука третьего тысячелетия: сб. мат. Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Сукиасян. – Уфа, 2016. – С. 120-124.
9. Официальный сайт Национального статистического комитета РБ. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>
10. Протокол № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 5 мая 1998г. (Страсбург, 5 мая 1998 г.) : заверенная копия, Страсбург 31 января 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archiv.council.gov.ru/files/journalsf/item/20080331104009.pdf>
11. Самарская, Л.Д. Оборонно-экономическое сотрудничество Беларуси и России – важный фактор международной безопасности [Текст] / Л.Д. Самарская // Проблемы экономики, организации и управления в России и мире: Материалы X Международной научно-практической конференции (18 декабря 2015 г.). – Прага, Чешская республика, 2016. – С. 130-132.
12. Спартак, А.Н. Направления и сценарии взаимодействия России и Беларуси в формате Союзного государства [Текст] / А.Н. Спартак // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 126-157.
13. Танжарикова, А.Ж. Человеческий капитал как фактор экономического развития и формирования «умной» экономики [Текст] / А.Ж. Танжарикова // Наука как движущая антикризисная сила: инновационные преобразования, приоритетные направления и тенденции развития фундаментальных и прикладных научных исследований: сб. научных статей по итогам Международной научно-практической конференции / Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургский институт проектного менеджмента». – Санкт-Петербург, 2016. – С. 184-187.

14. Туровский, Р.Ф. Социальная и политическая эффективность региональной власти: проблема измерения [Текст] / Р.Ф. Туровский // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2013. – №1(68). – С. 175-196.
15. Abramov, R.A. Management Functions of Integrative Formations of Differentiated Nature [Text] / R.A. Abramov // Biosciences Biotechnology Research Asia. – 2015. – Vol. 12. – Pp. 991-997.
16. David, H. Social Indicators and Technology Assessment [Text] / H. David. Futures, 1973. – 241 p.
17. Governance Matters VI: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996 – 2006, Daniel Kaufmann, Aart Kraay, Massimo Mastruzzi, The World Bank [Electronic resource] – URL: <http://papers.ssrn.com>.
18. Keating, M. The Invention of Regions. Political restructuring and Territorial Government in Western Europe [Text] / M. Keating. – Unpublished paper for European Consortium for Political Research. Oslo, 29 March – 3 April, 1996. – P. 20.
19. Krugman, P. Economics [Text] / P. Krugman, R. Wells. – Worth Publishers, 2006. – 864 p.
20. Paths to Performance in State and Local Government. Government Performance Project. Maxwell School of Syracuse University [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.maxwell.syr.edu>
21. Temple, M. Regional Economics [Text] / M. Temple. – London: The Macmillan Press Ltd., 1994. – 301 pp.

Сведения об авторах

Руслан Агарунович Абрамов – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: oef08@mail.ru)

Сергей Георгиевич Стрельченко – кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь, Парламентское Собрание Союза Беларуси и России (Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47; e-mail: rea.gov@gmail.com)

Меир Нисонович Сурилов – ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36)

Abramov R.A., Strel'chenko S.G., Surilov M.N.

Promoting Interregional Cooperation in the Social Sphere as an Important Reserve to Strengthen Relations within the Union State

Abstract. In modern conditions of globalization the need for interregional cooperation in the implementation of foreign economic relations of the countries becomes increasingly evident. In this case, if a country becomes part of a larger integration association, it must consider the aspects that arise during the joint existence of two or more countries in the association. The experience of the Union State, being such an association, is considered in the paper. The purpose of the study is to determine key factors preventing the creation of the common economic space of the Union State and the opportunities for development of interregional relations, which will facilitate a more dynamic adaptation of regional economies to modern business processes and, therefore, create new opportunities for the development and implementation of competitive advantages in the regions of both countries. The novelty of the study lies in the fact that the article defines the essence and meaning of “interregional cooperation”. In previously published studies the issue of cooperation at the regional level of the Union State was regarded very narrowly – exclusively within a single branch or two regions of the country. The methodology used is not limited only to the method of retrospective analysis, but uses methods such as socio-economic modelling and spatial data.

The authors substantiate the necessity of development of interregional cooperation in the framework of the Union State of Russia and Belarus. It emphasizes the authors' position regarding the relevance of development of interregional cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus in the spheres of education, science, culture, medicine and tourism in the context of building a single economic space. Based on the analysis of factual material reflecting the experience of cooperation between constituent entities of the Russian Federation and regions of the Republic of Belarus, the authors identify main problems of such interaction. In particular, it is shown that in the framework of the Union State, contacts and cooperation among regions face difficulties connected with the federal and unitary structure of the countries. The authors reveal that existing relationships are widespread in a geographical aspect. Addressing practical issues, the authors present recommendations for the development of cooperation between the two countries in the social sphere and platforms for cooperation in innovation sectors of economic environment. The recommendations can be used by the legislative and executive bodies of the Union State and taken into account in the work of regional authorities in order to increase the investment attractiveness of territorial administrative units of both countries.

Key words: spatial relationships, regional economy, social sphere, differentiation of regions, Union State.

References

1. Abramov R.A. Integratsionnye mekhanizmy universitetov RF i RB kak forma dostupa k sovremennomu vysshemu obrazovaniyu [Integration mechanisms in universities of Russia and Belarus as a form of access to modern higher education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2015, no. 10, pp. 68-74. (In Russian).
2. Blokhin V.N. Sostoyanie sotsial'no-ekonomicheskoi dinamiki sel'skikh territorii rossiisko-beloruskogo prigranich'ya. Chast' II [State of socio-economic dynamics of rural territories of the Russian-Belarusian border area. Part 2]. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaynaga yunivertsiteta imya Yanki Kupaly. – Seryya 5: Ekanomika. Satsyyalogiya. Biyalogiya*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 103-110.
3. Volkov S. K. Mezhhregional'noe sotrudnichestvo kak aktual'naya forma ekonomicheskogo razvitiya [Interregional cooperation as a relevant form of economic development]. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical economics], 2014, no. 6, pp. 54-59. (In Russian).
4. Vorob'eva L.V. *Mezhhregional'noe sotrudnichestvo sub"ektov Rossiiskoi Federatsii s zarubezhnymi stranami kak odna iz vazhneishikh sostavlyayushchikh vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti regionov* [Interregional cooperation of subjects of the Russian Federation with foreign countries as one of the most important components of foreign economic activity of regions]. Moscow: "Nauchnaya kniga", 2006. 127 p. (In Russian).
5. *Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva* [Information-analytical portal of the Union State]. Available at: <http://www.soyuz.by/>. (In Russian).
6. Kudin K.Yu. *Mezhhregional'noe sotrudnichestvo sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Interregional cooperation of subjects of the Russian Federation: history, current status and prospects. Ph.D. in Political Science abstract]. Moscow, 2012. 24 p. (In Russian).
7. Lukin E.V., Uskova T.V. *Mezhhregional'noe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: sostoyanie, problemy, perspektivy: monografiya* [Interregional economic cooperation: status, problems and prospects: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 148 p. (In Russian).
8. Ostrovskaya A.A., Karnaukh A.N. Osnovy innovatsionnogo razvitiya Coyuznogo gosudarstva Rossiya – Belarus' [Basis of innovation development of the Union State of Russia and Belarus]. In: Sukiasyan A. A. (Ed.). *Nauka tret'ego tysyacheletiya. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science of the third millennium. Collection of papers of an international scientific-practical conference]. Ufa, 2016. Pp. 120-124. (In Russian).
9. *Ofitsial'nyi sait Natsional'nogo statisticheskogo komiteta RB* [Official website of the National Statistics Committee of the Republic of Belarus]. Available at: <http://www.belstat.gov.by/>. (In Russian).
10. *Protokol № 2 k Evropeiskoi ramochnoi konventsii o prigranichnom sotrudnichestve territorial'nykh soobshchestv i vlastei ot 5 maya 1998 g. (Strasburg, 5 maya 1998 g.)* [Protocol No. 2 to the European Outline Convention on

- Transfrontier Cooperation between Territorial Communities or Authorities concerning interterritorial co-operation dated May 05, 1998. (Strasbourg, May 05, 1998)]. Available at: <http://archiv.council.gov.ru/files/journalsf/item/20080331104009.pdf>. (In Russian).
11. Samarskaya L. D. Oboronno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo Belarusi i Rossii – vazhnyi faktor mezhdunarodnoi bezopasnosti [Military-economic cooperation of Belarus and Russia – an important factor in international security]. In: *Problemy ekonomiki, organizatsii i upravleniya v Rossii i mire. Materialy X mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of economics, organization and management in Russia and the world. Materials of the 10th international scientific-practical conference]. 2016. Pp. 130-132. (In Russian).
  12. Spartak A. N. Napravleniya i stsennariy vzaimodeistviya Rossii i Belarusi v formate Soyuznogo gosudarstva [Areas and scenarios of interaction between Russia and Belarus in the Union State format]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2016. No. 3, pp. 126-157. (In Russian).
  13. Tanzharikova A. Zh. Chelovecheskii kapital kak faktor ekonomicheskogo razvitiya i formirovaniya “umnoi” ekonomiki [Human capital as a factor in economic development and formation of “smart economy”]. In: *Nauka kak dvizhushchaya antikrizisnaya sila: innovatsionnye preobrazovaniya, prioritetye napravleniya i tendentsii razvitiya fundamental’nykh i prikladnykh nauchnykh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science as a driving force in combating crisis: innovative transformations, priorities and trends in the development of fundamental and applied scientific research: collection of scientific papers on the results of an international scientific-practical conference]. Saint Petersburg, 2016. Pp. 184-187. (In Russian).
  14. Turovskii R. F. Sotsial’naya i politicheskaya effektivnost’ regional’noi vlasti: problema izmereniya [Social and political effectiveness of regional governments: the measurement problem]. *Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki “Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz”* [Journal of political philosophy and sociology of politics “Polity. Analysis. Chronicle. Forecast”], 2013, no. 1 (68), pp. 175-196. (In Russian).
  15. Abramov R. A. Management Functions of Integrative Formations of Differentiated Nature. *Biosciences Biotechnology Research Asia*, 2015, vol. 12, pp. 991-997.
  16. David H. *Social Indicators and Technology Assessment*. Futures, 1973. 241 p.
  17. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. *Governance Matters VI: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2006*. Available at: <http://papers.ssrn.com>.
  18. Keating M. *The Invention of Regions. Political restructuring and Territorial Government in Western Europe. Unpublished paper for European Consortium for Political Research. Oslo, 29 March – 3 April, 1996*. P. 20.
  19. Krugman P., Wells R. *Economics*. Worth Publishers, 2006. 864 p.
  20. *Paths to Performance in State and Local Government. Government Performance Project. Maxwell School of Syracuse University*. Available at: <http://www.maxwell.syr.edu>
  21. Temple M. *Regional Economics*. London: The Macmillan Press Ltd., 1994. 301 p.

Information about the Authors

Ruslan Agarunovich Abramov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Academic Department of Public and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: oef08@mail.ru)

Sergei Georgievich Strel’chenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Executive Secretary, Parliamentary Assembly of the Union State of Belarus and Russia (47, Myasnitskaya Street, Moscow, Russian Federation; e-mail: rea.gov@gmail.com)

Meir Nisonovich Surilov – Assistant Professor, Academic Department of Public and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation)

Статья поступила 11.07.2016.

Потенциал инновационного развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона*

**Наталья Викторовна
КУЗНЕЦОВА**

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация, 690950, ул. Суханова, д. 8
E-mail: ipatovanat@mail.ru

**Екатерина Викторовна
КОЧЕВА**

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация, 690950, ул. Суханова, д. 8
E-mail: kochevaev@mail.ru

Аннотация. Актуальность выбранной темы определяется новой геоэкономической ситуацией. Вектор развития мировой экономики с конца XX века смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Экономический выход России в АТР — это необходимое условие ее внутренней устойчивости и конкурентоспособности на международной арене. Целью данного исследования является оценка уровня инновационно-технологического развития в странах АТР с выделением кластеров. Вопросы комплексной оценки потенциала остаются малоизученными, в особенности такой совокупности рынков, как АТР. Проведена оценка инновационной активности по 42

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности по заданию № 26.1478.2014/К «Структурные преобразования экономики России посредством интеграционного встраивания в отраслевые рынки АТР».

Для цитирования: Кузнецова, Н.В. Потенциал инновационного развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Н.В. Кузнецова, Е.В. Кочева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 150-170. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.8

For citation: Kuznetsova N.V., Kocheva E.V. Potential for Asia-Pacific countries innovative development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, volume 10, no. 3, pp. 150-170. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.8

странам Азиатско-Тихоокеанского региона в период 2008–2013 гг. (252 наблюдения). Построены регрессионные модели. По авторской методике проведена кластеризация стран АТР по уровню инновационного развития за 2008–2013 гг. по показателям инновационной активности. В ходе исследования выявлены наиболее значимые факторы, изменения которых положительно влияют на инновационное развитие страны: «фактор человеческого потенциала», «фактор инновационного развития», «факторы, способствующие (препятствующие) развитию возможностей человека». Доказана роль человеческого потенциала как более значимого фактора при оценке уровня инновационно-технологического развития страны, определяемого такими показателями, как: душевой ВВП в стране, охват населения высшим образованием, затраты на НИОКР, инженеры и исследователи в секторе НИОКР, демографическая нагрузка на трудоспособное население и ожидаемая продолжительность жизни при рождении, инвестиции и интернет-пользователи. Увеличение вышеприведенных показателей в отдельной стране приведет к её эффективному инновационному развитию. Основным направлением политики государства с точки зрения наращивания экономического потенциала является в первую очередь стабильный рост промышленного производства и достижение ежегодных значимых темпов роста валового внутреннего продукта как основы для повышения уровня бюджетного самообеспечения и экономической самостоятельности. Использование предложенного набора показателей предполагает исследование факторов, которые оказывают наибольшее воздействие на обобщающую оценку уровня инновационного развития страны. Построенные регрессионные модели позволяют использовать выявленные факторы, положительно влияющие на результативный показатель, что окажет существенное влияние в долгосрочной перспективе и на уровень инновационного развития страны.

Ключевые слова: инновационное развитие, АТР, регрессионный анализ, патенты, кластеризация, человеческий потенциал.

На современном этапе исследователи оценивают Азиатско-Тихоокеанский регион как один из наиболее перспективных регионов будущей интеграции. Актуальность данного исследования определяется, во-первых, необходимостью перехода России к инновационному развитию как единственной возможности сделать экономику конкурентоспособной и войти на равных в мировое сообщество. Во-вторых, для такого перехода необходимо использовать сравнительные преимущества отечественной экономики, связанные с восточным направлением её внешнеэкономических связей, тем более в условиях экономических и политических проблем.

Вопросы теоретико-методологического обоснования оценки и прогнозирования отраслевых рынков стран АТР в настоящее

время слабо исследованы, особенно в части определения свойств и переменных, влияющих на экономическую результативность. В международной экономике происходят «тектонические» преобразования, изменяющие её конфигурацию. Если раньше термин «развивающиеся страны» использовался как синоним «отсталости», то теперь это понятие заменяется на новое определение – *emerging* – «растущие, поднимающиеся» экономики. В свете этого и возникает необходимость дальнейшего критического осмысления для России возможностей, которые связаны с подъемом этих экономик.

Научная значимость решения проблемы на данном этапе исследования заключается в разработке теоретико-методологических основ исследования, оценке

динамики отраслевых рынков стран АТР применительно к потенциалу российской экономики.

Современная стратегия развития России базируется на принципах обеспечения национальных интересов в долгосрочной перспективе. В этой связи проблема нового качества экономического развития российской экономики с точки зрения достижения стратегических целей и сокращения разрыва с развитыми странами обсуждается уже много лет. Практически единственный результат этой полемики на сегодняшний день состоит в признании того, что для решения задач, стоящих перед Россией в средне- и долгосрочной перспективе, нужно прежде всего обеспечить высокий уровень темпов экономического развития. Что касается возможностей и способов достижения этой цели, то очевидна необходимость кардинальной перестройки системы управления и нахождения новых механизмов формирования конкурентоспособности страны через эффективное сотрудничество со странами АТР. Много предстоит сделать и, в первую очередь, в контексте изучения проблем интеграционного встраивания российской экономики в отраслевые рынки стран АТР. Однако эти возможности в полной мере еще не осмыслены, а механизм их реализации не разработан. Комплексного анализа этих проблем еще не проводилось.

Получение новых, прорывных научных результатов видится в осмыслении специфической особенности российской экономики — относительно высокой обеспеченности природными ресурсами. В связи с этим возникают дискуссии, в которых противопоставляются сырьевая и инновационная экономики и даются разные оценки возможных точек размещения институтов инновационного развития в территориальном и отраслевом аспектах.

Наиболее популярна точка зрения, что именно инновационное развитие выведет российскую экономику из сырьевого тупика. Этой точки зрения придерживаются большинство экономистов и политиков.

Противоположная точка зрения, базирующаяся на теореме Хекшера—Олина, резко критикуется. Теорема определяет, что относительно высокая ресурсная обеспеченность российской экономики должна быть учтена при обосновании выбора инновационного развития. Другими словами, инновации в российской экономике принесут отдачу только в сырьевых отраслях.

Обозначенные точки зрения, несмотря на их взаимоисключающий характер, могут быть приведены к одному знаменателю. Один из каналов практического приведения связан с интеграционным встраиванием экономики России в отраслевые рынки стран АТР, разработкой таких направлений структурных преобразований экономики России, которые учитывали бы возможность использования импульса инновационного развития от этого встраивания.

Следует понимать, что перспективы экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона не однозначны, поэтому обсуждаются многими авторами. Отдельные авторы пишут о том, что восточно-азиатское сообщество действует не в интересах создания общей восточно-азиатской идентичности, а преследует цели отдельно взятых государств [21]. В разные периоды авторы отмечают низкий уровень экономической интеграции в АТР из-за отсутствия сильно развитых региональных процессов институционализации. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) отмечается как наиболее успешное среди различных региональных группировок [9, 10, 20]. Для многих наблюдателей АТР является воплощением азиатского регионализма, где интеграция неэффективна. Отмечается

возможность замены формальных процессов институционализации региональной экономической интеграции [17, 18] как внутри, так и за пределами региона [15].

История институционализации интеграционных процессов показывает, что значительные усилия были предприняты, чтобы построить сильную институциональную среду для развития региональных экономических отношений в послевоенной Восточной Азии, но эти усилия не увенчались успехом [12]. Тот факт, что интеграция в АТР приведет к увеличению потенциальной выгоды для страны из-за экономии на масштабе за счет расширения экспортных отраслей [10, 14, 29], снижению трансакционных издержек между договаривающимися сторонами и уменьшению важности политических переговоров [30], является предметом многих экономических дискуссий. Ряд авторов отмечают, что трансграничные банковские операции в АТР, которые стали увеличиваться в последнее десятилетие, можно было бы считать признаком серьезных интеграционных процессов в регионе. Но это приняло форму потока долларов из США в Европу, а затем в Азиатско-Тихоокеанский регион и обратно в США через главных посредников – европейские банки [8]. Однако после кризиса европейские банки откровенно сдерживают работу банков из АТР [11, 13, 28, 31].

Неоднозначность толкования интеграционных процессов в АТР стала толчком, который приводит к необходимости оценить потенциал и фактическое состояние интеграционных процессов в этом регионе, основанное на инновационном потенциале.

Вышеобозначенные исследования в большей степени охватывают вопросы оценки производственного потенциала рынка, а вопросы комплексной оценки потенциала остаются малоизученными, в особенности такой совокупности рынков, как АТР.

Часто декларируемый тезис о том, что Россия уже присутствует в АТР, определил наш научный интерес проверить данное утверждение. В результате проведенного нами исследования возможностей интеграционного встраивания России в отраслевые рынки АТР мы выявили крайне низкий торговый обмен среди стран АТР. Исходя из торговых взаимоотношений, можно смело вычеркнуть из АТР Южную Азию, страны ТЛА, Океанию, Индокитай, Россию, Монголию, Северную Корею. Остаются США, страны СВА (без России, Северной Кореи и Монголии), АСЕАН, Канада, Австралия и Новая Зеландия, т.е. 15 стран [22]. Различия или сходства в отраслевой структуре ВВП не оказывают влияния на увеличение объема взаимной торговли между странами-партнерами. Эмпирический анализ стран АТР подтвердил, что в данном случае образование торговых блоков не влечет за собой увеличение объема взаимных торговых потоков. Это доказывает, что многие торговые блоки являются политическим решением, а не объективным экономическим процессом. Успех функционирования существующих на сегодняшний день организаций можно поставить под вопрос. Анализ показал, что заявленные цели ни одной из организаций не были достигнуты в полной мере. Более того, если социальные, политические и культурные сферы были задействованы в значительной мере, то в экономической сфере наблюдается наименьшее сотрудничество. Статистика подтверждает тезис о том, что никакой торговой значимости большинство стран АТР ни друг для друга, ни для других субрегионов АТР не имеют. Об их интеграционных потенциалах говорить просто не приходится. Реально говорить о некоторых тенденциях экономической интенсивности можно применительно только к двум подрегионам: СВА

и зоне АСЕАН, не забывая, естественно, и США, которые в силу своей глобальности являются важнейшим экономическим фактором на всех участках земного шара, включая и названные субрегионы [23, 24].

Оценка современного состояния интеграционных процессов в АТР в страновом и отраслевом аспектах показала, что наблюдаются различия в уровнях экономического потенциала, обеспеченности природными ресурсами, численности населения, культурных, религиозных и прочих традициях. Еще пройдет не мало времени, прежде чем АТР можно будет идентифицировать как регион по схожести всех признаков. Кластерный анализ стран АТР показал, что они не могут считаться неким единым организованным сообществом. Мы наблюдаем крайнюю разрозненность развития стран АТР [25, 26]. Среди страновых направлений развития перспективного партнерства наибольший интерес российского бизнеса представляют китайское, корейское, японское, вьетнамское, австралийское направления.

Развитие дальнейших исследований в данном направлении должно быть ориентировано на определение разрыва между абсолютным и текущим потенциалом рынка с учетом как количественных, так и качественных показателей, что будет способствовать пониманию направлений межстрановой интеграции в сфере заявленных рынков, с позиции инновационного развития.

Так как единого мнения по определению АТР нет, а существует лишь условная классификация входящих в него экономик, мы включаем в понятие АТР следующие страны: Австралия, Бруней, Вануату, Восточный Тимор, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Макао, Малайзия, Маршалловы острова,

Мексика, Микронезия, Науру, Никарагуа, Новая Зеландия, Палау, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Россия, Тайвань, Республика Корея, Сальвадор, Самоа, Сингапур, Соломоновы Острова, Таиланд, Тонга, Тувалу, США, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор, Япония, Мьянма, Монголия, Непал, Индия, Шри-Ланка, Бангладеш, КНДР, Французская Полинезия.

В настоящее время в отечественной и мировой практиках разработаны различные подходы к оценке уровня инновационно-технологического развития страны и ее регионов. В условиях становления инновационной экономики основными факторами социально-экономического развития страны являются научно-технический прогресс, процесс создания и использования инноваций, интеллектуальная собственность. Для определения потенциальных возможностей и направлений роста экономической системы широкое распространение получила идея поиска методики комплексной оценки инновационного потенциала страны. В отечественной и зарубежной науке используются различные методики оценки инновационного потенциала страны (региона).

Проблемой измерения и оценки инновационного потенциала заняты исследователи различных международных школ и научных организаций. В частности, к ним относятся Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейская комиссия по инновациям, научные подразделения Всемирного экономического форума и Всемирного банка, Организация промышленного развития при ООН (ЮНИКТАД) и др. Разрабатываемые этими организациями методы и подходы к оценке инновационного потенциала широко используются в различных целях (*табл. 1*).

Таблица 1. Методы исследования инновационного развития страны

Показатель	Описание
Индекс научно-технического потенциала (Всемирный экономический форум – ВЭФ)	Интегральный показатель оценки уровня конкурентоспособности страны в зависимости от трех категорий переменных: макроэкономической среды, государственных институтов и технологии.
Интегральный показатель инновационного развития (Организация экономического сотрудничества и развития – ОЭСР)	Применяется для анализа уровня и динамики развития инновационной экономики развитых и ряда развивающихся стран. В методике ОЭСР представлены следующие показатели: удельный вес высокотехнологичного сектора экономики в продукции обрабатывающей промышленности и услугах; инновационная активность; объем инвестиций в сектор знаний (общественный и частный); разработка и выпуск информационного и коммуникационного оборудования, программной продукции и услуг; численность занятых в сфере науки и высоких технологий и др.
Система показателей оценки инновационной деятельности Комиссии европейских сообществ (КЕС)	Данная методика используется для сравнительного анализа уровня развития инновационной деятельности в странах Европейского союза (ЕС), а также для их сопоставления с показателями США и Японии. Система инновационных показателей включает в себя 16 индикаторов, разделенных на четыре группы: человеческие ресурсы; генерация новых знаний; трансфер и использование знаний; финансирование инноваций, результаты инновационной деятельности.
Индекс Европейского инновационного табло (<i>EuropeanInnovationScoreboard – EIS</i>)	Индекс строится по трем блокам, которые формулируются как «возможности», «активность бизнеса» и «результаты».
Индекс экономики знаний (методика Всемирного банка в рамках программы <i>KnowledgeforDevelopment – K4D</i>)	Представляет собой среднее значение из четырех агрегатов: экономического стимулирования и институционального режима, образования и человеческих ресурсов, инновационной системы, информационных и телекоммуникационных технологий.
«Индекс инновационности регионов России» (проект НИСП)	Основу расчета индекса составляет набор из пяти факторов, выраженных относительными показателями: доля численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых в экономике; численность учащихся вузов на 10 тыс. человек населения; количество зарегистрированных патентов на 1000 человек, занятых в экономике; затраты на технологические инновации в расчете на 1 человека; уровень развития интернет-технологий.
Уровень развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе (РА «Эксперт РА»)	Показатели, используемые для анализа: доля инновационно-активных предприятий, доля инновационной продукции в ее общем объеме, затраты на НИР.
Источники: [1, 2, 5, 16, 19, 27, 32, 34, 35].	

Безусловно, данным набором показателей не ограничивается весь спектр методик для оценки инновационного развития страны. Однако используемые методики оценки инновационного развития страны обладают определенными недостатками, лимитирующими их практическое использование. Среди недостатков можно отметить несовершенство региональной статистики, поскольку ряд показателей на уровне регионов не рассчитываются, вследствие этого не учитывается фактор дифференциации. Национальные индексы лучше учитывают специфические особенности страны. Индексы международных организаций в большей степени сопоставимы, так как применяют общую методику.

Обращает на себя внимание тот факт, что при оценке инновационного развития страны не сделан акцент на уровне и качестве образования человека, его благосостоянии, которое необходимо для удовлетворения его потребности в благах, социально-экономических условиях, которые оказывают влияние на возможности человека во всем своем многообразии. Учитывая современные тенденции, в настоящее время целесообразным считаем комплексный подход к изучению процесса инновационного развития государства и определения в нем роли человека. Таким образом, с точки зрения инновационного развития вклад человеческого потенциала определяется его влиянием как источника новых идей и инноваций.

В нашем исследовании предлагается подход к определению актуальных направлений инновационного развития с учетом развития человеческого потенциала в странах с различным уровнем социально-экономического развития. Особое внимание в работе уделено формированию системы показателей, информативно отражающей уровень инновационного развития страны. Практическое использование предложенного набора показателей предполагает исследование факторов, которые оказывают наибольшее влияние на обобщающую оценку уровня инновационного развития страны.

Количественная оценка объемов и эффективности инновационного развития представляется достаточно затруднительной ввиду ограниченности статистической информации в региональном и страновом аспектах. Основным измерителем инновационной активности в зарубежной экономической литературе выступает число заявок на патенты; для сравнения: в некоторых российских исследованиях используется показатель «число инновационно-активных предприятий» [3, 6, 7]. Таким образом, выбор показателя в качестве измерителя инновационной активности остается за исследователем.

Мы согласны с мнением зарубежных исследователей, что патенты более точно отражают состояние научно-исследовательского сектора как основного источника новых знаний и инноваций, чем количество инновационно-активных предприятий. Именно число поданных патентных заявок отражает эффективность деятельности инновационно-активных предприятий. Безусловно, их инновационная активность оказывает влияние на инновационное развитие страны и ее регионов и определяется огромным числом факторов.

Выбор факторов, оказывающих влияние на инновационное развитие страны, проводился нами с помощью методов регрессионного анализа. В качестве зависимой переменной, характеризующей инновационную активность страны, в настоящем исследовании было использовано число заявок на патенты, поданных резидентами и нерезидентами, рассчитанных на 100 тыс. населения (Patent).

В качестве регрессоров были рассмотрены следующие показатели (табл. 2).

Регрессионное уравнение оценивалось по 42 странам Азиатско-Тихоокеанского региона в период 2008–2013 гг. (252 наблюдения). Остальные страны не были включены в выборку из-за отсутствия данных о ряде ключевых показателей. Информационной базой исследования послужили статистические данные из базы WorldBank [4; 33].

Очевидно, что в странах АТР наблюдается достаточно высокая дифференциация как по показателям, характеризующим социально-экономическое развитие, так и по показателям инновационно-технологического развития. ***В рамках настоящего исследования страны АТР были классифицированы на однородные группы методом кластерного анализа.*** В процессе кластерного анализа каждая страна Азиатско-Тихоокеанского региона была представлена вектором в 17-мерном пространстве факторов (табл. 3). В общем случае, с помощью системы индикаторов, характеризующих уровень инновационной активности страны, были определены схожие территориальные зоны, названные нами кластерами.

В кластер А в 2013 г. вошли 8 стран АТР (19% общего числа). Данный кластер сформирован странами-лидерами по показателям инновационного развития. В странах данной группы показатель среднедушевого ВВП составил 48054,53 международных

Таблица 2. Показатели инновационной активности страны

Обозначения	Показатель
<i>GDPpc</i>	ВВП на душу населения, по ППС в международных долларах
<i>EDU_GDP</i>	Государственные расходы на образование, в % ВВП
<i>EDU_H</i>	Валовой показатель охвата населения высшим образованием, в %
<i>RgD</i>	Расходы на НИОКР, в % ВВП
<i>IMP_HT</i>	Импорт высокотехнологичных товаров, в % от импорта товаров
<i>EX_HT</i>	Экспорт высокотехнологичных товаров, в % от промышленного экспорта
<i>IT_SERV</i>	Информационно-коммуникационные услуги. Защищенные интернет-серверы, на 1 млн. чел.
<i>SAJ</i>	Статьи в научных и технических журналах, количество
<i>IT_US</i>	Интернет-пользователи, на 100 чел.
<i>TECH_RgD</i>	Инженеры в секторе НИОКР, на 1 млн. чел.
<i>RES_RgD</i>	Исследователи в секторе НИОКР, на 1 млн. чел.
<i>HEALTH_GDP</i>	Государственные и частные расходы на здравоохранение, в процентах ВВП
<i>TDR</i>	Коэффициент демографической нагрузки, количество человек в возрасте 0–14 и 65+ на 100 чел. в возрасте 15–64 лет
<i>LEB</i>	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
<i>INV_OUT</i>	Прямые иностранные инвестиции, чистый отток, в % ВВП
<i>INV_IN</i>	Прямые иностранные инвестиции, чистый приток, в % ВВП
<i>U_EMPL</i>	Уровень безработицы, в %

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Группировка стран АТР по уровню инновационно-технологического развития в 2008 и 2013 гг.

Итоги кластеризации на начало исследуемого периода (2008 г.)	Итоги кластеризации на конец исследуемого периода (2013 г.)
Кластер А	
Австралия, Канада, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония, Сингапур, Гонконг, США	Австралия, Канада, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония, Сингапур, Гонконг, США
Кластер В	
Бруней, КНР, Россия, Макао, Малайзия, Мексика, Таиланд, Чили, Панама	КНР, Коста-Рика, Макао, Малайзия, Мексика, Россия, Таиланд, Чили, Монголия
Кластер С	
Коста-Рика, Вьетнам, Индия, Индонезия, Колумбия, Монголия, Перу, Фиджи, Эквадор, Филиппины	Бруней, Индия, Индонезия, Колумбия, Панама, Перу, Сальвадор, Фиджи, Филиппины, Вьетнам, Эквадор
Кластер D	
Вануату, Гватемала, Гондурас, Камбоджа, Микронезия, Папуа-Новая Гвинея, Самоа, Соломоновы Острова, Восточный Тимор, Сальвадор, Никарагуа, Тонга, Непал, Шри-Ланка, Бангладеш	Вануату, Гватемала, Гондурас, Камбоджа, Микронезия, Никарагуа, Папуа-Новая Гвинея, Самоа, Соломоновы Острова, Восточный Тимор, Шри-Ланка, Бангладеш, Непал, Тонга

Источник: рассчитано авторами.

долларов по ППС, что говорит о достаточно высоком уровне социально-экономического развития стран. Показатели, характеризующие интеллектуальный потенциал, также находятся на высоком уровне: охват населения высшим профессиональным образованием в среднем по странам группы составил 68%, в среднем на 1 млн. человек населения приходится 819 и 4946 инженеров и исследователей в секторе НИОКР

соответственно. Количество публикаций в научных журналах по итогам 2013 г. составило в среднем 43233,6. В странах данной группы в среднем было подано 192 заявки на патенты на 100 тыс. человек населения. Все это, безусловно, говорит о высоких показателях инновационной активности стран, вошедших в состав данного кластера. За рассматриваемый период состав группы не изменился.

В состав кластера В по итогам 2013 г. вошли 9 стран АТР (21% общего числа). Страны данной группы занимают «срединное» положение относительно стран остальных кластеров. В странах кластера В наблюдались достаточно высокие значения показателя душевого ВВП: в среднем он составил 26465,91 долл. США по ППС (в международных долларах), что характеризует их как страны с благополучным уровнем и качеством жизни населения. Что касается значения ключевого показателя, характеризующего инновационное развитие, то в данной группе стран число поданных заявок на патенты в среднем составляет 20,8 на 100 тыс. человек населения. В странах кластера В в 2013 г. наблюдалась высокая доля импорта высокотехнологичных товаров – в среднем 13,5% от импорта всех товаров. При этом здесь также отмечалась и высокая доля экспорта высокотехнологичных товаров – в среднем 20,1% промышленного экспорта, преимущественно за счет Коста-Рики (43,3%) и Малайзии (43,6%). На поддержку образования и НИОКР государствами в 2013 г. выделялось в среднем по 4,6 и 0,8% ВВП соответственно. В группе кластера В средний охват населения высшим образованием составил около 53,5%. За период 2008–2013 гг. количественный состав кластера В изменился незначительно: из него вышел Бруней и переместился в кластер С, в то время как, улучшив свои позиции, Коста-Рика вошла в состав кластера В. Таким образом, страны кластера В занимают второе место по уровню инновационного развития и интеллектуального потенциала в сравнении с остальными однородными группами стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В группу кластера С вошли в 2013 г. 11 стран АТР (26% общего числа стран, участвующих в исследовании). Основной характеристикой стран, вошедших в состав

данного кластера, является уровень инновационного развития ниже среднего. Об этом свидетельствуют невысокие число поданных заявок на патенты – 2,4 в среднем на 100 тыс. населения и количество статей в научных журналах – 2226, а также невысокая численность инженеров и исследователей в секторе НИОКР – 106 на 1 млн. человек населения. В странах кластера С экспорт высокотехнологичных товаров превышает их импорт, и в среднем по группе данное превышение составило 20% (за исключением Колумбии, Перу, Панамы и Эквадора). Государственные расходы на образование в странах данной группы составили в среднем 3,7% ВВП, однако стоит отметить, что лидером по значению данного показателя выступает Вьетнам – 6,6% ВВП. Государственные затраты на НИОКР более стабильны и в среднем по группе варьируются в пределах 0,2% ВВП. По уровню социально-экономического развития страны кластера С отличаются от стран остальных кластеров: он характеризуется как более или менее стабильный. Значение душевого ВВП стран данной группы в среднем составляет 16330,4 долл. США по ППС (международных долларов), что почти в 2 раза ниже среднего значения по группе стран АТР кластера В. Валовой охват населения высшим образованием в среднем по группе составил 32,1%, наряду с этим здесь также отмечается и низкое значение показателя интернет-пользователей – 40 человек на 100 человек населения.

За период 2008–2013 гг. в составе стран кластера С произошли некоторые изменения: по итогам 2008 г. в состав группы входили 10 стран, за рассматриваемый период Коста-Рика и Монголия, улучшив рейтинги по части показателей, характеризующих инновационное развитие, переместились в группу стран кластера В. При этом негативная тенденция снижения показателей

инновационной активности была отмечена в Бруней-Даруссалам (число поданных заявок на патенты за рассматриваемый период снизилось с 19,7 до 2,6 единицы на 100 тыс. населения); снижение наблюдалось и по показателю публикационной активности. Таким образом, уровень инновационного развития стран кластера *C* можно охарактеризовать как ниже среднего.

В 2013 г. в состав кластера *D* входили 14 стран АТР (34% общего числа). Страны данного кластера значительно отличаются от стран всех остальных кластеров по уровню инновационного развития, а также по показателям человеческого потенциала. В данной группе отмечены самые низкие показатели инновационной активности населения (число поданных патентных заявок составило в среднем 0,980 на 100 тыс. человек населения; число публикаций в научных журналах также находится на самом низком уровне в сравнении с остальными кластерами – 10 единиц). В этой группе наблюдаются и самый низкий охват населения высшим образованием – в среднем 12,9%, и самая низкая численность исследователей и инженеров в секторе НИОКР. В странах кластера *D* отмечен самый высокий уровень безработицы (в среднем по странам составил 11,3%) относительно остальных кластеров, а также самый низкий показатель душевого ВВП – 4729,1 международных долларов по ППС. За рассматриваемый период состав кластера незначительно изменился за счет перехода Сальвадора в состав группы стран с луч-

шими показателями инновационного развития. Таким образом, страны кластера *D* характеризуются как страны с самым низким уровнем инновационного и человеческого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Результаты кластеризации показывают высокую степень дифференциации стран АТР по уровню инновационного развития, это обусловлено рядом факторов: географическим положением, природно-климатическими условиями, развитием экономики и рынка труда, демографическими и социальными характеристиками. В этой связи целесообразным представляется введение в модель фиктивной переменной, которая позволит учитывать специфику каждой страны. Представим спецификацию стран (принадлежность страны к определенному кластеру) бинарными признаками (табл. 4).

Посредством корреляционного анализа определим взаимосвязь результативного показателя и факторных признаков. Для исключения эффекта мультиколлинеарности, а также с целью снижения размерности исходных показателей в настоящем исследовании реализован факторный анализ методом главных компонент.

Из таблицы 5 видно, что собственные значения первых трех главных компонент превышают значение единицы, таким образом, они сохраняются для дальнейшего анализа. При этом они объясняют 75,7% дисперсии исходных признаков. На рисунке 1 представлен состав каждой компоненты.

Таблица 4. Замена качественных параметров регрессионной модели бинарными признаками

Бинарные переменные			Принадлежность к кластеру
Кластер А	Кластер В	Кластер С	
1	0	0	Кластер А
0	1	0	Кластер В
0	0	1	Кластер С
0	0	0	Кластер D

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Значение главных компонент и доля объясненной дисперсии признаков

Номер компоненты	Обозначение главной компоненты	Собственное значение главной компоненты	Доля объясненной дисперсии, %	Кумулятивная доля объясненной дисперсии, %
1	F_1	6,003	42,343	42,343
2	F_2	3,256	19,991	62,334
3	F_3	1,789	12,855	75,189

Источник: рассчитано авторами.

Рисунок 1. Состав главных компонент

Условно первую компоненту (F_1) можно назвать «фактором человеческого потенциала»: ВВП на душу населения — отражает уровень материального благополучия; валовой охват населения высшим профессиональным образованием — уровень грамотности; ожидаемая продолжительность жизни при рождении — уровень социального благополучия. При этом стоит отметить, что данные показатели входят в интегральный показатель — Human Development Index, согласно методологии ООН. Кроме того, в состав данного показателя вошли индикаторы, характеризующие численность специалистов в секторе

НИОКР. Коэффициент демографической нагрузки отражает уровень старения населения, а также численность населения в трудоспособном возрасте с накопленным уровнем потенциала. Прямые иностранные инвестиции тоже играют особую роль в формировании человеческих возможностей, поскольку целенаправленные вложения капитала в различные сферы и отрасли способствуют улучшению благосостояния населения. Подавляющее большинство показателей связаны с первой главной компонентой прямой корреляционной зависимостью, т.е. при увеличении значений данных показателей, согласно расчетам,

компонента изменяет свое значение в сторону увеличения, за исключением коэффициента демографической нагрузки, что говорит о снижении значения компоненты при росте данного показателя. Доля вариации первой главной компоненты составила 42,3%.

В состав второй главной компоненты (F_2), доля вариации которой составила 19,991%, вошли показатели, характеризующие инновационное развитие страны, поэтому условно назовем ее «фактор инновационного потенциала». Показатели, входящие во вторую главную компоненту, имеют прямую корреляционную зависимость, что говорит об увеличении F_2 при росте обуславливающих ее факторов.

На долю вариации F_3 приходится 12,855% вариации. Показатели третьей главной компоненты, в большинстве своем, можно охарактеризовать как факторы, способствующие развитию возможностей человека. Государственные расходы на образование и расходы на здравоохранение имеют положительную корреляционную связь с компонентой; уровень безработицы – отрицательную. При этом мероприятия по снижению уровня безработицы и сокращению напряженности на рынке труда, проводимые государством в той или иной стране, безусловно, повлияют на темпы экономического роста, что повлечет за собой повышение уровня и качества жизни населения в стране и, естественно, благоприятным образом скажется на развитии человеческих способностей и инновационного мышления. Всё вышеперечисленное окажет существенное влияние в долгосрочной перспективе и на уровень инновационного развития страны.

Далее построим регрессионную модель зависимости результативного показателя от выделенных факторов (формула 1). В регрессионную модель были включены

фиктивные переменные, позволяющие учитывать принадлежность страны к определенному кластеру:

$$y = 143,98 + 12,83F_1 + 8,86F_2 + 1,32F_3 - 142,68CI_A - 132,08CI_B - 124,63CI_C \quad (1)$$

Зависимость числа поданных заявок на патенты от факторов для стран каждого кластера будет описываться следующими уравнениями:

Для стран кластера А:

$$y = 143,98 + 12,83F_1 + 8,86F_2 + 1,32F_3 - 142,68CI_A;$$

Для стран кластера В:

$$y = 143,98 + 12,83F_1 + 8,86F_2 + 1,32F_3 - 132,08CI_B;$$

Для стран кластера С:

$$y = 143,98 + 12,83F_1 + 8,86F_2 + 1,32F_3 - 124,63CI_C;$$

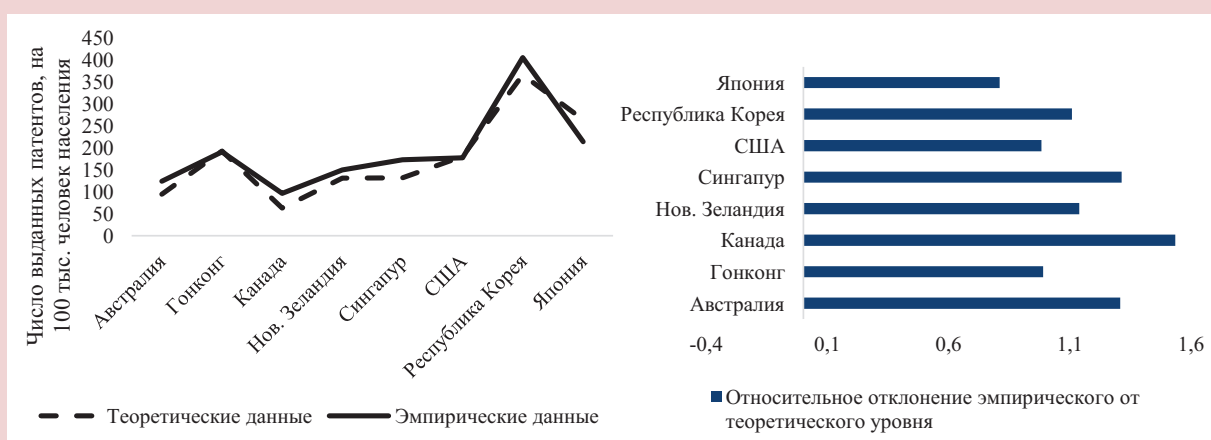
Для стран кластера D:

$$y = 143,98 + 12,83F_1 + 8,86F_2 + 1,32F_3.$$

На рисунках 2–5 приведены эмпирические и смоделированные значения числа поданных заявок на патенты в странах выделенных кластеров А, В, С, D по итогам 2013 г. На графиках представлены и относительные отклонения смоделированных значений результативного показателя от эмпирических данных. Построенные модели могут быть использованы для прогнозирования ключевых показателей и выявления основной тенденции результативного показателя.

Для определения приоритетных направлений инновационного развития стран кластера А оценим основные факторы, входящие в первую главную компоненту F_1 и обуславливающие изменения результативного показателя именно для стран данной группы. Посредством пошаговой регрессии для стран кластера А были выделены четыре значимых фактора: расходы на НИОКР (RgD); государственные

Рисунок 2. Число поданных заявок на патенты в странах кластера А по итогам 2013 г.

Источник: рассчитано авторами.

и частные расходы на здравоохранение (*HEALTH_GDP*); государственные расходы на образование (*EDU_GDP*); инженеры в секторе НИОКР (*TECH_RgD*). Данные факторы объясняют 72% общей вариации показателя числа поданных заявок на патенты. Оценки параметров представлены в табл. 6.

Как видно из таблицы, **наибольшее влияние на результаты инновационной деятельности в странах кластера А оказывают объемы финансирования НИОКР и государственных расходы на здравоохранение.** В составе данной группы сконцентрировались страны-лидеры Азиатско-Тихоокеанского региона как по уровню экономи-

ческого и инновационного развития, так и по показателям развития человеческого потенциала. В конечном счете, если в странах данной группы результаты экономического развития направить на поддержание достигнутых результатов в области инноваций, а также поддержание достойного уровня и качества жизни населения, то это приведет к наращиванию инновационного потенциала и темпов экономического роста.

Для стран кластера *В* модель регрессии выглядит следующим образом (рис. 3).

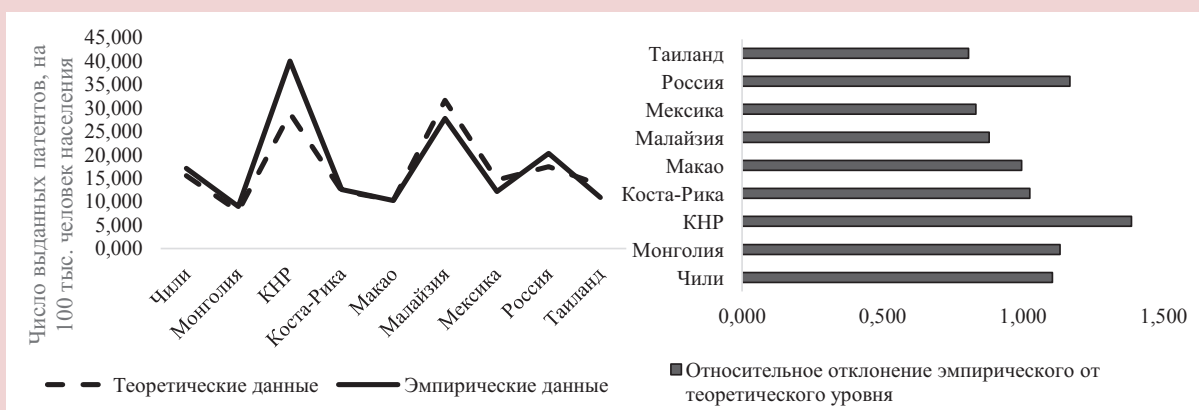
В результате разложения «фактора человеческого потенциала» (*F_1*) более значимыми выделяются показатели: при-

Таблица 6. Оценки факторов, обуславливающих изменение результативного показателя для стран кластера А

Модель	Нестандартизированные коэффициенты	Стандартизированные коэффициенты	Значимость параметров
	<i>B</i>	<i>Бета</i>	
Константа	44,770352	–	0,01120
<i>RgD</i>	73,700571	0,930890	0,00000
<i>HEALTH_GDP</i>	14,224475	0,805795	0,00000
<i>EDU_GDP</i>	0,692993	0,248387	0,00600
<i>TECH_RgD</i>	0,039370	0,246965	0,00100

Источник: рассчитано авторами.

Рисунок 3. Число поданных заявок на патенты в странах кластера В по итогам 2013 г.

Источник: рассчитано авторами.

ток иностранных инвестиций в страну (INV_IN), исследователи в секторе НИОКР (RES_RgD) и количество статей в научных и технических журналах (SAJ). Данные факторы объясняют 79% общей вариации результативного показателя. Оценки параметров указаны в табл. 7.

Из таблицы видно, что **наибольшее влияние на результаты инновационной деятельности для стран кластера В оказывают публикационная активность исследователей и численность исследователей в секторе НИОКР**. Страны данной группы можно охарактеризовать как эффективно-ориентированные, поскольку их конкурентоспособность достигается в результате эффективности рынка и способности из-

влекать выгоду из существующих технологий. **В данной группе стран существует необходимость стимулирования научного потенциала и инновационной активности исследовательских и научных организаций. Также следует обратить внимание на вопросы привлечения инвестиций в научно-образовательный сектор с целью повышения инновационного потенциала стран данной группы.**

Для стран кластера С результаты моделирования числа поданных заявок на патенты представлены на рис. 4.

Из рисунка видно, что теоретическая модель не противоречит эмпирическим данным при сохраняющейся тенденции инновационного развития стран данной

Таблица 7. Оценки факторов, обуславливающих изменение результативного показателя для стран кластера В

Модель	Нестандартизированные коэффициенты	Стандартизированные коэффициенты	Значимость параметров
	B	β	
Константа	2,589210	–	0,00711
SAJ	0,000519	0,889209	0,00000
RES_RgD	0,003984	0,599207	0,00000
INV_IN	0,907935	0,111984	0,00000

Источник: рассчитано авторами.

Рисунок 4. Число поданных заявок на патенты в странах кластера С по итогам 2013 г.

Источник: рассчитано авторами.

группы. Определим приоритетные направления, выделив основные факторы, обуславливающие изменение резуль- тативного показателя в странах данной группы.

Посредством пошаговой регрессии для стран кластера С были выделены четыре значимых фактора: исследователи в секторе НИОКР (RES_RgD); ВВП на душу населения ($GDPpc$); коэффициент демографической нагрузки (TDR); показатель охвата населения высшим образованием (EDU_H). Данные факторы объясняют 66% общей вариации показателя числа поданных заявок на патенты (табл. 8).

Как видно из приведенных данных, по показателям стандартизированных коэффициентов уравнения **наибольшее влияние на**

число поданных заявок для кластера С оказывает фактор демографической нагрузки на население трудоспособного возраста, остальные параметры являются достаточно равноценными. Страны данного кластера можно охарактеризовать как более или менее устойчивые по социально-экономическому развитию. **Таким образом, если в странах данной группы результаты экономического развития направить на улучшение демографических показателей и развитие образовательного потенциала, то это может привести к заметному инновационному развитию.**

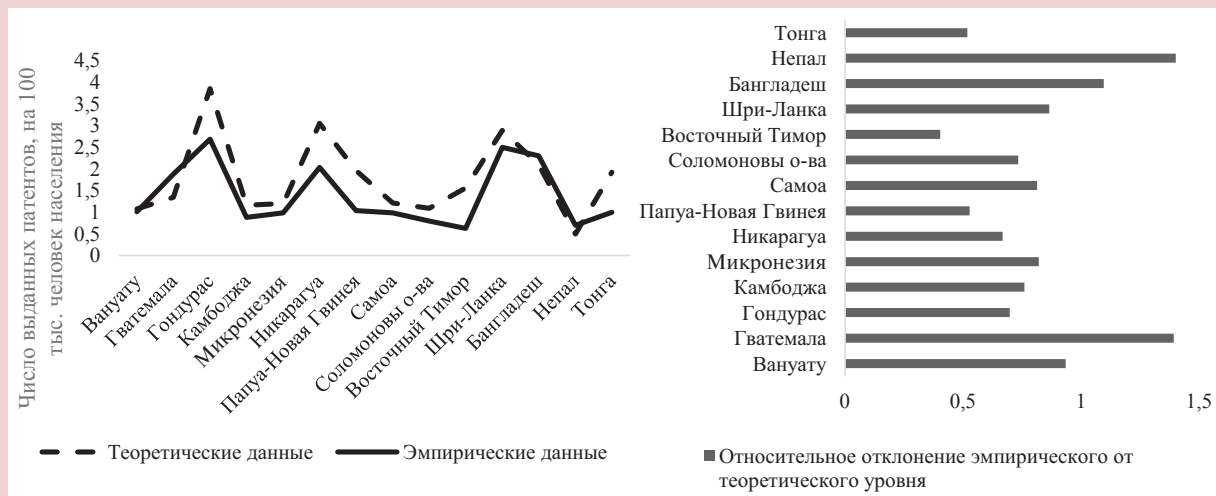
Для стран кластера D результаты моделирования числа поданных заявок на патенты в совокупности определяющих факторов представлены на рис. 5.

Таблица 8. Оценки факторов, обуславливающих изменение резуль- тативного показателя для стран кластера С

Модель	Нестандартизированные коэффициенты	Стандартизированные коэффициенты	Значимость параметров
	B	$Бета$	
Константа	8,907542	—	0,00000
TDR	0,106871	0,607524	0,00401
$GDPpc$	0,000029	0,298712	0,00900
EDU_H	0,097125	0,222901	0,00153
RES_RgD	0,035971	0,200181	0,00120

Источник: рассчитано авторами.

Рисунок 5. Число поданных заявок на патенты в странах кластера D по итогам 2013 г.

Источник: рассчитано авторами.

Определим факторы, оказывающие наибольшее влияние на результаты инновационной деятельности, с помощью метода пошаговой регрессии (табл. 9).

Как видно из таблицы, наибольшее влияние на число поданных заявок на патенты в странах кластера D оказывают численность исследователей в секторе НИОКР; демографический фактор нагрузки нетрудоспособного населения на трудоспособное и объемы финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. **Приоритетными направлениями экономического развития в странах данной группы является наращивание образовательного и научного потен-**

циала. Страны данного кластера условно можно классифицировать как ресурсно-ориентированные (ориентация на природные ресурсы и использование низкоквалифицированной рабочей силы). Данные страны не имеют развитой системы образования, а специалистов получают в «готовом виде» благодаря миграционным процессам. В странах данной группы остро стоят проблемы миграционного оттока, что сказывается на демографических показателях. **Таким образом, в этих странах необходимо реализовывать программы, направленные на социальное развитие, снижение уровня безработицы и развитие качества образовательного и научного потенциала.**

Таблица 9. Оценки факторов, обуславливающих изменение результативного показателя для стран кластера D

Модель	Нестандартизированные коэффициенты	Стандартизированные коэффициенты	Значимость параметров
	<i>B</i>	<i>Бета</i>	<i>P-level</i>
Константа	1,777298	–	0,00013
<i>RES_RgD</i>	0,049981	0,552987	0,00030
<i>TDR</i>	0,125871	0,378120	0,00013
<i>RgD</i>	8,001578	0,232487	0,01500

Источник: рассчитано авторами.

Итак, в ходе исследования были выявлены наиболее значимые факторы, изменения которых благотворно влияют на инновационное развитие страны: «фактор человеческого потенциала», который характеризует развитие человека с точки зрения демографических показателей, показывает степень удовлетворения населения страны материальными благами и определяет уровень его самодостаточности; «фактор инновационного развития», который характеризует уровень инновационно-технологического развития и интеллектуального потенциала страны; «факторы, способствующие (препятствующие) развитию возможностей человека», аккумулируют в себе различные экономические условия для реализации возможностей людей.

В целом можно сделать вывод, что построенные модели дают наглядное представление о группах факторов, оказывающих влияние на уровень инновационно-технологического развития в определенной стране. *В ходе исследования доказана роль человеческого потенциала как более значимого фактора при оценке уровня инновационно-технологического развития страны, определяемого такими показателями, как: душевой ВВП в стране, охват населения высшим образованием, затраты на НИОКР, инженеры и исследователи*

в секторе НИОКР, демографическая нагрузка на трудоспособное население и ожидаемая продолжительность жизни при рождении, инвестиции и интернет-пользователи. Поэтому увеличение вышеприведенных показателей в отдельной стране приведет к эффективному инновационному развитию.

С помощью разработанной системы показателей возможной представляется также разработка приоритетных направлений в области инновационного развития стран. Следует отметить необходимость реализации комплекса мер для развития инновационного потенциала общества, стимулирования экономической активности, которое соответственно отражается и на доходах различных категорий населения для целей удовлетворения своих потребностей и реализации творческих способностей, в конечном счете приводящих к инновационным достижениям. Основным направлением политики государства с точки зрения наращивания экономического потенциала является в первую очередь стабильный рост промышленного производства и достижение ежегодных значимых темпов роста валового внутреннего продукта как основы для повышения уровня бюджетного самообеспечения и экономической самостоятельности.

Литература

1. Гриценко, С.В. Региональный индекс инноваций как инструмент изучения инновационной активности областей Центрального федерального округа / С.В. Гриценко // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. — 2015. — № 4. — С. 75-85.
2. Кузнецова, Ю.А. Исследование подходов к определению понятия «инновационный потенциал региона» / Ю.А. Кузнецова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2014. — № 5 (24). — Ч. 2. — С. 28-30.
3. Осипова, К.В. Методические аспекты оценки инновационного потенциала региона / К.В. Осипова, И.П. Савельева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. — 2013. — Т. 7. — № 3. — С. 182-184.
4. Официальный сайт Всемирного банка. — Режим доступа: <http://www.worldbank.org>
5. Официальный сайт Агентства по инновациям и развитию. — Режим доступа: <http://www.innoros.ru/publications/analytics/12/termin—innovatsiya>

6. Штерцер, Т.А. Детерминанты инновационной активности на региональном уровне (эмпирический анализ) [Электронный ресурс] / Т.А. Штерцер // Статистические измерения и эконометрический анализ. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:4ef1a2788846c8c01300028210>
7. Эминов, Н.О. Инновационный аспект экономического роста Азербайджанской Республики / Н.О. Эминов // Креативная экономика. – 2012. – № 4(64). – С. 119-124.
8. Avdjiev, S, R. McCauley and H.S. Shin. Breaking free of the triple coincidence in international finance/ S. Avdjiev, R. McCauley and H.S. Shin // BIS Working Papers, forthcoming. – 2015.
9. Aggarwal, V.K. APEC as an International Institution / V.K. Aggarwal // APEC: Its Challenges and Tasks in the 21st Century / I. Yamazawa. – New York: Routledge, 2000. – P. 298-324.
10. Aggarwal, V. K. Undermining the WTO: The Case against Open Sectoralism / V.K. Aggarwal, J. Ravenhill // Asia–Pacific Issues. – 2001. – № 50. – URL: <http://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/api050.pdf> (Accessed: 13.12.2013)
11. Bruno, V, I. Shim and H.S. Shin. Comparative assessment of macroprudential policies/ V. Bruno, I.Shim and H.S. Shin // BIS Working Papers. – 2015. – Vol. 502.
12. Calder, K. Regionalism and Critical Junctures: Explaining the «Organization Gap» in Northeast Asia / K. Calder, M. Ye // The Journal of East Asian Studies. – 2004. – Vol. 4, № 2. – P. 191-226.
13. Chantapacdepong, P. and I. Shim. Correlations across Asia–Pacific bond markets and the impact of capital flow management measures / P. Chantapacdepong, I. Shim // Pacific–Basin Finance Journal. – 2015. – Vol. 34. – P. 71-101.
14. Chase, K. A. Economic interests and regional trading arrangements: the case of NAFTA / K. A. Chase // International Organization. – 2003. – Vol. 57. – № 1. – P. 137-174.
15. Dent, C. Networking the Region? The Emergence and Impact of Asia–Pacific Bilateral Free Trade Agreements / C. Dent // The Pacific Review. – 2003. –Vol. 16, № 1. – P. 1-28.
16. Disruptive Innovation in Financial Services: a blueprint for digital. 2016. World Economic Forum. Committed to Improving the State of the World. – 2016. – 108 p.
17. Ernst, D. Partners for the China Circle? The Asian Production Networks of Japanese Electronics Firms / D. Ernst. – Berkeley: BRIE Working Paper 91, 1997. – URL: <http://brie.berkeley.edu/publications/wp%2091.pdf> (Accessed: 12.12.2014)
18. Encarnation, D.J. Asia and the Global Operations of Multinational Corporations / D.J. Encarnation // Japanese Multinationals in Asia: Regional Operations in Comparative Perspective / D. J. Encarnation. – New York: Oxford University Press, 1999. – P. 3-13.
19. European Innovation Scoreboard. 2016. Methodology Report. European Innovation Scoreboards (EIS) project for the European Commission. – 2016. – 30 p. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/17821>.
20. Higgott, R. The Pacific and Beyond: APEC, ASEM and Regional Economic Management / R. Higgott // Economic Dynamism in the Asia–Pacific: The Growth of Integration and Competitiveness / G. Thompson. – London: Routledge, 1998. – P. 335-355.
21. Jones, D.M. Making process, not progress: ASEAN and the evolving East Asian regional order / D.M. Jones, M.L.R. Smith // International Security. – 2007. – Vol. 32. – № 1. – P. 148-184.
22. Kuznetsova, N.V. Cluster Analysis of Asian–Pacific Region Countries /N.V. Kuznetsova// Actual Problems of Economics. – 2015. – № 6(168). – P. 74-83.
23. Kuznetsova, N.V. Economic Integration of Northeast Asia/N.V. Kuznetsova // World Applied Sciences Journal. – 2013. – № 25 (5). – P. 768-773.
24. Kuznetsova, N.V. Economic Integration of Russia to the Northeast Asia/N.V. Kuznetsova // World Applied Sciences Journal. – 2013. – № 27. – P. 180-185.
25. Kuznetsova, N.V. , Kocheva E.V., Matev N.A. The Analysis of Foreign Trade Activities of Russia and Asia–pacific Region / N.V. Kuznetsova, E.V. Kocheva, N.A. Matev // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – № 6(2). – P. 736-744.
26. Kuznetsova, N.V. , Kocheva E.V., Matev N.A. Balance of Economic Development of APR Countries / N.V. Kuznetsova, E.V. Kocheva, N.A. Matev // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2015. – Vol. VI. – № 3(13). – P. 584-605.
27. Knowledge for Development (K4D). The World Bank Institute`s program on bulding Economies. World Bank Institute. – 2016. – 30 p.

28. McCauley, R. De-internationalising global banking? / R. McCauley // *Comparative Economic Studies*. – 2014. – symposium article. – P. 1-14.
29. Milner, H. Industries, Governments, and Regional Trade Blocs / H. Milner // *The Political Economy of Regionalism* / E. Mansfield, H. Milner. – New York: Columbia University Press, 1997.
30. Pempel, T.J. Restructuring Regional Ties / T.J. Pempel // *Crisis as Catalyst: Asia's Dynamic Political Economy* / A. Macintyre, T.J. Pempel, J. Ravenhill. – Ithaca: Cornell University Press, 2008.
31. Remolona, E. and I. Shim. The rise of regional banking in Asia and the Pacific/ E. Remolona, I. Shim // *BIS Quarterly Review*. – 2015. – September. – P. 119-134
32. The Global Innovation Index 2016. The Global Innovation // Cornell University, INSEAD, WIPO. – 2016. – 420 p.
33. The Global Competitiveness Report 2013–2014. Geneva: World Economic Forum. – 2013. – 166 p.
34. Vertesy, D. The Innovation Output Indicator 2016: Methodology update, European Commission. – 2016. – DG JRC, COIN.
35. World Bank Official Web-Site. KI and KEI Indexes. – Mode of access: <http://web.worldbank.org>

Сведения об авторах

Наталья Викторовна Кузнецова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики, руководитель магистерской программы «Международная экономика: инновационно-технологическое развитие», Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет (Российская Федерация, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8; e-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru)

Екатерина Викторовна Кочева — кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет (Российская Федерация, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8; e-mail: kochevaev@mail.ru)

Kuznetsova N.V., Kocheva E.V.

Potential for Asia-Pacific Countries Innovative Development

Abstract. The relevance of the chosen topic is determined by the new geo-economic situation. Since the end of the 20th century, the vector of global economic development has shifted towards the Asia-Pacific region. Russia's economic entry to the Asia Pacific region is a necessary condition for its internal sustainability and competitiveness on the international stage. The purpose for the research is to assess the level of innovative and technological development in Asia-Pacific countries with further clustering. Integrated assessment remains understudied, in particular, in the context of Asia-Pacific market. The authors estimate innovative activity of 42 Asia-Pacific countries during 2008–2013 (252 observations), built regression models, use their own methodology for clustering Asia-Pacific countries by level of innovation development in 2008–2013 according to indicators of innovative activity. The study identifies the most significant factors the changes in which have a positive impact on innovative development of a country: “human potential factor”, “factor of innovative development”, “factors facilitating (impeding) the development of human abilities”. The research proves the role of human potential as the most meaningful factor in assessing the level of innovative-technological development of countries measured by indicators such as: per capita GDP, higher education enrolment rates, costs of R&D, engineers and researchers in R&D, demographic burden on the working-age population and life expectancy, investments and internet users. An increase in the above indicators in a particular country will lead to its

efficient innovative development. The main area of state policy in terms of increasing economic potential is primarily stable growth of industrial production and significant annual GDP growth as a basis for increasing the level of financial self-sufficiency and economic independence. The use of the proposed set of indicators implies the study of factors which have the greatest impact on the integrated assessment of the level of innovative development of a country. The built regression models help use the identified factors with a positive impact on the outcome indicator, which will significantly influence the level of innovative development of a country in the long run.

Key words: innovative development, Asia-Pacific Region, regression analysis, patents, clustering, human potential.

References

1. Gritsenko S.V. Regional'nyi indeks innovatsii kak instrument izucheniya innovatsionnoi aktivnosti oblasti Tsentral'nogo federal'nogo okruga / S.V. Gritsenko [Regional index of innovations as an instrument of studying of an innovative activity of the areas of the Central Federal district]. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and management], 2015, no. 4, pp. 75-85. (In Russian).
2. Kuznetsova Yu. A. Issledovanie podkhodov k opredeleniyu ponyatiya "innovatsionnyi potentsial regiona" [Studying approaches to the definition of "region's innovation potential"]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2014, no. 5 (24), part 2, pp. 28-30. (In Russian).
3. Osipova K.V., Savel'eva I.P. Metodicheskie aspekty otsenki innovatsionnogo potentsiala regiona [Methodological aspects of evaluating region's innovation potential]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and management], 2013, volume 7, no. 3, pp. 182-184. (In Russian).
4. *Ofitsial'nyi sait Vsemirnogo banka* [World Bank official website]. Available at: <http://www.worldbank.org>. (In Russian).
5. *Ofitsial'nyi sait Agentstva po innovatsiyam i razvitiyu* [Official website of Agency for Innovation and Development]. Available at: <http://www.innoros.ru/publications/analytics/12/termin-innovatsiya>. (In Russian).
6. Sterzer T.A. Determinanty innovatsionnoi aktivnosti na regional'nom urovne (empiricheskii analiz) [Determinants of innovative activity at the regional level (empirical analysis)]. *Statisticheskie izmereniya i ekonometricheskii analiz* [Statistical measurement and econometric analysis]. Available at: <http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:4ef1a2788846c8c01300028210>. (In Russian).
7. Eminov N.O. Innovatsionnyi aspekt ekonomicheskogo rosta Azerbaidzhanskoj Respubliki [Innovation aspect of economy growth of the Republic of Azerbaijan]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], 2012, no. 4(64), pp. 119-124. (In Russian).
8. Avdjiev S., McCauley R., Shin H.S. Breaking free of the triple coincidence in international finance. *BIS Working Papers*, forthcoming. 2015.
9. Aggarwal V.K., Yamazawa I. APEC as an International Institution. *APEC: Its Challenges and Tasks in the 21st Century*. New York: Routledge, 2000. Pp. 298-324.
10. Aggarwal V.K., Ravenhill J. Undermining the WTO: The Case against Open Sectoralism. *Asia-Pacific Issues*, 2001, no. 50. Available at: <http://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/api050.pdf> (Accessed: 13.12.2013)
11. Bruno V., Shim I., Shin H.S. Comparative assessment of macroprudential policies. *BIS Working Papers*, 2015, vol. 502.
12. Calder K., Ye M. Regionalism and Critical Junctures: Explaining the «Organization Gap» in Northeast Asia. *The Journal of East Asian Studies*, 2004, vol. 4, no. 2, pp. 191-226.
13. Chantapaddepong P., Shim I. Correlations across Asia-Pacific bond markets and the impact of capital flow management measures. *Pacific-Basin Finance Journal*, 2015, vol. 34, pp. 71-101.
14. Chase K. A. Economic interests and regional trading arrangements: the case of NAFTA. *International Organization*, 2003, vol. 57, no. 1, pp. 137-174.

15. Dent C. Networking the Region? The Emergence and Impact of Asia–Pacific Bilateral Free Trade Agreements. *The Pacific Review*, 2003, vol. 16, no. 1, pp. 1-28.
16. Disruptive Innovation in Financial Services: a blueprint for digital. 2016. *World Economic Forum. Committed to Improving the State of the World*, 2016. 108 p.
17. Ernst D. *Partners for the China Circle? The Asian Production Networks of Japanese Electronics Firms*. Berkeley: BRIE Working Paper 91, 1997. Available at: <http://brie.berkeley.edu/publications/wp%2091.pdf> (Accessed: 12.12.2014)
18. Encarnation D.J. Asia and the Global Operations of Multinational Corporations. *Japanese Multinationals in Asia: Regional Operations in Comparative Perspective*. New York: Oxford University Press, 1999. Pp. 3-13.
19. European Innovation Scoreboard. 2016. Methodology Report. *European Innovation Scoreboards (EIS) project for the European Commission*, 2016. 30 p. Available at: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/17821>.
20. Higgott R. The Pacific and Beyond: APEC, ASEM and Regional Economic Management. *Economic Dynamism in the Asia–Pacific: The Growth of Integration and Competitiveness*. Thompson G. London: Routledge, 1998. Pp. 335-355.
21. Jones D.M., Smith M.L.R. Making process, not progress: ASEAN and the evolving East Asian regional order. *International Security*, 2007, vol. 32, no. 1, pp. 148-184.
22. Kuznetsova N.V. Cluster Analysis of Asian–Pacific Region Countries. *Actual Problems of Economics*, 2015, no. 6(168), pp. 74-83.
23. Kuznetsova N.V. Economic Integration of Northeast Asia. *World Applied Sciences Journal*, 2013, no. 25 (5), pp. 768-773.
24. Kuznetsova N.V. Economic Integration of Russia to the Northeast Asia. *World Applied Sciences Journal*, 2013, no. 27, pp. 180-185.
25. Kuznetsova N.V., Kocheva E.V., Matev N.A. The Analysis of Foreign Trade Activities of Russia and Asia–pacific Region. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, no. 6(2), pp. 736-744.
26. Kuznetsova N.V., Kocheva E.V., Matev N.A. Balance of Economic Development of APR Countries. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2015, vol. VI, no. 3(13), pp. 584-605.
27. Knowledge for Development (K4D). *The World Bank Institute's program on bulding Economies*. World Bank Institute. 2016. 30 p.
28. McCauley R. De-internationalising global banking? *Comparative Economic Studies*, 2014, pp. 1-14.
29. Milner H. Industries, Governments, and Regional Trade Blocs. *The Political Economy of Regionalism*. Mansfield E., Milner H. New York: Columbia University Press, 1997.
30. Pempel T.J. Restructuring Regional Ties. *Crisis as Catalyst: Asia's Dynamic Political Economy*. Macintyre A., Pempel T.J., Ravenhill J. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
31. Remolona E., Shim I. The rise of regional banking in Asia and the Pacific. *BIS Quarterly Review*, 2015, September, pp. 119-134.
32. *The Global Innovation Index 2016. The Global Innovation*. Cornell University, INSEAD, WIPO. 2016. 420 p.
33. *The Global Competitiveness Report 2013–2014*. Geneva: World Economic Forum, 2013. 166 p.
34. Vértesy D. *The Innovation Output Indicator 2016: Methodology update*. European Commission. 2016. DG JRC, COIN.
35. *World Bank Official Web-Site*. KI and KEI Indexes. Available at: <http://web.worldbank.org>

Information about the Authors

Natalia Victorovna Kuznetsova – Doctor of Economics, Professor, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (8, Sukhanov Street, Vladivostok, 690950, Russian Federation; e-mail: ipatovanat@mail.ru)

Ekaterina Victorovna Kocheva – Ph.D. in Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (8, Sukhanov Street, Vladivostok, 690950, Russian Federation; e-mail: kochevaev@mail.ru)

Статья поступила 07.10.2016.

Структура и динамика потребления домохозяйствами информационных товаров: региональный аспект*

**Александр Иванович
КУЗЬМИН**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29, к. 522
E-mail: kuz53@list.ru

**Светлана Николаевна
КОСТИНА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, пр. Мира, д. 19
E-mail: kostinasn@mail.ru

**Галина Алексеевна
БАННЫХ**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, пр. Мира, д. 19
E-mail: g.a.bannykh@urfu.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 14-13-66013/15 «Информационная культура жителей Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты».

Для цитирования: Кузьмин, А.И. Структура и динамика потребления домохозяйствами информационных товаров: региональный аспект / А.И. Кузьмин, С.Н. Костина, Г.А. Банных // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 171-191. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.9

For citation: Kuz'min A.I., Kostina S.N., Bannykh G.A. Structure and dynamics of household consumption of information goods: regional perspective. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 171-191. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.9

Аннотация. Последние два десятилетия показатели потребления информационных товаров населением РФ не только существенно отставали от аналогичных показателей развитых стран, но и одновременно сохранялось неравенство в потреблении между регионами России. Важность изучения потребления информационных товаров в условиях информационной экономики обусловлена тем, что степень удовлетворения потребностей отражает уровень благосостояния населения и является барометром инновационного развития, задает стимулы и ограничения модернизации и устойчивого долговременного роста национальной экономики. Статья посвящена рассмотрению современных структурных изменений потребления вспомогательных информационных товаров населением динамично развивающегося региона (Свердловской области) в условиях формирования информационной экономики. Применение методов экономико-статистического анализа, а также социологического опроса позволило выявить структуру и основные тренды потребления информационных товаров в РФ целом и Свердловской области. В статье рассматривается влияние на потребление информационных товаров домохозяйствами Свердловской области таких факторов, как принадлежность потребителей к возрастной группе, место постоянного проживания (город, село) и уровень доходов.

Ключевые слова: информационная экономика, потребление, информационные товары, домохозяйства, Свердловская область.

Развитие информационного общества, которое остается одной из приоритетных задач российского государства в современный период, ориентировано прежде всего на рост производства и потребления в информационной сфере. Изменение структуры потребления населением информационных благ в условиях формирования информационной экономики обусловлено различными факторами, среди которых важнейшее место занимают быстрые темпы появления и производства новых товаров и услуг в информационно-коммуникационной сфере и социокультурные особенности потребительского поведения различных социально-демографических групп населения. В то же время можно отметить сохраняющееся неравенство в обеспеченности информационно-коммуникационными благами (услугами, товарами, технологиями) населения России на нескольких уровнях: международном (по отношению к развитым странам), ре-

гиональном (между населением различных субъектов РФ), социальном (между представителями различных социально-демографических групп).

Несмотря на значительный интерес к проблемам информационного общества со стороны как представителей различных научных направлений (прежде всего экономистов и социологов), так и государственных структур, ответственных за его формирование в России, можно отметить недостаток работ, в которых был бы представлен анализ региональной специфики потребления домохозяйствами информационных благ. В соответствии с этим цель исследования состоит в рассмотрении современной структуры, характеристик и тенденций потребления отдельных видов информационных благ домохозяйствами такого динамично развивающегося региона, как Свердловская область, в условиях формирования информационной экономики.

Научная новизна работы заключается в попытке комплексного анализа специфики потребления вспомогательных информационных товаров, доступность которых во многом определяет информационное неравенство и между домохозяйствами, и регионами РФ.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования данных статьи органами государственной власти, производителями информационных товаров, исследователями, занимающимися проблемами информационного общества и информационной экономики, в том числе информационного неравенства.

Концептуальные подходы к проблеме потребления в информационно-коммуникационной сфере

Идея о том, что в основе современного общества лежит производство и распространение информации, появилась в 1960–1980-х гг. в работах таких известных зарубежных ученых, как Ф. Махлуп, Й. Масуда, Т. Стоуньер, Дж. Бенигер, М. Порат и другие. Информация как экономическая категория начала активно использоваться в экономических исследованиях в период информационной революции 1950–70-х гг., когда знания превратились в ключевой фактор производства. В то же время, по мнению Д. Белла, информация является специфическим товаром, среди особенностей которого можно выделить его социальный характер (потребляется не отдельным человеком, а обществом в целом), отсутствие физического потребления и износа, необходимость новых подходов к определению его ценности и цены [5].

Признание информации и знаний ключевым фактором развития современного общества привело к появлению ряда новых теорий – информационного общества,

общества знания, теории информационной экономики. Термин «информационная экономика» утвердился благодаря работам М. Пората, который разделил область материального производства и энергетики и область информации [25]. Таким образом, под информационной экономикой понимается экономика информационных благ и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Иными словами, она включает производство, распространение, потребление информационных благ, а также сферу информационно-коммуникационных технологий. При этом информационными благами принято считать блага, которые могут быть представлены в цифровой форме (книги, фильмы, телефонные разговоры и т.п.). Согласно этому критерию, информационные блага имеют материальную природу [1]. Рост информационно-коммуникативных технологий неизбежно ведет к росту в экономике, поскольку позволяет каждой отрасли улучшать качество производства товаров и услуг, а это неизбежно влечет за собой и увеличение потребления [22]. Прогресс в области ИКТ вызывает падение цен потребления и производства промежуточных продуктов для ИКТ-сектора, создавая стимулы для инвестиций в сектора, использующие их [26].

М. Кастельс уточняет термин «информационная экономика», говоря уже об *информационной и глобальной экономике, в которой* «производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» [10], что возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети.

Как отмечает *И.В. Манахова*, формирование информационной экономики повлекло за собой трансформацию всех аспектов потребления: структуры, характера, типа, качественных характеристик [13, с. 7].

Под потреблением в экономической науке понимается общее количество благ, приобретенных и потребленных в течение какого-то периода, а также использование потребительских благ, направленное на удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Потребление является одной из основных экономических категорий, носящих комплексный и одновременно противоречивый характер. С одной стороны, потребление связывается с доходом, сбережениями и инвестициями (анализу этого посвящены труды многих ученых: Дж. Кейнса, Р. Харрода и Э. Хансена, Дж. Дьюзенберри, Л. Клейна, М. Фридмана, Ф. Модильяни и др.), с другой — потребление изучается как характеристика поведения потребителей, связанная с их потребностями и мотивами, свободой выбора. В последнем случае речь идет о многочисленных теориях потребностей (К. Альдерфер, Д. МакКлелланд, А. Маслоу, Х. Муррей), теориях рационального поведения (М. Вебер, Г. Саймон, К. Эрроу, Г. Беккер, Р. Коуз, Ч. Бьюкенен, Д. Норт и Р. Фогель), теории неблагоприятного отбора и моральных рисков (Дж. Стиглиц, М. Спенс, К. Шапиро, Дж. Акерлоф) и т.д.

Формирование информационного общества и информационной экономики привело к изменениям в структуре конечного потребления: уменьшению доли товаров с низкой степенью вовлеченности, возрастанию диверсификации товаров и услуг, расширению видового ряда посреднических услуг, росту доли услуг в конечном потреблении, увеличению значения

эффектов потребительского поведения на формирование стратегии поведения потребителей [6].

На наш взгляд, именно субъективные, социокультурные факторы во многом определяют изменения характера потребления в информационной экономике. Резкий рост нематериальных, неутилитарных благ связан с реализацией духовных, интеллектуальных, творческих потребностей человека [14, с. 38]. Потребление приобретает разнообразный, индивидуализированный, ситуационный характер и напрямую зависит от стиля жизни. Демонстративное (престижное) потребление, направленное на формирование и поддержку определенного статуса, трансформируется в новый тип потребления — симулятивное (символическое), когда различного рода блага, потребляемые человеком, подменяются их символами. Данные типы поведения перестают быть характерными только для отдельных социальных групп (как, например, в теории праздного класса Т. Веблена демонстративное поведение приписывалось богатому, господствующему классу), приобретают массовый характер [19, с. 52]. Потребление не только наделяется функцией группового престижа, но и становится системой коммуникации и обмена, а также способом конструирования своего «Я» [21, с. 46]. Одной из главных характеристик информационных благ становится их символическая (имиджевая) ценность, формирующаяся на основе своеобразного отношения между потребителем и благом [24, с. 97], позволяющая потребителю формировать и поддерживать идентичность, принадлежность к референтной группе. Так, например, в связи с увеличением интереса населения к экологическим проблемам отмечается рост экологически чистого потребления информационных и коммуникационных технологий за

счет ограничения использования потенциально токсичных материалов в производстве электроники [18]. Можно выделить и другие особенности потребления, связанные с социокультурными факторами. Так, Д. Хорриган выделяет такую группу, как трендсеттеры или так называемые «прожорливые» потребители, которые активно покупают информационно-коммуникативные товары и услуги, тем самым предвзято их использование в обществе в дальнейшем [23].

Происходящие изменения во многом коснулись и качественных характеристик потребительских благ. Информационная экономика характеризуется ростом так называемых опытных товаров, т.е. сложных устройств, свойства которых возможно определить только в процессе эксплуатации (например, ноутбуки, мобильные телефоны) [24, с. 98]. При этом происходит быстрое устаревание благ, когда моральная амортизация обгоняет амортизацию физическую: вещи недоиспользованы, выходят из употребления задолго до их реального износа. В то же время происходит увеличение количества и сложности потребительских благ, причем они должны обладать не только ценностями полезности и новизны, но и символической ценностью, формирующейся на основе своеобразного отношения между потребителем и благом [14, с. 39].

Информационная экономика и информационное общество выдвинули на первый план такой вид потребительских благ, как информационные. Однако в настоящее время отсутствует единое понимание того, что представляют собой информационные блага. К ним обычно относят информационные товары, которые включают продукты информационной деятельности и вспомогательные продукты, т.е. обеспечивающие производство, хранение, об-

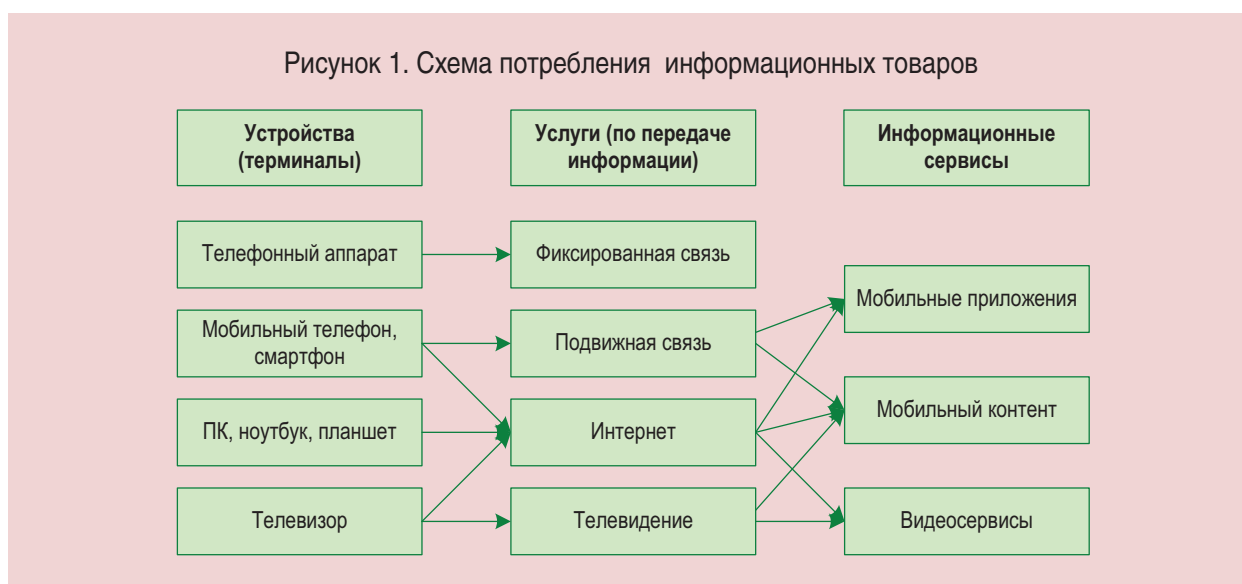
работку и распространение информации [7, с. 45]. В первом случае речь идет о различного рода информации (для бизнеса, для специалистов, образовательной, потребительской), необходимой для удовлетворения потребностей различных категорий пользователей [4, с. 65]. К вспомогательным информационным продуктам можно отнести информационно-коммуникационные технологии, информационные услуги и информационно-коммуникационные устройства, которые обеспечивают доступ к продуктам информационной деятельности и информационным технологиям.

В данном исследовании рассматривается специфика потребления вспомогательных информационных продуктов – информационно-коммуникационных технологий передачи информации и устройств (аппаратных средств), которые обеспечивают доступность для домохозяйств и удовлетворение потребностей в информации.

Согласно интегральной модели, предложенной Т.А. Кузовковой, пользователь информационно-коммуникационных (ИК) технологий потребляет и услугу связи, и информационный сервис в виде контента и приложений [12, с. 54]. При этом производители и поставщики услуг могут быть совершенно разными как по видам связи, так и по предлагаемым услугам. В производственном процессе создания ИК-услуг принимают участие одновременно и параллельно три вида производителей: операторы связи, обеспечивающие передачу информации и доступ к сетям; производители контента и агрегаторы ИК-услуг и других услуг (электронный банкинг, электронный магазин, управление «умным домом» и т.д.); провайдеры контента и сервиса.

В информационной экономике существенно изменилась структура услуг сферы связи. К ним относятся не только

Рисунок 1. Схема потребления информационных товаров

письменная корреспонденция (срок жизни — более трех столетий), телеграфные сообщения (более 150 лет), телефонные соединения со стационарных телефонных аппаратов (более 100 лет), но и телефонные соединения подвижной связи (более 30 лет). Следует учитывать, что появление новых услуг и средств связи не сразу и не полностью заменяет традиционные (старые) услуги. Так, снижение объемов письменной корреспонденции за последние 20 лет на порядок произошло за счет частных писем при относительном сохранении деловой переписки с документами, извещениями, напоминаниями и т.д. [12, с. 55].

В то же время потребление ИК-услуг домохозяйствами невозможно без соответствующих технических средств доступа к сетям связи, информационным сетям и ресурсам (телефона, ПК, телевизора и др.) (рис. 1). Таким образом, потребление ИК-услуг напрямую связано с потреблением информационно-коммуникационных устройств (ИК-устройств).

На современном этапе мы наблюдаем постоянное появление новых видов ИК-устройств в связи с развитием технологий и их достаточно быстрое «моральное уста-

ревание». Одновременно происходит «взаимопроникновение» выполняемых различными ИК-устройствами функций: так, современные ПК выполняют функции DVD-плеера, телевизора и отчасти устройств мобильной связи; мобильные телефоны приобрели функции видеокамеры и ПК; смарт-ТВ заменяет ПК. В результате ИК-устройства можно условно разделить на 2 группы: «базовые» устройства — телевизоры, ПК, мобильные телефоны; и ИК-устройства, потребительские функции которых могут полностью выполняться другими устройствами (видеомагнитофоны, видеокамеры, DVD-плееры).

Методы исследования

Оценка потребления ИК-устройств и ИК-услуг населением Свердловской области проводилась на основе статистических данных, представленных Федеральной службой государственной статистики РФ с 2000 по 2015 год включительно [17]. Необходимо отметить, что по ряду показателей статистическая информация в региональном разрезе систематически собиралась Росстатом только начиная с 2007 года. Одновременно Росстат собирает информацию по примерно сопоставимым

показателям с использованием различных методик (например, удельный вес домохозяйств, проживающих в домах, оборудованных стационарным телефоном; телефонная плотность фиксированной связи, включая таксофоны, на 100 человек населения; число телефонных аппаратов, включая местные и универсальные таксофоны, на 1000 человек населения в городской и сельской местности и т.д.). В соответствии с этим проблему представляет и отбор показателей для анализа.

Применяемая Росстатом методика сбора статистических данных по ИК-устройствам в домохозяйствах не позволяет полностью оценить их качественный состав. Так, например, категория «мобильные телефоны» включает в себя и смартфоны, «персональные компьютеры» — ноутбуки и планшетные компьютеры, категория «телевизоры» — смарт-ТВ. Отсутствует статистика по владению домохозяйствами устройствами ввода-вывода информации: принтерами, сканерами, многофункциональными устройствами.

Анализ качественных характеристик потребления был сделан на основе результатов проведенного нами в 2014–2015 гг. социологического опроса жителей Свердловской области. Исследование проводилось по репрезентативной выборке по возрасту (от 16 до 75 лет) и типу поселения (мегаполис, крупный, средний, малый город, сельские поселения). Итоговый массив составил 934 анкеты.

В ходе исследования для анализа полученных данных были использованы методы математической статистики. На основе динамических рядов данных были построены линии тренда методом экстраполяции с применением средств пакета Excel (в том числе полиномиальной аппроксимирующей кривой). Также применялся регресси-

онный и корреляционный анализ для выявления влияния отдельных факторов на изменение потребления ИК-устройств и ИК-услуг населением.

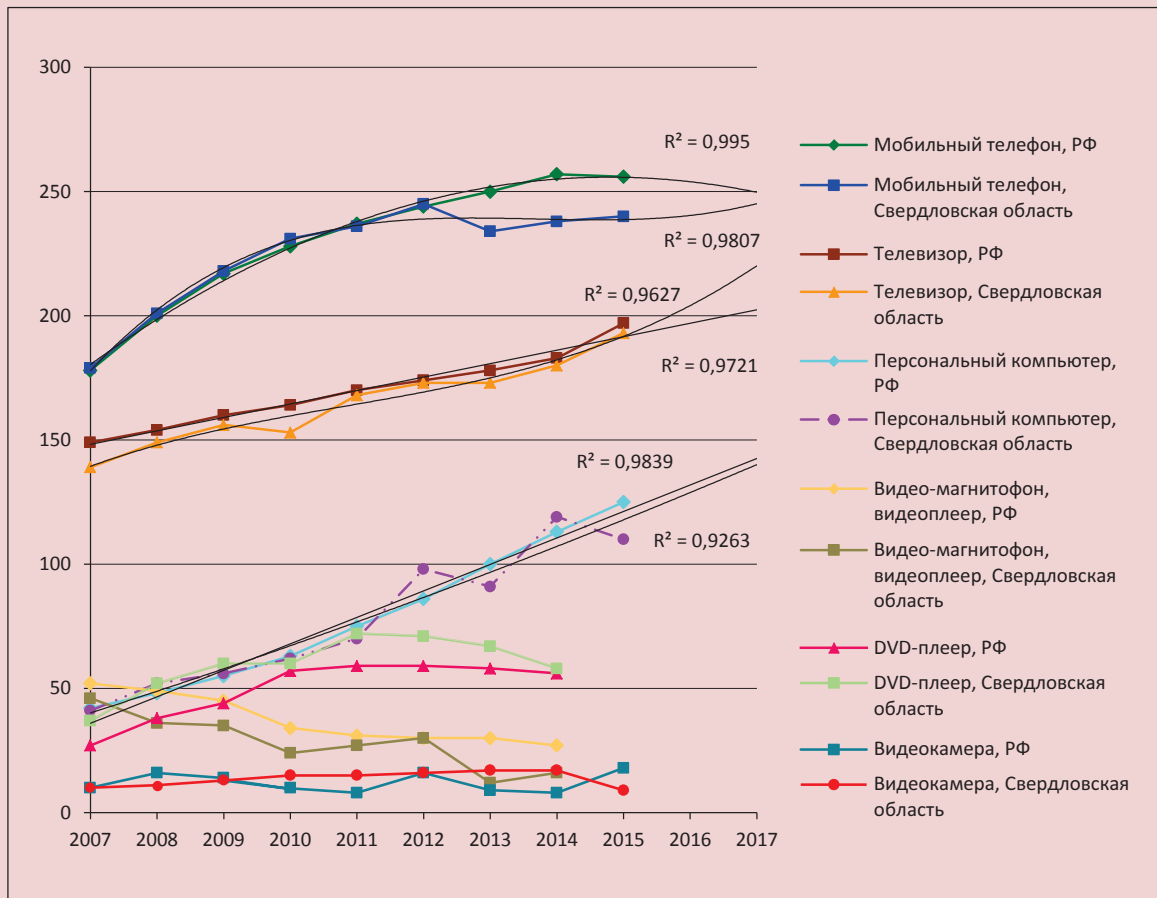
Особенности потребления домохозяйствами Свердловской области ИК-устройств

Рассмотрим показатели, характеризующие потребление информационных товаров длительного пользования, такие как количество телевизоров, мобильных телефонов, персональных компьютеров, видеомагнитофонов, DVD-плееров и видеокамер на 100 домохозяйств (рис. 2). За основу построения динамических рядов были взяты данные Росстата по РФ и Свердловской области.

Анализ динамики показателей потребления позволяет выявить современные тенденции в данной сфере. Наиболее быстрые темпы роста наблюдаются в категории персональных компьютеров (ПК). За период 2007–2014 гг. их количество выросло в 2,7 раза в среднем в РФ и в 2,9 раза в Свердловской области, составив 119 единиц на 100 домохозяйств. В 2015 году в Свердловской области, по данным Росгосстата, наблюдается некоторое снижение количества ПК — до 110 единиц на 100 домохозяйств.

В последние годы растет разнообразие устройств по работе с информацией и продолжается постепенное замещение настольных компьютеров портативными. По оценкам J'son & Partners Consulting, в России в 2015 году настольными ПК пользовались 53% семей, ноутбуками — 63%. Кроме того, за последние три года средняя розничная цена смартфона и планшетного ПК снизилась, даже с учетом повышения цен в 2015 году [20]. Данные устройства стали доступны для людей с практически любым уровнем дохода, и их продажи существенно увеличились.

Рисунок 2. Изменения количества ИК-устройств в среднем в РФ и в Свердловской области за период 2007–2017 гг., ед. на 100 домохозяйств

Источник: официальные данные Федеральной службы государственной статистики

В ходе проведения социологического опроса нами изучалось потребление не только класса устройств в целом, но и их видов: смартфонов, смарт-ТВ, планшетов и ноутбуков. Полученные результаты позволяют также сделать выводы о структуре потребления как семей, так и отдельных индивидов (табл. 1).

Судя по результатам опроса, в Свердловской области практически одинаковое количество семей владеют ноутбуками (81%) и компьютерами (86%), несколько меньшее их количество — планшетами (68%). Анализ показал, что не имеют ни-

каких ПК-устройств менее 7% населения области. Общий тренд, согласно проведенному анализу статистических данных ($R^2 = 0,97$), также направлен на дальнейший продолжающийся рост потребления ПК домохозяйствами (см. рис. 2).

Интересным представляется устойчивый рост количества телевизоров как в целом в РФ, так и в Свердловской области, где он составил 38,8% за 9 лет. В итоге в 2015 году на каждое домохозяйство в среднем приходилось 1,93 телевизора. Это подтверждают и данные нашего исследования: 66% опрошенных отметили, что их семья

Таблица 1. Оценка населением Свердловской области количества ИК-устройств, находящихся в личном и семейном владении, 2015 г., в % от числа ответивших

Количество устройств	Сотовый телефон		Смартфон		Планшет		Ноутбук		ПК		ТВ		Радио		Стационарный телефон		Смарт ТВ	
	Лично	Семья	Лично	Семья	Лично	Семья	Лично	Семья	Лично	Семья	Лично	Семья	Лично	Семья	Лично	Семья	Лично	Семья
Ни одного	5,4	5,2	38,0	27,9	48,4	32,3	27,8	18,7	27,2	15,9	10,2	2,5	41,2	36,9	41,6	30,3	63,0	57,0
Одно	80,3	17,9	55,9	26,8	49,3	49,6	66,1	47,4	68,2	64,6	65,4	31,7	55,7	46,3	56,0	59,4	34,6	33,6
Два	9,9	25,6	3,3	19,4	1,3	11,7	3,6	22,4	2,9	12,7	14,4	30,9	1,4	9,0	1,8	5,8	1,5	5,9
Три	2,5	25,3	1,3	15,4	0,2	3,3	1,5	7,1	0,8	4,2	7,6	24,4	0,9	4,3	0,2	2,3	0,9	2,4
Четыре	2,0	26,1	1,5	10,6	0,8	3,0	1,0	4,3	0,8	2,6	2,4	10,5	0,7	3,4	0,5	2,2	0,0	1,1

владеет двумя и более ТВ, каждая десятая семья имеет 4 телевизора. Второй и последующие телевизоры – это, прежде всего, «дачный» и «кухонный», далее – «спальный» и «детский».

Тенденция к росту наблюдается и в отношении потребления мобильных телефонов. Необходимо отметить, что если в целом по стране с 2007 года происходит устойчивый рост, то в Свердловской области в 2013 году мы наблюдаем падение количества телефонов у домохозяйств сразу на 11 единиц, после чего происходит медленный рост. В 2015 году в среднем на одно домохозяйство приходилось в РФ 2,56 мобильного телефона, в Свердловской области – 2,4. По другим данным Росстата, на 1000 населения в Свердловской области было 1852,6 мобильного телефона.

Потребление других ИК-устройств носит неустойчивый характер. Так, количество видеомэгафонов в период 2007–2014 гг. резко снизилось – более чем в 2 раза в РФ и практически в 3 раза в Свердловской области, что, безусловно, связано с его «моральным устареванием». Практически в такой же ситуации на данный момент оказались и DVD-устройства – «пик» их потребления пришелся на 2011 год, далее мы наблюдаем тенденцию к снижению

их количества. Оценить уровень потребления видеомэгафонов и DVD-плееров в настоящий период затруднительно в связи с тем, что с 2015 года в официальной статистике данные по ним собираются вместе. В 2015 году в целом количество этих устройств составило на 100 домохозяйств по РФ 43 единицы, в Свердловской области – 39 единиц.

Более противоречивая ситуация наблюдается с видеомэгафонов. В целом по РФ количество данных устройств у домохозяйств изменялось в анализируемом периоде скачкообразно, хотя в итоге с 2007 к концу 2015 года произошел рост в 1,8 раза (с 10 до 18 единиц на 100 домохозяйств). В Свердловской области рост количества видеомэгафонов у домохозяйств носил до 2014 года устойчивый характер, а в 2015 году произошло резкое падение – с 17 до 9 единиц на 100 домохозяйств.

В рамках исследования нами был выполнен прогноз потребления основных ИК-устройств методом экстраполяции полученных рядов данных на ближайшие 2 года (см. рис. 2). Трендовый прогноз показывает (величина достоверности аппроксимации $R^2 = 0,99$), что в ближайшей перспективе количество мобильных телефонов в РФ в целом не только не будет

расти, но и, скорее всего, начнет незначительно снижаться, а в Свердловской области будет наблюдаться дальнейший рост до среднего по России значения. Анализ линии тренда позволяет высказать предположения о дальнейшем росте потребления домохозяйствами телевизоров и персональных компьютеров как в целом по стране, так и в регионе. Выявленные тенденции подтверждаются и результатами прогноза, который сделан рядом авторов и согласно которому число ПК возрастет с 99 млн. в 2015 г. до 120 млн. к 2020 г. [16]. Однако, по мнению экономистов Аналитического центра при Президенте России, в 2005–2014 гг. произошло массовое обновление товаров длительного пользования у россиян, особенно в больших городах, что в первую очередь коснулось и компьютерной техники, и устройств связи. Россия в данный период обгоняла большинство стран мира по покупкам товаров длительного пользования и показывала одну из самых высоких долей расходов (15%) на них. При этом, скорее всего, к 2013 году уровни насыщения при сложившейся социальной структуре были достигнуты [8]. Это, безусловно, влияет на возможный размах колебаний покупок в условиях экономических спадов или затруднений.

Изменение структуры и объемов потребления информационных товаров происходит под влиянием различных факторов. В работах отечественных исследователей обращается внимание на следующие их группы:

- 1) технико-технологические: инновационный характер развития технических средств и сетей, доступность и качество ИК-услуг и устройств, модели производства и реализации ИК-услуг и устройств;
- 2) социально-экономические: темпы роста ВВП и регионального валового продукта, размер инфляции, уровень доходов

домохозяйств, доля расходов на ИК-услуги и устройства в бюджете семьи, степень применения инфокоммуникационных технологий в экономической деятельности;

3) социально-демографические: численность населения, численность занятых в экономике, половозрастной состав пользователей, территориальная структура населения (проживающего в городской и сельской местности, по регионам);

4) социально-психологические: принадлежность потребителей к социальной группе, характер деятельности, степень приверженности к виду ИКТ, готовность к освоению новых ИК-услуг и устройств.

Анализ результатов опроса и статистических данных показал, что на потребление ИК-устройств оказывают основное влияние три фактора: возраст потребителей, тип поселения постоянного проживания и среднедушевые доходы домохозяйств.

Проведенный нами анализ статистической информации выявил высокую степень зависимости между показателями среднедушевых расходов домохозяйств на конечное потребление и количеством телевизоров (коэффициент регрессии R^2 равен 0,93 при значении F 0,000089), мобильных телефонов (R^2 равен 0,96 при $F = 0,000019$) и ПК (R^2 равен 0,92 при $F = 0,00014$) на 100 домохозяйств. Для таких ИК-устройств, как видеомэгафоны, видеокамеры и DVD-плееры, данная зависимость носит менее значимый характер.

Принадлежность к возрастной группе является одним из наиболее значимых факторов, определяющих особенности потребления как отдельных индивидов, так и домохозяйств. В большинстве исследований выделяют три основные возрастные группы: молодежь — до 30 лет, «взрослые» — от 30 до 55 и люди старшего поколения — от 55 лет. Возрастные особенности потребления в сфере ИКТ, на наш взгляд, связа-

ны как с экономическими характеристиками (уровень образования, занятость и, соответственно, среднедушевые доходы), так и социально-психологическими (цели, готовность и навыки использования различных ИК-устройств).

Молодежь до 30 лет – группа, наиболее активно использующая и осваивающая новые ИК-устройства и средства связи, которые являются основой их стиля жизни. Представители данной группы обладают и наиболее развитыми навыками использования ИК-устройств. В то же время рост потребления этой группы в сфере ИК-устройств и услуг сдерживается относительно низким уровнем доходов, направленностью расходов молодых домохозяйств на покупку жилья, автомобиля.

Большинство потребителей в возрасте 30–55 лет находятся на пике трудовой активности и отличаются высокой занятостью и, соответственно, высоким уровнем доходов. Данная возрастная группа придерживается кредитной модели потребления, которая предполагает, что расходуются больше, чем получено в виде текущего дохода [14, с. 40]. Следовательно, представители этой возрастной группы являются основными потребителями товаров длительного пользования, в том числе ИК-устройств.

Особенности потребления информационных товаров представителями старшей возрастной группы связаны с несколькими характеристиками. Во-первых, зачастую, даже при условии наличия сбережений, пожилой потребитель реализует стратегию экономии средств. В то же время потребность в сохранении стиля жизни обуславливает компенсирующее покупательское поведение, когда на фоне реализации стратегии экономии пенсионеры нередко приобретают относительно дорогие товары и

услуги [2, с. 4]. Одним из важных факторов, влияющих на потребление информационных товаров старшей возрастной группой, выступает низкий уровень навыков использования ИК-устройств и современных систем связи, что отмечается в ряде отечественных и зарубежных исследований.

С переходом к более старшим возрастным группам потребителей отмечается тенденция роста предпочтений ими «традиционных» технических устройств. Наоборот, прогрессивные, «новые», «нестандартные» пока еще технические устройства приобретаются чаще в молодом возрасте: если одним смартфоном владеет 68% молодежи, то в возрасте старше 60 лет – только 17% (коэффициент Крамера = 0,263, значим); одним планшетом лично владеет 63% молодежи и 62% людей среднего возраста, однако среди людей старшего возраста один планшет имеется лишь у 27% опрошенных (коэффициент Крамера = 0,140, значим).

Следует отметить существенные отличия в характере потребления ИК-устройств в зависимости от места проживания потребителей. Жители мегаполиса и крупных городов являются основными владельцами смартфонов – они имеются у 77% опрошенных, среди жителей сельской местности – только у 32%. У населения сел и малых городов Свердловской области преобладают «простые» мобильные телефоны (86% опрошенных). Для жителей крупных городов, прежде всего Екатеринбурга, мобильный телефон в основном служит «дополнением» к смартфону – вторым (25%) или даже третьим (5%). Жители мегаполиса являются основными владельцами телевизоров со смарт-технологией (41% опрошенных екатеринбуржцев). В остальных населенных пунктах региона большая часть (около 70%) населения пользуется «обычными» телевизорами.

Таблица 2. Частота покупки новых технических устройств для работы с информацией населением Свердловской области в 2015 г., % от числа ответивших

Частота покупки	Сотовый телефон	Смартфон	Планшет	Ноутбук	Компьютер	ТВ	Смарт-ТВ
Раз в месяц	1,2	1,2	1,2	0,6	0,9	0,6	1,8
Раз в полгода	2,8	4,0	2,7	2,0	2,4	1,9	3,2
Раз в год	10,0	11,4	4,6	3,1	2,0	2,7	3,9
Раз в 2–3 года	30,0	25,9	19,4	13,8	8,4	7,4	3,6
Раз в 4–5 лет	21,7	15,0	17,5	24,2	20,4	17,4	12,5
Реже одного раза в 5 лет	34,3	42,5	54,7	56,4	65,9	69,9	75,0
Сумма	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. Оценка населением Свердловской области полноты использования функциональных возможностей находящихся во владении ИК-устройств в 2015 г., в % от числа ответивших

Полнота использования	Сотовый телефон	Смартфон	Планшет	Ноутбук	Компьютер	ТВ	Смарт-ТВ
Не умею пользоваться	1,9	22,9	19,0	10,8	5,3	0,7	31,3
На 10–20%	12,7	7,7	12,5	12,0	11,1	5,4	14,8
На 30–50%	23,4	21,3	21,5	22,6	23,1	16,3	13,5
На 60–80%	25,7	22,0	22,0	24,9	27,2	22,2	14,4
На 100%	36,3	26,0	24,9	29,6	33,4	55,4	26,0
Сумма	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Одним из факторов, влияющих на потребление домохозяйствами ИКТ-устройств, на наш взгляд, выступает интерес населения к появлению новинок на рынке технических устройств, что в условиях информационного общества и НТП служит индикатором ожидаемой востребованности возникающих продуктов и услуг. Наибольшую заинтересованность в новинках технических устройств проявляет молодежь (27% опрошенных) и мужчины в целом (22%), наименьший – жители сельской местности.

В ходе опроса была выявлена средняя частота приобретения домохозяйствами Свердловской области ИК-товаров длительного пользования: практически каждый третий покупает сотовый телефон, смартфон в среднем один раз в 2–3 года; планшет, ноутбук, компьютер, телевизор и смарт-ТВ большинство населения покупает реже одного раза в 5 лет (табл. 2).

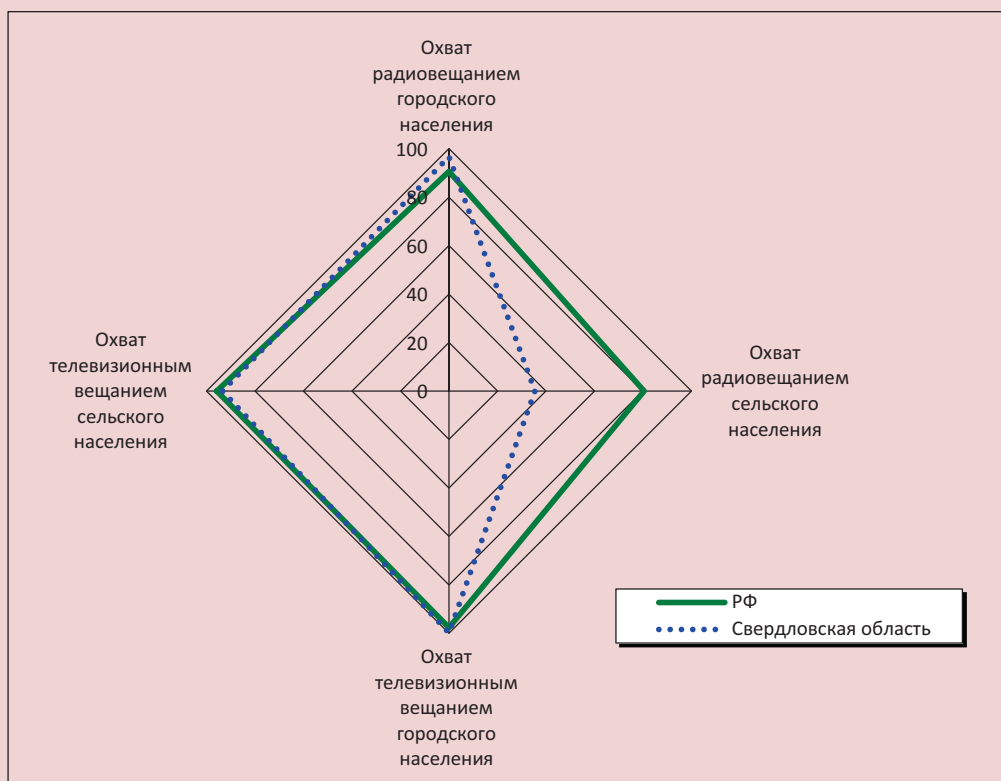
На наш взгляд, значительной особенностью потребления домохозяйствами ИКТ-устройств выступает неполное использование их функциональных свойств. Как видно из данных *таблицы 3*, только около трети потребителей считает, что использует свойства своих ИКТ-устройств на 100% (за исключением ТВ).

Тенденции потребления домохозяйствами ИК-услуг

Рассмотрим основные тенденции потребления домохозяйствами Свердловской области ИК-услуг. В данном случае к ним мы относим услуги связи, предоставляемые операторами стационарной и сотовой связи, Интернет, аналоговое и цифровое телевидение (ЦЭТВ), радио.

Радио, являющееся старейшим видом ИК-связи, постепенно утрачивает свое значение по мере развития других информационных технологий. На конец 2015 года, согласно данным Росстата, охват

Рисунок 3. Охват радио- и телевещанием городского и сельского населения РФ в целом и Свердловской области на конец 2015 г.

Источник: официальные данные Федеральной службы государственной статистики.

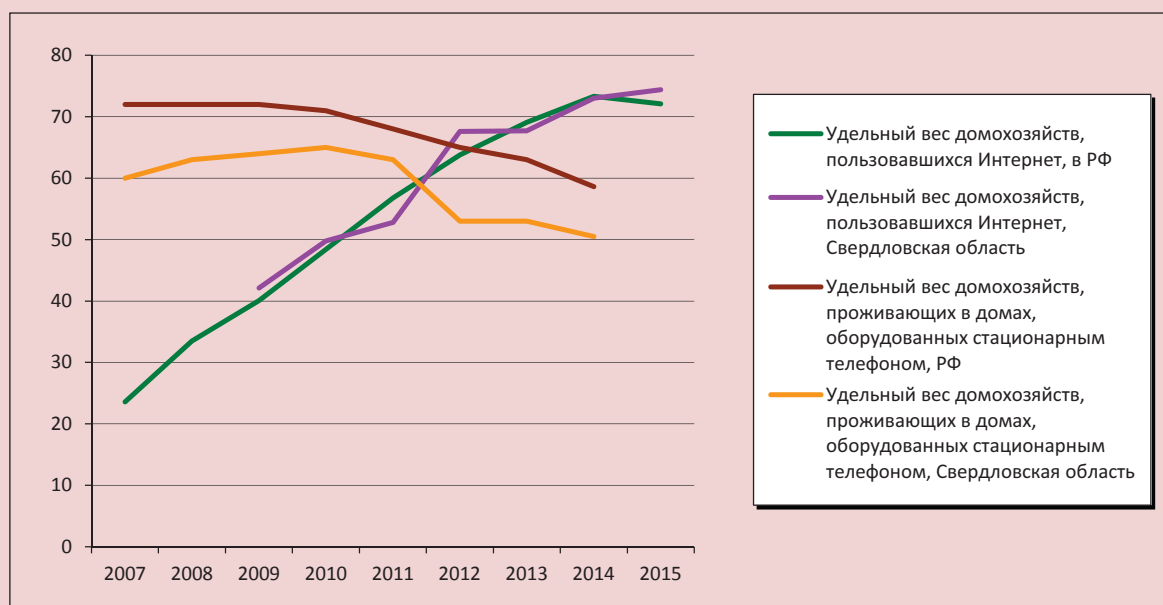
населения радиовещанием составил в среднем по РФ более 80% (рис. 3). В Свердловской области значения данных показателей существенно отличаются: если в городе охват выше, чем в среднем по России (96,7%), то на селе — более чем в 2 раза ниже (35,4%).

Сегодня телевидение остается наиболее массовой и востребованной ИК-услугой. По данным Росстата, на конец 2015 г. не менее чем одной телевизионной программой охвачено 97,6% городского и 95,8% сельского населения страны. В Свердловской области охват городского населения составляет по состоянию на 3-й квартал 2015 года практически 100%, сельского — 93,4%. Однако в данных показателях не учитывается доля цифрового вещания,

развитие которого является приоритетным для России направлением в сфере ИКТ. Эксперты J'son & Partners провели анализ данных российской телевизионной и радиовещательной сети, согласно которому технический охват ЦЭТВ в городах с населением 100 000 и более жителей и высоким качеством жизни составил 90%, в городах со средним и низким уровнем экономического развития — 56,8% [3].

Одним из важнейших показателей развития информационного общества выступает использование населением стационарной связи. В странах Европы данный показатель достигает 95%. В РФ, начиная с 2009 года, мы наблюдаем тенденцию к снижению численности домохозяйств, проживающих в домах, оборудованных стацио-

Рисунок 4. Удельный вес домохозяйств, проживающих в домах, оборудованных стационарным телефоном, и пользовавшихся Интернет в РФ и Свердловской области в 2007–2015 гг.

Источник: официальные данные Федеральной службы государственной статистики.

нарным телефоном (рис. 4). Для сравнения мы взяли другой показатель, по которому Росстатом собирается статистическая информация, — число телефонных аппаратов, включая местные и универсальные таксофоны, на 1000 человек населения в городской и сельской местности. Максимального уровня в Свердловской области эти показатели достигли в 2008 году, когда в городской местности было 378,1 аппарата на 1000 населения (в РФ в целом — 382,2), а в сельской — 132,5 (в РФ в целом — 143,8). К концу 2015 года значения этих показателей снизились до 288,9 шт. в городе (в РФ в целом — 318,6) и 104,8 шт. на селе (в РФ в целом — 122).

Свердловская область повторяет в основном общероссийскую тенденцию, хотя мы можем наблюдать и значительную региональную специфику: во-первых, более низкие значения показателей, во-вторых, более высокие темпы их снижения. Коли-

чество квартирных телефонных аппаратов сети общего пользования изменялось также в рамках этой тенденции. Пик в целом по РФ пришелся на 2008 год — 280,4 квартирных телефона на 1000 населения в городской местности и 119,4 — в сельской. Свердловская область в 2014 году занимала 52 место среди всех субъектов РФ по количеству квартирных телефонов в сельской местности (109) и 55-е — по аналогичному показателю в городской местности (186,5).

Если потребление услуг стационарной телефонной связи в последние годы снижается, то мобильная связь становится все более востребованной. Судя по данным мониторинга информационного общества за период 2010–2015 гг., опубликованного Высшей школой экономики, в России отмечается один из самых высоких в мире показателей распространения сотовой связи — 151 активный абонент на 100 человек населения, что превосходит даже

уровень развитых стран, где приходится 120 на 100 человек [9, с. 32]. Согласно данным «ТМТ консалтинг», наблюдаются также значительные темпы роста числа абонентов сотовой связи: в 2013 году – на 12,9 млн., в 2014-м – 3,5 млн., в 2015 году абонентские базы российских сотовых операторов увеличились более чем на 11,6 млн. подписчиков. На конец 2015 г. в России было 251,8 млн. сотовых абонентов, что составляет 178 абонентов на 100 человек населения. «МТС» обслуживала 77,3 млн. подписчиков, «Мегафон» – 74,8 млн., «Вымпелком» – 59,8 млн., «Tele2» – 37,3 млн. [15]. Официальные данные по этому показателю в регионах, к сожалению, отсутствуют.

Кроме того, важнейшим средством получения информации для населения становится Интернет, в том числе это не только «домашние» сети коммутируемого доступа с использованием модема и телефонной сети общего пользования, но и широкополосный или высокоскоростной доступ в Интернет (ШПД), а также мобильный Интернет.

Российский рынок по числу фиксированных пользователей ШПД занимает 1-е место в Европе и 4-е место в мире после Китая, США и Японии. По проникновению Россия занимает 8-е место среди 10 крупнейших мировых рынков фиксированного ШПД, опережая Китай и Бразилию. В России, по оценкам J'son & Partners Consulting, тарифы со скоростью 1 Мбит/с и ниже практически ушли в прошлое, на их долю приходится не более 3% подключений. В то же время менее 1 % домохозяйств пользуются услугой доступа в Интернет на скоростях более 100 Мбит/с [16]. По данным «ТМТ Консалтинг», по итогам второго квартала 2016 года количество абонентов широкополосного доступа в Интернет в сегменте частных лиц в России составило 30,4 млн., проникновение – 55% [20].

Как видно из приведенных данных (см. рис. 4), удельный вес домохозяйств, использовавших Интернет, в Свердловской области на конец 2015 года составил 74,4%. Количество пользователей за 6 лет, начиная с 2009 года, выросло в 1,7 раза, что в целом повторяет общероссийскую тенденцию. Экстраполяция полученного ряда данных показывает, что тенденция к росту в ближайшем периоде будет сохраняться.

Еще более активному потреблению Интернет домохозяйствами способствует быстрое распространение стандарта связи четвертого поколения (LTE), который позволяет снижать себестоимость услуг передачи данных в 6 раз по сравнению с 3G, что в конечном итоге снижает стоимость мобильного Интернета и телевидения для конечных потребителей. Свердловская область по итогам 2014 года заняла 4 место среди регионов России по количеству базовых станций LTE на 1000 жителей с показателем 1072, лидером же является Москва, у которой 6763 станции на 1000 населения [16].

Статистические данные Росстата показывают также незначительное изменение стоимости услуг связи даже в кризисный период 2014–2015 годов (табл. 4).

Так, стоимость услуг сети местной телефонной связи в Свердловской области в 2015 году по сравнению с предыдущим периодом составила 103,2%, месячная абонентская плата за мобильный Интернет – 102,3%, месячная абонентская плата за доступ к сети Интернет – 101%.

При этом доля расходов на связь в потребительских расходах населения постоянно снижается. Так, в 2009 году она составляла по РФ в среднем 3,8%, а в 2015 г. упала до 3,2%. В Свердловской области мы наблюдаем пик роста доли услуг в потребительских расходах населения в 2011 г. в 4%, далее происходит постепенное снижение – до 2,8% в 2015 г.

Таблица 4. Стоимость и объем услуг связи в Свердловской области в 2010–2015 гг.

Год	Изменение стоимости услуг сети местной телефонной связи (% к предыдущему периоду)	Изменение абонентской платы за мобильный Интернет, месяц (% к предыдущему периоду)	Изменение абонентской платы за доступ к сети Интернет, месяц (% к предыдущему периоду)	Объем оказанных населению услуг связи, в расчете на одного жителя (руб.)
2010	110,8	...	91,7	4537,9
2011	108,8	...	99,3	4774,7
2012	106,1	...	98,7	5372,1
2013	106,1	...	100,8	5666,9
2014	101,6	102,5	101,5	5413,5
2015	103,2	102,3	101,0	5480,2
... – нет данных.				

Таблица 5. Распределение групп населения в зависимости от уровня дохода и затрат на услуги связи в 2015 г., в % от числа ответивших

Затраты в месяц на услуги связи, руб.	Самооценка финансовых возможностей				
	Денег не хватает ни на что	Денег хватает только на еду и самое необходимое	Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	Денег хватает на покупку автомобиля, недвижимости	Денег хватает на все
Менее 300	16,2	13,4	3,6	2,4	4,8
300–500	28,4	25,1	25,6	7,3	11,3
501–1000	40,5	39,2	45,2	29,3	37,1
1001–1500	8,1	12,5	15,8	19,5	21,0
1501–2000	5,4	6,3	8,3	22,0	9,7
2001–3000	0,0	1,6	1,2	9,8	3,2
Более 3000	1,4	1,9	0,3	9,8	12,9

Как показал регрессионный анализ, доля расходов на связь прежде всего зависит от стоимости услуг связи ($R^2 = 0,7676$) и не зависит от роста потребительских расходов домохозяйств в целом.

Согласно исследованиям, удельные расходы потребителей на инфокоммуникационные услуги или доходы отрасли ИК растут более высокими темпами (3,86 раза), чем душевой ВВП (3,66 раза) [14, с. 40].

Корреляционный анализ результатов опроса показал зависимость величины ежемесячных расходов населения на услуги связи от таких характеристик, как возраст (коэффициент Крамера = 0,159, значим) и уровень доходов (коэффициент Крамера = 0,185, значим). Так, 81% опрошенных в возрасте от 60 до 75 лет тратит в месяц не более 1000 рублей на оплату услуг, связанных с информационным потре-

блением, в то время как у 28% молодежи и 29% людей среднего возраста соответствующие затраты составляют от 1000 до 3000 рублей и более.

Как видно из *таблицы 5*, самые большие суммы на удовлетворение потребностей в услугах связи тратят самые высокодоходные слои населения. Если 22% от числа тех, кто может себе позволить покупку товаров длительного пользования (ТДП), тратят в месяц от 1500 до 2000 рублей на оплату информационных услуг, то в категории самых низкодоходных слоев населения таких только 5,4%.

Заключение

Потребление ИК-устройств и услуг в информационной экономике остается достаточно динамично развивающейся сферой. Проведенный анализ показал, что в последние 10–15 лет происходят посто-

янные изменения структуры потребления домохозяйствами информационных товаров за счет достаточно быстрого появления новых устройств (например, смарт-ТВ) и услуг (мобильный Интернет, широкополосный Интернет) и «морального устаревания» старых (видеомагнитофоны, стационарная связь и т.д.).

Выявленные тенденции позволяют сделать выводы о дальнейшем росте количества в домохозяйствах таких «базовых» на сегодняшний период ИК-устройств, как телевизоры, ПК, мобильные телефоны, при этом все данные устройства постепенно переходят из категории общего пользования домохозяйством в категории персонального использования. Хотя в целом потребление ИК-устройств населением Свердловской области повторяет общероссийские тенденции, можно выделить и ряд региональных особенностей, например более высокие темпы роста количества ПК в домохозяйствах и отрицательные тенденции изменения количества мобильных телефонов.

Динамика потребления ИК-услуг населением также связана с ростом использова-

ния наиболее современных их видов — цифрового телевидения, мобильной связи, широкополосного Интернета — с одновременной отрицательной динамикой радиовещания и стационарной связи. В Свердловской области эти тенденции выражены даже сильнее, чем в РФ в целом. При этом необходимо отметить усиливающиеся диспропорции между городскими и сельскими поселениями Свердловской области по охвату всеми видами ИК-услуг.

Проведенный анализ позволил выявить основные факторы, оказывающие влияние на потребление ИК-устройств и услуг, — это возраст потребителей, место проживания (город, село) и уровень доходов.

Дальнейшее формирование информационной экономики в РФ в целом и в Свердловской области в частности находится в прямой взаимосвязи с потреблением населением информационных товаров, в том числе вспомогательных. Это требует как более глубокого анализа происходящих процессов экономической наукой, так и усиления мер со стороны государственных органов по развитию информационной инфраструктуры региона.

Литература

1. Антипина, О.Н. Ценообразование в информационной экономике: автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра эконом. наук / О.Н. Антипина. — М., 2009. — 53 с.
2. Асташова, Ю.В. Анализ трансформации поведения пожилых потребителей в рамках концепции геронтомаркетинга / Ю.В. Асташова // Науковедение. — 2015. — Т. 7. — № 4 (29). — С. 1-9.
3. Атлас рынка услуг платного телевидения в России, 2014–2020 гг. Итоги 2015 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/atlas-platnogo-televideniya-rossii-2014-2020-gg-itogi-2015-goda-20160422125121 (дата обращения: 10.09.2016 г.).
4. Байрамукова, А.С. Рынок информационных продуктов и услуг: особенности формирования, структура / А.С. Байрамукова // Пространство экономики. — 2008. — № 2-3. — С. 65-68.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / Д. Белл. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Academia, 2004. — 788 с.
6. Вишневская, Е.Л. Динамика структуры потребления в информационном обществе: автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н. / Е.Л. Вишневская. — М., 2015.

7. Ерёмин, В.Н. Маркетинг: основы и маркетинг информации: учебник / В.Н. Ерёмин. – М.: КНОРУС, 2009. – 656 с.
8. Динамика потребления населения России в условиях кризиса: бюллетень социально-экономического кризиса в России. – М.: Аналитический центр при Правительстве России, 2015. – № 4. – 23 с.
9. Индикаторы информационного общества: 2016: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, М.А. Кевеш и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 304 с.
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / М. Кастельс; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
11. Кузовкова, Т.А. Методический аппарат комплексного прогнозирования развития инфокоммуникаций / Т.А. Кузовкова, М.А. Женчур, А.Д. Кузовков // Системы управления, связи и безопасности. – 2016. – № 1. – С. 146-190.
12. Кузовкова, Т.А. Трансформация модели производства и потребления инфокоммуникационных услуг / Т.А. Кузовкова // Т_Comm. – 2014. – № 7. – Т. 8. – С. 54-56.
13. Манахова, И.В. Трансформация потребления в информационной экономике: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра эконом. наук / И.В. Манахова. – М., 2014. – 26 с.
14. Манахова, И.В. Трансформация социально-экономического содержания потребления / И.В. Манахова // Известия Саратовского ун-та. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12. – № 4 – С. 38-40.
15. Операторы раздувают абонентские базы // Ведомости. – 2016. – № 4054. – 13 апр.
16. Основные показатели рынка фиксированного ШПД в России. Прогноз развития до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/osnovnye-pokazateli-gynka-fiksirovannogo-shpd-v-rossii-prognoz-razvitiya-do-2025-goda-20160203113313 (дата обращения: 10.09.2016 г.)
17. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
18. Погудаева, М.Ю. Особенности поведения потребителя в условиях информационной экономики / М.Ю. Погудаева, Я.А. Семенова-Слабкович // Экономический журнал. – 2012. – №28. – С. 96-104.
19. Радина, Н.К. Демонстративное поведение современных подростков: социально-психологические особенности / Н.К. Радина, Н.В. Шайдакова, И.Н. Мохнаткина // Социальная психология и общество. – 2013. – № 1. – С.52-66.
20. ТМТ-рейтинг: Российский рынок ШПД в сегменте «Население» – итоги 2 квартала 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tmt-consulting.ru/napravleniya/telekommunikacii/tmt-rejting-rossijskij-gynok-shpd-v-segmente-naselenie-itogi-2-kvartala-2016-goda/> (дата обращения: 10.09.2016 г.)
21. Фуркин, Б.А. Символическое потребление и человек в информационном обществе / Б.А. Фуркин // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 6 (50). – С. 45-50.
22. Gille, L. Information and communication technologies. Positive effects on employment / L. Gille, R. Marti, D.Zmiro // SESSI. – 2000. – № 133.
23. Horrigan, John B. Consumption of information goods and services in the U.S. // Pew Research Centre. – 2003. – November 23. – Режим доступа: <http://www.pewinternet.org/2003/11/23/consumption-of-information-goods-and-services-in-the-u-s/> (дата обращения: 10.09.2016 г.)
24. Milovantseva, N. Are American households willing to pay a premium for greening consumption of Information and Communication Technologies? // Journal of cleaner production. – 2016. – Т. 127. – P. 282-288.
25. Porat, Mark Uri. The Information Economy: Definition and Measurement. – Washington: U.S. Dept. of Commerce, Office of Telecommunications, 1977.
26. Vourvachaki, E. Information and Communication Technologies in a Multi-Sector Endogenous Growth Model. CERGE-EI – 2009. – May. – P. 2.

Сведения об авторах

Александр Иванович Кузьмин – кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, к. 522; e-mail: kuz53@list.ru)

Светлана Николаевна Костина – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, пр. Мира, д. 19; e-mail: kostinasn@mail.ru)

Галина Алексеевна Банных – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, пр. Мира, д. 19; e-mail: g.a.bannykh@urfu.ru)

Kuz'min A.I., Kostina S.N., Bannykh G.A.

Structure and Dynamics of Household Consumption of Information Goods: Regional Perspective

Abstract. Over the past two decades, the indicators of consumption of information goods by the Russian population have been significantly behind the similar indicators in developed countries, which was accompanied by inequality in consumption between Russian regions. The importance of studying consumption of information goods in information economy is due to the fact that the degree of satisfaction of needs reflects the level of population's welfare and is an indicator of innovative development which defines the incentives and constraints of modernization and long-term sustainable growth of the national economy. The article is devoted to contemporary structural changes in consumption of auxiliary information goods by the population of a dynamically developing region (the Sverdlovsk Oblast) amid the development of information economy. The use of methods of economic-statistical analysis and sociological survey has helped identify the structure and main trends in consumption of information goods in Russia in general and in the Sverdlovsk Oblast in particular. The article reviews the impact of factors such as consumers' age group, place of residence (town, village) and income level on household consumption of goods in the Sverdlovsk Oblast.

Key words: information economy, consumption, information products, household, Sverdlovsk Oblast.

References

1. Antipina O.N. *Tsenoobrazovanie v informatsionnoi ekonomike. avtoref. dis. na soisk. uch. st. d-ra ekonom. nauk* [Pricing in information economy: Doctor of Economics dissertation abstract]. Moscow, 2009. 53 p. (In Russian).
2. Astashova Yu.V. Analiz transformatsii povedeniya pozhilykh potrebitelei v ramkakh kontseptsii gerontomarketinga [The analysis of transformation of behaviour of elderly consumers within the concept of the gerontomarketing]. *Naukovedenie*, 2015, vol. 7, no. 4 (29), pp. 1-9. (In Russian).
3. *Atlas rynka uslug platnogo televideniya v Rossii, 2014–2020 gg. Itogi 2015 goda* [Atlas of pay television services market in Russia, 2014–2020. Results of 2015]. Available at: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/atlas-platnogo-televideniya-rossii-2014-2020-gg-itogi-2015-goda-20160422125121 (Accessed: 10.09.2016). (In Russian).
4. Bairamukova A.S. Rynok informatsionnykh produktov i uslug: osobennosti formirovaniya, struktura [Market of information goods and services: specific features of formation, structure]. *Prostranstvo ekonomiki* [Economic environment], 2008, no. 2–3, pp. 65-68. (In Russian).

5. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya: per. s angl.* [The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting]. Translated from English. 2nd edition, revised and updated. Moscow: Academia, 2004. 788 p. (In Russian).
6. Vishnevskaya E.L. *Dinamika struktury potrebleniya v informatsionnom obshchestve: avtoref. dis. na soisk. uch. st. k.e.n.* [Dynamics of consumption structure in information society: Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Moscow, 2015. (In Russian).
7. Eremin V.N. *Marketing: osnovy i marketing informatsii: uchebnik* [Marketing: basics and information marketing: textbook]. Moscow: KNORUS, 2009. 656 p. (In Russian).
8. *Dinamika potrebleniya naseleniya Rossii v usloviyakh krizisa: byulleten' sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa v Rossii* [Dynamics of consumptions of the Russian population amid crisis: bulletin of the socio-economic crisis in Russia]. Moscow: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossii, 2015, no. 4, 23 p. (In Russian).
9. G.I. Abdrakhmanova, Gokhberg L.M., Kevesh M.A. et al. *Indikatory informatsionnogo obshchestva: 2016: statisticheskii sbornik* [Indicators of information society: 2016: statistical book]. Moscow: NIU VShE, 2016. 304 p. (In Russian).
10. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age. economy, society and culture]. Translated from English. Moscow: GU-VShE, 2000. 608 p. (In Russian).
11. Kuzovkova T.A., Zhenchur M.A., Kuzovkov A.D. Metodicheskii apparat kompleksnogo prognozirovaniya razvitiya infokommunikatsii [Determining Methodological apparatus of the integrated forecasting of the development of infocommunications]. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti* [Systems of control, communication and security], 2016, no. 1, pp. 146-190. (In Russian).
12. Kuzovkova T.A. Transformatsiya modeli proizvodstva i potrebleniya infokommunikatsionnykh uslug [Transformation of the model for production and consumption of infocommunication services]. *T_Comm*, 2014, no. 7, vol. 8, pp. 54-56. (In Russian).
13. Manakhova I.V. *Transformatsiya potrebleniya v informatsionnoi ekonomike: avtoref. dis. na soisk. uch. step. d-ra ekonom. nauk* [Consumption transformation in information economy: Doctor of Economics dissertation abstract]. Moscow, 2014. 26 p. (In Russian).
14. Manakhova I.V. Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo sodержaniya potrebleniya [Transformation of the social-economic nature of consumption]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov State University. Series: Economics. Management. Law], 2012, vol. 12, no. 4, pp. 38-40. (In Russian).
15. Operatory razduvayut abonentskie bazy [Providers overblow customer bases]. *Vedomosti*, 2016, no. 4054, April 13. (In Russian).
16. *Osnovnye pokazateli rynka fiksirovannogo ShPD v Rossii. Prognoz razvitiya do 2025 goda* [Basic indicators of broadband services in Russia. Development forecast up to 2025]. Available at: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/osnovnye-pokazateli-rynka-fiksirovannogo-shpd-v-rossii-prognoz-razvitiya-do-2025-goda-20160203113313 (Accessed: 10.09.2016). (In Russian).
17. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service official website]. Available at: <http://www.gks.ru>. (In Russian).
18. Pogudaeva M.Yu., Semenova-Slabkovich Ya.A. Osobennosti povedeniya potrebitelya v usloviyakh informatsionnoi ekonomiki [The characteristics of consumer behavior in the context of information economy]. *Ekonomicheskii zhurnal* [Economic journal], 2012, no. 28, pp. 96-104. (In Russian).
19. Radina N.K., Shaidakova N.V., Mokhnatkina I.N. Demonstrativnoe povedenie sovremennykh podrostkov: sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti [Modern adolescents' demonstrative behavior: socio-psychological features]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2013, no. 1, pp. 52-66. (In Russian).
20. *TMT-reiting: Rossiiskii rynek ShPD v segmente «Naselenie» – itogi 2 kvartala 2016 goda* [TMT-rating: Russian market of broadband services in the segment of “Population” – results of the 2nd quarter of 2016]. Available at: <http://tmt-consulting.ru/napravleniya/telekommunikatsii/tmt-rejting-rossijskij-rynek-shpd-v-segmente-naselenie-itogi-2-kvartala-2016-goda/> (Accessed: 10.09.2016). (In Russian).
21. Furkin B.A. Simvolicheskoe potreblenie i chelovek v informatsionnom obshchestve [Symbolic consumption and a human in information society]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Art], 2012, no. 6 (50), pp. 45-50. (In Russian).

22. Gille L., Marti R., Zmiro D. Information and communication technologies. Positive effects on employment. *SESSI*, 2000, no.133.
23. Horrigan John B. *Consumption of information goods and services in the U.S.* Pew Research Centre. 2003. November 23. Available at: <http://www.pewinternet.org/2003/11/23/consumption-of-information-goods-and-services-in-the-u-s/> (Accessed: 10.09.2016)
24. Milovantseva N. Are American households willing to pay a premium for greening consumption of Information and Communication Technologies? *Journal of Cleaner Production*, 2016, vol.127, pp. 282-288.
25. Porat Mark Uri. *The Information Economy: Definition and Measurement*. Washington: U.S. Dept. of Commerce, Office of Telecommunications, 1977.
26. Vourvachaki E. *Information and Communication Technologies in a Multi-Sector Endogenous Growth Model*. CERGE-EI – 2009. May. P. 2.

Information about the Authors

Aleksandr Ivanovich Kuz'min – Ph.D. in Economics, Doctor of Sociology, Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Office 522, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kuz53@list.ru)

Svetlana Nikolaevna Kostina – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Avenue, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation, e-mail: kostinasn@mail.ru)

Galina Alekseevna Bannykh – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Avenue, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: g.a.bannykh@urfu.ru)

Статья поступила 26.09.2016.

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.10

УДК [614:316.728]:007, ББК [51:60.56]:32.81

© Ильясов Б.Г., Мартынов В.В., Герасимова И.Б., Макарова Е.А., Закиева Е.Ш.

Качество жизни: анализ влияния факторов, связанных со здоровьем, на основе системных и математических моделей

**Барый Галеевич
ИЛЬЯСОВ**
Уфимский государственный
авиационный технический
университет
Уфа, Российская Федерация,
450000, ул. К. Маркса, д. 12
E-mail: ilyasov@tc.ugatu.ac.ru

**Елена Анатольевна
МАКАРОВА**
Уфимский государственный
авиационный технический
университет
Уфа, Российская Федерация,
450000, ул. К. Маркса, д. 12
E-mail: ea-makarova@mail.ru

**Виталий Владимирович
МАРТЫНОВ**
Уфимский государственный
авиационный технический
университет
Уфа, Российская Федерация,
450000, ул. К. Маркса, д. 12
E-mail: vvmartynov@bk.ru

**Елена Шавкатовна
ЗАКИЕВА**
Уфимский государственный
авиационный технический
университет
Уфа, Российская Федерация,
450000, ул. К. Маркса, д. 12
E-mail: zakievae@mail.ru

**Ильмира Барыевна
ГЕРАСИМОВА**
Уфимский государственный
авиационный технический
университет
Уфа, Российская Федерация,
450000, ул. К. Маркса, д. 12
E-mail: tarot_gera@mail.ru

Для цитирования: Качество жизни: анализ влияния факторов, связанных со здоровьем, на основе системных и математических моделей / Б.Г. Ильясов, В.В. Мартынов, И.Б. Герасимова, Е.А. Макарова, Е.Ш. Закиева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 192-208. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.10

For citation: Il'yasov B.G., Martynov V.V., Gerasimova I.B., Makarova E.A., Zakieva E.Sh. Quality of life: analyzing the impact of factors related to health, based on system and mathematical models. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 192-208. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.10

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования структуры показателя качества здоровья как главного фактора, оказывающего наибольшее влияние на качество жизни, и анализа свойств предложенной структуры. Рассмотрены основные подходы к оценке и измерению качества жизни и качества здоровья. Установлено, что интегральный показатель качества здоровья является сложным по структуре, которая относится к классу иерархических структур. Для изучения свойств иерархических структур применен системный подход, в соответствии с которым проведена декомпозиция интегрального показателя качества здоровья и выделены в его составе три компонента (системных показателя): качество медицинской помощи, качество среды обитания и качество состояния здоровья. Каждый из компонентов, в свою очередь, декомпозирован и представлен в виде триад взаимосвязанных объективных и субъективных показателей нижнего уровня (частных показателей). Особенностью предложенной системной модели оценки интегрального показателя качества здоровья является пространственная структура рассматриваемого показателя, которая позволяет учитывать связи как между системными показателями на среднем уровне, так и между частными показателями на нижнем уровне. Разработана когнитивная модель взаимодействия частных показателей на примере компонента «качество медицинской помощи». Концептами модели являются показатели нижнего уровня рассматриваемого компонента, а их взаимное влияние отражается в виде связей с весовыми коэффициентами, характеризующими степень (силу) влияния. Проведены расчеты интегрального показателя качества здоровья, которые позволили определить диапазоны значений интегрального показателя, соответствующие высокому, удовлетворительному, среднему, низкому и неудовлетворительному уровням качества здоровья. Исследовано влияние изменения частных показателей на интегральный показатель качества здоровья при действии различных факторов (как возмущающих, так и управляющих). Перспективой дальнейших исследований является анализ влияния расширенного перечня частных показателей на оценку интегрального показателя качества здоровья, возможности применения методов статистического анализа частных показателей для количественного определения силы связей между ними, а также использование модели оценки интегрального показателя качества здоровья как динамического объекта управления для формирования эффективных управленческих решений.

Ключевые слова: качество жизни, качество здоровья, интегральный показатель, системная модель.

Введение

В настоящее время категория «качество жизни населения» широко используется в экономических, социологических, медицинских исследованиях, достаточно часто встречается в политических выступлениях и публикациях средств массовой информации.

Проблема необходимости повышения качества жизни российских граждан обозначена в Указе Президента РФ как одна из наиболее значимых в сфере обеспечения национальной безопасности страны [19].

В утвержденном перечне государственных программ первое место по объему финансирования занимает блок программ «Новое качество жизни» [15].

Известно множество теоретических концепций качества жизни, выдвигающих на первый план различные аспекты жизни (счастье, здоровье, возможность вести достойный образ жизни и т.п.), однако нет единого универсального определения этой категории. И это естественно, поскольку, говоря о качестве жизни, следует принимать во внимание широчайший спектр

сфер человеческой жизни и условий, в которых она проходит, а также разнообразие (во времени и пространстве) ментальных установок людей в интерпретации этого понятия [1].

Многообразие определений качества жизни сопровождается немалым числом методик его измерения. Существует два основных методологических подхода к оценке и измерению качества жизни: макроподход (или объективистский), основанный на анализе и свертке статистических показателей, и микроподход (или субъективистский), основанный на анализе и обработке результатов специальных анкетных обследований населения [1].

Критериями объективной оценки качества жизни служат действующие нормы потребности и интересов людей, по отношению к которым можно объективно судить о степени удовлетворения этих потребностей и интересов [3]. В данном случае исследуются финансовое положение человека (уровень жизни), состояние его здоровья, жилищные условия, семейное положение и другое. С субъективной позиции под «качеством жизни» понимается то, что каждый человек в процессе жизни приобретает свой собственный жизненный опыт, и поэтому разные люди оценивают качество своей жизни по-разному. При этом часто понятие «качество жизни» связывается с понятиями «счастье» и «удовлетворенность жизнью» в целом или отдельными ее сферами [7].

В то же время зарубежные и отечественные ученые сходятся во мнении, что использование только объективистского или только субъективистского подхода не может дать полностью адекватной оценки качества жизни населения, а отражает лишь частные аспекты такой оценки [16, 23]. Таким образом, научные интересы смещаются в сторону комбинированного подхода,

позволяющего учесть не только объективные показатели качества жизни, но и субъективные психологические и социальные составляющие восприятия качества жизни населением [21, 27]. Социологические методы исследования позволяют оценить важные аспекты восприятия населением собственного благополучия (например, самооценка здоровья, отношения с окружающими, ценностные ориентации и т.д.), которые дополняют и восполняют объективные показатели качества жизни [3]. «Модель качества жизни человека должна синтезировать как объективные показатели, поддающиеся достаточно точному измерению, так и субъективные, которые можно определить либо путем экспертных оценок, либо социологических опросов» [5].

Таким образом, показатель качества жизни имеет сложную структуру, поэтому рассматривать ее следует с точки зрения системного подхода, во взаимосвязи всех ее составляющих. В работах [4, 17] качество жизни рассматривается как сложная система, обладающая основными общесистемными свойствами: целостностью, иерархичностью, интегративностью. В работах [9, 10] предлагаются модели формирования и оценки качества жизни, разработанные на основе системного подхода.

По данным социологических опросов главным фактором, оказывающим наибольшее влияние на качество жизни россиян, является здоровье [2]. Государство в последние годы обращает большое внимание на проблему здоровья нации, включая в это понятие как физическое, так и духовное здоровье. Общественное здоровье является одним из главных факторов успешного функционирования общества. Создание условий для сохранения и улучшения общественного здоровья — приоритетная задача любого государства [20].

Принята государственная программа «Развитие здравоохранения», которая входит в блок программ «Новое качество жизни» [15]. Принят приоритетный национальный проект «Здоровье», нацеленный на формирование бережного отношения к человеческому здоровью, внедрение в общественное сознание устойчивых убеждений необходимости ведения здорового образа жизни.

Понятие качества жизни, безусловно, следует признать теснейшим образом связанным с определением здоровья, данным Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): «Здоровье — состояние полного физического, социального и психического благополучия человека, а не просто отсутствие заболевания» [30]. В современной медицине широкое распространение получили термины «качество жизни, обусловленное здоровьем», «качество жизни, связанное со здоровьем», «качество жизни, релевантное здоровью», которые позволяют выделить параметры, описывающие состояние здоровья, заботу о нем и качество медицинской помощи, из общей концепции качества жизни. Согласно современной парадигме клинической медицины, понятие «качество жизни, связанное со здоровьем» положено в основу понимания болезни и определения эффективности методов ее лечения. Качество жизни, связанное со здоровьем, оценивает компоненты этого качества, не связанные и связанные с заболеванием, и позволяет дифференцированно определить влияние болезни и лечения на состояние больного [18]. Изучение качества жизни является общепринятым в международной практике высокоинформативным, чувствительным и экономичным методом оценки состояния здоровья как населения в целом, так и отдельных социальных групп [13].

Имеется несколько классификаций опросников по изучению качества жизни в медицине в зависимости от направлений исследования [24]. Выделяют общие и специальные опросники. Выделяют также опросники, специфичные для определенного состояния, заболевания, например бронхиальной астмы, ревматоидного артрита, ишемической болезни сердца. В отличие от специальных общие опросники позволяют оценить качество жизни как здоровых, так и больных независимо от наличия той или иной патологии. Одним из наиболее широко распространенных общих опросников для оценки качества жизни является опросник SF-36 [25, 28]. Он включает 36 пунктов, которые сгруппированы в восемь шкал: физическое функционирование, ролевое функционирование, интенсивность боли, общее состояние здоровья, жизнеспособность, социальное функционирование, эмоциональное функционирование и психологическое здоровье. Показатели каждой шкалы варьируются между 0 и 100, где 100 представляет полное здоровье. Шкалы группируются в два показателя: «физический компонент здоровья» и «психологический компонент здоровья».

В соответствии с приведённой дефиницией здоровья, ВОЗ определяет качество жизни как индивидуальное соотношение человеком своего положения в жизни общества, в контексте его культуры и системы ценностей, со своими целями, планами, возможностями и степенью неустойчивости [29]. Как видно, фундаментальными свойствами качества жизни являются многокомпонентность и субъективизм в оценке [22].

В статье рассматривается проблема формирования структуры показателя качества здоровья как важнейшей составля-

ющей качества жизни и анализа свойств предложенной структуры. Предлагается решение данной проблемы путем разработки системной и динамической моделей формирования и оценки показателя качества здоровья, а также анализа влияния на него различных факторов. Под качеством здоровья мы понимаем интегральную характеристику здоровья населения, объединяющую как объективные показатели (качество медицинской помощи и природно-социальные факторы среды обитания), так и субъективные показатели (индивидуальный подход к здоровью и забота о нем).

Системная иерархическая модель оценки качества здоровья населения

Показатель качества здоровья, как и показатель качества жизни, является сложным по структуре, которая относится к классу иерархических структур. Для из-

мерения и оценки данного показателя необходимо определить состав его компонентов. Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей [12, 14, 20, 26], а также данных Федеральной службы государственной статистики и результатов социологических опросов [6, 8, 11] позволил выделить в структуре интегрального показателя качества здоровья населения (J) три взаимосвязанных компонента (системных показателя): качество медицинской помощи (K_1), качество среды обитания (K_2) и качество состояния здоровья (K_3) (рис. 1).

Каждый из компонентов, в свою очередь, может быть декомпозирован и представлен в виде триад взаимосвязанных объективных и субъективных показателей нижнего уровня (частных показателей). Частные показатели могут определяться как на основе официальных данных,

Рисунок 1. Системная модель оценки качества здоровья населения

предоставляемых службой государственной статистики, так и на основе результатов социологических опросов населения, проводимых, например, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

В составе системного показателя «качество медицинской помощи» (K_1) выделены три частных показателя: «уровень квалификации медицинского персонала» (x_{11}), «уровень оснащённости медучреждений оборудованием и лекарствами» (x_{12}) и «уровень обеспеченности медицинскими стационарами» (x_{13}). Системный показатель «качество среды обитания» формируют частные показатели «качество экологии» (x_{21}), «качество социальной среды» (x_{22}) и «качество среды жизнедеятельности» (x_{23}); системный показатель «качество состояния здоровья» формируют частные показатели «индекс удовлетворенности жизнью» (x_{31}), «индекс психического самочувствия» (x_{32}) и «индекс физического самочувствия» (x_{33}).

Интегральный показатель J качества здоровья населения может быть вычислен как взвешенная сумма составляющих его компонентов (системных показателей):

$$J = \alpha_1 K_1 + \alpha_2 K_2 + \alpha_3 K_3, \quad (1)$$

где K_1 – качество медицинской помощи;

K_2 – качество среды обитания;

K_3 – качество состояния здоровья;

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ – весовые коэффициенты, характеризующие значимость компонента K_i и определяемые экспертным путем, при этом $\sum_{i=1}^3 \alpha_i = 1$.

Динамика изменения интегрального показателя J описывается дифференциальным уравнением вида:

$$\frac{dJ}{dt} = -J + \alpha_1 K_1 + \alpha_2 K_2 + \alpha_3 K_3. \quad (2)$$

Здесь и в дальнейшем предполагается изменение параметров по экспоненциальному закону, что позволяет сформировать пространство состояний из этих параметров и оценить известными методами устойчивость движения параметров в этом пространстве под действием внешних факторов.

Для вычисления системных показателей K_i решается система уравнений:

$$\begin{cases} K_1 = \lambda_{12} K_2 + \lambda_{13} K_3 + K_{10}, \\ K_2 = \lambda_{21} K_1 + \lambda_{23} K_3 + K_{20}, \\ K_3 = \lambda_{31} K_1 + \lambda_{32} K_2 + K_{30}, \end{cases} \quad (3)$$

где $K_{i0}, i = \overline{1,3}$ – начальные значения показателей K_i , определяемые частными показателями;

$\lambda_{ij}, i \neq j$ – весовые коэффициенты, характеризующие взаимное влияние компонентов K_i и определяемые экспертным путем. Полагаем, что если $\lambda_{ij} = 0,05$, то это слабое влияние, если $\lambda_{ij} = 0,1$, то это сильное влияние.

С учетом динамики взаимодействия системных показателей K_i можно записать:

$$\begin{cases} \dot{K}_1 = -K_1 + \lambda_{12} K_2 + \lambda_{13} K_3 + K_{10}, \\ \dot{K}_2 = -K_2 + \lambda_{21} K_1 + \lambda_{23} K_3 + K_{20}, \\ \dot{K}_3 = -K_3 + \lambda_{31} K_1 + \lambda_{32} K_2 + K_{30}, \end{cases} \quad (4)$$

где $\dot{K}_i = \frac{dK_i}{dt}$ – темп изменения i -го системного показателя.

Начальное значение K_{i0} может быть вычислено как взвешенная сумма соответствующих частных показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} :

$$K_{i0} = \beta_{i1} x_{i1} + \beta_{i2} x_{i2} + \beta_{i3} x_{i3}, \quad (5)$$

где β_{ij} – весовые коэффициенты, характеризующие степень значимости частных показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} и определяемые экспертным путем, при этом $\sum_{j=1}^3 \beta_{ij} = 1$.

Для вычисления частных показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} решается система уравнений:

$$\begin{cases} x_{i1} = k_{12}x_{i2} + k_{13}x_{i3} + x_{i1}^0, \\ x_{i2} = k_{21}x_{i1} + k_{23}x_{i3} + x_{i2}^0, \\ x_{i3} = k_{31}x_{i1} + k_{32}x_{i2} + x_{i3}^0, \end{cases} \quad (6)$$

где $k_{ij}, i \neq j$ – весовые коэффициенты, характеризующие взаимное влияние показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} , численные значения которых определяются экспертами;

$x_{i1}^0, x_{i2}^0, x_{i3}^0$ – начальные значения показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} на данный момент времени.

Динамика взаимодействия частных показателей описывается дифференциальными уравнениями вида:

$$\begin{cases} \dot{x}_{i1} = -x_{i1} + k_{12}x_{i2} + k_{13}x_{i3} + x_{i1}^0, \\ \dot{x}_{i2} = -x_{i2} + k_{21}x_{i1} + k_{23}x_{i3} + x_{i2}^0, \\ \dot{x}_{i3} = -x_{i3} + k_{31}x_{i1} + k_{32}x_{i2} + x_{i3}^0. \end{cases} \quad (7)$$

Взаимодействие частных показателей отдельных компонентов интегрального показателя качества здоровья может быть представлено в виде когнитивной модели, в которой концептами являются частные показатели, а взаимное влияние показателей друг на друга отражается в виде связей с весовыми коэффициентами, характеризующими степень (силу) влияния. Рассмотрим динамику взаимодействия частных показателей компонента (системного показателя) K_1 – «качество медицинской помощи».

Современная медицина невозможна без высоких технологий и высококвалифицированных кадров, умеющих эффективно пользоваться достижениями современной медицинской науки и результатами технического прогресса. Следовательно, основными факторами, определяющими качество медицинской помощи, являются, во-первых, квалификация медицинского

персонала, нацеленного на оказание своевременной и результативной помощи, во-вторых, оснащение государственных медицинских учреждений оборудованием и лекарствами; в-третьих, насколько своевременно и в полном объеме оказана помощь, что отражается, прежде всего, в обеспеченности в достаточном объеме медицинскими стационарами.

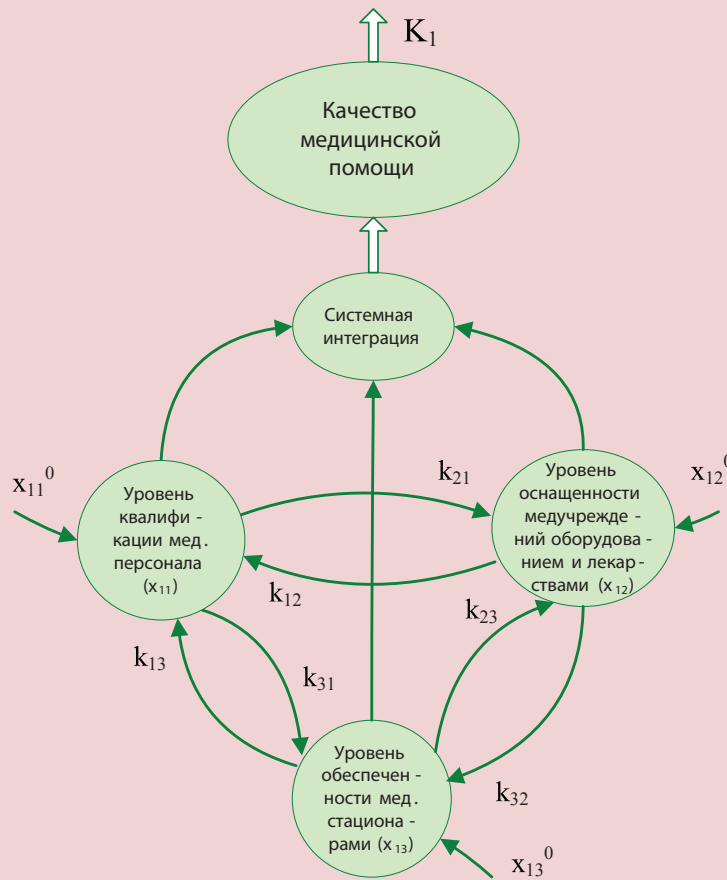
Взаимодействие выделенных факторов, определяющих компонент «качество медицинской помощи», представлено в виде когнитивной модели, концептами которой являются частные показатели: «уровень квалификации медицинского персонала» (x_{11}), «уровень оснащённости медучреждений оборудованием и лекарствами» (x_{12}) и «уровень обеспеченности медицинскими стационарами» (x_{13}), а взаимное влияние показателей друг на друга представлено в виде связей с соответствующими весовыми коэффициентами, характеризующими степень (силу) влияния (рис. 2). Например, использование современного медицинского оборудования и технологий требует соответствующего уровня квалификации медицинского персонала (коэффициент k_{12}). Обратное влияние отражается связью с коэффициентом k_{21} .

Математическая модель взаимодействия показателей данного компонента представлена в виде системы дифференциальных уравнений.

Уравнение, описывающее темп повышения уровня квалификации медицинского персонала (x_{11}) в зависимости от уровня оснащённости медучреждений оборудованием и лекарствами (x_{12}), уровня обеспеченности медицинскими стационарами (x_{13}) и начального уровня квалификации (x_{11}^0), имеет вид:

$$\dot{x}_{11} = -x_{11} + k_{12}x_{12} + k_{13}x_{13} + x_{11}^0 .$$

Рисунок 2. Когнитивная модель взаимодействия частных показателей компонента K_1 – «качество медицинской помощи»

Уравнение, описывающее темп повышения уровня оснащённости медучреждений оборудованием и лекарствами (x_{12}) в зависимости от уровня квалификации медперсонала (x_{11}), уровня обеспеченности медицинскими стационарами (x_{13}) и начального уровня оснащённости (x_{22}^0), имеет вид:

$$\dot{x}_{12} = k_{21}x_{11} - x_{12} + k_{23}x_{13} + x_{22}^0 .$$

Уравнение, описывающее темп повышения уровня обеспеченности медицинскими стационарами (x_{13}) в зависимости от уровня квалификации медперсонала (x_{11}),

уровня оснащённости медучреждений оборудованием и лекарствами (x_{12}) и начального уровня обеспеченности (x_{13}^0), имеет вид:

$$\dot{x}_{13} = k_{31}x_{11} + k_{32}x_{12} - x_{13} + x_{13}^0 .$$

Динамика взаимодействия частных показателей компонентов K_2 – «качество среды обитания» и K_3 – «качество состояния здоровья» интегрального показателя качества жизни, связанного со здоровьем, описывается аналогично рассмотренной динамике взаимодействия частных показателей компонента K_1 – «качество медицинской помощи».

Таким образом, разработана системная иерархическая динамическая модель оценки качества здоровья населения. Достоинством предложенной модели является пространственная структура интегрального показателя качества здоровья населения, которая позволяет учитывать связи как между системными показателями на среднем уровне, так и между частными показателями на нижнем уровне. Динамическая модель позволяет оценивать устойчивость движения показателей системы при действии внешних факторов.

Оценка интегрального показателя качества здоровья населения

При расчете интегрального показателя сделаны следующие допущения.

1. Значения весовых коэффициентов α_i , характеризующих значимость системных показателей K_i , коэффициентов β_{ij} , характеризующих значимость частных показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} , коэффициентов λ_{ij} , характеризующих взаимное влияние системных показателей, и коэффициентов k_{ij} , характеризующих взаимное влияние частных показателей, задаются экспертным путем и не изменяются.

2. Начальные значения частных показателей задаются экспертным путем, так как задача нормирования исходных статистических данных или данных социологических опросов представляет самостоятельную проблему и в данной работе не решается.

3. При оценке интегрального показателя качества здоровья в рассматриваемых ситуациях не учитывалась динамика изменения частных и системных показателей, а учитывались их статические значения. При этом использовался метод когнитивного анализа.

Примем $\alpha_1=0.2$, $\alpha_2=0.3$, $\alpha_3=0.5$, т.е. наиболее значимым системным показателем для расчета интегрального показателя бу-

дем считать показатель «качество состояния здоровья» (K_3), менее важными — показатели «качество среды обитания» (K_2) и «качество медицинской помощи» (K_1).

Примем значения весовых коэффициентов, характеризующих взаимное влияние системных показателей, равными: $\lambda_{12}=0.01$, $\lambda_{21}=0.01$, $\lambda_{13}=0.01$, $\lambda_{31}=0.05$, $\lambda_{23}=0.01$, $\lambda_{32}=0.05$, т.е. будем считать, что на качество состояния здоровья оказывают влияние качество среды обитания и качество медицинской помощи, остальные связи между системными показателями — слабые.

Весовые коэффициенты, характеризующие значимости частных показателей системного показателя K_1 , приняты равными: $\beta_{11}=0.4$, $\beta_{12}=0.3$, $\beta_{13}=0.3$, т.е. для качества медицинской помощи важнее показатель «уровень квалификации медперсонала», чем показатели «уровень оснащенности медучреждений оборудованием и лекарствами» и «уровень обеспеченности медстационарами».

Весовые коэффициенты, характеризующие значимости частных показателей системного показателя K_2 , приняты равными: $\beta_{21}=0.5$, $\beta_{22}=0.2$, $\beta_{23}=0.3$, т.е. для показателя качества среды обитания наиболее важным является показатель качества экологии, чем показатели качества социальной среды и среды жизнедеятельности.

Весовые коэффициенты, характеризующие значимости частных показателей системного показателя K_3 , приняты равными: $\beta_{31}=0.6$, $\beta_{32}=0.2$, $\beta_{33}=0.2$, т.е. для показателя качества состояния здоровья наиболее важным является индекс удовлетворенности жизнью и менее важными — индексы психического и физического самочувствия.

Коэффициенты взаимного влияния частных показателей системных показателей K_1 — «качество медицинской помощи», K_2 — «качество среды обитания», K_3 — «ка-

чество состояния здоровья» приняты равными $k_{12}=0.05, k_{13}=0.05, k_{21}=0.05, k_{23}=0.05, k_{31}=0.05, k_{32}=0.05$.

Проведем оценку интегрального показателя J «качество здоровья населения» для разных ситуаций.

Ситуация 1 – низкий уровень качества здоровья. Данная ситуация характеризуется низкими значениями частных показателей: низким уровнем квалификации медперсонала, плохим оснащением медучреждений оборудованием и лекарствами, низкой обеспеченностью медстационарами, плохим состоянием экологии, низким качеством социальной среды, низким качеством среды жизнедеятельности, низкими индексами удовлетворенности жизнью, физического и психического самочувствия. Этой ситуации соответствует множество M_1 текущих значений частных показателей $M_1=\{(0.05,0.1,0.15),(0.1,0.15,0.1),(0.1,0.15,0.1)\}$, т.е. $x_{11}^0=0.05, x_{12}^0=0.1, x_{13}^0=0.15, x_{21}^0=0.1, x_{22}^0=0.15, x_{23}^0=0.1, x_{31}^0=0.1, x_{32}^0=0.15, x_{33}^0=0.1$.

Рассчитаем значения частных показателей по формуле (7) и текущие значения системных показателей по формуле (5):

$$\begin{aligned} x_{11} &= 0.06, x_{12} = 0.11, x_{13} = 0.16, K_{10} = 0.1. \\ x_{21} &= 0.11, x_{22} = 0.16, x_{23} = 0.11, K_{20} = 0.12. \\ x_{31} &= 0.11, x_{32} = 0.16, x_{33} = 0.11, K_{30} = 0.12. \end{aligned}$$

Значения системных показателей рассчитаем по формуле (4):

$$K_1=0.11, K_2=0.13, K_3=0.14.$$

Тогда значение интегрального показателя, рассчитанного по формуле (1), будет равно $J=0.13$.

Ситуация 2 – высокий уровень качества здоровья. Данная ситуация характеризуется высокими значениями частных показателей: высоким уровнем квалификации медперсонала, хорошим оснащением медучреждений оборудованием и лекарствами, высокой обеспеченностью медстационара-

ми, хорошим состоянием экологии, высоким качеством социальной среды, высоким качеством среды жизнедеятельности, высокими индексами удовлетворенности жизнью, физического и психического самочувствия. Этой ситуации соответствует множество M_2 текущих значений частных показателей $M_2=\{(0.9,0.85,0.8),(0.8,0.85,0.9),(0.9,0.85,0.8)\}$, т.е. $x_{11}^0=0.9, x_{12}^0=0.85, x_{13}^0=0.8, x_{21}^0=0.8, x_{22}^0=0.85, x_{23}^0=0.9, x_{31}^0=0.9, x_{32}^0=0.85, x_{33}^0=0.8$.

В этой ситуации значения частных показателей и текущие значения системных показателей будут равны:

$$\begin{aligned} x_{11} &= 1, x_{12} = 0.94, x_{13} = 0.9, K_{10} = 0.95. \\ x_{21} &= 0.9, x_{22} = 0.94, x_{23} = 1, K_{20} = 0.93. \\ x_{31} &= 1, x_{32} = 0.94, x_{33} = 0.9, K_{30} = 0.96. \\ K_1 &= 0.97, K_2 = 0.96, K_3 = 1.1. \end{aligned}$$

Тогда значение интегрального показателя будет равно $J=1.0$.

Отметим, что рассмотренные ситуации определяют «коридор» значений интегрального показателя, в который «укладываются» остальные ситуации. При заданных значениях параметров нижнее значение интегрального показателя равно $J_{\min}=0.13$, верхнее – $J_{\max}=1.0$. Этот «коридор» можно разделить на зоны, соответствующие уровням интегрального показателя «качество здоровья». Например, выделим следующие зоны: «высокий уровень», который соответствует значениям $J=0.9 \div 1.0$; «удовлетворительный уровень», который соответствует значениям $J=0.7 \div 0.9$; «средний уровень», который соответствует значениям $J=0.5 \div 0.7$; «низкий уровень», который соответствует значениям $J=0.3 \div 0.5$; «неудовлетворительный уровень», который соответствует значениям $J=0.13 \div 0.3$.

Рассмотрим динамику изменения частных показателей, системных показателей и интегрального показателя.

Ситуация 3 характеризуется увеличением значением частных показателей по сравнению с ситуацией 1 в среднем на 20%, т.е. $\Delta_{\text{cp}}=0.2$. Множество значений частных показателей для данной ситуации:

$$M_3=\{(0.25,0.3,0.35),(0.3,0.35,0.3), \\ (0.3,0.35,0.3)\}.$$

В этом случае значение интегрального показателя равно $J=0.36$, увеличилось почти в три раза и попало в «низкую» зону.

Ситуация 4 характеризуется увеличением значением частных показателей по сравнению с ситуацией 1 в среднем на 40%, т.е. $\Delta_{\text{cp}}=0.4$. Множество значений частных показателей для данной ситуации:

$$M_4=\{(0.45,0.5,0.55),(0.5,0.55,0.5), \\ (0.5,0.55,0.5)\}.$$

В этом случае значение интегрального показателя равно $J=0.6$, увеличилось почти в пять раз и попало в «среднюю» зону.

Ситуация 5 характеризуется увеличением значением частных показателей по сравнению с ситуацией 1 в среднем на 60%, т.е. $\Delta_{\text{cp}}=0.6$. Множество значений частных показателей для данной ситуации:

$$M_5=\{(0.65,0.7,0.75),(0.7,0.75,0.7), \\ (0.7,0.75,0.7)\}.$$

В этом случае значение интегрального показателя равно $J=0.8$, увеличилось более чем в шесть раз и попало в «удовлетворительную» зону.

Ситуация 6 характеризуется резким падением значений частных показателей системного показателя K_3 – «качество состояния здоровья», т.е. $\Delta_{\text{cp}}=-0.65$, что связано, например, с возникновением какой-либо эпидемии заболеваний населения. Множество значений частных показателей для данной ситуации:

$$M_6=\{(0.65,0.7,0.75),(0.7,0.75,0.7), \\ (0.05,0.1,0.05)\}.$$

В этом случае значение интегрального показателя равно $J=0.47$, уменьшилось почти в два раза по сравнению с предыдущим уровнем и попало в «низкую» зону.

Ситуация 7 характеризуется увеличением значений частных показателей системного показателя K_1 – «качество медицинской помощи», что описывает проведение мероприятий по ликвидации эпидемии. Множество значений частных показателей для данной ситуации:

$$M_7=\{(0.8,0.9,0.9),(0.7,0.75,0.7), \\ (0.05,0.1,0.05)\}.$$

В этом случае значение интегрального показателя равно $J=0.51$, повысилось на 8.5% по сравнению с предыдущим уровнем и попало в «среднюю» зону.

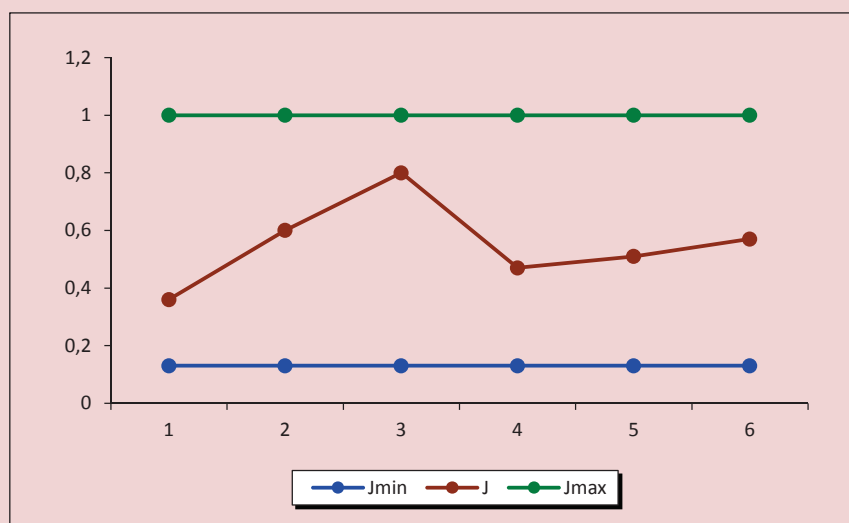
Ситуация 8 характеризуется небольшим увеличением значений частных показателей системного показателя – «качество состояния здоровья», т.е. $\Delta_{\text{cp}}=0.1$, что описывает восстановление здоровья населения после эпидемии. Множество значений частных показателей для данной ситуации:

$$M_8=\{(0.65,0.7,0.75),(0.7,0.75,0.7), \\ (0.15,0.2,0.15)\}.$$

В этом случае значение интегрального показателя повысилось до $J=0.57$.

Динамика изменения интегрального показателя для множеств значений частных показателей, характеризующих рассмотренные ситуации, представлена на *рис. 3*.

Таким образом, исследовано влияние изменения частных показателей на динамику интегрального показателя качества здоровья при действии различных факторов, то есть определена тенденция изменения интегрального показателя. Этот подход может быть практически использован при оценке эффективности действия управляющих факторов, формируемых руководящими структурами.

Рисунок 3. Динамика изменения интегрального показателя J – качество здоровья

Заключение

Разработана системная иерархическая динамическая модель оценки качества здоровья населения. Особенностью предложенной модели является пространственная структура интегрального показателя, которая позволяет учитывать связи как между системными показателями на среднем уровне, так и между частными показателями на нижнем уровне.

Проведены расчеты интегрального показателя качества здоровья, позволившие определить диапазон изменения интегрального показателя и зоны, соответствующие разным уровням данного показателя. Исследование влияния изменения частных показателей на интегральный показатель качества здоровья при действии различных факторов позволяет выявить тенденцию

его изменения. При этом среди действующих факторов можно выделить влияние управляющих факторов, что очень важно для оценки эффективности решений, принимаемых соответствующими властными структурами.

Перспективой дальнейших исследований является, во-первых, анализ влияния расширенного перечня частных показателей на оценку интегрального показателя качества здоровья, во-вторых, анализ возможности применения методов статистического анализа частных показателей для количественного определения силы связей между ними, в-третьих, использование модели оценки интегрального показателя качества здоровья как динамического объекта управления для формирования эффективных управленческих решений.

Литература

1. Айвазян, С.А. Анализ качества и образа жизни населения [Текст] / С.А. Айвазян. – М.: Наука, 2012. – 432 с.
2. «Байер Барометр»: россияне о качестве жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-04-17-kachestvo-zhizni.pdf

3. Барсуков, В.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт [Текст] / В.Н. Барсуков, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4 (46). – С. 88-107. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.5.
4. Бойцов, Б.В. Качество жизни [Текст] / Б.В. Бойцов, О.В. Крянев, М.А. Кузнецов. – М.: Изд-во МАИ, 2004. – 268 с.
5. Денисов, Н.А. Качество жизни населения различных регионов России [Текст] / Н.А. Денисов // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 2. – С. 23-35.
6. Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-02-zdravoohranenie.pdf
7. Зараковский, Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие [Текст] / Г.М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
8. Здравоохранение в России – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_34/Main.htm
9. Ильясов, Б.Г. Системный подход к построению когнитивной модели качества жизни [Текст] / Б.Г. Ильясов, И.Б. Герасимова, Е.Ш. Закиева // Вопросы современной науки и практики / Университет им. В.И. Вернадского. – 2013. – № 3 (47). – С. 214-221.
10. Объективно-субъективный подход к оценке качества жизни [Текст] / Б.Г. Ильясов, И.Б. Герасимова, Е.А. Макарова, Е.Ш. Закиева // Качество. Инновации. Образование. – 2016. – № 2(129). – С. 47-57.
11. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения Республики Башкортостан в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/re_sources/9572f5804e7bc103bb5afb0d534aab22/kouzh.html
12. Маланичева, Н.А. Здоровье населения крупного города: тенденции и риски [Текст] / Н.А. Маланичева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5(17). – С. 147-153.
13. Новик, А.А. Руководство по исследованию качества жизни в медицине [Текст] / А.А. Новик, Т.И. Ионова. – М., 2007. – 320 с.
14. Прохоров, Б.Б. Условия жизни населения и общественное здоровье [Текст] / Б.Б. Прохоров, И.В. Горшкова, Е.В. Тарасова // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 5. – С.127-139.
15. Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 № 1950-р (ред. от 13.10.2016) «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106979/
16. Россошанский, А.И. Современное состояние и развитие теории и методологии исследования качества жизни населения [Текст] / А.И. Россошанский, Е.А. Чекмарева // Проблемы развития территорий. – 2016. – Вып. 1(81). – С. 145-159.
17. Субетто, А.И. Качество жизни: грани проблемы [Текст] / А.И. Субетто. – Кострома, 2004. – 256 с.
18. Сурмач, М.Ю. Качество жизни, связанное со здоровьем, как предмет изучения социологии медицины [Текст] / М.Ю. Сурмач // Социология. – 2011. – № 2. – С. 100-104.
19. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1>
20. Шабунова, А.А. Причины и факторы распространения сердечно-сосудистых заболеваний в Вологодской области (по данным исследования ЭССЕ-РФ) [Текст] / А.А. Шабунова, Л.Н. Фахрадова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1(37). – С. 134-149. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.9
21. Better Life Index [Electronic resource] / OECD. – Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/russian-federation-ru>
22. Cella D.F. Quality of Life: concepts and definition [Text] / D.F. Cella // Journal of Pain and Symptom Managment. – 1994. – Vol. 9, № 3. – P. 186-192.
23. Hicks S. New approaches to the measurement of Quality of Life [Electronic resource]. – Available at: https://www.destatis.de/EN/AboutUs/Events/DGINS/Document_PaperONS_UK.pdf?__blob=publicationFile

24. Ian McDowell. *Measuring Health: A Guide to Rating Scales and Questionnaires*. Oxford University Press, 2006. 768 p.
25. Jenkinson C. Short form 36 (SF-36) health survey questionnaire: normative data for adults of working age // C. Jenkinson, A. Coulter, L. Wright // *BMJ*. 1993. Vol. 306. P. 1437–1440.
26. Noll H.H. and Zapf W. *Social indicators research: Societal monitoring and social reporting // Trends and Perspectives in Empirical Social Research*. Berlin; N.Y., 1994. P. 1-16.
27. Quality of life index [Electronic resource]: The Economist Intelligence Unit's quality of life index. – Available at: http://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf
28. Ware J.E., Kosinski M., Keller S.D. *SF-36 Physical and Mental Health Summary Scales: A User's Manual // The Health Institute, New England Medical Center*. Boston, Mass. 1994.
29. WHOQOL Group. The development of the WHO quality of life assessment instruments (the WHOQOL). In: Orley J, Kuyken W., eds. *Quality of life assessment: international perspectives*. – Berlin, 1994. – P. 41-57.
30. World Health Organization. *Cancer pain relief*. – Geneva: WHO, 1986. – P. 5-26.

Сведения об авторах

Барый Галеевич Ильясов – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры технической кибернетики, Уфимский государственный авиационный технический университет (Российская Федерация, 450000, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12; e-mail: ilyasov@tc.ugatu.ac.ru)

Виталий Владимирович Мартынов – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической информатики, Уфимский государственный авиационный технический университет (Российская Федерация, 450000, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12; e-mail: vvmartynov@bk.ru)

Ильмира Барыевна Герасимова – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры автоматизированных систем управления, Уфимский государственный авиационный технический университет (Российская Федерация, 450000, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12; e-mail: tarot_gera@mail.ru)

Елена Анатольевна Макарова – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры технической кибернетики, Уфимский государственный авиационный технический университет (Российская Федерация, 450000, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12; e-mail: ea-makarova@mail.ru)

Елена Шавкатовна Закиева – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры технической кибернетики, Уфимский государственный авиационный технический университет (Российская Федерация, 450000, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12; e-mail: zakievae@mail.ru)

Il'yasov B.G., Martynov V.V., Gerasimova I.B., Makarova E.A., Zakieva E.Sh.

Quality of Life: Analyzing the Impact of Factors Related to Health, Based on System and Mathematical Models

Abstract. The paper considers the formation of the structure of the indicator of the quality of health as a major factor that has the greatest impact on the quality of life. The paper also analyzes the properties of the proposed structure and main approaches to assessing and measuring the quality of life and quality of health. It is established that the integral indicator of health quality has a complex structure that belongs to the class of hierarchical structures. The paper studies properties of hierarchical structures with the help of systematic approach, according to which the integral indicator of health quality was broken down and three components (system indicators) were identified. They are as follows: quality of care, quality of environment and quality of health. Each component, in turn, was broken down and presented as a triad

of interrelated objective and subjective indicators of lower level (partial indicators). The proposed system model for assessing the integral indicator of health quality is a spatial structure of this indicator, which takes into account the links between system indicators at the median level and the links between partial indicators at the lower level. A cognitive model that shows the interaction between partial indicators on the example of the “healthcare quality” component was elaborated. The concepts of the model are indicators of the lower level of the component under consideration, and their mutual impact is reflected in the relations with weight ratios that characterize the degree (strength) of influence. The integral indicator of health quality was calculated, which helped determine the ranges of values of the integral indicator, which correspond to a high, satisfactory, moderate, low and poor level of health quality. The influence of changes in particular indices on the integral indicator of health quality under various factors (both perturbing and controlling factors) was studied. The prospect of further research is to analyze the impact of an expanded list of partial indicators on the assessment of the integral indicator of health quality, the possibility of applying statistical analysis of particular indices to quantify the strength of linkages between them, and the use of the model for assessing an integral indicator of health quality as a dynamic object of management for efficient management decision-making.

Key words: quality of life, quality of health, integral indicator, system model.

References

1. Aivazyan S.A. *Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya* [Analysis of the quality of life and the lifestyle of the population]. Moscow: Nauka, 2012. 432 p. (In Russian).
2. “Baier Barometr”: rossiyanе о kachestve zhizni [Bayer Barometer: Russians about the quality of life]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-04-17-kachestvo-zhizni.pdf. (In Russian).
3. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Issledovanie kachestva zhizni starshego pokoleniya: regional’nyi opyt [Study of the quality of life of the older generation: a regional experience]. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 4 (46), pp. 88-107. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.5. (In Russian).
4. Boitsov B.V., Kryanev O.V., Kuznetsov M.A. *Kachestvo zhizni* [Quality of life]. Moscow: Izd-vo MAI, 2004. 268 p. (In Russian).
5. Denisov N.A. *Kachestvo zhizni naseleniya razlichnykh regionov Rossii* [Quality of life of the population in various regions of Russia]. *Uroven’ zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of living in Russian regions], 2002, no. 2, pp. 23-35. (In Russian).
6. *Dostupnost’ i kachestvo rossiiskogo zdravookhraneniya: otsenki patsientov* [The availability and quality of Russian health care: patients’ assessments]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-02-zdravookhranenie.pdf. (In Russian).
7. Zarakovskii G.M. *Kachestvo zhizni naseleniya Rossii: psikhologicheskie sostavlyayushchie* [Quality of life of Russia’s population: psychological components]. Moscow: Smysl, 2009. 319 p. (In Russian).
8. *Zdravookhranenie v Rossii – 2015* [Healthcare in Russia 2015]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_34/Main.htm. (In Russian).
9. Il’yasov B.G., Gerasimova I.B., Zakieva E.Sh. Sistemnyi podkhod k postroeniyu kognitivnoi modeli kachestva zhizni [Systematic approach to building a cognitive model of the quality of life]. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki* [Issues of modern science and practice], 2013, no. 3 (47), pp. 214-221. (In Russian).
10. Il’yasov B.G., Gerasimova I.B., Makarova E.A., Zakieva E.Sh. Ob’ektivno-sub’ektivnyi podkhod k otsenke kachestva zhizni [Objective-subjective approach to the assessment of the quality of life]. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie* [Quality. Innovation. Education], 2016, no. 2 (129), pp. 47-57. (In Russian).
11. *Itogi kompleksnogo nablyudeniya uslovii zhizni naseleniya Respubliki Bashkortostan v 2014 godu* [The results of a comprehensive monitoring of living conditions in the Republic of Bashkortostan in 2014]. Available at: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/9572f5804e7bc103bb5afb0d534aab22/kouzh.html. (In Russian).

12. Malanicheva N.A. Zdorov'e naseleniya krupnogo goroda: tendentsii i riski [Population health of large cities: trends and risks]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 5 (17), pp. 147-153. (In Russian).
13. Novik A.A., Ionova T.I. *Rukovodstvo po issledovaniyu kachestva zhizni v meditsine* [A guide to assessing the quality of life in medicine]. Moscow, 2007. 320 p. (In Russian).
14. Prokhorov B.B., Gorshkova I.V., Tarasova E.V. Usloviya zhizni naseleniya i obshchestvennoe zdorov'e [Living conditions of the population and public health]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2003, no. 5, pp.127-139. (In Russian).
15. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 11.11.2010 № 1950-r (red. ot 13.10.2016) "Ob utverzhdenii perechnya gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii"* [Resolution of the Government of the Russian Federation dated November 11, 2010 No 1950-r (as amended on October 13, 2016) "On approval of the list of state programs of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106979/. (In Russian).
16. Rossoshanskii A.I., Chekmareva E.A. Sovremennoe sostoyanie i razvitie teorii i metodologii issledovaniya kachestva zhizni naseleniya [Current state and development of the theory and the method to study quality of life of the population]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 1 (81), pp. 145-159. (In Russian).
17. Subetto A.I. *Kachestvo zhizni: grani problemy* [Quality of life: aspects of the problem]. Kostroma, 2004. 256 p. (In Russian).
18. Surmach M.Yu. Kachestvo zhizni, svyazannoe so zdorov'em, kak predmet izucheniya sotsiologii meditsiny [Health-related quality of life as the subject of the sociology of medicine]. *Sotsiologiya* [Sociology], 2011, no. 2, pp. 100-104. (In Russian).
19. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31.12.2015 g. № 683 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015 No. 683 "On the national security strategy of the Russian Federation"]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1>. (In Russian).
20. Shabunova A.A., Fakhradova L.N. Prichiny i faktory rasprostraneniya serdechno-sosudistykh zabolevanii v Vologodskoi oblasti (po dannym issledovaniya ESSE-RF) [Causes and factors promoting the expansion of cardiovascular diseases in the Vologda Oblast (according to the research in epidemiology of cardiovascular disease)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 1 (37), pp. 134-149. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.9. (In Russian).
21. *Better Life Index*. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/russian-federation-ru>
22. Cella D.F. Quality of Life: concepts and definition. *Journal of Pain and Symptom Management*, 1994, vol. 9, no. 3, pp. 186-192.
23. Hicks S. *New approaches to the measurement of Quality of Life*. Available at: https://www.destatis.de/EN/AboutUs/Events/DGINS/Document_PaperONS_UK.pdf?__blob=publicationFile
24. McDowell I. *Measuring Health: A Guide to Rating Scales and Questionnaires*. Oxford University Press, 2006. 768 p.
25. Jenkinson C., Coulter A., Wright L. Short form 36 (SF-36) health survey questionnaire: normative data for adults of working age. *BMJ*, 1993, vol. 306, pp. 1437-1440.
26. Noll H.H., Zapf W. Social indicators research: Societal monitoring and social reporting. *Trends and Perspectives in Empirical Social Research*. Berlin; New York, 1994. Pp. 1-16.
27. *Quality of life index: The Economist Intelligence Unit's quality of life index*. Available at: http://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf
28. Ware J.E., Kosinski M., Keller S.D. *SF-36 Physical and Mental Health Summary Scales: A User's Manual*. The Health Institute, New England Medical Center. Boston, Mass. 1994.
29. WHOQOL Group. The development of the WHO quality of life assessment instruments (the WHOQOL). In: Orley J, Kuyken W. (Eds.). *Quality of life assessment: international perspectives*. Berlin, 1994. Pp. 41-57.
30. *World Health Organization. Cancer pain relief*. Geneva: WHO, 1986. Pp. 5-26.

Information about the Authors

Baryi Galeevich Il'yasov – Doctor of Engineering, Professor, Professor at the Department of Engineering Cybernetics, Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx Street, Ufa, 450000, Russian Federation; e-mail: ilyasov@tc.ugatu.ac.ru)

Vitalii Vladimirovich Martynov – Doctor of Engineering, Professor, Head of the Department of Economic Informatics, Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx Street, Ufa, 450000, Russian Federation; e-mail: vvmartynov@bk.ru)

Il'mira Baryevna Gerasimova – Doctor of Engineering, Associate Professor, Professor at the Department of Automated Control Systems, Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx Street, Ufa, 450000, Russian Federation; e-mail: tarot_gera@mail.ru)

Elena Anatol'evna Makarova – Doctor of Engineering, Associate Professor, Professor at the Department of Engineering Cybernetics, Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx Street, Ufa, 450000, Russian Federation; e-mail: ea-makarova@mail.ru)

Elena Shavkatovna Zakiyeva – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Engineering Cybernetics, Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx Street, Ufa, 450000, Russian Federation; e-mail: zakievae@mail.ru)

Статья поступила 22.11.2016.

Эколого-экономическая оценка водорегулирующей функции сельских территорий Республики Коми*

**Татьяна Вячеславовна
ТИХОНОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru

Аннотация. Концепция устойчивого развития, принятая в Рио-де-Жанейро в 1992 г., стала переломной в понимании значимости «природного капитала», когда был поставлен акцент на экосистемных услугах. Важным шагом в развитии практического использования концепции этих услуг было решение, базирующееся на трех принципах: признание ценности экосистем; проведение экономической оценки и выработка механизмов учета данных благ. В статье представлена эколого-экономическая оценка водорегулирующей функции северного региона, выполненная согласно методике Ю.В. Лебедева и И.А. Неклюдова на основе оценки среднегодового прироста подземного стока лесопокрываемых водосборов. Территория региона расположена в тундровой и таежной природных зонах. Для таежных лесов в период летне-осенних дождей все осадки переходят в подземный сток. Дифференциация величины подземного стока определяется рельефом местности, лесистостью, заболоченностью территории и характеристикой древостоев. В результате проведенных расчетов выявлено, что прирост подземного стока, характеризующий объем накопления воды, в наибольшей степени коррелирует со следующими показателями: лесистость территории; доля хвойных пород в структуре лесопокрываемых площадей; количество осадков и доля спелых пород (как хвойных, так и лиственных). Также получено, что лесопокрываемые водосбо-

* Работа выполнена при поддержке Программы УрО РАН: «Фундаментальные проблемы региональной экономики «Повышение эффективности сельской экономики северного региона» (№ 15-14-7-10).

Для цитирования: Тихонова, Т.В. Эколого-экономическая оценка водорегулирующей функции сельских территорий Республики Коми / Т.В. Тихонова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 209-226. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.11

For citation: Tikhonova T.V. Environmental and economic assessment of water regulation function of rural territories in the Republic of Коми. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 209-226. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.11

ры позволяют за летний период обеспечить водой территорию (за счет роста подземной составляющей речного стока) на 130–560 м³ с каждого гектара лесопокрытой территории – годовой объем накопленной воды по региону составляет 9915,6 млн. м³, что может служить в качестве возможного запаса воды в случае природных и техногенных нагрузок. Годовой экономический эффект водорегулирующей роли лесов составляет 3,5 млрд. руб. Данный финансовый показатель может быть также отправной точкой оценки ущерба от потери лесопокрытых территорий. Проведенная оценка важна тем, что дает конкретные данные на локальном уровне региона о потенциальной возможности лесной экосистемы удерживать дифференцированный по лесничествам объем воды.

Ключевые слова: водорегулирующая функция, подземный речной сток, лесопокрытые водосборы, лесистость, прирост подземного стока, лесничества, экосистемные услуги, природный капитал.

В связи с возрастающей ролью экологического фактора в мировой экономике актуальными становятся вопросы сохранения качества природной среды и их биосферных функций для обеспечения качества жизни населения. Концепция устойчивого развития, принятая в Рио-де-Жанейро в 1992 г., явилась переломной в понимании значимости «природного капитала». В этом документе был введен термин «экосистемные услуги», характеризующиеся тождественностью с функциями природного капитала. Зачастую термины «экосистемные услуги» и «биосферные функции» являлись синонимами в характеристике ценности благ природы, и лишь в последние годы стало принято считать экосистемные «функции» «услугами» в случае выхода их на «рынок». Важным шагом в развитии практического использования концепции экосистемных услуг было решение, принятое в 2007 г. в Германии на совещании министров стран G8+5 по охране окружающей среды. Оно базируется на трех ключевых принципах: признание ценности экосистем, биоразнообразия; проведение экономической оценки; выработка механизмов учета услуг и благ, предоставляемых экосистемами, в планировании хозяйственной деятельности [1]. По отношению к экосистемным услугам

различают три вида оценки: экологическую (способность экосистем выполнять свои функции); экономическую (интегрированную в механизмы принятия решений привычные для рынка) и социальную (обеспечение согласованных решений для общества и снятие конфликтов) [2]. Исследования по экономической оценке биосферных функций различных природных объектов (лесов, водно-болотных угодий и т.д.) проводятся не только за рубежом, но и в нашей стране. Так, в течение уже многих лет ведется анализ и детальная разработка схем практического применения данной оценки в таких крупных научных центрах страны, как МГУ, Институт проблем рынка РАН, Институт географии РАН, Институт системного анализа РАН, Институт экологии растений и животных УрО РАН, Ботанический сад УрО РАН и другие отраслевые научные организации и вузы [3–8]. В последние десятилетия зарубежными авторами были разработаны различные методы оценки экосистемных функций в стоимостном выражении. Наиболее полно они изложены в работах С. Паджидоли, Д. Пирса, А. Фримана, В. Ханемана [9–11] и др. Существующие методики находят широкое применение, а их общей чертой является соблюдение принципов экономики благосостояния населения.

Известно, что леса поддерживают баланс воды в наземных экосистемах, происходит регулирование и улучшение речного стока. В данном случае представлена попытка оценки увеличения водообеспеченности территории за счет подземной составляющей речного стока и экономического эффекта водорегулирующей услуги сельских территорий Республики Коми. Изучение данного вопроса территориально происходит в сельских районах региона. Экономическая оценка водорегулирующей услуги имеет отличительную особенность в выявлении получателей выгод от использования данного блага. В частности, такая услуга может рассматриваться на локальном, региональном и глобальном уровнях. Локально потребителями услуги являются компании (различные производства, бизнес) и население, заинтересованные в наличии достаточности чистой воды. Регионально (на уровне бассейнов рек) потребителями становятся муниципальные образования и участники экономической деятельности (отрасли), связанные с водопользованием, а также население и хозяйствующие субъекты, заинтересованные в предотвращении наводнений и других негативных эффектов [12]. Сельское население, как и промышленные предприятия, одинаково заинтересованы в достаточности не только самих водных ресурсов, но и способности накапливать и удерживать объем воды лесными экосистемами. Необходимо отметить, что основными отраслями производства, осуществляющими свою деятельность на сельских территориях региона, являются сельское и лесное хозяйство, традиционное природопользование и добыча топливно-энергетических ресурсов. В данном случае операционной единицей характеристики сельских территорий определено лесничество.

Водорегулирующая роль лесов состоит в том, что они улучшают баланс между приходной и расходной его частью, переводя поверхностный речной сток в подземный, за счет чего и происходит накопление и сохранение воды. Другим эффектом считается снижение (но не предотвращение) интенсивности наводнений в период снеготаяний и ливней, повышение полноводности рек в меженный период, предотвращение заболачивания почв [13]. Дефицитность воды как ресурса для региона не стоит чрезвычайно остро, как это можно наблюдать, особенно в последние годы, на территории других регионов. Тем не менее предотвращение водного кризиса во многом зависит от эффективности управления лесным хозяйством.

Состояние лесных ресурсов. Территория региона расположена в тундровой и таежной природных зонах, растительность западного склона Уральского хребта образует горно-лесной, горно-тундровый и гольцовый пояса, что и предопределяет специфичность. Большую часть территории занимает подзона средней тайги, в которой господствуют еловые леса. В результате пожаров и рубок (в течение многих десятилетий) на месте хвойных лесов формируются вторичные елово-березовые, березовые и осиновые сообщества, занимающие в подзоне средней тайги большие площади. Средняя лесистость по республике составляет 79,1%, наибольшие значения данного показателя (свыше 90,0%) относятся к южным и юго-западным районам региона, а наименьшие (25–55%) — к северным и северо-восточным. Еловые насаждения распределены по территории республики неравномерно, их преобладание (60–80%) в хвойных лесах отмечается в северо-западных и северо-восточных лесничествах Усин-

ского, Интинского, Княжпогостского, Вуктыльского и Усть-Цилемского районов. Меньшее присутствие ели (30–40%) наблюдается в центральных и южных лесничествах Прилузского и Койгородского районов. Средний класс бонитета еловых лесов в целом по республике составляет¹ IV, 8; причем в средней подзоне тайги – IV, 5; южной – III, 8. Второе место среди насаждений хвойных пород принадлежит сосне. Сосновые насаждения занимают четвертую часть покрытых лесной растительностью земель республики (23,9%) и земель лесного фонда (25,2%). Лесные массивы этой породы встречаются на всей территории республики, но наибольшие их площади находятся на борových террасах крупных рек (реки Вычегда, Печора и др.). Самое большое распространение (40–55%) сосновые насаждения имеют в лесничествах Сыктывдинского, Сосногорского и Усть-Куломского районов. Мягколиственные породы представлены березой, осиной, ольхой и ивой, на долю которых приходится 19,8% покрытых лесной растительностью земель республики, или 19,5% земель лесного фонда. Необходимо отметить, что с 2013 г. наблюдается тенденция снижения коэффициента смены пород, что связано с ежегодным увеличением площадей хвойных пород, переведенных в покрытую лесом площадь. Возрастная структура лесов республики сложилась в результате длительной, неравномерной их эксплуатации и пожаров разных лет. Она характеризуется неравномерным распределением насаждений по классам возраста как по отдельным преобладающим породам, так и по всем ле-

сам в целом. В целом по республике преобладают насаждения VI класса возраста и старше (61% покрытой лесом площади). Спелые и перестойные насаждения размещены по территории республики крайне неравномерно. Так, в местах традиционных лесозаготовок вдоль железных и автомобильных дорог общего пользования лесосырьевые ресурсы истощены. Доля спелых и перестойных лесов здесь незначительна. Основные запасы спелых и перестойных древостоев сосредоточены в северо-западных и северо-восточных лесничествах республики.

Согласно полевым исследованиям [14] гидрологическая роль таежных лесов проявляется в следующем:

- максимальные влагозапасы характерны для ельников, наименьшие – для березняков; для ельников типичны более высокая интенсивность аккумуляции воды и меньшая интенсивность снижения запасов воды в почве, что существенно влияет на объем и внутригодовое распределение стока малых рек;
- с увеличением лесистости речных водосборов растут запасы воды в снеге к началу снеготаяния; весенний сход наблюдается позднее (на 8–12 суток);
- еловые леса обуславливают более высокое и длительное стояние верховодки (на лесных водосборах ее уровень в 2–3 раза выше, чем на пространстве без лесной растительности).

Состояние водных ресурсов. Речная сеть рассматриваемой территории относится к бассейнам Белого (реки Вычегда, Луза, Мезень) и Баренцева (река Печора) морей, а также рек, непосредственно впадающих в эти моря. Общая средняя многолетняя величина годового стока рек на рассматриваемой территории оценивается в 228 км³; она соответствует расходу воды 7230 м³/с и

¹ Фактические данные взяты из Государственного доклада «О состоянии окружающей среды Республики Коми в 2015 году» / МПР РК, ГБУ РК «ТФИ РК». – Сыктывкар, 2016. – 173 с.

среднему модулю стока 11,6 л/с · км² [14]. Его распределение по бассейнам морей и главных рек региона представлено в табл. 1.

Наибольшего истощения речной сток достигает к концу сезона зимней межени: на равнинных реках южной и центральной частей территории – в первой половине апреля; на горных и тундровых реках – в первой декаде мая.

Рассматриваемая территория заболочена в среднем более чем на 10%; на Крайнем Севере заболоченность местами достигает 60% площади речных бассейнов. Роль болот проявляется в регулировании стока рек, питании озер и в поддержании уровня грунтовых вод. При нормальной влажности торфа болота аккумулируют около 10 км³ воды, в том числе в деятельном слое – до 2–3 км³. Исследования показали, что лесозаготовительная деятельность на речных водосборах может существенно повлиять на изменение характеристик речного стока и гидрологического режима малых рек, имеющих площадь водосбора до 1–2 тыс. км². На малых водостоках, бассейны которых были охвачены сплошной

рубкой леса, можно ожидать сокращения объема годового стока на 20–25%. Лесохозяйственная составляющая изменения стока средних и больших рек региона сравнительно невелика. На них снижение величины этого показателя, вызванное постепенной (в пределах расчетной лесосеки) рубкой леса на водосборах, не превышает 1–5% [14]. Негативные процессы, вызванные лесохозяйственной деятельностью, выражаются в обмелении рек в меженные периоды (что способствует изменению качественных и количественных характеристик рыбных ресурсов); повышении максимальных уровней воды при прохождении весенних половодий, более интенсивном развитии эрозионных процессов в руслах рек и т.д. Современные виды механизированных лесозаготовок изменяют лесную среду. При применении лесозаготовительной техники на лесосеках существенно нарушается напочвенный покров и верхние горизонты почвы. В результате ухудшаются водно-физические свойства и инфильтрационная способность почв. Особенно резко ухудшаются свойства почв после применения в бесснежный период тракторов

Таблица 1. Распределение средней многолетней величины годового стока по бассейнам морей и главных рек

Бассейн	Площадь, тыс. км ²	Объем годового стока		Расход воды, м ³ /с	Модуль стока, л/с · км ²
		км ³	% от общего		
<i>Белое море, всего</i>	217	65,3	34,9	2070	9,51
В том числе:					
– реки Вычегды	121	34,1	15,0	1080	8,90
– реки Лузы	18,3	4,23	1,9	134	7,30
– реки Мезени	78,0	27,0	11,8	855	11,1
<i>Баренцево море, всего</i>	404	163	65,1	5160	12,8
В том числе:					
– река Печора	322	134	58,8	4250	13,2
– реки морского побережья	82,5	28,6	12,5	907	11,0
Всего	622	228	100	7230	11,6

с высоким удельным давлением на грунт. Нередко на суглинистых и глинистых мокрых почвах после применения такой техники их водопроницаемость снижается в десятки раз. Резкое ухудшение водно-физических свойств почвы приводит к полной утрате водозащитных функций участками леса, пройденными рубками. Коэффициент поверхностного стока возрастает более чем в 200 раз, внутрипочвенный сток полностью исчезает, а интенсивность процессов водной эрозии увеличивается в сотни раз [15]. Вследствие удаления при летних лесозаготовках подстилки и ухудшения водно-физических свойств почва промерзает на большую глубину и обычно не успевает оттаять до полного схода снежного покрова. Поэтому весь весенний сток сбрасывается по поверхности, ухудшая гидрологический режим рек.

Экономическая оценка. Наиболее распространенной в мире для проведения экономической оценки является концепция общей экономической ценности, возникшая в 90-е годы прошлого столетия. Основная идея этой концепции заключается в

учете ресурсных, регулирующих и культурных функций природного капитала. Общая ценность складывается из стоимости использования и стоимости неиспользования территории, обладающей функциями природного капитала (табл. 2). В данном случае провести оценку водорегулирующей функции объективно затруднительно и, на наш взгляд, возможно только лишь обозначить *нижнюю* границу.

Так, например, при оценке регулирования состава гидрологических параметров, входящих в состав средообразующей функции, была использована методика, разработанная исследователями Ботанического сада УрО РАН, учитывающая заболоченность и лесистость территории, структуру состава леса, бонитет, полноту насаждений, долю летних осадков [13, 16, 17]. Оценка в конкретном случае проводилась по лесничествам региона.

Оценка водорегулирующей функции. Лесопокрываемые водосборы позволяют до 95% речного стока переводить в подземную часть, за счет чего в перспективе равномерно обеспечивать территорию водными

Таблица 2. Алгоритм расчета полной экономической ценности*

Формула	$TEV = DV + IV + OV + EV$			
Слагаемые	Стоимость прямого использования (DV)	Стоимость косвенного использования (IV)	Стоимость отложенной альтернативы (OV)	Стоимость существования (EV)
Примеры	Рыболовство Охота Сельское хозяйство Рекреация Сбор дикоросов Топливные материалы (торф)	Депонирование углерода Очистка стоков Сохранение микроклимата Опыление Ассимиляция Водорегулирование	Потенциальное будущее использование (как прямое, так и косвенное) Возможность получения товаров и услуг в будущем	Биоразнообразие Наследование Культура
Методы	Метод «рыночных» цен Затратные методы Метод транспортно-путевых затрат	Метод «рыночных» цен Затратные методы (компенсационных затрат) Метод субъективных оценок	Метод субъективных оценок («готовности платить» за сохранение ресурса)	Метод субъективных оценок Гедонистический Метод транспортно-путевых затрат
* Таблица составлена по материалам монографии: Экономика сохранения биоразнообразия / под ред. А.А. Тишкова. – М.: ГЭФ проект «Сохранение биоразнообразия». Институт экономики природопользования. – 2002. – 604 с.				

ресурсами [13]. Водорегулирующая функция, зависящая от прироста подземного стока, оценивается по следующей формуле [16]:

$$\Delta S = X \cdot \alpha \cdot K_1 \cdot \mu \cdot [C_1 \cdot K_2 \cdot K_3 \cdot K_4 - C_2], \quad (1)$$

где ΔS – величина среднегодового прироста подземного стока, мм;

X – среднегодовые осадки², мм;

α – коэффициент речного стока;

μ – доля летних осадков³, %;

K_1 – коэффициент заболоченности⁴;

C_1 и C_2 – коэффициенты подземного стока лесопокрываемой и безлесной территории;

K_2 – коэффициент, характеризующий возраст насаждений;

K_3 – коэффициент, характеризующий класс бонитета насаждений;

K_4 – коэффициент, зависящий от полноты насаждений.

Величина коэффициента речного стока (α) определяется в зависимости от природной зоны растительности территории (по подзонам тайги) и рельефа местности (горный и равнинный). Их значения принимаются по данным Ю.В. Лебедева и И.А. Неклюдова и варьируются от 0,14 до 0,56, причем минимальные значения – в южной подзоне тайги, а максимальные – в горной части крайнесеверной тайги [3, 17]. Значения коэффициентов подземного стока лесопокрываемой и безлесной территории зависят от лесистости (%), вида насаждений (лиственные или хвойные) и меха-

нического состава грунтов (суглинистые или песчаные) [17]. Значения коэффициента заболоченности находятся в обратной зависимости от самой заболоченности территории: чем выше заболоченность, тем меньше значение этого коэффициента (0,85–1,00). Значения коэффициентов, характеризующих возраст (0,25–1,00) и полноту насаждений (0,65–1,0), имеют прямую зависимость: чем старше возраст насаждений и выше полнота насаждений, тем выше значение этого коэффициента [18]. И наоборот, – чем выше класс бонитета, тем меньше значение соответствующего коэффициента (0,6–1,3).

На примере расчета величины прироста подземного стока на 1 га за летний период для спелых насаждений по Печорскому лесничеству (общая площадь которого составляет 4256,8 тыс. га.) продемонстрируем порядок. Хвойные породы доминируют и составляют 82,8% насаждений, из которых молодняки – 1,8%; среднеспелые – 15,0%; приспевающие – 16,1% и спелые – 67,1% (данные по лесоустройству лесничества⁵). Количество среднегодовых осадков – 473 мм (данные СНИП, станция метеонаблюдений Петрунь); коэффициент речного стока – 0,5 (равнинный рельеф, крайнесеверная тайга); доля летних осадков – 0,74 (данные СНИП, станция метеонаблюдений Петрунь); коэффициент заболоченности – K_1 (по заболоченности территории, равной 7,6%⁶), равный 0,9, принимается по таблице из [18]); коэффициент подземного стока – C_1 (принимается по лесистости (54%), хвойным насаждениям, равнинным лесам и суглинистым почвам) равен 0,65 [16]; коэффициент подземного стока

² СНИП 23-01-99. Таблица 2. Климатические параметры теплого периода года. РФ. Кемеровская обл., Кировская обл., Республика Коми и т.д. и СНИП 23-01-99. Строительная климатология. Таблица 1. Климатические параметры холодного времени года. РФ. Кемеровская обл., Кировская обл., Республика Коми и т.д.

³ Там же.

⁴ Атлас Республики Коми. – М.: Феория, 2011. – 294 с.

⁵ По данным Комитета лесов Республики Коми (Комилесхоз) по лесничествам региона.

⁶ Атлас Республики Коми. – М.: Феория, 2011 – 294 с.

не занятой лесом территории S_2 равен 0,12 [18]; коэффициент возраста насаждений K_2 (для расчета спелых насаждений V класса бонитета) – 1,0; коэффициент класса бонитета K_3 (V класс бонитета) – 0,6 [18]; коэффициент полноты (0,4) насаждений K_4 принимается равным 0,7 [18]. Таким образом, подставляя величины представленных показателей, получаем значение прироста подземного стока на 1 га для спелых насаждений:

$$\Delta S = 473 \cdot 0,5 \cdot 0,74 \cdot 0,9 \cdot [0,65 \cdot 1,0 \cdot 0,6 \cdot 0,7 - 0,12] = 24,09 \text{ мм или } 240,9 \text{ м}^3/\text{га}.$$

Для остальных категорий насаждений хвойных и лиственных пород (разных категорий) проводим аналогичные расчеты. Учитывая доленое (для хвойных пород – 82,8%; для лиственных – 17,2%) распределение насаждений, вычисляем суммарный прирост для лесничества в целом. В нашем случае он составляет 209,6 м³/га. Объем накопления воды с учетом площади лесничества составляет 292,2 млн. м³.

Для определения экономического эффекта водорегулирующей функции необходимо выбрать финансовый эквивалент. Им могут быть коммунальные платежи за использование воды и тарифы на воду для промышленных предприятий. Эти показатели по Республике Коми различаются по муниципальным районам и бассейнам рек Печора и Северная Двина. Так, средняя величина тарифа на воду (коммунальный платеж за использование холодной воды) в регионе составляет 40 руб./м³, при этом размер тарифа изменяется в диапазоне 29–182 руб./м³ [19]. В данных расчетах применялась плата промышленных предприятий за использование воды, которая регламентируется по бассейнам рек бассейна р. Печоры –

258 руб./тыс. м³; рек бассейна р. Северная Двина – 246 руб./тыс.м³ с учетом повышающих коэффициентов⁷ 1,32 для 2016 года. При условии примера Печорского лесничества (бассейн р. Печора) экономический эффект выражается в производстве объема накопления воды на плату для промышленных предприятий за использование воды (258 руб./тыс.м³ × 1,32) и равен 303,9 млн. руб.

Традиционно в расчетах прироста подземного стока ключевым показателем является среднегодовое количество осадков, которое за счет характеристик лесопокрытой территории способно удерживать и накапливать влагу. Количество осадков в зависимости от природных зон растительности увеличивается от южной тайги к крайнесеверной. Однако зачастую доля лесистости и структура насаждений (лиственных либо хвойных) и их возраст более значимы за счет корректирующих коэффициентов. Именно эти характеристики определяют разницу в значениях по лесничествам одной и той же растительной зоны. Так, например, в зоне крайнесеверной тайги для лесничеств Усинское и Усть-Цилемское за счет отличия в доле лесистости и среднегодовом количестве выпадающих осадков различие в объеме прироста подземного стока отмечаются в два раза (табл. 3). В таблице представлены результаты расчетов годового экономического эффекта водорегулирующей услуги территории региона по лесничествам и природным зонам растительности.

⁷ Постановление Правительства «О ставках платы за пользование водными объектами, находящимися в федеральной собственности» от 30 декабря 2006 г. № 876 и Постановление Правительства «О ставках платы за пользование водными объектами, находящимися в федеральной собственности, и внесении изменения в Раздел 1» от 26 декабря 2014 г. № 1509.

Таблица 3. Оценка водорегулирующей функции региона по лесничествам

Лесничество	Площадь, тыс. га	Прирост подземного стока, м³/га	Структура насаждений Х/Л, %	Объем накопления воды, млн. м³	Экономический эффект, млн. руб.
Южная лесотундра, Крайнесеверная тайга,					
Печорское	4256,8	209,6	83/17	892,2	303,9
Усинское	2990,4	156,2	88/12	467,1	159,1
Усть-Цилемское	4037,1	309,5	86/14	1249,5	425,5
Ижемское	1754,3	560,4	85/15	983,1	334,8
Северная тайга					
Каджеромское	1295,4	334,8	92/8	433,7	147,7
Нац. Парк	567,8	182,4	44/23	103,6	35,3
Вуктыльское	1306,9	400,8	91/9	523,8	178,4
Сосногорское	1618,5	325,8	82/18	527,3	179,6
Ухтинское	1280,1	330,1	78/22	422,6	143,9
Средняя тайга					
Мещурское	1162,2	157,9	88/12	183,5	160,9
Удорское	1475,2	335,9	90/10	495,5	101,1
Ертомское	1109,4	280,7	86/14	311,4	86,8
Междуреченское	958,8	278,8	80/20	267,3	59,6
Железнодорожное	1445,4	362,2	76/24	523,5	170,0
Айкинское	390,4	179,9	63/37	70,2	22,8
Чернамское	83,6	315,9	86/14	26,4	8,6
Сторожевское	835,9	214,3	78/22	179,1	39,5
Помоздинское	680,9	243,4	82/18	165,7	8,3
Троицко-Печорское	951,4	269,5	75/25	256,4	120,9
Печоро-Ильчское	1179,6	300,9	94/6	354,9	48,8
Заповедник	721,3	198,8	88/12	143,4	112,7
Комсомольское	1134,2	291,8	89/11	331,0	83,8
Усть-Немское	1002,1	257,4	82/18	257,9	40,7
Усть-Куломское	426,8	293,8	64/36	125,4	39,9
Пруптское	483,1	254,2	69/31	122,8	53,8
Локчимское	405,7	249,0	62/38	101,0	58,2
Корткеросское	475,9	154,6	73/27	73,6	32,8
Кажимское	408,8	406,9	69/31	166,3	54,1
Койгородское	618,1	336,6	65/35	208,1	98,2
Сысольское	579,1	418,1	66/34	242,1	25,0
Сыктывкарское	195,6	394,2	80/20	77,1	17,5
Сыктывдинское	478,9	254,1	74/26	121,7	45,0
Южная тайга					
Летское	428,9	125,5	44/62	53,8	67,6
Прилузское	810,2	170,9	55/45	138,5	78,6

Прирост подземного стока, характеризующий объем накопления воды, в наибольшей степени коррелирует с такими показателями, как: количество среднегодовых осадков; лесистость территории; доля хвойных пород в структуре лесопокрываемых площадей; доля спелых пород (как хвойных, так и лиственных). Таким образом,

чем выше значения этих показателей, тем больше прирост подземного стока. Леса и лесопокрываемые водосборы выполняют важнейшую экологическую роль, поддерживая естественный гидрологический режим региона. Так, лесопокрываемые водосборы позволяют за летний период обеспечить водой территорию (за счет роста подзем-

ной составляющей речного стока) на 130–560 м³ с каждого гектара лесопокрытой территории – годовой объем по региону составляет 9915,6 млн. м³. Годовой экономический эффект водорегулирующей роли лесов составляет 3,5 млрд. руб. (табл. 4).

Данный финансовый показатель может служить отправной точкой для оценки ущерба от потери лесопокрытых территорий, а количественный показатель отражает возможности запаса воды для организации водоемких производств.

Практическая значимость оценки услуги.

В настоящее время сформировались направления практического применения оценок экосистемных услуг [7, 20–23], основными из которых можно отметить следующие:

- разработка национальной экологической политики и долгосрочных программ и планов охраны окружающей среды с целью снижения уровня экологических угроз;
- включение ценности экоуслуг в национальные системы комплексного эколого-экономического учета, системы национальных счетов, оценку скорректированных показателей ВРП и т.д.;
- установление платежей и страховых взносов;
- формирование рынков экосистемных услуг.

Важнейшим условием эффективного управления в природно-ресурсной сфере является организация его обеспечения научно обоснованной информацией о запасах природного капитала, получаемых доходах. Отдел статистики ООН в 1993 г. представил систему комплексного экологического и экономического учета (СЭЭУ) как совместную с системой национальных счетов (СНС). Счеты СНС являются счетами потоков, отражающих сквозное движение товаров, услуг и доходов через все стадии – от производства до использования. В большинстве национальных статистических форм, касающихся природного капитала, данные представлены в физических выражениях, а не в стоимостных, как требует СНС. Также необходимо отметить, что природопользование в секторе домашних хозяйств не отражается в системе статистического наблюдения. Изменение данной системы с обязательным мониторингом экономической ценности природного капитала, включая сектор домашних хозяйств, позволит проводить планирование регионального развития с учетом интересов населения, создания дополнительных рабочих мест и сокращения бедности [21]. Определенные попытки в разработке учета экологической составляющей в экономическом развитии регионов России были

Таблица 4. Экономический эффект водорегулирующей функции сельских территорий региона по природным зонам растительности

Природная зона	Площадь, тыс. га	Соотношение хвойных/лиственных пород, %	Показатели		
			Прирост подземного стока, м ³ /га	Объем накопления воды, млн. м ³	Экономический эффект, млн. руб.
Южная лесотундра, Крайнесеверная тайга	13 040	85/15	150-560	2907,8	1223,3
Северная тайга	6 070	85/15	180-400	2011,0	684,9
Средняя тайга	17 200	75/25	150-420	4804,5	1480,7
Южная тайга	1 240	50/50	130-180	192,3	146,2
Всего по региону	37 550		130-560	9 915,6	3 535,1

предприняты в рамках проведения проекта WWF России по разработке эколого-экономического индекса для регионов, учитывающего экологическую устойчивость (включая экологический, экономический и социальный факторы). Стандартная система национальных счетов предполагает, что только вложения в основной капитал являются вложениями в будущее благосостояние общества. Расширенная трактовка скорректированных чистых накоплений включает природный и человеческий капиталы, которые составляют национальное богатство. С этих позиций истощение невозобновляемых природных ресурсов и чрезмерное использование возобновляемых природных ресурсов представляют собой вычет из национального богатства [6]. Индекс скорректированных чистых накоплений характеризует скорость накопления национальных сбережений после надлежащего учета истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды. Показатель является результатом изменения валовых внутренних накоплений. Скорректированные чистые (СЧН) накопления для регионов РФ рассчитываются согласно [24] по формуле (2):

$$\text{СЧН} = \text{ВН} - \text{ИД} - \text{ИПР} - \text{УЗОС} + \\ + \text{РЧК} + \text{ЗОС} + \text{ООПТ}, \quad (2)$$

где ВН – валовые накопления основного капитала;

ИД – инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»;

ИПР – истощение природных ресурсов;

УЗОС – ущерб от загрязнения окружающей среды;

РЧК – расходы бюджета на развитие человеческого капитала;

ЗОС – затраты на охрану окружающей среды;

ООПТ – оценка особо охраняемых природных территорий.

Среди ограничений, накладываемых в связи с использованием данных официальной статистики, следует отметить следующие: невысокую оперативность опубликования данных (по некоторым показателям информация публикуется с двух-, а иногда трехгодичным запаздыванием). Необходимо отметить, что отечественные разработки оценки экосистемных услуг в настоящее время касаются объектов ООПТ, где происходит учет средообразующих, обеспечивающих и культурных функций природного капитала. Поэтому необходимо, помимо расходов на природоохранную деятельность, предусмотренных на объектах охраны федерального значения (через систему государственного финансирования, объем которого в 2014 г. составил 320,4 млн. руб.), учитывать ценность этих природных функций/услуг. Так, автором была проведена оценка ключевых объектов ООПТ (регионального значения), где величина удельного показателя ценности различается по степени востребованности туристами, по природным условиям и т.д. и составляет 10–990 руб./га/год [23]. По экспертным оценкам, среднюю величину для всех ООПТ этого показателя можно принять 500 руб./га/год. Таким образом, с учетом общей площади всех ООПТ региона, равной 2,7 млн. га, ценность данных объектов, с учетом экосистемных функций, составляет 1 350 млн. руб. Затраты на охрану окружающей среды, согласно статистическим данным по региону⁸ за 2014 год, составляют 76,7 млн. руб. Ущерб от загрязнения окружающей среды определяется размером платежей за негативное воздействие на окружающую среду (за 2014 г. – 1053,3 млн. руб., в консолидированный бюджет региона). Расходы бюджета на раз-

⁸ Информационно-аналитический обзор «Республика Коми. Итоги 2014»: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2015. – 260 с.

витие человеческого капитала составляют 52194,5 млн. руб. (согласно тем же статистическим данным за 2014 г.). Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» составили 21,04 млрд. руб. Истощение природных ресурсов складывается из двух компонентов: минерально-сырьевого и лесного. Истощение минерально-сырьевых полезных ископаемых (ИМСР) оценивается по объему валовой добавленной стоимости по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» и составляет 89,0 млрд. руб. Леса относятся к возобновляемым природным ресурсам, причем в ряде регионов наблюдается ситуация, когда объем заготовки древесины или сокращение ее запасов, вызванное другими причинами, например пожарами, может быть ниже ее прироста. В этом случае природный ресурс не исчерпывается, а пополняется. В связи с этим при оценке влияния изменений запасов лесных (ИЗЛ) ресурсов на величину чистых накоплений используется следующий принцип: если запасы древесины сокращаются, то чистые накопления уменьшаются на стоимость сокращенной древесины, если растут — то увеличиваются. Следовательно, значение ИЛР может принимать положительные и отрицательные значения: в случае увеличения запасов древесины значение ИЛР отрицательное, а в случае сокращения — положительное [24]. Изменение рассчитывается относительно среднего значения запасов древесины за последние годы. Стоимость изменения запасов древесины в регионе определяется исходя из цены круглых лесоматериалов для выработки пиломатериалов. Для региона, по данным статистики, изменение запасов древесины составляет 19,4 млн.м³, а средняя цена лесоматериалов для выработки пилома-

териалов — 968,3 руб./м³. Таким образом, истощение лесных ресурсов составляет 18,8 млрд. руб. Валовые накопления основного капитала (чистые накопления) — 112,89 млрд. руб.

$$\begin{aligned} \text{СЧН} &= 112,890 - 21,040 - 107,800 - \\ &- 1,053 + 52,195 + 0,077 + 1,650 = \\ &= 37,97 \text{ млрд. руб.} \end{aligned}$$

Эколого-экономический индекс (Индекс скорректированных чистых накоплений — ИСЧН) рассчитывается как отношение скорректированных чистых накоплений к ВРП по формуле (3):

$$\text{ИСЧН} = \text{СЧН}/\text{ВРП} \cdot 100\%, \quad (3)$$

где СЧН — скорректированные чистые накопления;

ВРП — валовой региональный продукт (по данным статистики региона на 2014 г. составляет 469,6 млрд. руб.).

Для региона значение индекса скорректированных чистых накоплений составляет 8,09, что с учетом «положительного значения» в группе экспортно-ориентированных регионов страны уже является фактом формирования устойчивого развития территории.

На микроэкономическом уровне оценка, особенно средообразующих (объединение регулирующих и поддерживающих услуг), функций экосистем предполагает определение ущерба от их деградации и объема ресурсов для их восполнения или предотвращения [25]. По мнению Г.А. Моткина, доступным компенсационным механизмом является страхование риска нарушения средообразующих функций. В частности, исследователями ЦЭМИ были предложены схемы реализации замены существующих «платежей за негативное воздействие» «страховыми платежами», величина которых не вносилась бы

в казну бюджетов, а собиралась на самих предприятиях. Исчисление таких платежей предлагалось определять исходя из ценности экосистем, на которые воздействует предприятие своей хозяйственной деятельностью. Существуют практические разработки по тарифным ставкам страховых взносов страхования риска нарушения экосистемных функций в зависимости от отраслей экономики [26, 27].

Формирование рынка экосистемных услуг в России пока не развито, что нельзя сказать о зарубежных странах. Наиболее распространенными за рубежом платежами за экоуслуги являются те, что касаются лесного и сельского хозяйства, где основной принцип – «платит не загрязнитель, а пользователь». Согласно определению ЕЭК ООН (2007 г.), платежи за экоуслуги означают «договорную сделку между покупателем и продавцом в отношении той или иной экосистемной услуги или практики землепользования/управления, способной обеспечивать ее» [27]. Как правило, это касается биоразнообразия, водных ресурсов (сохранения их качества) и выбросов углерода. При этом целью введения таких платежей является максимальная социальная выгода при существующих рыночных стимулах. По состоянию на 2011 г. в странах Европы, Северной Америки и Центральной Азии существует множество схем (разработано 78, из которых 37 касалось лесов, 28 связаны с водосборными бассейнами, 13 служат для обеспечения качества воды) в отношении сельскохозяйственных и лесных территорий [28]. Например, в Швеции и Финляндии частным владельцам лесов выплачивается компенсация (со стороны государственных органов) за охрану части своих угодий, а не за их эксплуатацию. В Латвии, например, взимается плата за пользование туристическими тропами – это пример *государственных схем*.

В случае, когда происходит выстраивание отношений между частными компаниями (например, между фермерами или лесовладельцами и промышленниками) для обеспечения качества подземных вод через отказ от хозяйственной деятельности – это пример *частных схем*, как и выкуп сельскохозяйственных угодий у фермеров с целью перевода их в защитные леса и т.д.

Банковские схемы (или компенсационные) нашли свое применение как инструмент для уменьшения изменения климата – по принципам механизма чистого развития (МЧР), выраженного в облесении территории для секвестирования выбросов углерода (Грузия, Молдова, Албания и т.д.)

Частно-государственные схемы включают в себя выстраивание отношений между частными владельцами (лесовладельцами и фермерами) и государственной корпорацией, когда корпорация собирает повышенные тарифы (например, за воду) и часть средств передает этим владельцам для мероприятий по поддержанию качества подземных вод: одним – для сокращения внесения удобрений, другим – для замены хвойных пород на лиственные.

Отличия в организации природопользования, в контроле за неукоснительным соблюдением законов и правил, а также формах собственности на природные ресурсы в России и зарубежных странах определяют возможность внедрения множества схем сохранения экосистемных услуг территорий. Тем не менее оценка их ценности может стать отправной точкой для сохранения и учета при планировании перспективного природопользования на территории нашей страны. Наибольшее распространение такого учета в России стали рекреационные ресурсы на территории ООПТ. Так пионерные разработки касались организации устойчивого природопользования на территории ООПТ Камчатки, Алтай-

ского края, Смоленской и Калужской областей, Нижней Волги, Республики Коми. На первом этапе принятия управленческих решений была проведена экономическая оценка ценности объектов данных территорий и определены получатели выгод от использования экосистемных услуг. Далее разрабатывались для конкретных объектов бизнес-планы развития территории, основанные на включении туристических, сельскохозяйственных, спортивных секторов экономики и традиционного хозяйствования. На примере региона нами представлен алгоритм оценки эффективности развития ООПТ с учетом оценки ценности экосистемных услуг [23].

Проводимые в мире исследования по оценке природного капитала существенно

расширяют представления о ценности экосистем. Даже несмотря на то, что подходы и методы оценки находятся на стадии формирования и многие из них далеки от совершенства, они могут дать достаточно качественную оценку выгод и издержек, связанных с изменением качества окружающей среды. Проведенная оценка важна тем, что дает конкретные данные на локальном уровне региона по потенциальной возможности лесной экосистемы удерживать дифференцированный по лесничествам объем воды. Данные расчеты необходимы для разработки механизмов регулирования, поскольку оценка природного капитала лежит в основе многих экономических инструментов.

Литература

1. Конюшков, Д.Е. Формирование и развитие концепции экосистемных услуг: обзор зарубежных публикаций / Д.Е. Конюшков // Бюллетень Почвенного института им. В.В. Докучаева. – 2015. – Вып. 80. – С. 26-49.
2. Jacobs S., Dendoncker N., Keune H. (Eds.). Ecosystem Services. Global Issues, Local Practices, Elsevier, 2014. – 411 p.
3. Лебедев, Ю.В. Оценка лесных экосистем в экономике природопользования / Ю.В. Лебедев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 575 с.
4. Красовская, Т.М. Природопользование Севера России / Т.М. Красовская. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
5. Экономика сохранения биоразнообразия / под ред. А.А. Тишкова. – М.: ГЭФ проект «Сохранение биоразнообразия»; Институт экономики природопользования, 2002. – 604 с.
6. Бобылев, С.Н. Оценка и внедрение системы платежей за экосистемные услуги на особо охраняемых природных территориях: методические рекомендации / С.Н. Бобылев, Р.А. Перелет, С.В. Соловьева. – Волгоград, 2012. – 176 с.
7. Экономическая оценка особо охраняемых природных территорий Камчатки: практические результаты и их значение для сохранения биоразнообразия (на примере природного парка «Быстринский») / Г.А. Фоменко, М.А. Фоменко, А.В. Михайлова, Т.Р. Михайлова; науч. ред. Г.А. Фоменко. – Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2010. – 156 с.
8. Пунцукова, С.Д. Формирование экономического механизма устойчивого лесопользования в регионах с экологическими ограничениями / С.Д. Пунцукова. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. – 335 с.
9. Freeman A. M. The Measurement of Environment economic and Resource Values: Theory and Methods. Second edition. Washington: Resources for the Future. 2003.
10. Hanneman W. M. "Willingness to pay and willingness to accept: How much can they differ? // American Economic Review. – 1991. – 81 (3). – Pp. 635-647.
11. Pearce D., Turner K., Bateman J. Environmental Economics. An Elementary Introduction. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1993.
12. Экосистемные услуги наземных экосистем России: первые шаги Status Quo Report. – Москва: Центр охраны дикой природы, 2013. – 45 с.

13. Ануфриев, В.П. Водоохранная роль лесов: экономический аспект / В.П. Ануфриев, Ю.В. Лебедев, И.А. Неклюдов // Вестник Уральского отделения РАН. – 2013. – № 4. – С. 31-39.
14. Водные ресурсы и управление водопользованием на Европейском Северо-Востоке / коллектив авторов. – Сыктывкар, 2011. – 324 с.
15. Крестовский, О.И. Влияние вырубки леса на водность рек и восстановление лесов / О.И. Крестовский. – Л.: Гидрометеиздат, 1986. – 117 с.
16. Неклюдов, И.А. Методика оценки водорегулирующей роли лесопокрываемых водосборов / И.А. Неклюдов // Леса России и хозяйство в них / УГЛУ. – Екатеринбург. – 2011. – № 1. – С. 81-83.
17. Неклюдов, И.А. Эколого-экономическая оценка водорегулирующей роли лесопокрываемых водосборов Среднего Урала / И.А. Неклюдов // Проблемы обеспечения развития современного общества: сборник трудов межд. науч.-практ. конф. УФУ им. Б. Ельцина / ИЭ УрО РАН, 2014. – С. 199-208.
18. Макаренко, Г.П. Эколого-экономическая оценка водоохранной роли леса / Г.П. Макаренко // Формирование лесного кадастра и система плат за лесопользование и аренды лесов Урала. – Екатеринбург, 1996. – С. 17-21.
19. Фомина, В.Ф. Доступность оплаты коммунальных услуг в сельских районах Республики Коми / В.Ф. Фомина // Материалы IV Всероссийского научного семинара «Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014». – Сыктывкар, 2014. – С. 144-154.
20. Котко, А.А. Включение экосистемных услуг в экономические отношения / А.А. Котко // Известия РАН. Серия географическая. – 2009. – № 4. – С. 78-85.
21. Цибульникова, М.Р. Учет природного капитала и экосистемных услуг в управленческих решениях / М.Р. Цибульникова // Вестник ТГУ. – 2012. – № 360. – С. 193-199.
22. Титова, Г.Д. Платежи за экосистемные услуги в программах экокомпенсации / Г.Д. Титова // Астраханский вестник экологического образования. – 2015. – № 2 (32). – С. 105-110.
23. Тихонова, Т.В. Оценка эффективности направлений развития особо охраняемых природных территорий Республики Коми / Т.В. Тихонова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1(37). – С. 182-195.
24. Эколого-экономический индекс регионов РФ / С.Н. Бобылев, В.С. Минаков, С.В. Соловьева, В.В. Третьяков. – М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF) и РИА «Новости», 2012. – 152 с.
25. Моткин, Г.А. Экономическая оценка средообразующих функций экосистем / Г.А. Моткин // Экономика и математические методы. – 2010. – Т. 46. – № 1. – С. 3-11.
26. Экологическое страхование в Ленинградской области: сборник юридических и нормативно-экономических документов (проекты) / под ред. Г.А. Моткина. – М.: Ось-89, 1999. – 52 с.
27. Развитие страхования в Республике Башкортостан. – М., Уфа: ПС «Граница», 2002. – 39 с.
28. Ценность лесов. Плата за экосистемные услуги в условиях «зеленой» экономики / ООН. – Женева, 2014. – 94 с.

Сведения об авторе

Татьяна Вячеславовна Тихонова – кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией экономики природопользования, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; tikhonova@iespn.komisc.ru)

Tikhonova T.V.

Environmental and Economic Assessment of Water Regulation Function of Rural Territories in the Republic of Komi

Abstract. The concept of sustainable development adopted in Rio de Janeiro in 1992 was a turning point in the understanding of the importance of “natural capital”, when emphasis on ecosystem services was

marked. An important step in the development of the practical use of the concept of ecosystem services was the decision, which is based on three principles: recognition of the ecosystem value; carrying out its economic assessment and the development of mechanisms accounting for these benefits. The article presents the ecological and economic assessment of water regulating function of the northern region on the basis of methodology of Yu.V. Lebedev and I. A. Neklyudov based on the evaluation of average annual growth rate of groundwater flow of forested watersheds. The region is situated in the natural zones of tundra and taiga. As for taiga forests, their precipitation joins groundwater flow during the period of summer and autumn rains. The differentiation of the value of groundwater flow is determined by the topography, forest cover, wetlands and characteristics of timber stands. The calculation also concludes that wooded watersheds provide the territory with water (as a result of the growth of the underground part of the river flow) by 130-560 cubic meters per hectare of forested areas in the summer period; the annual volume of accumulated water per hectare in the region is 9915,6 million cubic meters, which may serve as a possible reserve of water in case of natural and man-made emergencies. The annual economic effect of water regulating role of forests is 3.5 billion rubles. This financial measure can be a starting point in assessing the damage from the loss of forested areas. The conducted evaluation is important because it provides specific data at the local level concerning forest ecosystem potential of keeping the amount of water differentiated by forestries.

Key words: water regulation function, groundwater flow, wooded watersheds, percentage of forest area, growth of groundwater runoff, forestry, ecosystem services, natural capital.

References

1. Konyushkov D.Ye. Formirovaniye i razvitiye kontseptsii ekosistemnykh uslug: obzor zarubezhnykh publikatsiy [Formation and development of the concept of ecosystem services: a review of foreign publications]. *Byulleten' Pochvennogo instituta im. V.V. Dokuchayeva* [Bulletin of V.V. Dokuchaev Soil Science Institute], 2015, no. 80, pp. 26-49. (In Russian).
2. Jacobs S., Dendoncker N., Keune H. (Eds.). *Ecosystem Services. Global Issues, Local Practices*. Elsevier, 2014. 411 p.
3. Lebedev Yu.V. *Otsenka lesnykh ekosistem v ekonomike prirodopol'zovaniya* [Assessment of forest ecosystems in environmental economics]. Yekaterinburg: UrO RAN, 2011. 575 p. (In Russian).
4. Krasovskaya T.M. *Prirodopol'zovaniye Severa Rossii* [Nature management in the North of Russia]. Moscow: Izd-vo LKI, 2008. 288 p. (In Russian).
5. Tishkov A.A. (Ed.). *Ekonomika sokhraneniya bioraznoobraziya* [Economics of biodiversity conservation]. Moscow: GEF proyekt "Sokhraneniye bioraznoobraziya"; Institut ekonomiki prirodopol'zovaniya, 2002. 604 p. (In Russian).
6. Bobylev S.N., Perelet R.A., Solov'yeva S.V. *Otsenka i vnedreniye sistemy platezhey za ekosistemnyye uslugi na osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriyakh: metodicheskiye rekomendatsii* [Evaluation and implementation of a system of payments for ecosystem services in protected natural areas: methodological guidelines]. Volgograd, 2012. 176 p. (In Russian).
7. Fomenko G.A., Fomenko M.A., Mikhaylova A.V., Mikhaylova T.R. *Ekonomicheskaya otsenka osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriy Kamchatki: prakticheskiye rezul'taty i ikh znacheniyе dlya sokhraneniya bioraznoobraziya (na primere prirodnogo parka "Bystrinskiy")* [Economic evaluation of protected territories of Kamchatka: practical results and their importance for biodiversity conservation (case study of "Bystrinsky" Natural Park)]. Yaroslavl: ANO NIPI "Kadastr", 2010. 156 p. (In Russian).
8. Puntsukova S.D. *Formirovaniye ekonomicheskogo mekhanizma ustoychivogo lesopol'zovaniya v regionakh s ekologicheskimi ogranicheniyami* [Formation of the economic mechanism for sustainable forest management in regions with environmental restrictions]. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2012. 335 p. (In Russian).
9. Freeman A.M. *The Measurement of Environment economic and Resource Values: Theory and Methods. Second edition*. Washington: Resources for the Future, 2003.

10. Hanneman W.M. "Willingness to pay and willingness to accept: How much can they differ?" *American Economic Review*, 1991, no. 81 (3), pp. 635-647.
11. Pearce D., Turner K., Bateman J. *Environmental Economics. An Elementary Introduction*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1993.
12. *Ekosistemnyye uslugi nazemnykh ekosistem Rossii: pervyye shagi. Status Quo Report* [Ecosystem services of terrestrial ecosystems of Russia: first steps. the Status Quo Report]. Moscow: Tsentr okhrany dikoy prirody, 2013. 45 p. (In Russian).
13. Anufriyev V.P., Lebedev YU.V., Neklyudov I.A. Vodookhrannaya rol' lesov: ekonomicheskyy aspekt [Water conservation role of forests: the economic aspect]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN* [Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 4, pp. 31-39. (In Russian).
14. *Vodnyye resursy i upravleniye vodopol'zovaniyem na Yevropeyskom Severo-Vostoke* [Water resources and water management in the European North-East]. Syktyvkar, 2011. 324 p. (In Russian).
15. Krestovskiy O.I. *Vliyaniye vyrubki lesa na vodnost' rek i vosstanovleniye lesov* [Effect of deforestation on the water content of rivers and restoration of forests]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1986. 117 p. (In Russian).
16. Neklyudov I.A. Metodika otsenki vodoreguliruyushchey roli lesopokrytykh vodosborov [Method of evaluation of the role water regulation forested watershed]. *Lesa Rossii i khozyaystvo v nikh* [Russian forests and their economy], 2011, no. 1, pp. 81-83. (In Russian).
17. Neklyudov I.A. Ekologo-ekonomicheskaya otsenka vodoreguliruyushchey roli lesopokrytykh vodosborov Srednego Urala [Ecological-economic assessment of the water regulating role of forested watersheds of the Middle Urals]. In: *Problemy obespecheniya razvitiya sovremennogo obshchestva. Sbornik trudov mezhd. n-prakt. konf. UFU im. B. Yel'tsina, IE UrO RAN* [Problems of development of modern society: proceedings of the research-to-practice conference at Ural Federal University named after Boris Yeltsin, Institute of Economics, Ural Branch of RAS]. 2014. Pp. 199-208. (In Russian).
18. Makarenko G.P. Ekologo-ekonomicheskaya otsenka vodookhrannoy roli lesa [Ecological-economic evaluation of water conservation role of forests]. *Formirovaniye lesnogo kadastra i sistema plat za lesopol'zovanie i arendy lesov Urala* [Formation of the forest inventory and the system of payments for forest use and lease of the forests of the Ural]. Yekaterinburg, 1996. Pp. 17-21. (In Russian).
19. Fomina V.F. Dostupnost' oplaty kommunal'nykh uslug v sel'skikh rayonakh respubliki Komi [Availability of payment for utility services in rural areas of the Komi Republic]. *Materialy IV Vserossiyskogo nauchnogo seminara "Aktual'nyye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa – 2014"* [Materials of the 4th all-Russian scientific seminar "Current problems, trends and mechanisms of development of productive forces of the North in 2014"]. Syktyvkar, 2014. Pp. 144-154. (In Russian).
20. Kotko A.A. Vkluyecheniye ekosistemnykh uslug v ekonomicheskiye otnosheniya [Inclusion of ecosystem services in economic relations]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of RAS. Geographical series], 2009, no. 4, pp. 78-85. (In Russian).
21. Tsibul'nikova M.R. Uchet prirodnogo kapitala i ekosistemnykh uslug v upravlencheskikh resheniyakh [Taking into consideration natural capital and ecosystem services in management decisions]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU], 2012, no. 360, pp.193-199. (In Russian).
22. Titova G.D. Platezhi za ekosistemnyye uslugi v programmakh ekokompensatsii [Payments for ecosystem services in environmental compensation programs]. *Astrakhanskiy Vestnik ekologicheskogo obrazovaniya* [Astrakhan herald of ecological education], 2015, no. 2 (32), pp. 105-110. (In Russian).
23. Tikhonova T.V. Otsenka effektivnosti napravleniy razvitiya osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriy Respubliki Komi [Evaluation of the efficiency of development of specially protected natural areas in the Republic of Komi]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 1 (37), pp. 182-195. (In Russian).
24. Bobylev S.N., Minakov V.S., Solov'yeva S.V., Tret'yakov V.V. *Ekologo-ekonomicheskyy indeks regionov RF* [Economic environmental index of Russian regions]. Moscow. Vsemirnyy fond dikoy prirody (WWF) i RIA Novosti. 2012. 152 p. (In Russian).
25. Motkin G.A. Ekonomicheskaya otsenka sredobrazuyushchikh funktsiy ekosistem [Economic evaluation of environmental functions of ecosystems]. *Ekonomika i matematicheskiye metody* [Economics and mathematical methods], 2010, vol. 46, no. 1, pp. 3-11. (In Russian).

26. Motkin G.A. (Ed.). *Ekologicheskoye strakhovaniye v Leningradskoy oblasti: Sbornik yuridicheskikh i normativno-ekonomicheskikh dokumentov (proyekty)* [Environmental insurance in the Leningrad Oblast: a collection of legal and legal-economic documents (drafts)]. Moscow: Izdatel'stvo "Os'-89", 1999. 52 p. (In Russian).
27. *Razvitiye strakhovaniya v Respublike Bashkortostan* [Insurance development in the Republic of Bashkortostan]. Moscow, Ufa: PS "Granitsa", 2002. 39 p. (In Russian).
28. *Tsennost' lesov. Plata za ekosistemnyye uslugi v usloviyakh "zelenoy" ekonomiki. OON* [The value of forests. Payments for ecosystem services in a green economy]. Geneva, 2014. 94 p.

Information about the Author

Tat'yana Vyacheslavovna Tikhonova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Laboratory of Environmental Economics, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 11.10.2016.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.12

УДК 314.7, ББК 60.546.7

© Бюрге Элван Эрхинли, Тюзин Байджан

Могут ли соседские связи оставаться важными для мигрантов в мегаполисах?

Бюрге Элван Эрхинли

Стамбульский технический университет
Турецкий фонд социально-экономических исследований
Стамбул, Турция, 34347, район Ортакей, район Мэджидийэ, ул. Дэрэбойу, д. 41
E-mail: erginlie@gmail.com

Тюзин Байджан

Стамбульский технический университет
Стамбул, Турция, 34437, район Шишли, пл. Таксим, кампус Ташкышла
E-mail: t.baycan@itu.edu.tr

Аннотация. Несмотря на то что роль связей с соседями в жизни людей уменьшается, так как современные крупные города-мегаполисы предлагают в этом отношении слишком большой выбор, они не исчезли полностью, сохранив свою значимость для некоторых групп населения. В столичных городах мигранты поселяются в районах, в которых проживают мигранты из тех же стран, что и они. Эта ситуация представляет собой более сложное явление, чем социально-экономические факторы, и формы отношений, поддерживаемых внутри и за пределами своих районов, в разных группах мигрантов могут различаться. Цель данного исследования — выявить важность связей в сетях мигрантов в Стамбуле с людьми, проживающими по соседству в одном

Для цитирования: Бюрге Элван Эрхинли. Могут ли соседские связи оставаться важными для мигрантов в мегаполисах? / Бюрге Элван Эрхинли, Тюзин Байджан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 227-250. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.12

For citation: Bürge Elvan Erginli, Tüzin Baycan. Could Neighbourhood Ties Still Be Important for the Migrants in a Metropolitan City? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 227-250. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.12

районе (квартале), и изучить типы этих связей в зависимости от их географической локализации. Результаты проведенного анализа наглядно доказывают концентрацию различных групп мигрантов в районах Стамбула, основное внимание уделяется международным мигрантам из Македонии и стран бывшей Югославии (регион Санджак), которые проживают в районах Байрампаша и Бешикташ, а также внутренним мигрантам, прибывшим из Анкары, крупнейшего мегаполиса, и соседнего с ней города Эскишехира и проживающих в Бешикташе. На основе анализа персональных сетей в исследовании сравниваются связи мигрантов с людьми, проживающими с ними по соседству, по характеристикам мигрантов и типу их локальных и нелокальных связей. Результаты выявили различия между группами мигрантов по степени их зависимости от связей с соседями и типы связей, которые различаются их географической локализацией.

Ключевые слова: персональные сети мигрантов, локальные связи, нелокальные связи, сетевой анализ.

1. Введение

В первой половине XX века преобладали социальные исследования, которые подходили к изучению социальных действий, определяя их контекстуальный, ситуационный характер (Coleman, 1986; Pattison и Robins, 2004). Однако после 40-х годов контекстуальное представление было отвергнуто в пользу другой теории, которая пытается толковать социальный мир посредством изучения отдельных индивидов без рассмотрения контекстов их социальных действий (Emirbayer и Goodwin, 1994). В социальных исследованиях М. Эмирбаера (1997) такой подход назван «субстанциональным». В отличие от субстанционального подхода, не учитывающего отношения между социальными сущностями и не рассматривающего отношения как независимые от понятия реального бытия¹, в «реляционном подходе» фокус исследований — это сами отношения.

Реляционный анализ в миграционных исследованиях начал развиваться параллельно с развитием социальных исследо-

ваний и ввиду несовершенства традиционных подходов к объяснению миграционных явлений. Эти новые подходы, объединяющие макро- и микроуровни в исследованиях миграции, сосредоточены не столько на определении и характеристике акторов, сколько на выявлении структуры и содержания отношений между акторами. Существует большое количество исследований, посвященных изучению в русле реляционной теории процессов принятия решений, выбора мест проживания, а также статуса переселенных мигрантов в принимающих странах (например, транснациональные социальные пространства). Такие исследования базируются на концепции социального капитала и рассматривают его одновременно как ускоритель интеграции мигрантов в принимающем обществе, так и связующее звено, обеспечивающее продолжение связей в регионе, посылающем мигрантов.

Совершенно очевидно, что благодаря совершенствованию технологий и развитию транспортного обслуживания социальные сети в районах уже не такие, как были ранее. Связи рассеиваются сквозь время и пространство. Литература о связях между жителями мегаполисов либо заостряет внимание на продолжении значи-

¹ Субстанциональный подход рассматривает отношения так, как если бы они являлись частью сущностей. Отношения понимаются так, как если бы они вносили только дополнительные или внешние изменения в сущности, не меняя их природы.

мости локальных связей, либо делает акцент на связях, которые выделяются из местных условий. Вместе с тем, если сегрегация мигрантов по-прежнему остается одной из основных характеристик мегаполисов, несмотря на изменение структуры взаимосвязей между жителями, имеет смысл сосредоточиться на формах взаимоотношений, которые они поддерживают с лицами, проживающими в их кварталах. Данное исследование представляет собой попытку понять значимость связей с соседями в сетях мигрантов в Стамбуле и изучить типы связей в зависимости от их географической локализации. Результаты проведенного анализа наглядно доказывают концентрацию различных групп мигрантов в районах Стамбула, причем основное внимание уделяется международным мигрантам из Македонии и стран бывшей Югославии (регион Санджак), которые проживают в таких районах, как Байрампаша и Бешикташ, а также внутренним мигрантам, прибывшим из Анкары, крупнейшего мегаполиса, и соседнего с ней города Эскишехира и проживающим в Бешикташе. На основе анализа персональных связей в исследовании сравниваются соседские связи мигрантов по их характеристикам и типу их локальных и нелокальных связей.

Существует совсем мало исследований о социальных сетях мигрантов, решающих проблему с реляционной точки зрения. Количественные исследования, в которых используются данные опросов о личных связях мигрантов и их географической локализации, на самом деле не сосредоточены на отношениях между отдельными индивидуумами (лицами). Связи сводятся к показателям без учета того, в каких контекстах (какие виды связей, в каких типах сетей) они осуществляются. В то же время качественные исследования дают более

подробную информацию о связях между отдельными лицами (индивидуумами). Однако невозможно увидеть общую картину связей между индивидуумами: например, типы и территории их проживания могут не соотноситься. В данном исследовании мы рассмотрим сети мигрантов и сосредоточим внимание на локальных и нелокальных связях в этих сетях.

Во втором разделе статьи приводится анализ литературы о социальных сетях мигрантов. Он начинается с краткого обсуждения локальных и нелокальных связей жителей мегаполисов. Третий раздел, который является эмпирической частью этого исследования, представляет область исследования, содержит описание групп мигрантов, данных и методов исследования, обоснование результатов анализа. В четвертом разделе обобщаются и обсуждаются выводы.

2. Социальные сети мигрантов в современных городах-мегаполисах

2.1. Локальные и нелокальные связи в городах-мегаполисах

Благодаря совершенствованию технологий и развитию транспортного обслуживания социальные сети в районах (кварталах) уже не такие, как были раньше. Например, роль связей с соседями в жизни людей уменьшается, так как современные мегаполисы предлагают слишком большой выбор в этом отношении. Люди, которые живут в современных городах, могут свободно выбирать друзей на основе общих интересов по разным каналам (Logan и Spitze, 1994). Наряду с социальной близостью наличие каналов связи, средств коммуникации является важным вопросом в формировании и поддержании связей между людьми (Hampton and Wellman, 2003). Поскольку новые транспортные и коммуникационные технологии позволяют сокращать расстояния, для жителей мегапо-

лисов не является проблемой поддержание связей с большим количеством людей посредством использования разных способов коммуникации², поэтому традиционный способ общения «лицом к лицу» не служит обязательным условием сохранения социальных связей (Putnam, 2000). Тем не менее связи с соседями по-прежнему важны³, особенно для некоторых людей, по причине наличия общих проблем и общего социального статуса жителей района⁴. Районы проживания — это такие территории, в которых люди, не имеющие доступа к более широким сетям, могут общаться (Logan and Spitze, 1994). Существует несколько характерных черт (возраст, финансовое положение, продолжительность проживания на определенной территории, статус этнического меньшинства, пол и т. д.), которые ограничивают доступ людей к более широким сетям. Кроме того, по мере того как

продолжительность проживания людей на определенной территории (в определенном районе) увеличивается, они начинают инвестировать в свои локальные связи. Следовательно, продолжительность проживания на определенной территории является важным фактором для развития и поддержания связей между людьми в районах, в которых они проживают.

В целом работы, посвященные исследованию социального окружения и социальных сетей, заостряют внимание на существовании и важности плотных социальных связей внутри территорий проживания для отдельных групп населения, при этом другие сообщества в некоторой степени независимы от наличия связей с соседями. Эти исследования (Wellman, 1979; Fischer, 1982; Campbell и Lee, 1992; Logan и Spitze, 1994; Hampton и Wellman, 2003; Bastani, 2007; Grossetti, 2007) выделяют главным образом три аспекта проблемы. Во-первых, это тип⁵ связей, которые все еще существуют между людьми в районах их проживания. Во-вторых, это характеристики жителей, для которых соседские связи являются значительными⁶ или незначительными. В-третьих, они сосредоточены на изучении содержательных характеристик связей между городскими жителями

² Для более широкого представления о том, как новые коммуникационные технологии повлияли на количество контактов между членами сетей среди жителей Нетвилля, см. работу Хэмптона и Веллмана (Hampton and Wellman, 2002). Авторы подчеркивают, что новые коммуникационные технологии следует рассматривать как инструменты, которые создают новые способы социальных контактов между членами персональных сетей, образованных отношениями родства, дружбы, связями между соседями и коллегами по работе. Они показывают, что последствия от использования таких технологий могут быть реальными для разных людей или одного человека в разное время.

³ Физически доступные (т. е. соседские) связи обеспечивают инструментальную помощь и поддержку, «такую как кредитование и предоставление предметов домашнего обихода, помощь в ремонте жилья и помощь в работе с организациями ... В целом кварталы с высоким социальным капиталом более безопасны, лучше информированы, имеют более высокий уровень социального доверия и лучше справляются с решением местных проблем» (Hampton и Wellman, 2003).

⁴ С другой стороны, Хэмптон и Веллман (Hampton and Wellman, 2003) также обращают внимание на сокращение доступа к коммуникациям жителей одного района, хотя они физически близки, из-за других видов деятельности, отсутствия в районе проживания институтов и нехватки времени по причине длинного рабочего дня. Таким образом, эмпирические данные помогают нам увидеть, в какой степени, в каких случаях и для кого важны связи с соседями.

⁵ Согласно Бриджу (Bridge, 2002), эти типы отражают взаимодействие между людьми, проживающими по соседству в одном квартале, которое происходит за пределами рабочих мест.

⁶ В целом ряде исследований предполагается, что локальные социальные контакты важны только в районах с низким доходом или в этнических анклавах. В дискуссиях по вопросам бедности принято считать, что люди, живущие в изолированных районах, как правило, имеют ограниченные сети, что сокращает доступ к информации, культурным объектам и возможностям в целом и приводит к тому, что они сталкиваются с негативными социально-экономическими условиями (Marques, 2012). В то же время пространственная сегрегация может помешать интеграции мигрантов в обществе, но, безусловно, помогает укрепить взаимодействие в группах. Например, сети могут способствовать социальному улучшению, особенно когда трудно найти возможности на официальном рынке труда (van Kempen and Ozuekren, 1998).

и причин, по которым формируются эти связи. Исследования, которые обращаются к решению этих вопросов путем применения сетевого анализа, отличаются от других⁷ тем обстоятельством, что они избегают априорных утверждений (Wellman, 1979). Если оценить все исследования, посвященные изучению социальных сетей в привязке к территориям проживания людей, можно увидеть, что даже в наше время мы все еще можем и должны говорить о локальных (то есть соседских) связях в городах. Несмотря на то что технологические усовершенствования и транспортные возможности снижают роль таких связей, они не полностью разрушены. То, что действительно произошло с локальными связями, можно назвать трансформацией, но не разрушением. Более того, согласно Веллману (Wellman, 1979), агломерация ограничивает поле взаимодействия в большей степени, чем соседство. Исследования социальных сетей и физического пространства в основном касаются проблемы взаимосвязи между типами сетей, характеристик жителей и содержания связей, благодаря которым люди получают различную поддержку. Соседские связи, все еще существующие в сетях людей, различаются по объему, типу и содержанию в зависимости от характеристик людей. Однако, как утверждает Веллман (Wellman, 1979), для того чтобы понять, насколько важны соседские связи, необходимо изучить все подобные сети. Слабо разветвленные сети содержат несколько компонентов. Если со-

⁷ Веллман (Wellman 1979: 1203) критикует исследования, которые посвящены изучению сообществ и сводятся к их изучению в ограниченном пространстве, предполагая, что «первичные связи городского жителя организованы местностью». Именно поэтому они чаще всего делают вывод о распаде сообщества. Веллман подчеркивает уместность сетевого подхода к исследованиям сообществ из-за его способа анализа индивидуумов как связанных узлов сложных сетевых структур, а не членов разделенных между собой общностей.

средоточиться только на определенных типах сетей, таких как системы родства или соседские отношения, неизбежно обнаружатся тесные (плотные) разветвленные сети.

2.2. Социальные сети мигрантов

Структура сегрегации населения по месту проживания, создающаяся за счет новых мигрантов, которые поселяются в тех же районах, в которых уже поселились мигранты из тех стран, что и они, представляет собой более сложное явление, чем социально-экономические факторы. Социальные отношения внутри групп и между ними играют важную роль в формировании и трансформации сегрегационных моделей. Сильные связи между мигрантами рассматриваются в качестве самой важной причины сегрегации (см., например, Gijssberts и Dagevos, 2007; Van der Laan Bouma-Doff, 2007; Vervoort, 2012). «Новые мигранты предпочитают географическую (территориальную) близость к своим землякам, и в то же время эта ситуация приводит к формированию новых связей и/или уплотнению существующих» (Erginli и Baycan, 2016).

Не вызывает сомнений то, что благодаря технологическим усовершенствованиям и развитию транспортных средств социальные сети в соседствующих районах уже не такие, как были раньше. Связи рассеиваются во времени и пространстве. Тем не менее, если сегрегация мигрантов по месту проживания всё еще остается одной из главных характеристик мегаполисов, несмотря на изменение структуры сетей жителей, стоит сосредоточиться на исследованиях, которые изучают связи мигрантов. Ученые, занимающиеся этим направлением, рассматривают подобные связи либо путем изучения местных сообществ мигрантов в местах их проживания, либо изучают предмет безотносительно террито-

риального пространства. Данные работы, посвященные изучению социальных сетей переселенных мигрантов, значительно отличаются друг от друга целями и методами исследования. Ниже эти работы классифицируются относительно целей исследования и рассматриваются в аспектах, на которые они ссылаются.

Одним из направлений таких исследований является определение **роли социальных сетей в адаптации и интеграции мигрантов** в принимающем обществе (см., например, Koser, 1997; Nannestad, 2008; Fernandez, 2002; Cranford, 2005; Marschall и Stolle, 2004; Ryan, 2011; Zhou и Bankston, 1994; Barnes, 2001; Fong, 1997; Flores-Yeffal и Aysa-Lastra, 2011). Все эти исследования, как правило, рассматривают положительные и/или отрицательные эффекты социальных сетей для отдельных лиц, для того чтобы выяснить, не мешают ли этнические связи интеграции мигрантов в принимающем обществе.

Другое направление исследований данной проблемы – изучение **влияния особенностей социального окружения на социальные сети** (см., например, van der Laan Bouma-Doff, 2007; Vervoort, 2012; Bakker и Dekker, 2012; Gijsberts и Dagevos, 2007; Boschman, 2012; Pinkster и Völker, 2009; Smets и den Uyl, 2008). За небольшим исключением, эти исследования обычно используют количественные методы. Поскольку их цель состоит в том, чтобы выявить эффекты связей мигрантов в районах их проживания, данные территории рассматриваются в сравнении друг с другом в соответствии с их статусом (низкий–средний–высокий). Также изучаются индивидуальные характеристики (особенности) с той целью, чтобы, выявить, например, одинаково ли влияет на всех лиц концентрация социальных сетей на территории их проживания.

Широко распространенным предметом исследований о социальных сетях мигрантов является **влияние социальных сетей на трудоустройство мигрантов** (см., например, Aguilera, 2002; Sanders и др., 2002; Aguilera, 2003; Aguilera and Massey, 2003; Pinkster, 2007; Harvey, 2008; Beaman, 2012). Разумеется, в этих исследованиях выявляется положительное и отрицательное воздействие социальных сетей мигрантов на процесс поиска работы. За небольшим исключением, данные исследования не анализируют локальные сообщества индивидов. Как качественные, так и количественные исследования рассматривают социальный статус лиц при изучении вопроса о влиянии социальных сетей на доступ людей к каналам поиска работы.

В последнее время выделилось новое направление исследований, изучающее «структуру социальных сетей и состав мигрантов» в принимающих обществах (см., например, Liu и др., 2012; Molina и др., 2012; Lubbers и др., 2010; Lubbers и др., 2007; Ooka и Wellman, 2006; Schweizer и др., 1998; Litwin, H., 1995). Хотя в некоторых из этих исследований основное внимание уделяется проблемам адаптации и интеграции мигрантов, они выделены в отдельное направление, поскольку используемые ими методы в значительной мере отличаются от вышеупомянутых исследований. Информация о личных связях в сетях мигрантов с ограниченным числом лиц собирается из соответствующих опросов (исследований). Некоторые исследования в этой категории рассматривают локальные сети на уровне района или города. Исследования, изучающие структуру социальных сетей и состав мигрантов с точки зрения понимания их сущности, дают более полное представление о сетях. Они сосредоточены на взаимоотношениях (взаимосвязях) между отдельными людьми и при этом не

сводят отношения к характеристике индивидов. Устанавливаются тип, характерные особенности, сила связей, получаемая благодаря этим связям поддержка, выявляется структура и состав сетей, и все это может быть сопоставлено с характеристиками отдельных лиц. В нашем исследовании мы применяем такой подход для изучения важности связей между соседями в сетях мигрантов. Как полагает Веллман (Wellman 1979), после изучения сетей мигрантов в целом следует исследовать связи в этих сетях.

3. Мигранты в районах Байрампаша и Бешикташ

3.1. Выбор исследуемых территорий и групп мигрантов

Поисковый анализ, выявляющий концентрацию мигрантов, необходим для выбора групп мигрантов и районов их проживания, подлежащих изучению. Мы применили корреляционный анализ (Erginli и Вауан, 2016)⁸, выявивший районы, в которых сосредоточены группы международных и внутренних мигрантов. Ввиду чрезмерной представленности международных мигрантов из Македонии, Албании и стран бывшей Югославии⁹ в районе Байрампаша, а также чрезмерно высокой численности внутренних мигрантов, прибывших из крупных столичных городов Турции, и небольшого превышения числа международных мигрантов из Македонии, Албании и региона Санджак в районе Бешикташ, в качестве территорий проживания мигрантов были выбраны для исследования рай-

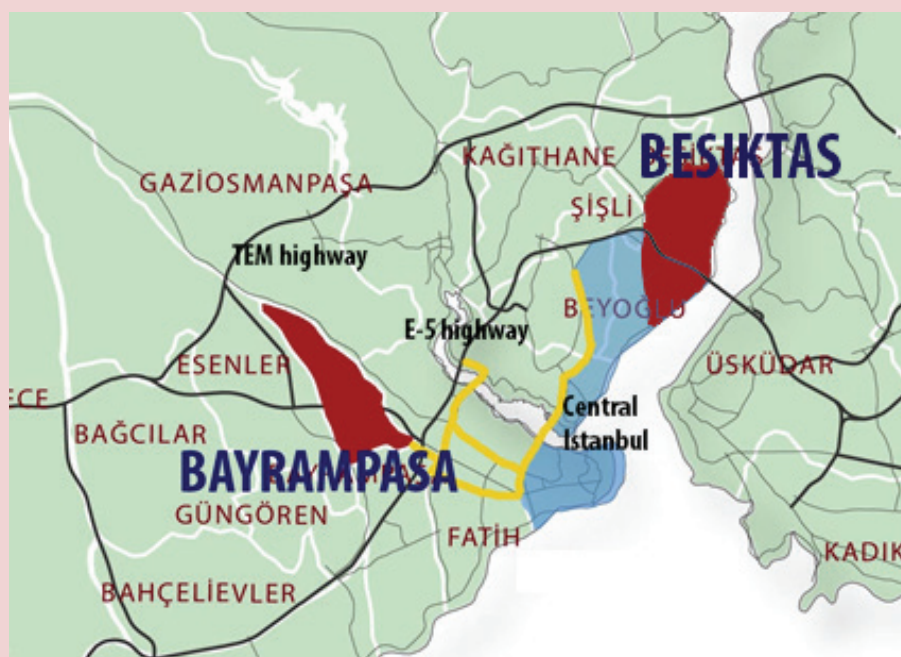
оны Байрампаша и Бешикташ. В данном исследовании основное внимание уделяется международным мигрантам, которые приехали из Македонии и региона Санджак и проживают в районах Байрампаша и Бешикташ, а также внутренним мигрантам, которые прибыли из крупнейшего города-мегаполиса Анкара и граничащего с ним города Эскишехир и проживают в Бешикташе. Эти два района отличаются друг от друга с точки зрения их географического расположения в городе, землепользования (землеустройства) и социальных структур. Бешикташ находится в центральной части города, в нем проживает довольно большое количество специалистов из центрального делового района и офисных служащих («белых воротничков»), в то время как Байрампаша является более периферийным районом, в котором распространены промышленные производства и оптовая торговля. Следовательно, можно будет сравнить не только социальные сети одних и тех же групп мигрантов, которые приехали из Македонии и региона Санджак, в двух разных районах, но и социальные сети этой группы мигрантов с другой группой мигрантов, т.е. с теми, кто переехал из Анкары и Эскишехира.

Байрампаша занимает площадь 961 га, население составляет 269 677 жителей. Имея такое географическое расположение, район играет важную роль в истории развития Стамбула. Он получил статус района в 1990 году, выделившись из состава района Эюп. Вместе с соседними районами – восточным Эюп и южным Зейтинбурну – он примыкает к центральному району Стамбула – Историческому полуострову. Кроме того, Байрампаша имеет прямое дорожное соединение с автомагистралями E-5 и трансъевропейской автомагистралью, что делает район доступным из других частей города (рис. 1). Общественный транспорт

⁸ Анализ проводится с использованием данных переписи TURKSTAT 2000, которые содержат информацию о местонахождении мигрантов за 5 лет до переписи и их текущем местоположении во время переписи.

⁹ В 2000 году Югославия (Союзная Республика Югославия) включала Сербию и Черногорию. Регион Санджак, из которого прибыли мигранты, расположен вдоль границы этих двух стран. С этого момента место происхождения этих мигрантов будет обозначаться как «регион Санджак».

Рисунок 1. Расположение районов Байрампаша и Бешикташ

представлен несколькими видами, такими как метробус (скоростной автобус), легкая железная дорога и автобусы.

За счет своего стратегического местоположения район Байрампаша стал районом назначения для всех внутригородских миграционных потоков и для внутренней и международной миграции. В результате подготовительных работ, которые развернулись в связи со строительством дорог на Ватан и Милет, некоторые из жителей переехали в район Байрампаша в 1950-х годах (District Governorship of Bayrampasa, 2017). Массовая миграция в Стамбул из других турецких провинций вследствие быстрой урбанизации страны и развития построенных в Байрампаша промышленных предприятий оказала влияние на район, сделав его привлекательным для внутренних мигрантов после 1950-х годов. В тот же период началась миграционная волна из Македонии, Албании и бывшей

Югославии¹⁰, быстро нараставшая до конца 1960-х годов. Как показывает анализ миграционных потоков из этих регионов (Erginli and Baycan, 2016), в 1995–2000 годах это движение все еще продолжалось.

Бешикташ занимает площадь 1801 га, население составляет 186 570 жителей. Район расположен на европейском побережье Босфора и имеет береговую линию протяженностью 8375 метров. Он граничит с районом Бейоглу на юге, районами Шишли и Кягытхане на западе и районом Сарьер на севере (см. рис. 1). Район можно считать центральным; в нем расположены университеты с различными факультетами,

¹⁰ Массовая миграция из региона Македония–Югославия произошла главным образом в четыре разных периода. Первая волна была вызвана Османской войной 1877–1878 годов; вторая волна – Балканской войной 1912–1913 годов; третья волна произошла между 1923–1951 гг.; четвертая волна – между 1951–1967 годами, преимущественно из Македонии в 50-е и Боснии в 60-е годы.

офисы и предприятия. Имеется автодорожное сообщение с несколькими районами Стамбула, которые находятся рядом с Босфорским мостом, а также теми районами, в которые можно добраться по морю.

Согласно данным переписи 2000 года Туркстат, район Байрампаша представлен рабочими из числа внутренних и международных мужчин-мигрантов, безработными, домохозяйками, пенсионерами и студентами. Уровень образования мигрантов относительно низкий. Бешикташ, наоборот, представлен как внутренними, так и международными мигрантами мужского и женского пола с высоким уровнем образования и студентами университетов. Вследствие этого данные районы отличаются друг от друга по своему географическому местоположению в городе, землепользованию и социальным структурам. Бешикташ находится в центре города, в нем проживает довольно большое количество специалистов из центрального делового района и офисных служащих («белых воротничков»), в то время как Байрампаша является более периферийным районом, в котором распространены промышленные производства и оптовая торговля.

На первом этапе полевого исследования были изучены ассоциации мигрантов, в результате установлено, что Ассоциация культуры и солидарности румельских турок (Rumeli Türkleri Kültür ve Dayanışma Derneği) в Байрампаша и Бешикташе и Братская ассоциация культуры Боснии и Санджака (Bosna-Sancak Kültür ve Yardımlaşma Derneği) в Байрампаша проводят регулярные мероприятия. Однако в Бешикташе нет ни одной ассоциации для мигрантов из Анкары и Эскишехира. Эта ситуация указывает на прочные связи между мигрантами из Македонии и региона Санджак и относительно слабые связи между мигрантами из Анкары и Эскишехира. Следовательно,

чтобы достичь цели исследования, важно изучить эти две группы в сопоставлении.

3.2. Данные и методы

Для целей исследования было проведено 126 личных опросов респондентов в районах Байрампаша и Бешикташ. Во-первых, опрошены мигранты, которые состоят в организациях Ассоциации культуры и солидарности румельских турок в Байрампаша и Бешикташе и Братской ассоциации культуры Боснии и Санджака в Байрампаша. Во-вторых, чтобы охватить мигрантов, не связанных с ассоциациями, использовалась выборка по методу «снежного кома» (табл. 1).

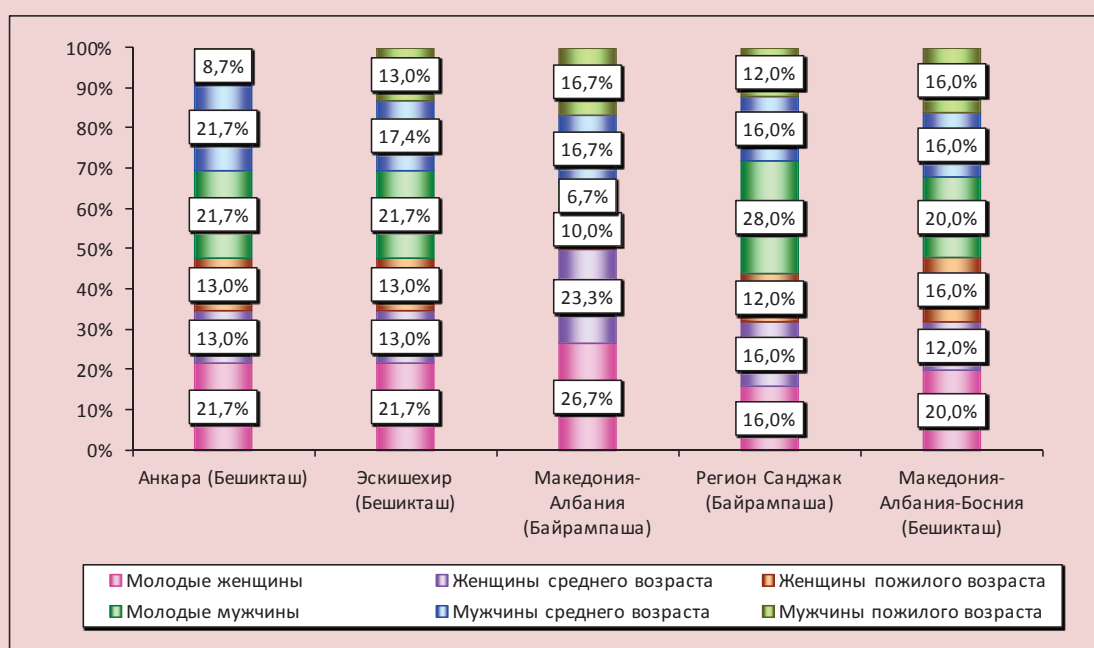
Стратегия построения выборки основывалась на отборе респондентов по полу, возрасту и принадлежности к ассоциации мигрантов. Из разных групп мигрантов было опрошено равное число мужчин и женщин-мигрантов, а также равное количество людей из возрастных групп молодых людей (18–35 лет), взрослых людей среднего возраста (36–55 лет) и пожилых людей (56+).

Половозрастное распределение лиц показано на *рисунке 2*. Среди мигрантов, переехавших из Анкары и проживающих в Бешикташе, 47,8% составляют женщины, а 52,2% – мужчины. 43,5% из этих мигрантов составляют молодые люди, 34,8% – взрослые среднего возраста, 21,7% – пожилые люди. Среди мигрантов, переехавших из Эскишехира и проживающих в Бешикташе, 47,8% составляют женщины, 52,2% – мужчины. 43,5% этих мигрантов составляют молодые люди, 30,4% – взрослые среднего возраста, 26,1% – люди пожилого возраста. 48% мигрантов из Македонии, Албании и Санджака, проживающих в Бешикташе, составляют женщины, 52% – мужчины. 40% этих мигрантов составляют молодые люди, 28% – взрослые среднего возраста, 32% – люди пожилого возраста.

Таблица 1. Выборка респондентов

Район проживания	Область / страна происхождения	Число респондентов, которые связаны с ассоциациями мигрантов	Число респондентов, не являющихся членами ассоциаций мигрантов	Всего
Байрампаша	Македония, Албания	14	16	30
	Регион Санджак	12	13	25
Бешикташ	Македония, Албания, Регион Санджак	7	18	25
	Анкара	0	23	23
	Эскишехир	0	23	23

Рисунок 2. Половозрастное распределение групп мигрантов, включенных в выборку (n=126)

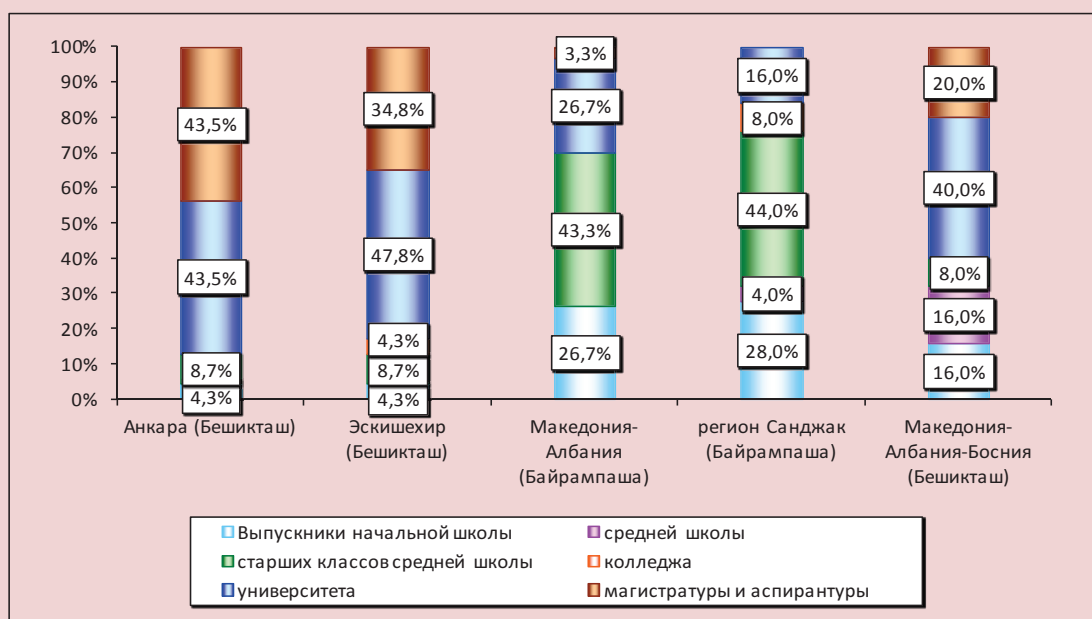

Среди мигрантов из Македонии и Албании, проживающих в районе Байрампаша, 60% составляют женщины, 40% – мужчины. 33,3% этих мигрантов составляют молодые люди, 40% – взрослые среднего возраста, а 26,7% – люди пожилого возраста. Среди мигрантов из региона Санджак, проживающих в Байрампаша, 44% составляют женщины, 56% – мужчины. Из них 44% – молодые люди, 32% – взрослые среднего возраста, 24% – люди пожилого возраста.

На рисунке 3 показан уровень образования респондентов. Мигранты из Анкары и

Эскишехира, проживающие в Бешикташе, имеют очень высокий уровень образования: так, 87% мигрантов, родившихся в Анкаре, имеют степень бакалавра, магистра или кандидата наук, а в общем числе мигрантов из Эскишехира доля людей, имеющих высшее образование, достигает 82,6%. В то же время мигранты из Македонии, Албании и региона Санджак, проживающие в районе Байрампаша, имеют более низкий уровень образования. Только 30% мигрантов из Македонии и Албании имеют степень бакалавра, магистра

Рисунок 3. Распределение мигрантов, включенных в выборку, по уровню образования (n=126)

или кандидата наук, а среди мигрантов из Санджака доля таковых еще ниже (16%). Доля мигрантов, имеющих только начальное образование, составляет в каждой из этих групп 30%. Уровень образования мигрантов из Македонии, Албании и Санджака, проживающих в районе Бешикташ, выше, чем у мигрантов, проживающих в Байрампаша. 60% этих мигрантов имеют степень бакалавра, магистра или кандидата наук, тогда как лишь 16% из них получили только начальное образование (закончили начальную школу).

Чтобы достичь цели исследования, крайне важно иметь информацию о связях между мигрантами и людьми, которые проживают с ними по соседству, в других районах, городах или в других частях мира. Поэтому в данном исследовании «эгоцентрический (персональный) сетевой анализ» используется как метод, который не ограничивает сеть отдельных людей определенным географическим или социальным пространством.

Персональный сетевой анализ требует проведения определенного типа опроса, в процессе которого собирается информация о характеристиках, атрибутах респондента (субъекта), образующих взаимосвязи с определенным числом лиц, с которыми данный респондент имеет отношения, и информация о характеристиках, атрибутах данных лиц, а также характерные признаки связей (тип, продолжительность и частота), которые установились между ними и респондентом. Информация, собранная об атрибутах респондентов, включает их пол, возраст, уровень образования и место проживания. После получения этих данных респонденту предлагается вопрос¹¹ о построении списка имен (метод свободного припоминания/воспроизведения, McCarty, 2002) с целью соотнести их соци-

¹¹ Формулировка вопроса: «Пожалуйста, перечислите 24 человека, которых Вы знаете по именам и которые знают Вас по имени, с которыми Вы имели контакт за последние 2 года по любому поводу и с которыми при необходимости можно связаться. Не включайте в список лиц младше 18 лет».

альные сети с определенным числом. После чего собирается информация о положении этих лиц (близкие люди) в социальной сети респондента и устанавливается тип связей между субъектом (респондентом) и близкими ему людьми. Анализ проводится на двух уровнях. Во-первых, проводится описательный анализ на сетевом уровне, который показывает связи между соседями в сетях разных групп мигрантов, и далее эти связи оцениваются по ряду параметров (пол, возраст, образование мигрантов). Во-вторых, выполняется описательный анализ на уровне связей между субъектом и близкими ему людьми, наглядно показывающий географическое/территориальное распределение связей в группах мигрантов, и затем оценивается тип связей по их географической локализации.

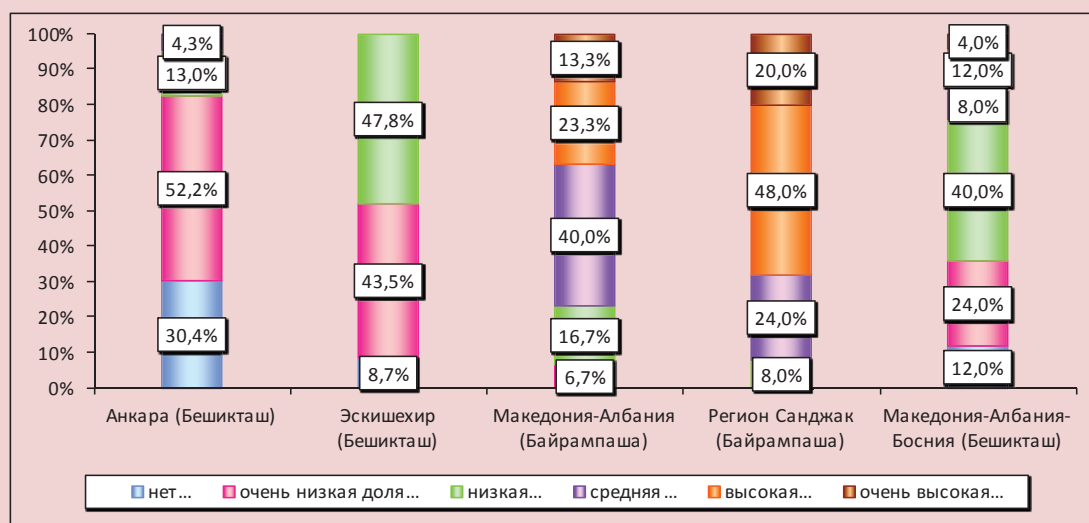
3.3. Результаты

Локальная структура сетей

На рисунке 4 показана концентрация близких людей, которые живут в том же районе, что и субъект обследования в каждой группе мигрантов. В то время как сети мигрантов из Анкары и Эскишехира, про-

живающих в Бешикташе, в основном не образуются за счет связей с близкими людьми, живущими в том же районе, что и опрашиваемый субъект, локальные отношения, по-видимому, весьма важны для мигрантов, проживающих в Байрампаша, особенно для тех, которые переехали из региона Санджак. Если оценить долю мигрантов из Анкары в процентах, то можно заметить, что 30,4% из них совсем не имеют близких людей в своем социальном окружении из проживающих в том же районе, что и они; при этом в социальном окружении 52,2% мигрантов очень низкая процентная доля связей, которые поддерживаются ими с людьми, проживающими по соседству (от 4,2 до 8,3% от всех связей). В социальном окружении 4,3% этих мигрантов доля связей с людьми, проживающими по соседству, средняя (от 25 до 45,8% от всех связей). Такая же оценка мигрантов из Эскишехира показывает, что 8,7% из них совсем не имеют близких людей в своем социальном окружении среди тех, кто проживает в том же районе, что и они; при этом в социальном окружении

Рисунок 4. Распределение сетей мигрантов, включенных в выборку, по наличию связей с соседями (n=126)

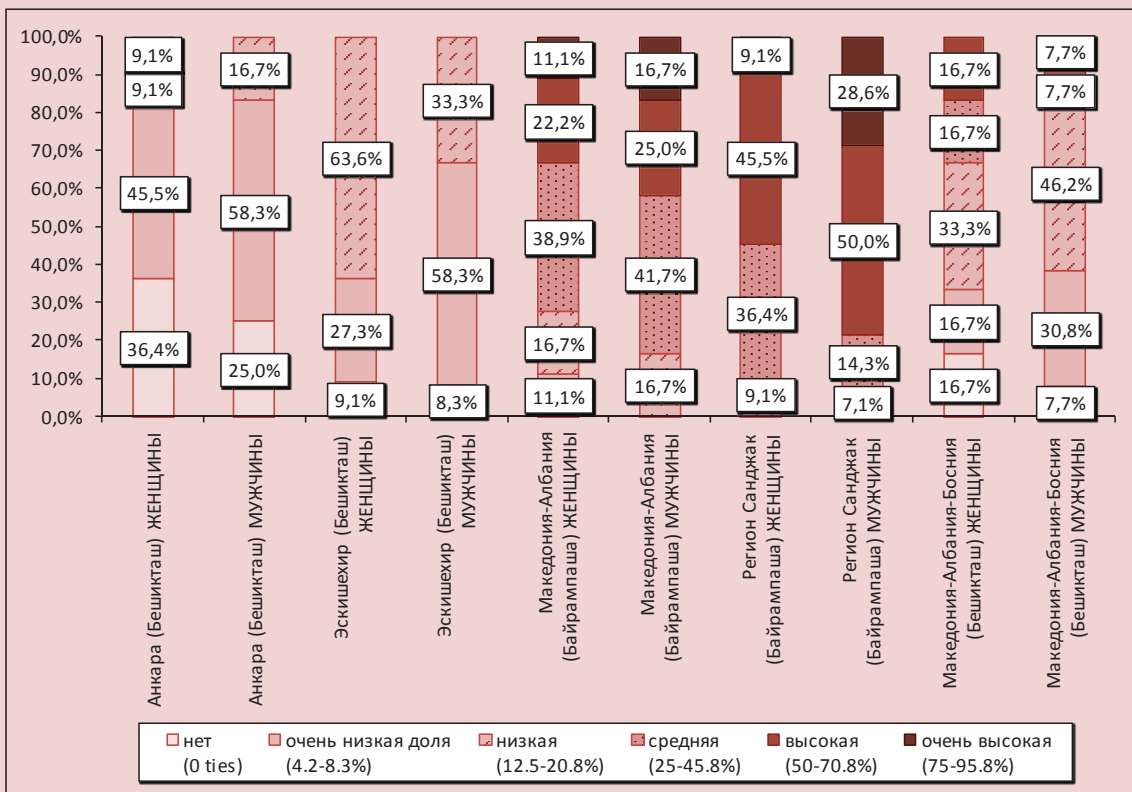
42,5% этих мигрантов очень низкая процентная доля связей, которые поддерживаются ими с людьми, проживающими по соседству. В социальном окружении 47,8% этих мигрантов доля связей с людьми, проживающими по соседству, низкая (от 12,5 до 20,8% от всех связей).

Вместе с тем в сети 40% мигрантов из Македонии и Албании, которые проживают в Байрампаша, доля связей с людьми, проживающими по соседству, средняя. В социальных сетях 23,3 и 13,3% мигрантов из этой же группы доля связей с людьми, проживающими по соседству, высокая (от 50 до 70,8% от всех связей) и очень высокая (от 75 до 95,8% от всех связей). Из всех групп мигрантов, включенных в выборку, мигранты из региона Санджак, прожи-

вающие в Байрампаша, образуют самые локально-ориентированные социальные сети: у 48% мигрантов из этой группы высокая доля связей с людьми, проживающими по соседству, и у 20% этих мигрантов доля связей с соседями очень высокая. Сети мигрантов из Македонии, Албании и Санджака, проживающие в Бешикташе, состоят из связей, менее локальных по своему характеру, чем среди мигрантов, проживающих в Байрампаша, но более локальных, чем среди мигрантов-выходцев из Анкары и Эскишехира.

Интересные результаты дает соотношение доли связей с соседями в сети мигрантов с их индивидуальными характеристиками (пол, возраст, уровень образования). Женщины-мигранты, проживающие в

Рисунок 5. Распределение долей связей с соседями внутри сетей мигрантов в группах по полу (n=126)

Бешикташе, в большей степени зависят от связей со своими соседями по сравнению с мужчинами-мигрантами из тех же групп. Однако для мигрантов в Байрампаша ситуация совершенно противоположная (рис. 5).

В сетях молодых людей среди мигрантов из Анкары и Эскишехира, проживающих в Бешикташе, доля связей с людьми, проживающими по соседству, ниже, чем в сетях мигрантов той же группы пожилого возраста (рис. 6). Та же оценка еще более очевидна для мигрантов из Македонии и Албании, которые проживают в Байрампаше, и мигрантов, переехавших из Македонии, Албании и Санджака в Бешикташ. Пожилые люди значительно более зависимы от своих связей с близкими людьми и соседями, чем люди среднего возраста и

молодые люди. Тем не менее получены интересные результаты, свидетельствующие о том, что в сетях молодых мигрантов из Санджака, проживающих в Байрампаша, доля связей с людьми, проживающими по соседству, выше, чем в группе мигрантов пожилого возраста.

Сравнение групп мигрантов с помощью кросс-таблиц, фиксирующих данные об уровне их образования и наличии связей с соседями, не дало бы последовательных результатов, поскольку распределение по уровню образования не было равным. Следовательно, общая оценка проводится без учета различий между группами мигрантов (рис. 7). В сетях мигрантов, имеющих высшее образование, доля связей с людьми, проживающими по соседству, низкая. В то время как 53,1% мигрантов,

Рисунок 6. Распределение долей связей с соседями внутри сетей мигрантов в группах по их возрасту (n=126)

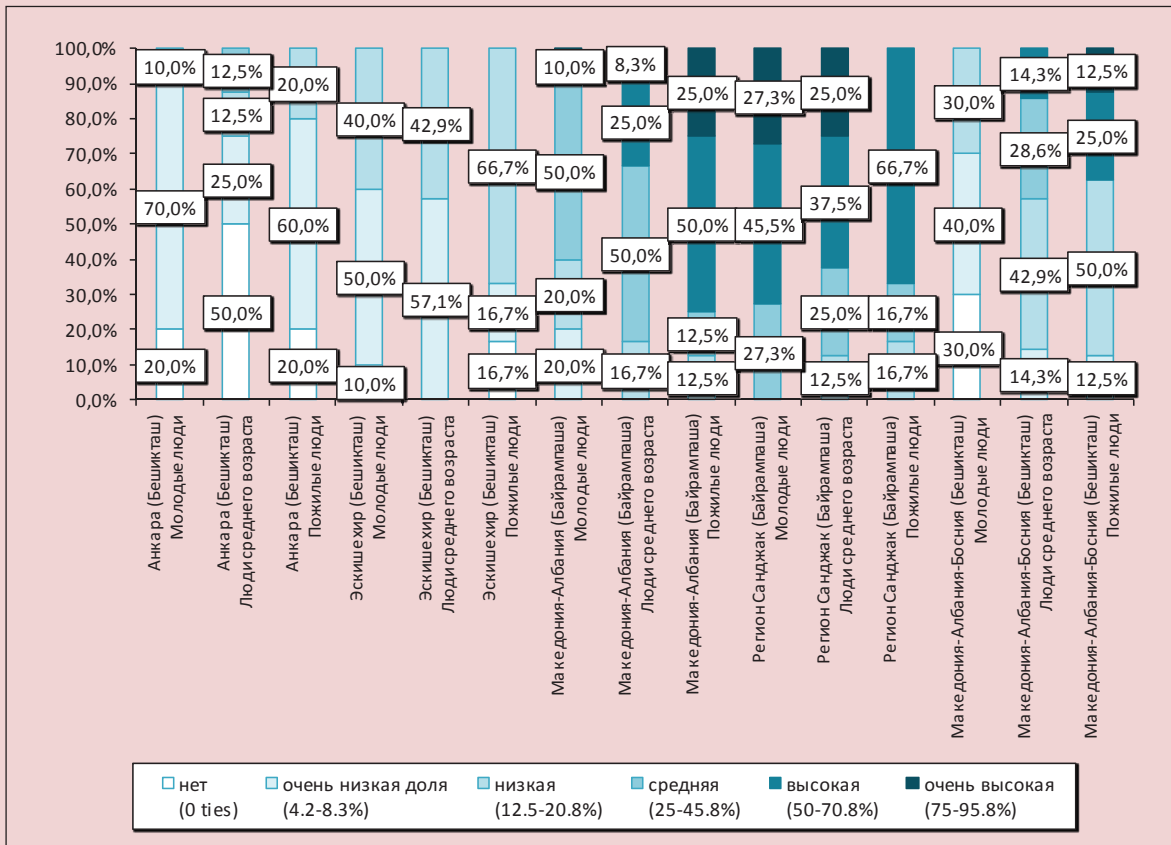
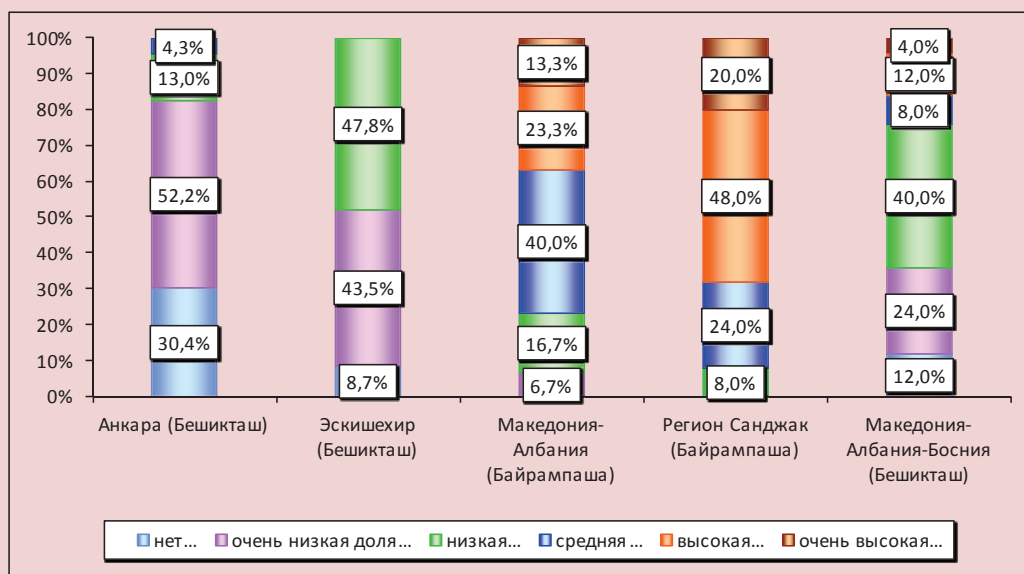

Рисунок 7. Распределение долей связей с соседями внутри сетей мигрантов в группах по уровню образования (n=126)

включенных в общую выборку, имеют степень бакалавра, магистра или кандидата наук, 83,3% мигрантов, не имеющих в структуре своих сетей связей с людьми, проживающими по соседству, тоже имеют высшее образование. 16,7% мигрантов, включенных в общую выборку, закончили только начальную школу, тогда как начальное образование имеют 36,4% мигрантов, в структуре сетей которых высокая доля связей с людьми, проживающими по соседству, и 30% мигрантов, в структуре сетей которых очень высокая доля связей с соседями. Отмечается весьма высокий процент связей с людьми, проживающими по соседству, в сетях выпускников средней школы. С учетом того что 23,8% мигрантов, включенных в общую выборку, составляют выпускники средних школ, полное среднее образование имеют 40,9% мигрантов, в структуре сетей которых наблюдается высокая доля связей с людьми, проживающими по соседству, и 40% мигрантов,

в структуре сетей которых очень высокая доля связей с соседями. Кроме того, очень высок процент связей с соседями в структуре сетей магистров и аспирантов. Возвращаясь к исходным данным, следует уточнить, что все эти мигранты живут в районе Байрампаша.

Полученные результаты соотносятся с аргументами о том, что связи с людьми, проживающими по соседству, все еще важны для отдельных групп мигрантов. Хотя мигранты из Анкары и Эскишехира, проживающие в районе Бешикташ, не зависят от своих связей с людьми, проживающими по соседству, в структуре сетей мигрантов из Албании, Македонии и региона Санджак, проживающих в районе Байрампаша, выявлено значительное количество связей с соседями. Несмотря на то, что мы не выявили слишком много различий между женщинами и мужчинами в структуре сетей одинаковых групп мигрантов, важным фактором, влияющим на количе-

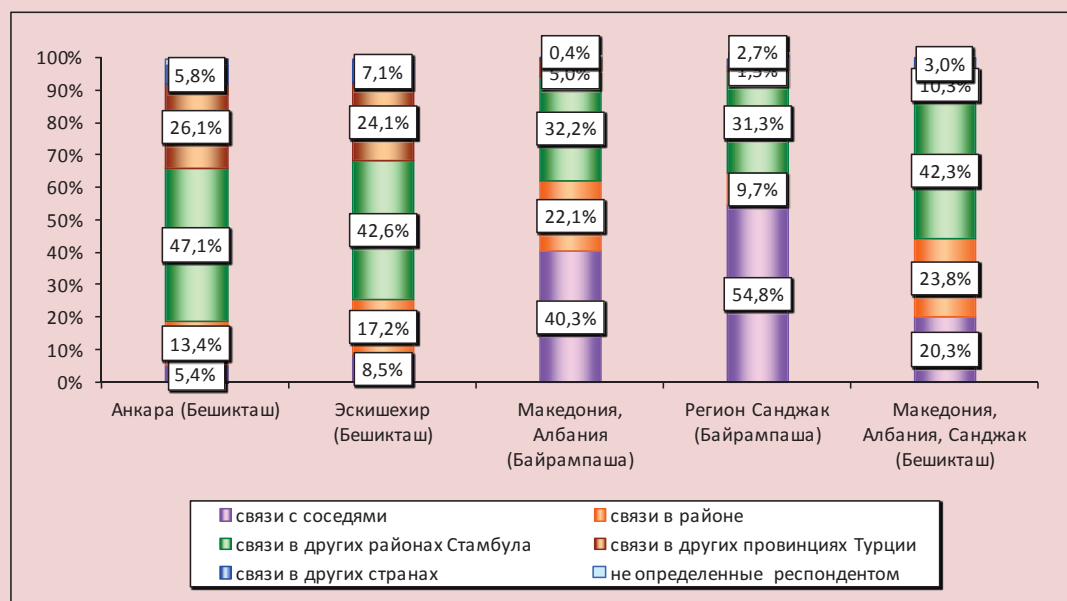
ство связей с соседями в сетях мигрантов, по-видимому, является возраст. За исключением мигрантов из региона Санджак, проживающих в Байрампаша, мигранты пожилого возраста в большей степени зависят от своих связей с соседями, чем люди среднего и молодого возраста. Высокая зависимость молодых мигрантов из региона Санджак, проживающих в Байрампаша, от их локальных связей может объясняться особенностями квартала, в котором они живут. Этот квартал (Yildirim Mahallesi) в основном заселен мигрантами из данного региона, которые поддерживают тесные отношения с людьми, проживающими по соседству. В структуре их локальных сетей уровень образования также играет важную роль. В целом оказалось, что чем более высокий уровень образования имеют мигранты, тем менее они зависят от связей с людьми, проживающими по соседству. Все мигранты, которые закончили старшие классы средней школы, вуз, магистратуру и аспирантуру и в структуре сетей которых

высокая и очень высокая доля связей с соседями, проживают в районе Байрампаша. Эти результаты подтверждают вывод о том, что связи с людьми, проживающими по соседству, более важны для мигрантов в Байрампаша, чем для тех, кто живет в Бешикташе.

Типы связей, зависящие от географической локализации

Географическое распределение связей в сетях различных групп мигрантов представлено на рисунке 8. Примечательно, что мигранты из Анкары и Эскишехира, проживающие в Бешикташе, имеют небольшое количество связей с соседями. Сети этих мигрантов в основном создаются посредством связей в других районах Стамбула. Значительную долю в этих сетях образуют связи с другими провинциями Турции, что, вероятно, обусловлено поддержанием связей в районах, из которых переехали мигранты. В то же время доля связей с соседями довольно высока в сетях мигрантов, которые проживают в Байрампаша,

Рисунок 8. Географическое распределение связей в сетях различных групп мигрантов (n=3024)

особенно среди тех, кто переехал из региона Санджак. Значительную долю в этих сетях образуют связи с другими районами Стамбула. Мигранты из Македонии, Албании и региона Санджак, проживающие в Бешикташе, в большей степени зависят от связей со своими соседями, чем мигранты, которые переехали из Анкары и Эскишехира, и в меньшей степени, чем те же самые группы мигрантов, проживающие в районе Байрампаша. Как и другие группы мигрантов в Бешикташе, их сети также в основном создаются связями с другими районами Стамбула. Однако у них меньше контактов в других провинциях Турции.

Результаты, полученные по всем группам мигрантов, подтверждают вывод Веллмана (Wellman 1973) о том, что агломерация ограничивает область взаимодействия в большей мере, чем районы. Кроме того, результаты также показывают, что связи с соседями весьма важны для групп мигрантов в Байрампаша, что подтверждает доводы Веллмана (1973), Фишера (1982), Хэмптона и Уэллмана (2003) в отношении того, что связи в местном/локальном сообществе не утрачиваются, но и не полностью сохраняются.

В *таблице 2* показано распределение типов связей, которые распространены между мигрантами в квартале, районе проживания, других районах Стамбула, других провинциях Турции и других странах. Географическая локация видов связей в зависимости от места проживания респондентов отличается в различных группах мигрантов. Во всех группах связи с соседями преимущественно образуются семейными/родственными связями. Из всех групп выделяются мигранты из региона Санджак, проживающие в Байрампаша, имеющие самый высокий процент

(68,1%) семейных/родственных связей в своих соседских сетях. Следует обратить особое внимание на то, что их связи с соседями внутри квартала образуют 54,8% всех сетей. Как уже было отмечено выше, те мигранты, которые преимущественно проживают в квартале Йылдырым, имеют очень тесные связи со своими соседями¹². В группе мигрантов из Македонии и Албании можно наблюдать аналогичную ситуацию: их семейные/родственные связи образуют 45,2% их связей с соседями, общая доля соседских связей во всей их сети также высока (40,3%). Вместе с тем мигранты из Анкары, проживающие в Бешикташе, имеют высокую долю семейных и родственных связей в общем числе связей со своими соседями. Однако доля их связей с соседями составляет всего 5,4% от всех связей в сети. Это могут быть связи с членами семьи и родственниками, которые проживают в одном доме. Хотя мигранты из Македонии, Албании и региона Санджак, проживающие в Бешикташе, имеют более низкую долю семейных и родственных связей среди своих связей с соседями, общая доля соседских связей во всей их сети выше (20,3%), чем общая доля соседских связей во всей сети мигрантов из Анкары и Эскишехира.

Связи с соседями имеют относительно высокую долю в структуре связей в кварталах мигрантов, которые переехали из Эскишехира в Бешикташ и из Македонии и Албании в Байрампаша. Однако эти связи не показывают частично совпадающих отношений: например, если один из близких лиц является членом семьи или родствен-

¹² Полевые наблюдения показали, что некоторые из этих мигрантов в квартале Йылдырым живут в одних и тех же домах со своими родственниками. Они просто запирают дверь здания и не запирают двери своих квартир, чтобы каждый проживающий в доме мог без стука заходить к ним в квартиру.

Таблица 2. Типы связей по их географическому положению в группах мигрантов (n= 3024*)

	Группа мигрантов	Семья/ родственники	Соседи	Из квартала	Работа/ школа	Ассоциация	Интернет	Другие	% от связей в общей сети
Связи в квартале	Анкара (Бешикташ)	53.3%	3.3%	6.7%	20.0%	0.0%	0.0%	16.7%	5.4%
	Эскишехир (Бешикташ)	34.0%	21.3%	2.1%	12.8%	0.0%	0.0%	29.8%	8.5%
	Македония, Албания (Байрампаша)	45.2%	20.0%	10.0%	9.0%	11.7%	0.0%	4.1%	40.3%
	Регион Санджак (Байрампаша)	68.1%	10.9%	7.3%	9.4%	3.0%	0.0%	1.2%	54.8%
	Македония, Албания, Санджак (Бешикташ)	37.7%	16.4%	23.0%	8.2%	4.1%	0.0%	10.7%	20.3%
Связи в районе (исключая связи в квартале)	Анкара (Бешикташ)	14.9%	1.4%	5.4%	48.6%	8.1%	0.0%	21.6%	13.4%
	Эскишехир (Бешикташ)	27.4%	1.1%	1.1%	36.8%	0.0%	1.1%	32.6%	17.2%
	Македония, Албания (Байрампаша)	48.4%	4.4%	8.2%	13.8%	20.8%	0.0%	4.4%	22.1%
	Регион Санджак (Байрампаша)	74.1%	10.3%	5.2%	10.3%	0.0%	0.0%	0.0%	9.7%
	Македония, Албания, Санджак (Бешикташ)	24.5%	2.8%	13.3%	28.0%	16.8%	0.0%	14.7%	23.8%
Связи в других районах Стамбула	Анкара (Бешикташ)	18.5%	0.4%	0.8%	49.2%	1.2%	0.4%	29.6%	47.1%
	Эскишехир (Бешикташ)	20.9%	0.4%	0.9%	47.7%	2.6%	0.4%	27.2%	42.6%
	Македония, Албания (Байрампаша)	55.2%	2.6%	1.7%	34.1%	2.6%	0.0%	3.9%	32.2%
	Регион Санджак (Байрампаша)	52.7%	1.6%	1.1%	25.0%	2.1%	0.5%	17.0%	31.3%
	Македония, Албания, Санджак (Бешикташ)	36.6%	3.1%	1.6%	31.5%	9.8%	0.8%	16.5%	42.3%
Связи в других провинциях Турции	Анкара (Бешикташ)	63.9%	0.0%	0.7%	21.5%	0.0%	0.0%	13.9%	26.1%
	Эскишехир (Бешикташ)	73.7%	1.5%	0.0%	18.0%	0.0%	1.5%	5.3%	24.1%
	Македония, Албания (Байрампаша)	86.1%	0.0%	0.0%	8.3%	0.0%	0.0%	5.6%	5.0%
	Регион Санджак (Байрампаша)	22.2%	0.0%	22.2%	33.3%	0.0%	0.0%	22.2%	1.5%
	Македония, Албания, Санджак (Бешикташ)	72.6%	3.2%	0.0%	8.1%	0.0%	1.6%	14.5%	10.3%
Связи в других странах	Анкара (Бешикташ)	53.1%	0.0%	3.1%	18.8%	0.0%	0.0%	25.0%	5.8%
	Эскишехир (Бешикташ)	41.0%	2.6%	0.0%	23.1%	0.0%	7.7%	25.6%	7.1%
	Македония, Албания (Байрампаша)	66.7%	0.0%	0.0%	33.3%	0.0%	0.0%	0.0%	0.4%
	Регион Санджак (Байрампаша)	56.3%	0.0%	0.0%	25.0%	0.0%	0.0%	18.8%	2.7%
	Македония, Албания, Санджак (Бешикташ)	44.4%	0.0%	0.0%	16.7%	0.0%	0.0%	38.9%	3.0%
Total	Анкара (Бешикташ)	33.3%	0.5%	1.8%	39.3%	1.6%	0.2%	23.2%	97.8%**
	Эскишехир (Бешикташ)	37.1%	2.7%	0.7%	34.2%	1.1%	1.3%	22.8%	99.5%**
	Македония, Албания (Байрампаша)	51.3%	9.9%	6.4%	18.2%	10.1%	0.0%	4.2%	100.0%
	Регион Санджак (Байрампаша)	62.8%	7.5%	5.2%	15.2%	2.3%	0.2%	6.8%	100.0%
	Македония, Албания, Санджак (Бешикташ)	37.8%	5.7%	8.5%	23.2%	9.0%	0.5%	15.3%	99.8%**

* Количество связей, которые имеют респонденты, составляет 126×24= 3024.

Ассоциации мигрантов и другие объединения, такие как профессиональные, политические, спортивные ассоциации и объединения по интересам.

** Общий процент связей не составляет 100%, потому что некоторые респонденты не знали, где проживают люди, с которыми они контактируют. Следует обратить внимание на то, что все респонденты являются мигрантами, которые проживают в Бешикташе, а те люди, мест проживания которых они не знают, являются их коллегами по работе и друзьями по школе.

ником респондента и соседом одновременно, это лицо считается членом семьи/родственником. Таким образом, доля связей с соседями несколько выше, чем это показано в таблице, вероятно, она больше у мигрантов, которые проживают в районе Байрампаша. Связи, которые известны как добрососедские отношения, соответствуют тем, которые иногда возникают между соседями (на рынках, в магазинах, местах встреч и т. д.). Эти связи составляют относительно большую долю в связях в кварталах мигрантов из Македонии, Албании и региона Санджак, проживающих в Бешикташе. Вероятно, это вызвано тем, что члены ассоциаций мигрантов имеют тесные связи со своими соседями.

Особую ценность представляет вывод о том, что мигранты, имеющие высокий процент связей с коллегами по работе/друзьями по школе и с другими знакомыми в структуре их связей с людьми, живущими по соседству, являются выходцами из Анкары и Эскишехира. Несмотря на то что у них нет прочных отношений со своими соседями, эти мигранты проживают в одних и тех же кварталах со своими коллегами, друзьями по школе и знакомыми. Если оценить связи мигрантов в районах (в других кварталах района), можно увидеть, что мигранты, проживающие в Бешикташе, имеют высокий процент связей с коллегами по работе, друзьями по школе и знакомыми в своих районных сетях, в то время как мигранты, проживающие в Байрампаша, имеют высокий уровень семейных и родственных связей в своих районных сетях. Очевидно, что точно так же можно оценить и их связи с людьми, проживающими в других районах Стамбула. Однако, несмотря на то что семейные и родственные связи мигрантов, проживающих в Байрампаша, образуют большую

часть связей с лицами из других районов Стамбула, доля связей с коллегами и друзьями по школе здесь также высока. Отметим, что доля связей с лицами, проживающими в других районах Стамбула, более значительна в сетях мигрантов, проживающих в Бешикташе (47,1% для мигрантов из Анкары, 42,6% для мигрантов из Эскишехира, 42,3% для мигрантов из Македонии, Албании и региона Санджак), чем в сетях мигрантов, проживающих в Байрампаша.

Связи с лицами, проживающими в других провинциях Турции, преимущественно образуются семейными и родственными связями во всех группах мигрантов, за исключением мигрантов, которые переехали из региона Санджак в Байрампаша. Это может объясняться тем, что мигранты из этого региона перебрались прямо в Стамбул—Байрампаша после 1965 года, так что у них обычно нет связей (особенно родственных) в других провинциях Турции. Количество связей с лицами из других провинций Турции в сетях мигрантов из Анкары и Эскишехира, проживающих в Бешикташе, довольно велико, поскольку эти мигранты по-прежнему связаны с территориями, откуда они родом. Связи с людьми из других стран также в основном образуются за счет семейных и родственных связей во всех группах мигрантов. Такие связи поддерживаются независимо от расстояний между людьми. Доля связей с людьми из других стран выше в сетях мигрантов, проживающих в Бешикташе, по сравнению с сетями мигрантов в Байрампаша. Это интересно, поскольку кажется, что мигранты из Македонии, Албании и региона Санджак должны иметь больше связей со странами, откуда они родом. Однако, похоже, связи между этими мигрантами и странами их происхождения исчезли.

4. Заключение

В литературе, посвященной описанию локальных связей в городах-мегаполисах, сложились две противоположные точки зрения. В то время как ряд исследователей утверждают, что локальные связи не имеют важного значения для жителей современных мегаполисов, некоторые исследователи подчеркивают сохраняющуюся роль локальных связей. Одно из направлений таких исследований (Wellman, 1979; Fischer, 1982; Campbell and Lee, 1992; Logan и Spitze, 1994; Hampton и Wellman, 2003; Bastani, 2007; Grossetti, 2007), изучающее эту проблему путем исследования сетей индивидов, показывает, что значимость локальных (т.н. соседских) связей отличается в разных группах жителей. Например, мигранты, которые поселяются в изолированных районах, где живут другие мигранты, выходцы из тех же мест, что и они, могут быть более зависимы от локальных связей. В данном исследовании предпринята попытка изучить зависимость мигрантов от их локальных связей на основе сравнения различных групп мигрантов в двух районах Стамбула — Байрампаша и Бешикташ.

В работе исследуются связи мигрантов путем изучения их сетей, а поскольку они сосредоточены только в конкретных типах сетей, таких как системы родства или добрососедских отношений, приходилось устанавливать плотные сети, потому что сети с редкими связями содержат только некоторые компоненты. Вследствие этого, феномен локальных связей рассматривается как еще один компонент в сетях мигрантов, которые распределены в пространстве.

Результаты двухуровневого анализа (сетевой уровень сети и парный уровень: респондент — лицо, с которым он поддерживает связь) подтверждают вывод о сохраняющейся важности связей с людьми, проживающими по соседству. Это под-

тверждает мнение Веллмана (1973), Фишера (1982), Хэмптона и Уэллмана (2003) о том, что связи в местном/локальном сообществе не утрачиваются, но и не полностью сохраняются. В то время как сети мигрантов из Анкары и Эскишехира, проживающих в районе Бешикташ, не зависят от связей с соседями, сети мигрантов из Албании, Македонии и региона Санджак, проживающих в районе Байрампаша, состоят из значительного количества связей с соседями. Вывод Веллмана (Wellman 1973) о том, что агломерация ограничивает область взаимодействия в большей мере, чем районы, справедлив для всех групп мигрантов.

Результаты выявили различия между группами мигрантов в отношении типа связей, которые распределяются по различным географическим регионам. Связи, которые поддерживаются в кварталах, являются преимущественно семейными и родственными связями во всех группах мигрантов. Следует отметить, что связи с соседями имеют маленькую долю в целом в сетях мигрантов из Анкары, проживающих в Бешикташе. Это могут быть связи с членами семьи и родственниками, которые проживают в одном доме. Тем не менее мигранты, которые живут в Байрампаша, имеют очень высокую долю как соседских, так и семейных связей в своих сетях, что указывает на плотность локальных социальных сетей этих мигрантов.

В сетях мигрантов из Анкары и Эскишехира связи внутри района и связи с людьми из других районов Стамбула в основном создаются за счет связей с друзьями по школе и коллегами по работе, в то время как связи мигрантов в Байрампаша в основном состоят из семейных и родственных связей. Этот вывод, конечно, может быть обусловлен тем, что сети мигрантов в Байрампаша образуются преимущественно семейными и родственными связями для

того, чтобы поддерживать связи со своими родственниками, которые живут в Стамбуле. Связи, которые поддерживаются на больших расстояниях (в других провинциях Турции и других странах), также являются преимущественно семейными и родственными во всех группах мигрантов, т.е. семейные и родственные связи поддерживаются независимо от расстояния.

Результаты исследования выявили различия между группами мигрантов по степени их зависимости от связей с соседями и типа связей, которые различаются географической локализацией. Когда за-

ходит речь о том, что исследуются мигранты, проживающие в изолированных районах, ранее заселенных выходцами из тех же мест, что и они, возникает следующий вопрос: почему локальные связи важны в одном районе, а не в другом? Если локальные связи не так важны для мигрантов в Бешикташе, почему они предпочитают жить рядом с другими мигрантами, выходцами из тех же мест, что и они? Эти вопросы, а также многие другие нуждаются в дальнейшем изучении механизмов сегрегации и динамики социальных сетей мигрантов.

Сведения об авторах

Бюрге Элван Эрхинли – магистр, Ph.D. кандидат, Стамбульский технический университет, Турецкий фонд социально-экономических исследований (Турция, Стамбул, 34347, район Ортакей, район Мэджидийэ, улица Дэрэбойу, дом 41; e-mail: erginlie@gmail.com)

Тюзин Байджан – Ph.D. (доктор философии) в области градостроительства, профессор, Стамбульский технический университет (Турция, Стамбул, 34437, район Шишли, площадь Таксим, кампус Ташкышла; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Bürge Elvan Erginli, Tüzin Baycan

Could Neighbourhood Ties Still Be Important for the Migrants in a Metropolitan City?

Abstract. Although neighbourhood ties have diminishing roles in people's lives because the modern metropolis presents so much choice for its residents, they have not completely disappeared, especially for some groups. In metropolitan cities, migrants settle in the areas where other migrants from the same origin live. This situation represents more than socioeconomic factors, and the relationship forms that migrants maintain within and outside their neighbourhoods could be different from one migrant group to another. The aim of this study is to understand the importance of neighbourhood ties in the networks of the migrants in Istanbul, and to examine the type of ties by their geographical locations. According to the results of the analysis which demonstrates the concentration of different migrant groups in the districts of Istanbul, the focus is on the international migrants who came from Macedonia and old Yugoslavian countries (Sandzak region) and who live in Bayrampasa and Besiktas, and internal migrants who came from the biggest metropolitan city Ankara and its border city of Eskisehir and who live in Besiktas. By using personal network analysis, the study comparatively analyses the migrants' neighbourhood ties by the characteristics of the migrants and by type of their local and nonlocal ties. The results reveal a difference between the migrant groups regarding their dependence on neighbourhood ties and the type of ties that are distributed along different geographical locations.

Key words: personal networks of migrants, local ties, nonlocal ties, network analysis.

References

1. Aguilera M.B., Massey D.S. Social Capital and the Wages of Mexican Migrants: New Hypotheses and Tests. *Social Forces*, 2003, no. 82 (2), pp. 671–701.
2. Aguilera M.B. The Impact of Social Capital on Labor Force Participation: Evidence from the 2000 Social Capital Benchmark Survey. *Social Science Quarterly*, 2002, no. 83 (3), pp. 853–74. DOI:10.1111/1540-6237.00118.
3. The Impact of the Worker: How Social Capital and Human Capital Influence the Job Tenure of Formerly Undocumented Mexican Immigrants. *Sociological Inquiry*, 2003, no. 73(1), pp. 52–83. DOI:10.1111/1475-682X.00041.
4. Bakker L., Dekker K. Social Trust in Urban Neighbourhoods: The Effect of Relative Ethnic Group Position. *Urban Studies*, 2012, no. 49 (10), pp. 2031–47. DOI:10.1177/0042098011422577.
5. Barnes D. Resettled Refugees' Attachment to Their Original and Subsequent Homelands: Long-term Vietnamese Refugees in Australia. *Journal of Refugee Studies*, 2001, no. 14 (4), pp. 394–411. DOI:10.1093/jrs/14.4.394.
6. Bastani S. Family Comes First: Men's and Women's Personal Networks in Tehran. *Social Networks, Special Section: Personal Networks*, 2007, no. 29 (3), pp. 357–74. DOI:10.1016/j.socnet.2007.01.004.
7. Beaman L.A. Social Networks and the Dynamics of Labour Market Outcomes: Evidence from Refugees Resettled in the U.S. *The Review of Economic Studies*, 2012, no. 79 (1), pp. 128–61. DOI:10.1093/restud/rdr017.
8. Boschman S. Residential Segregation and Interethnic Contact in the Netherlands. *Urban Studies*, 2012, no. 49 (2), pp. 353–67. DOI:10.1177/0042098011402236.
9. Campbell K.E., Lee B. A. Sources of Personal Neighbor Networks: Social Integration, Need, or Time? *Social Forces*, 1992, no. 70 (4), pp. 1077–1100. DOI:10.2307/2580202.
10. Coleman J.S. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *American Journal of Sociology*, 1986, no. 91 (6), pp. 1309–35.
11. Cranford C.J. Networks of Exploitation: Immigrant Labor and the Restructuring of the Los Angeles Janitorial Industry. *Social Problems*, 2005, no. 52 (3), pp. 379–97. DOI:10.1525/sp.2005.52.3.379.
12. *District Governship of Bayrampasa, İlçemiz, T.C. Bayrampaşa Kaymakamlığı*. Available at: <http://www.bayrampasa.gov.tr/ilcemiz> (accessed April 29, 2017).
13. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*, 1997, no. 103 (2), pp. 281–317. DOI:10.1086/231209.
14. Emirbayer Mustafa, Goodwin J. Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency. *American Journal of Sociology*, 1994, no. 99 (6), pp. 1411–54.
15. Erginli B.E., Baycan T. Migration Flows to the Districts of Istanbul and Housing Tenure Profiles of Migrants and Locals. In: *Migrationsmanagement 2 Wohnen Im Zusammenwirken Mit Migration Und Integration - Wohnungsmarkt, Wohnbedingungen, Wohnungspolitik, Modelle, Wohnbau- Und Wohlfahrtspolitik, Globalisierung*. 2016.
16. Fischer C.S. *To Dwell among Friends: Personal Networks in Town and City*. Chicago: University Of Chicago Press, 1982.
17. Flores-Yéffal N.Y., Aysa-Lastra M. Place of Origin, Types of Ties, and Support Networks in Mexico–U.S. Migration. *Rural Sociology*, 2011, no. 76 (4), pp. 481–510. DOI:10.1111/j.1549-0831.2011.00060.x.
18. Fong E. Residential Proximity with the Charter Groups in Canada. *Canadian Studies in Population*, 1997, no. 24 (2), pp. 103–23.
19. Gijsberts Mérove, Dagevos J. The Socio-Cultural Integration of Ethnic Minorities in the Netherlands: Identifying Neighbourhood Effects on Multiple Integration Outcomes. *Housing Studies*, 2007, no. 22 (5), pp. 805–31. DOI:10.1080/02673030701474768.
20. Grossetti M. Are French Networks Different? *Social Networks, Special Section: Personal Networks*, 2007, no. 29 (3), pp. 391–404. DOI:10.1016/j.socnet.2007.01.005.
21. Hampton K.N., Wellman B. The Not so Global Village of Netville. In: Wellman B., Haythornthwaite C. (Eds.). *The Internet in Everyday Life*. 2002. Pp. 345–71. Blackwell Publishers Ltd. DOI:10.1002/9780470774298.ch12.
22. Hampton K., Wellman B. Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb. *City & Community*, 2003, no. 2 (4), pp. 277–311. DOI:10.1046/j.1535-6841.2003.00057.x.
23. Harvey W.S. Strong or Weak Ties? British and Indian Expatriate Scientists Finding Jobs in Boston. *Global Networks*, 2008, no. 8 (4), pp. 453–73. DOI:10.1111/j.1471-0374.2008.00234.x.

24. Koser K. Social Networks and the Asylum Cycle: The Case of Iranians in the Netherlands. *The International Migration Review*, 1997, no. 31 (3), pp. 591–611. DOI:10.2307/2547287.
25. Laan Bouma-Doff van der W. Confined Contact: Residential Segregation and Ethnic Bridges in the Netherlands. *Urban Studies*, 2007, no. 44 (5/6), pp. 997–1017.
26. Litwin H. The Social Networks of Elderly Immigrants: An Analytic Typology. *Journal of Aging Studies*, 1995, no. 9 (2), pp. 155–74. DOI:10.1016/0890-4065(95)90009-8.
27. Liu Ye, Zhigang Li, Breitung W. The Social Networks of New-Generation Migrants in China's Urbanized Villages: A Case Study of Guangzhou. *Habitat International*, 2012, no. 36 (1), pp. 192–200. DOI:10.1016/j.habitatint.2011.08.008.
28. Logan J.R., Spitze G.D. Family Neighbors. *American Journal of Sociology*, 1994, no. 100 (2), pp. 453–76. DOI:10.1086/230543.
29. Lubbers M.J., Molina J.L., Lerner J., Brandes U., Ávila J., McCarty C. Longitudinal Analysis of Personal Networks. The Case of Argentinean Migrants in Spain. *Social Networks, Dynamics of Social Networks*, 2010, no. 32 (1), pp. 91–104. DOI:10.1016/j.socnet.2009.05.001.
30. Lubbers M.J., Molina J.L., McCarty C. Personal Networks and Ethnic Identifications: The Case of Migrants in Spain. *International Sociology*, 2007, no. 22 (6), pp. 721–41. DOI:10.1177/0268580907082255.
31. Fernandez M., Nichol L. Bridging and Bonding Capital: Pluralist Ethnic Relations in Silicon Valley. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2002, no. 22 (9/10), pp. 104–22. DOI:10.1108/01443330210790175.
32. Marschall M.J., Stolle D. Race and the City: Neighborhood Context and the Development of Generalized Trust. *Political Behavior*, 2004, no. 26 (2), pp. 125–53.
33. Molina J.L., Lozares C., Lubbers M.J. The Geographical Distribution of the Personal Networks of People Living in Catalonia: A Dual Society. *Grafo Working Papers 1 (February)*. 2012. DOI:10.5565/rev/grafowp.1.
34. Nannestad P., Svendsen G.L.H., Svendsen G.T. Bridge Over Troubled Water? Migration and Social Capital. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2008, no. 34 (4), pp. 607–31. DOI:10.1080/13691830801961621.
35. Ooka E., Wellman B. Does Social Capital Pay Off More Within or Between Ethnic Groups? Analysing Job Searches in Five Toronto Ethnic Groups. In: Fong E. (Ed.). *Inside the Mosaic*. University of Toronto Press, 2006. Pp. 199–226.
36. Pattison P., Robins G. Building Models for Social Space: Neighbourhood-Based Models for Social Networks and Affiliation Structures. *Mathématiques et Sciences Humaines. Mathematics and Social Sciences*, 2004. no. 168 (December), pp. 11–29. DOI:10.4000/msh.2937.
37. Pinkster F.M. Localised Social Networks, Socialisation and Social Mobility in a Low-Income Neighbourhood in the Netherlands. *Urban Studies*, 2007, no. 44 (13), pp. 2587–2603. DOI:10.1080/00420980701558384.
38. Pinkster F.M., Völker B. Local Social Networks and Social Resources in Two Dutch Neighbourhoods. *Housing Studies*, 2009, no. 24 (2), pp. 225–42. DOI:10.1080/02673030802704329.
39. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. 1st edition. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001.
40. Ryan L. Migrants' Social Networks and Weak Ties: Accessing Resources and Constructing Relationships Post-Migration. *The Sociological Review*, 2011, no. 59 (4), pp. 707–24. DOI:10.1111/j.1467-954X.2011.02030.x.
41. Sanders J., Nee V., Sernau S. Asian Immigrants' Reliance on Social Ties in a Multiethnic Labor Market. *Social Forces*, 2002, no. 81 (1), pp. 281–314.
42. Schweizer T., Schnegg M., Berzborn S. Personal Networks and Social Support in a Multiethnic Community of Southern California. *Social Networks*, 1998, no. 20 (1), pp. 1–21. DOI:10.1016/S0378-8733(96)00304-8.
43. Smets P., Uyl den M. The Complex Role of Ethnicity in Urban Mixing: A Study of Two Deprived Neighbourhoods in Amsterdam. *Urban Studies*, 2008, no. 45 (7), pp. 1439–60. DOI:10.1177/0042098008090683.
44. *TURKSTAT (Turkish Statistical Institute). 2003. Census of Population; Social and Economic Characteristics of Population*, Turkey. 2000 genel nüfus sayımı, T.C. Başbakanlık, Devlet İstatistik Enstitüsü [...]. Ankara.
45. Vervoort M. Ethnic Concentration in the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Integration: Weak and Strong Social Ties Examined. *Urban Studies*, 2012, no. 49 (4), pp. 897–915. DOI:10.1177/0042098011408141.
46. Wellman B. The Community Question: The Intimate Networks of East Yorkers. *American Journal of Sociology*, 1979, no. 84 (5), pp. 1201–31.
47. Zhou Min, Bankston C.L. Social Capital and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans. *International Migration Review*, 1994, no. 28 (4), pp. 821–45.

Information about the Authors

Bürge Elvan Erginli – Master, Ph.D. Candidate, Istanbul Technical University, Turkish Economic and Social Studies Foundation (Mecidiye Mahallesi, Dereboyu Caddesi No:41 Kat:2-3-4 34347 Ortaköy, İstanbul, Turkey; e-mail: elvan.erginli@tese.org.tr)

Tüzin Baycan – Ph.D. in Urban and Regional Planning, Professor, Istanbul Technical University (Istanbul Technical University, Faculty of Architecture, Taskisla 34437 Taksim, Sisli, İstanbul, Turkey; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Статья поступила 02.05.2017.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.13

УДК 331.445, ББК 65.244(2Рос)

© Попов А.В., Соловьева Т.С.

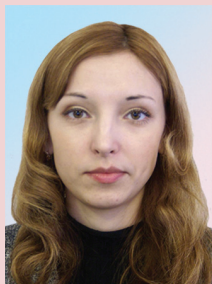
Барьеры реализации потенциала молодежи в трудовой деятельности*

Андрей Васильевич

ПОПОВ

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ai.popov@yahoo.com

Татьяна Сергеевна

СОЛОВЬЕВА

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: solo_86@list.ru

Аннотация. Молодежь является особой социальной общностью, с одной стороны, наиболее открытой к инновациям и формированию новых моделей поведения, с другой – уязвимой с точки зрения конкуренции за определенные блага и возможности. Причиной последнего во многом выступает недостаток социального опыта, в силу чего молодые люди оказываются в невыгодном положении по сравнению с другими социально-демографическими группами. В данной статье актуализируются проблемы, с которыми сталкивается молодежь при выходе на рынок труда, начиная с тех, что связаны с процессом трудоустройства. При этом особое внимание уделено во-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00355 мол_а «Оценка потерь от нереализованного трудового потенциала в контексте решения задачи роста производительности труда».

Для цитирования: Попов, А.В. Барьеры реализации потенциала молодежи в трудовой деятельности / А.В. Попов, Т.С. Соловьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 251-268. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.13

For citation: Popov A.V., Solov'yeva T.S. Barriers to the fulfilment of young people's potential in their work activities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 251-268. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.13

просам использования трудового потенциала молодого поколения. На материалах мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области рассматриваются барьеры, препятствующие, по мнению молодых людей, более полной реализации их потенциала в трудовой деятельности. Как показал анализ, главными факторами, затрудняющими использование способностей и качественных характеристик молодежи в трудовой деятельности, являются недостаток профессиональных знаний, работа не по специальности, неудобный график работы, несоответствие работы способностям и склонностям, отсутствие интереса к выбранной профессии. Наличие обозначенных барьеров приводит к недоиспользованию возможностей, накопленных молодым поколением. Приведены расчеты, позволяющие оценить влияние тех или иных причин на уровень реализации качества трудового потенциала молодежи. Так, данный показатель достигает 83% у тех, чья работа соответствует способностям и склонностям, в обратном случае он составляет порядка 75%. В ситуации работы по специальности степень использования качественных характеристик находится на уровне 83%, работы не по специальности – 79%, при отсутствии какой бы то ни было специальности – 73%. При этом различия в реализации интеллектуальной компоненты (важнейшей составляющей процесса неоиндустриализации экономики) в рассматриваемых примерах еще существеннее. В заключение нами сформулированы в соответствии с выделенными проблемами рекомендации, направленные на комплексное содействие повышению использования потенциала молодежи в трудовой деятельности.

Ключевые слова: трудовой потенциал, молодежь, барьеры реализации, неравенство, дискриминация, рынок труда, государственное регулирование.

В настоящее время, в условиях перехода высокоразвитых стран к социально ориентированной модели экономики и шестому технологическому укладу, в России уделяется большое внимание проблеме неоиндустриализации. По мнению С.С. Губанова, ключевая роль в новой индустриализации отводится социальному капиталу, функционирующему по законам вертикальной интеграции и воспроизводства человека, а не прибыли [4, с. 50]. При этом отмечается, что количественной мерой данного процесса выступает доля автоматизированных рабочих мест, а качественной характеристикой – «прогрессивное изменение характера труда и структуры занятости» в сторону увеличения доли интеллектуального труда и трудосбережения [4, с. 56]. Следовательно, существенную роль в достижении цели неоиндустриализации играет трудовой потенциал территорий, под которым понимается обобщающая характеристика

меры и качества совокупности способностей людей к общественно полезной деятельности [14, с. 14]. Данной точки зрения придерживается и А.В. Топилин, считающий необходимой разработку стратегии по эффективному использованию совокупного трудового потенциала как важнейшего условия реализации курса неоиндустриальной реконструкции России [21, с. 15]. Вместе с тем он выделяет резервы труда, которые могут быть применены для развития производительных сил. Одним из таких ресурсов выступает молодежь, повышение занятости и трудовой активности которой может способствовать достижению намеченных планов.

Действительно, молодежь, как наиболее восприимчивая к инновациям часть социума, может стать своеобразным двигателем процесса неоиндустриализации в России. В силу пластичности своего ценностного поля она более адаптирована к социаль-

ным изменениям и вызовам современности, нежели другие социально-демографические группы населения. Но на практике молодые люди часто сталкиваются с трудностями, препятствующими реализации собственного потенциала. В большинстве случаев, это связано с недостатком социального опыта, зависимостью от чужого мнения и подражательностью, отсутствием/дефицитом возможностей для самоактуализации [5] и т.д. Кроме того, молодежь может «впитывать» как положительные, так и отрицательные образцы поведения, что влечет за собой негативную трансформацию ценностных ориентаций (распространение гедонизма, вещизма, культа потребления и т.д.).

Проблема самореализации молодежи во всём мире является одной из наиболее актуальных. Её исследованию посвящены работы И.В. Бондаренко, У. Джеймса, Д.В. Егорова, Л.А. Коростылевой, К. Кэмпбэлла, А. Маслоу, К. Роджерса, А.А. Скрипкина, Е.Ф. Яценко и др. По мнению специалистов [13, с. 56], успешность самореализации зависит от комплекса объективных (материальное положение, социальный статус, место проживания и т.д.) и субъективных (пол, возраст, уровень образования, характер и т.д.) факторов. Причем особое значение имеют внешние условия, в которых находится индивид. Как показали результаты исследования, проведенного в Мурманской области [22, с. 136], к наиболее острым вопросам в плане самореализации относятся решение жилищной проблемы, создание собственного дела, поиск хорошей работы и успешность карьеры. Напротив, данные, полученные в Вологодской области, говорят о том, что жизненные условия устраивают большую часть молодежи (65%). Однако такие оценки во многом зависят от материального благополучия: доля положительных

ответов среди не испытывающих финансовых затруднений при покупке тех или иных товаров существенно выше, чем среди тех, кто может позволить себе расходовать средства только на еду и необходимые вещи (81% против 47% соответственно)¹. Это подтверждает широко известный тезис о превалировании инструментальных ценностей среди молодого поколения. В частности, большинство воспринимает трудовую деятельность как источник средств к существованию. Заметим при этом, что философия личного материализма характерна не только для российской молодежи. Так, судя по исследованию Р. Истерлина и Э. Кримминс [29], данный феномен наблюдается и в США: юные американцы, также подверженные ценностям общества потребления, ставят во главу угла престиж работы и высокую оплату труда.

Среди различных направлений самоактуализации в общественном пространстве одним из наиболее важных является реализация потенциала молодого поколения в трудовой деятельности. Это направление включает в себя вопросы, касающиеся трудоустройства, что служит, с одной стороны, необходимым условием использования накопленных знаний, умений и навыков, а с другой — аспектов возможного их применения на конкретном рабочем месте. Изучению различных граней занятости молодежи в силу наличия большого количества проблем посвящены труды многих зарубежных и отечественных спе-

¹ Опрос населения «Социокультурный портрет жителей Вологодской области» 2015 г. Общий объем выборки: 1500 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона; пропорций между группами населения с различным уровнем образования. Ошибка выборки не превышает 3%.

циалистов (Е.М. Авраимова, М.К. Горшков, Э. Дюнн, Ю.А. Зубок, М. Кальендо, Д.Л. Константиновский, И. Мёрфи, С.Ю. Рощин, К. Сандор, Е.П. Тавокин, И. Томич, Р. Шмидт и др.).

Первой трудностью, с которой сталкивается молодежь при выходе на рынок труда, выступает поиск работы. Вследствие более низкой конкурентоспособности по сравнению с лицами, имеющими опыт профессиональной деятельности, молодым людям далеко не всегда удается трудоустроиться согласно своим запросам, поэтому они вынуждены занимать вакансии, не соответствующие собственным ожиданиям и возможностям, что может привести к развитию контрпродуктивных форм трудового поведения [18]. В этой связи отсутствие стажа работы представляет основной барьер для трудоустройства молодежи, причем это характерно не только для России [15, с. 19], но и для зарубежных стран [25, 35, 37]. Нередко подобное обстоятельство объясняют феноменом эдальтизма [27, 31] (*adultism*)², проявляющегося в ущемлении взрослыми прав детей и молодежи, в т.ч. и на рынке труда [26, 28, 30].

В случае приема на работу молодым людям нередко приходится осваивать новые трудовые обязанности, проходить специальную профессиональную подготовку или переподготовку, из-за чего работодатели вынуждены нести дополнительные издержки [6, с. 121; 3, с. 357]. В результате качество рабочих мест, предлагаемых для молодежи, как правило, ниже, чем для представителей других групп, имеющих опыт работы. При этом условия труда не являются равноценными даже для молодых людей с разным уровнем образования [1]. Усугубляет проблему и несоответствие

структуры вакантных рабочих мест профессиональной специализации молодежи [20, с. 178], что является следствием несогласованности функционирования системы образования и рынка труда.

Обозначенные проблемы негативно сказываются на реализации накопленного молодежью потенциала. Поскольку молодые люди составляют значительную часть рабочей силы (более 20%³), от того, насколько успешно им удастся выйти на рынок труда и насколько полно они используют свои возможности непосредственно на рабочем месте, зависит не только развитие отдельных регионов, но и благополучие страны в целом. Вместе с тем в современной России степень вовлеченности молодежи в трудовую деятельность достаточно высока. Как видно из *таблицы 1*, в период 2000–2015 гг. уровень занятости лиц от 15 до 29 лет увеличился на 5,7 п.п. и составил 53%, тем самым превзойдя результат большинства стран ОЭСР, в которых значения показателя, напротив, демонстрируют тенденцию к снижению (с 55 до 52%). Это позволяет говорить об ограниченности резервов труда молодежи в России. Не случайно эксперты оценивают их количество на уровне 100 тыс. человек [21, с. 15].

Таким образом, достаточно высокий уровень занятости российской молодежи при относительно низкой производительности труда в стране [10, с. 23] диктует необходимость выявления ключевых барьеров, препятствующих реализации качества трудового потенциала молодого поколения в трудовой деятельности, и разработки направлений государственной политики по их преодолению. Это обстоятельство обусловило цель написания настоящей статьи. Информационная база работы представле-

² Изначально под данным термином понималось такое состояние ребенка, при котором он ощущал себя взрослым и демонстрировал поведение взрослого человека.

³ Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.01.2017).

Таблица 1. Уровень занятости молодежи в возрасте от 15 до 29 лет, в %

Страна	Год				2015 г. к 2000 г., +/- п.п.
	2000	2005	2010	2015	
Швейцария	71,6	68,7	69,8	70,3	-1,3
Нидерланды	73,8	69,0	70,2	68,0	-5,8
Великобритания	68,5	66,0	60,2	62,8	-5,7
США	67,2	62,1	55,0	58,4	-8,8
Германия	57,0	51,5	56,9	57,7	+0,7
Швеция	58,6	55,2	50,5	56,3	-2,3
Япония	56,1	55,3	54,0	55,2	-0,9
Российская Федерация	47,7	47,8	50,7	53,4	+5,7
Финляндия	52,7	53,8	52,4	52,6	-0,1
Латвия	42,4	44,9	40,1	52,2	+9,8
Франция	45,5	45,7	46,1	43,8	-1,7
Турция	43,6	38,1	38,9	42,6	-1,0
Республика Корея	43,4	44,9	40,3	41,5	-1,9
Италия	40,1	40,3	36,3	30,5	-9,6
В среднем по странам ОЭСР	55,3	53,2	50,8	51,8	-3,5

Примечание. Ранжировано по 2015 году.
Источники: данные Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stats.oecd.org/> (дата обращения: 01.03.2017); расчеты авторов.

на данными мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области⁴ и материалами Федеральной службы государственной статистики РФ.

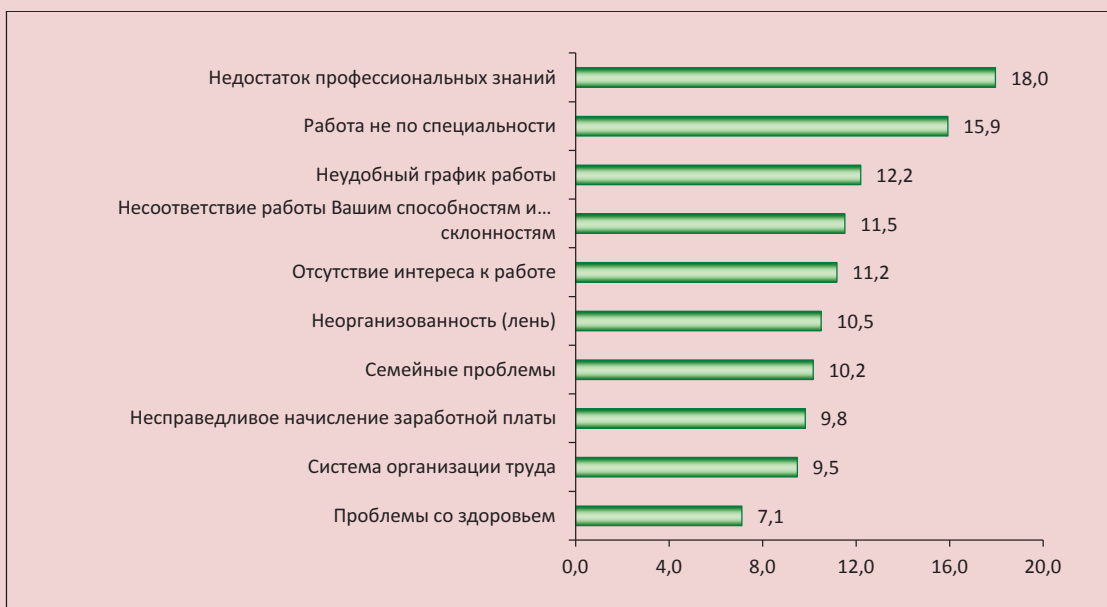
Методологическую основу исследования составили теоретические положения о качестве трудового потенциала как многоуровневой системы, в основе которой находятся восемь базовых элементов: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциал, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижениях [8]. Оценка степени реализации осуществлялась посредством применения методики, основанной на блоке вопросов типа: «Насколько сильно Вы «выкладываетесь»

на работе? В какой степени используете свои качества и умения?», разработанной Е.А. Чекмаревой в Институте социально-экономического развития территорий РАН. В результате математической обработки ответов респондентов образуется восемь показателей, в совокупности отражающих уровень реализации качества трудового потенциала [24]. Для целей статьи нами были использованы два индикатора: уровень реализации качества трудового потенциала (среднее арифметическое от всех индексов), а также уровень реализации интеллектуальной компоненты (среднее арифметическое от индексов реализации когнитивного и творческого потенциалов⁵). Важность второго

⁴ Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области проводится ИСЭРТ РАН с 1997 г. Объектом исследования является население трудоспособного возраста. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%.

⁵ Когнитивный потенциал включает в себя: базовое образование и квалификацию; отношение к знаниям, образованию в целом; деятельность, направленную на пополнение респондентами общих и профессиональных знаний и источники пополнения знаний. Творческий потенциал характеризует отношение к творческой деятельности, также включает выявление реального участия в творчестве как в профессиональной деятельности, так и в быту [8, с. 14].

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что мешает Вам реализовать свой потенциал, качества и способности в трудовой деятельности?» (2016 г.; в % от числа молодежи)

Примечание. Каждый респондент мог выбрать не более 3 вариантов ответа. На диаграмме отображено 10 наиболее популярных позиций.

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН); расчеты авторов.

показателя обусловлена ключевой ролью знаний в процессе неоиндустриализации экономики. Перейдем непосредственно к результатам исследования.

В 2016 г. в рамках мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как Вы думаете, что мешает Вам реализовать свой потенциал, качества и способности в трудовой деятельности?» Анализ полученных данных позволил выделить основные барьеры, которые, по мнению молодых людей⁶, препятствуют их профессиональной самореализации (рис. 1). К ним были отнесены: недостаток профессиональных знаний (18%), трудо-

устройство не по специальности (16%), неудобный график работы (12%), несоответствие работы способностям и склонностям (12%) и т.д. Всего нами были отобраны 10 наиболее значимых вариантов ответа (из 18 возможных). Поскольку такие факторы, как неорганизованность (лень) и семейные проблемы, практически не поддаются государственному регулированию, в дальнейшей работе мы исключили их из анализа. Рассмотрим оставшиеся факторы более подробно в контексте реализации качества трудового потенциала.

1. Недостаток профессиональных знаний.

Как показывают исследования, профессиональная компетентность выступает важнейшим критерием отбора молодых специалистов на вакантные места [17]. Очевидно, что выполнение должностных обязанностей вне зависимости от вида

⁶ Возрастные границы молодежи определены в соответствии с практикой российской статистики – от 15 до 29 лет.

экономической деятельности хозяйствующего субъекта невозможно без соответствующей подготовки. К сожалению, в настоящее время многими российскими учеными отмечается ухудшение качества подготовки специалистов. Около 50% руководителей организаций считают, что уровень и качество профессионального образования в России не соответствуют требованиям современности [2, с. 16-17], а квалификация 30–40% работников не соответствует требованиям рабочих мест [9, с. 51]. Данная тенденция наблюдается и на региональном уровне [7, 16, 19]. Судя по итогам мониторинга функционирования и развития промышленности Вологодской области⁷ в 2016 г., низким качеством профессиональной подготовки характеризуется примерно 15% молодых специалистов.

Вместе с тем проведенные расчеты указывают на то, что именно соответствие квалификации молодых людей требованиям, предъявляемым на рабочем месте, обеспечивает наиболее полную реализацию их трудового потенциала (81%; табл. 2). Прежде всего, это касается интеллектуальной компоненты (77%), как важнейшей составляющей инновационной экономики.

Относительно небольшой разрыв между значениями показателей в случаях соответствия и переизбытка (*overqualification*)/недостатка профессиональных знаний молодежи требованиям рабочих мест во многом обусловлен необходимостью строгого выполнения своих должностных обязанностей, в результате чего приходится «выкладываться по полной». Однако следует подчеркнуть, что подобные несоответствия в дальнейшем могут стать причиной возникновения различных деформаций трудового поведения (рестрикционизм, избыточная активность, оппортунизм и т.д.). Кроме того, как показывают исследования, развитость базовых профессиональных навыков, необходимых для работы на занимаемой должности, напрямую определяет степень использования накопленных знаний, умений и навыков (43% при низком и ниже среднего уровне развития против 78% – при высоком) [23, с. 734].

2. Работа не по специальности. Рассогласованность системы профессионального образования с потребностями реального сектора экономики наряду с неразвитостью системы сопровождения профессионального самоопределения молодежи в

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Ваша квалификация (подготовка) соответствует выполняемой Вами работе?» (2016 г.; в % от числа опрошенных среди молодежи)

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала, %	
		Интеллектуальная компонента	В целом
Моя квалификация выше, чем требует от меня работа, могу выполнять и более квалифицированную работу	27,5	73,0	79,1
Моя квалификация соответствует требованиям, предъявляемым работой	48,5	76,6	81,2
Моя квалификация ниже, чем это требуется работой	6,8	75,0	80,5
Не знаю, трудно сказать	17,3	64,7	73,4

Источники: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН); расчеты авторов.

⁷ Мониторинг функционирования и развития промышленности Вологодской области ежегодно проводятся ИСЭРТ РАН с 1993 г. В 2016 г. в анкетировании приняли участие 68 руководителей крупных и средних промышленных предприятий: металлургии, лесопромышленного комплекса, машиностроения, пищевой, химической, легкой и строительной промышленности.

России в основном обусловили распространение практик трудоустройства не по специальности. Это во многом негативная тенденция на рынке труда. В первую очередь, это связано с тем, что приобретенные молодыми людьми за годы продолжительного обучения профессиональные знания, умения и навыки остаются невостребованными, в результате чего можно сделать вывод о низкой эффективности расходования средств государства на подготовку необходимых специалистов. Кроме того, дополнительные издержки несут и работодатели (а порой и сами соискатели), вынужденные обучать новых сотрудников за счет собственных ресурсов.

Согласно статистике, в 2015 г. среди выпускников, закончивших образовательные организации профессионального образования в период 2012–2014 гг., связь основной работы с полученной профессией была вы-

явлена в среднем в 66% случаев (табл. 3). При этом наибольшее соответствие профиля образования занимаемой должности отмечалось у молодых людей с высшим профессиональным образованием (69%), а наименьшее – с начальным (56%).

Данные мониторинга свидетельствуют о похожей ситуации и в Вологодской области (табл. 4). Практически половина занятой молодежи (48%) работает по специальности, 36% – занимается совершенно иной деятельностью, а 16% – еще не имеет профессии. И как раз в первом случае наблюдается наибольший уровень реализации качества трудового потенциала (83%), а в последнем – наименьший (73%). В свою очередь, интеллектуальная компонента демонстрирует еще большую чувствительность к наличию связи между основной работой и полученной специальностью.

Таблица 3. Связь основной работы с полученной профессией (специальностью) у российских выпускников, окончивших организации профессионального образования (в % от числа тех, чья работа связана с полученной специальностью)

Уровень образования	Выпускники 2010–2012 гг. по состоянию на 2013 г.	Выпускники 2011–2013 гг. по состоянию на 2014 г.	Выпускники 2012–2014 гг. по состоянию на 2015 г.
Высшее профессиональное образование	70,1	70,5	69,3
Среднее профессиональное образование	59,2	58,8	60,9
Начальное профессиональное образование	56,4	57,6	56,2
В среднем по всем уровням образования	65,6	65,9	65,6

Источники: данные Обследования населения по проблемам занятости / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации; расчеты авторов.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении (вузе, техникуме, училище)?» (в % от числа опрошенных среди молодежи)

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала, %	
		Интеллектуальная компонента	В целом
Да	36,6	79,4	82,7
Работаю по близкой (схожей) специальности	11,6	74,6	78,6
Нет, работаю по другой специальности	35,6	72,1	79,2
Не получал(а) специальности	16,1	63,6	72,5

Источники: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН); расчеты авторов.

В результате распространенность практик трудоустройства не по специальности среди молодых вологжан является значимым фактором снижения их трудовой активности, вследствие чего весомая часть накопленного потенциала остается неиспользованной. Среди основных причин работы не по специальности молодые люди отмечают: неудовлетворенность условиями труда, предложенными работодателем; отсутствие возможности получения высокого дохода и перспектив профессионального роста в будущем [10].

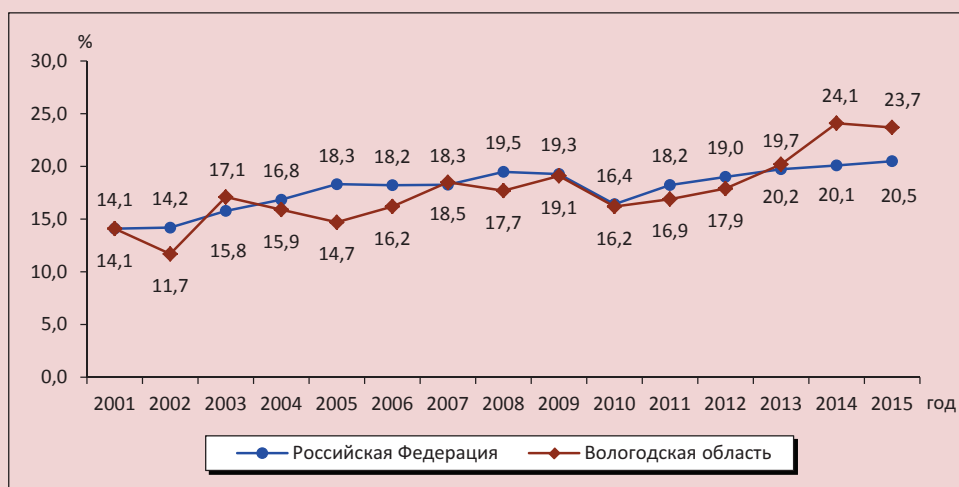
3–5. Неудобный график работы; несправедливое начисление заработной платы; система организации труда. По нашему мнению, обозначенные барьеры представляют следствие расширения неформальной занятости в стране. Данная форма трудоустройства, помимо ряда положительных моментов, несет в себе множество рисков, наступление которых негативно сказывается на реализации качества трудового потенциала. Так, рост благосостояния трудящихся за счет ухода работодателей от уплаты налогов и ряда обязательных пла-

тежей часто сопровождается непрозрачностью начисления заработной платы и задолженностью по ее выплате, неблагоприятными условиями труда и ненормированной рабочей неделей, отсутствием социальных гарантий и т.д.

В настоящее время работа в неформальном секторе экономики все чаще воспринимается в обществе как наиболее привлекательная форма осуществления трудовой деятельности. В 2001–2015 гг. неформальная занятость в Вологодской области и в России в целом демонстрирует тенденцию к росту (рис. 2). На конец рассматриваемого периода значения показателя в регионе достигли своего максимума (24%), превысив среднероссийский уровень (21%). При этом молодежь является одной из групп населения, наиболее подверженных риску включения в практики временной, неформальной занятости и прекаризации [36].

Вместе с тем данные мониторинга в Вологодской области свидетельствуют о том, что формальное закрепление трудовых отношений предоставляет молодым людям

Рисунок 2. Доля неформального сектора в общей занятости

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.02.2017).

больше возможностей, чем неформальная занятость (табл. 5). Уровень реализации качества трудового потенциала при наличии бессрчного договора достигает 81%, в то время как при устной договоренности – 75%. Разрыв в использовании интеллектуальной компоненты увеличивается еще заметнее (до 9,2 п.п.).

6–7. Несоответствие работы способностям и склонностям; отсутствие интереса к работе. Успешность самореализации в том или ином виде деятельности во многом зависит от внутренней предрасположенности индивида к выбранному занятию. Это утверждение в полной мере относится и к рынку труда (табл. 6). Расчеты показывают, что отсутствие связи между выполняемой работой и личностными предпочтени-

ями молодежи (способности, склонности, призвание) негативно сказывается на использовании накопленных ею возможностей. В этом случае уровень реализации качества трудового потенциала составляет в среднем 75%. Напротив, соответствие основной деятельности внутренней предрасположенности способствует более полному использованию качественных характеристик (значения показателя возрастают вплоть до 83%).

8. Проблемы со здоровьем. Состояние здоровья напрямую определяет возможности участия человека в трудовой деятельности [11]. Хотя молодежь обладает лучшими показателями здоровья, нежели взрослое население, негативное влияние указанного фактора на уровне реализации трудово-

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Как оформлены Ваши трудовые отношения на основной работе?» (в % от числа опрошенных среди молодежи)

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала, %	
		Интеллектуальная компонента	В целом
Бессрчный (постоянный) договор	66,7	76,8	80,9
Срочный трудовой договор	6,9	65,6	74,8
Договор-подряд	5,2	68,3	78,3
Без оформления трудового договора (устная договоренность)	13,4	67,6	75,3
Другое	2,4	67,9	82,1
Затрудняюсь ответить	5,5	69,5	78,3

Источники: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН); расчеты авторов.

Таблица 6. Соответствие основной деятельности способностям, склонности, призванию и уровень реализации трудового потенциала (в % от числа опрошенных среди молодежи)

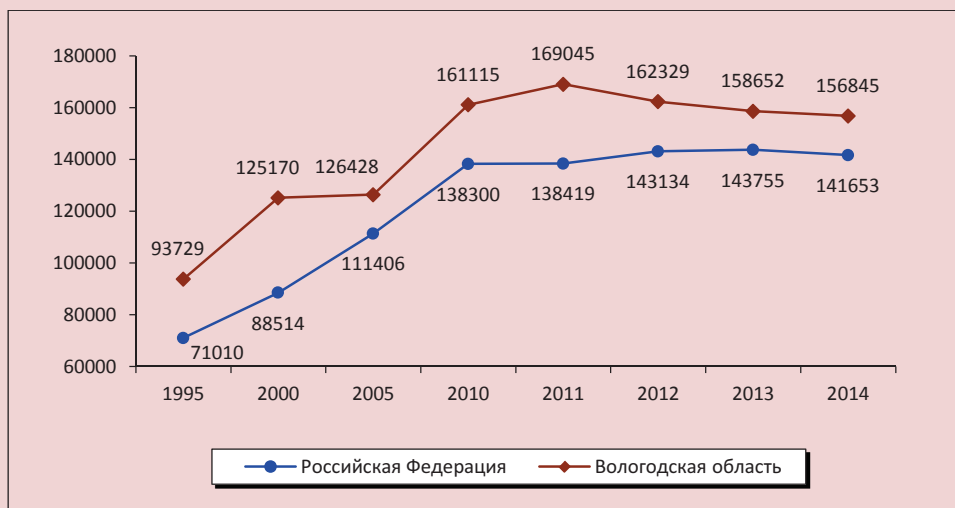
Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала, %	
		Интеллектуальная компонента	В целом
Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?			
Да	65,8	76,8	81,4
Нет	18,3	66,2	74,8
Затрудняюсь ответить	15,9	67,8	75,2
Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?			
Да	49,2	79,6	83,4
Нет	24,7	65,6	75,0
Затрудняюсь ответить	26,1	69,3	75,3

Источники: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН); расчеты авторов.

го потенциала почувствовала на себе существенная часть данной возрастной группы. Это может быть связано с тем, что за последние 20 лет (с 1995 по 2014 г.) первичная заболеваемость среди подростков 15 – 17 лет заметно возросла (на 67% в Вологодской области и почти в 2 раза по России; рис. 3). Несмотря на некоторое улучшение ситуации, наблюдаемое с 2011 г., значения показателя остаются высокими.

Согласно мониторинговым данным, разрыв в уровне реализации трудового потенциала между молодыми людьми, оценивающими свое здоровье как «отличное» и «плохое», составляет 10 п.п. (табл. 7). Особенно существенная разница отмечается в степени использования интеллектуальной компоненты (18 п.п.). Между тем негативное воздействие рассматриваемого фактора на возможность реализовать себя

Рисунок 3. Заболеваемость подростков в возрасте от 15 до 17 лет (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

Источники: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.09.2016); Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2000–2010 год: стат. сборник. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 2000–2015.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, в общем и целом, состояние своего здоровья» (в % от числа опрошенных среди молодежи)

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала, %	
		Интеллектуальная компонента	В целом
Отличное	10,4	78,1	83,1
Хорошее	50,4	74,4	79,5
Удовлетворительное	36,9	73,0	78,7
Плохое	1,9	60,0	72,5
Очень плохое	-	-	-

Источники: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН); расчеты авторов

в трудовой деятельности наблюдается не только среди немногочисленных представителей группы с самыми низкими самооценками здоровья (2%), но и среди молодых людей, которые оценивают свое здоровье как «удовлетворительное» и «хорошее», доля которых в общей выборке составляет 37 и 50% соответственно.

Таким образом, недостаток квалификации, работа не по специальности и ее несоответствие способностям и склонностям, неудобный график и отсутствие интереса к работе и т.д. служат значимыми барьерами, препятствующими самореализации молодежи в трудовой деятельности. В итоге

профессиональные навыки значительной части молодежи, полученные в ходе продолжительного обучения, не используются на рынке труда. Это влечет за собой потерю приобретенной квалификации, а также необходимость дополнительной профессиональной подготовки и тем самым повышения издержек найма. Кроме того, снижается эффективность государственной системы профессионального образования, поскольку молодые люди выбирают работу не по специальности, в силу чего потребность приоритетных отраслей экономики в высококвалифицированных кадрах остается неудовлетворенной.

Таблица 8. Основные барьеры реализации трудового потенциала молодежи Вологодской области и направления их преодоления

Барьеры	Направления решения
Недостаток профессиональных знаний	Повышение качества профессионального образования и его соответствия требованиям экономики Создание условий, позволяющих совмещать учебу и работу для студентов старших курсов Развитие системы профессиональной адаптации молодых специалистов, в т.ч. создание мобильных центров занятости Совершенствование взаимодействия системы образования и институтов рынка труда Стимулирование участия работодателей в разработке и корректировке учебных программ и т.д.
Работа не по специальности	Повышение заинтересованности работодателей в приеме на работу молодых специалистов (предоставление определенных льгот при трудоустройстве выпускников образовательных организаций по специальности и т.д.) Повышение престижности некоторых социально значимых профессий в образовании, здравоохранении, науке, социальной защите и т.д. Совершенствование механизма формирования социального заказа на подготовку специалистов в соответствии с требованиями рынка труда Включение учебной практики студентов в стаж работы с заключением трудового договора и т.д.
Несоответствие работы способностям и склонностям	Преодоление несоответствия между притязаниями молодежи и возможностями их удовлетворения в труде путем совершенствования систем профориентации школьников и сопровождения профессионального становления студентов и выпускников образовательных организаций Содействие развитию молодежного предпринимательства и т.д.
Отсутствие интереса к работе	
Неудобный график работы	Расширение формального сектора экономики путем снятия ряда административных барьеров для развития предпринимательской деятельности Усиление деятельности профсоюзных организаций по защите прав трудящейся молодежи Разработка эффективных программ по социальной поддержке молодежи Содействие сохранению традиционных трудовых ценностей и обучение молодежи навыкам поведения на рынке труда и т.д.
Несправедливое начисление заработной платы	
Система организации труда	
Проблемы со здоровьем	Формирование культуры здорового образа жизни и самосохранительного поведения среди молодежи Содействие укреплению здоровья молодежи: профилактика заболеваний, в т.ч. социально значимых Повышение уровня включенности молодежи в систематические занятия физической культурой и спортом и т.д.

Источник: составлено авторами.

Поэтому требуются реальные действия по снижению существующих барьеров реализации трудового потенциала молодежи путем использования неоднократно озвученных, но на практике далеко не всегда реализуемых мер государственной политики (*табл. 8*).

Расширение возможностей трудоустройства и использования потенциала молодежи является одним из главных политических вызовов во многих странах. Однако, как показывает мировой опыт, нередко программы, направленные на решение данной проблемы, оказываются неэффективными в краткосрочной перспективе и/или достаточно высокзатратными. К примеру, в Германии в период пребывания на посту федерального канцлера Г. Шредера был принят закон об утрате неработающей молодежью в возрасте до 25 лет права на получение пособия по безработице, но применение такой меры не позволило решить проблему длительной безработицы [12, с. 95]. К тому же реализация подобных программ в Европе сталкивается с рядом барьеров на рынке труда, которые являются своеобразными ограничителя-

ми (законодательство о защите занятости, срочный трудовой договор, институт минимальной оплаты труда и т.д.) [34]. Тем не менее успеха можно достичь за счет комплексного подхода, начиная с обучения и перехода от обучения к работе, профориентации, к помощи в трудоустройстве, повышению квалификации и т.д. (программы Job Corps [32] в США, New Deal for Young People [38] в Великобритании, Jóvenes en Acción [33] в Колумбии и др.).

На решение проблемы более полной реализации потенциала молодежи в трудовой деятельности должны быть направлены усилия всех заинтересованных сторон от органов государственной власти, работодателей и общественных организаций до представителей самой молодежи. При этом диалог между участниками рынка труда возможно проводить в рамках деятельности существующих площадок — координационных советов, молодежных организаций (парламентов, профсоюзов, общественных советов при департаментах труда и т.д.), трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений и др.

Литература

1. Аврамова, Е.М. Стабильность молодежной занятости в период экономической рецессии [Текст] / Е.М. Аврамова, Д.М. Логинов // Проблемы развития территории. — 2016. — № 5(85). — С. 107-122.
2. Гимпельсон, В.Е. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? [Текст] / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. — М. : НИУ ВШЭ, 2010. — 64 с.
3. Горшков, М.К. Молодежь России: социологический портрет [Текст] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. — М. : ЦСПиМ, 2010. — 592 с.
4. Губанов, С.С. От экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной экономической системе [Текст] / С.С. Губанов // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 4(46). — С. 48-59.
5. Журавлева, Л.А. Молодежь как инновационная социальная общность [Текст] / Л.А. Журавлева, Н.В. Завьялова // Образование и наука. — 2013. — № 4. — С. 77-90.
6. Зубок, Ю.А. Молодые специалисты; подготовка и востребованность на рынке труда [Текст] / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. — 2015. — № 5. — С. 114-122.
7. Ивашкина, Н.В. Качество подготовки выпускников профессиональных образовательных учреждений Республики Мордовия: социологический аспект [Текст] / Н.В. Ивашкина // Вестник Мордовского университета. — 2011. — № 3. — С. 149-152.
8. Ильин, В.А. Качество трудового потенциала населения Вологодской области [Текст] / В.А. Ильин, Н.А. Смирнова, Я.Б. Тимофеева. — Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. — 72 с.

9. Коровкин, А.Г. Дефицит рабочей силы в экономике России: макроэкономическая оценка [Текст] / А.Г. Коровкин, И.Н. Долгова, И.Б. Королев // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 4. – С. 34-51.
10. Леонидова, Г.В. Заработная плата и эффективность труда: взгляд социолога [Текст] / Г.В. Леонидова, А.В. Попов. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 50 с.
11. Леонидова, Г.В. Здоровье молодого поколения в контексте модернизации территорий [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.Н. Гордиевская // Вопросы статистики. – 2015. – № 4. – С. 47-56.
12. Лоренц, О.Ю. Современные направления социальной политики ФРГ в сфере занятости и безработицы [Текст] / О.Ю. Лоренц // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 6. – С. 92-98.
13. Манойлова, М.А. Возможности самореализации современной молодежи [Текст] / М.А. Манойлова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 1. – С. 54-58.
14. Маслова, И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования [Текст] / И.С. Маслова. – М., 1987. – 32 с.
15. Московцева, Е.А. Современные проблемы молодежи на рынке труда [Текст] / Е.А. Московцева // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – № 2. – С. 15-20.
16. Никулина, Ю.Н. Профессиональная подготовленность молодых специалистов: взгляд выпускников вуза и работодателей [Текст] / Ю.Н. Никулина // Вестник ОГУ. – 2011. – № 8. – С. 88-93.
17. Попов, А.В. Требования работодателей к качественным характеристикам молодых работников (на примере Вологодской области) [Текст] / А.В. Попов // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 4. – С. 215-223.
18. Савченко, В.В. Особенности и стратегии молодежи на современном рынке труда (на примере Ставропольского края) [Текст] / В.В. Савченко, М.В. Попова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 29. – С. 28-36.
19. Соловьева, Т.С. О некоторых результатах модернизации региональных образовательных систем (на примере Вологодской области) [Текст] / Т.С. Соловьева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2016. – Т. 1. – № 11. – С. 232-243.
20. Тавокин, Е.П. Российская молодежь на рынке труда в оценках экспертов [Текст] / Е.П. Тавокин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные процессы. – 2016. – № 2. – С. 175-184.
21. Топилин, А.В. Трудовой потенциал и его возможности для неоиндустриализации России [Текст] / А.В. Топилин // Экономист. – 2016. – № 10. – С. 3-17.
22. Цылев, В.Р. Удовлетворенность молодежи Мурманской области условиями социализации и самореализации [Текст] / В.Р. Цылев, Е.Н. Шарова // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 130-139.
23. Чекмарева, Е.А. Влияние уровня развития навыков на трудовой потенциал, его реализацию и выбор рабочих мест / Е.А. Чекмарева, К.А. Устинова // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 726-740.
24. Чекмарева, Е.А. Экономико-математическое моделирование реализации трудового потенциала региона [Текст] : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е.А. Чекмарева. – Вологда, 2012. – 182 с.
25. Adams, S.J. Age discrimination legislation and the employment of older workers [Text] / S.J. Adams // Labour Economics. – 2004. – Vol. 11:2. – Pp. 219-241.
26. Apascariteli, P. A comparative analysis of youth labour market exclusion [Text] / P. Apascariteli, L. Susaeta, E. Suarez, I. Gutierrez-Martinez, S. Idrovo, J. Ramon Pin // WP IESE of Business school – University of Navarra. – Vol. 1100-E. – 2015. – 32 p.
27. Bell, J. Understanding adultism: a major obstacle to developing positive youth-adult relationships [Electronic resource] / J. Bell. – Somerville, MA: YouthBuild USA, 1995. – Mode of access: http://www.nuatc.org/articles/pdf/understanding_adultism.pdf.
28. Choudhry, M. Youth unemployment rate and impact of financial crises [Text] / M. Choudhry, E. Marelli, M. Signorelli // International journal of manpower. – 2012. – Vol. 33. – Pp. 76-95.
29. Easterlin, R. Private materialism, personal self-fulfillment, family life and public interest [Text] / R. Easterlin, E. Crimmins // Public opinion quarterly. – 1991. – Vol. 55. – Pp. 499-533.
30. Finkelstein, L. Age discrimination research is alive and well, even if it doesn't live where you'd expect [Text] / L. Finkelstein, D. Truxillo // Industrial and organizational psychology. – 2013. – Vol. 6. – Pp. 100-102.

31. Gong, J. Context of Power: Young people as evaluators [Text] / J. Gong, D. Wright // American Journal of Evaluation. – 2007. – Vol. 28 (3). – Pp. 327-333.
32. Job Corps [Electronic resource] / Official site of US Department of Labour. – Mode of access: <http://www.jobcorps.gov/home.aspx/>.
33. Jóvenes en Acción [Electronic resource]. – Mode of access: <http://jovenesenaccion.dps.gov.co/JeA/IncentivosJea.aspx>.
34. Kluve, J. Youth labor market interventions. Comprehensive programs that focus on skills can reduce unemployment and upgrade skills in OECD countries [Electronic resource] / J. Kluve // IZA Discussion papers. – 2014. – December. – Pp. 1-10.
35. Pașnicu, D. Youth employment and measures to increase employability during the crisis [Text] / D. Pașnicu, G. Tudose // Theoretical and Applied Economics. – 2013. – vol. XX, issue Special II. – pp. 276-287.
36. Quintini, G. The changing nature of the School-to-Work transition process in OECD countries [Electronic resource] / G. Quintini, J.P. Martin, S. Martin // IZA Discussion papers. – 2007. – № 2582. – Mode of access: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:101:1-20080425121>.
37. Schmiedek, F. Keeping it steady: older adults perform more consistently on cognitive tasks than younger adults [Text] / F. Schmiedek, M. Lovden, U. Lindenberger // Psychological studies. – 2013. – Vol. 24:9. – Pp. 1747-1754.
38. The New Deal for Young People [Electronic resource] / National Audit Office of UK. – Mode of access: <https://www.nao.org.uk/report/the-new-deal-for-young-people/>.

Сведения об авторах

Андрей Васильевич Попов – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Татьяна Сергеевна Соловьева – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru)

Popov A.V., Solov'eva T.S.

Barriers to the Fulfilment of Young People's Potential in Their Work Activities

Abstract. Young people comprise a special social community: on the one hand, it is most open to innovation and to new models of behavior; on the other hand, it is vulnerable from the viewpoint of competition for certain benefits and opportunities. The reason for the latter consists largely in a lack of social experience, whereby young people find themselves at a disadvantage compared to other socio-demographic groups. The paper highlights the problems that young people face when entering the labor market, and the initial problems are those related to the process of employment. Particular attention is paid to the use of young people's labor potential. A monitoring of the qualitative state of labor potential in the Vologda Oblast is used to consider the factors that prevent young people from implementing their potential in work activities. According to the analysis, the main factors that impede the use of young people's abilities and qualities on the labor market include lack of professional knowledge, employment outside one's specialty, inconvenient working hours, mismatch between the work, abilities and inclinations, lack of interest in the chosen profession. These barriers do not allow young people to implement their abilities to the fullest extent. The authors provide calculations that estimate the influence of various reasons on the extent of implementation of young people's labor potential quality. Thus, this figure reaches 83% among

those whose work matches their abilities and interests; otherwise, it is about 75%. If individuals work within their specialty, then the extent of using qualitative characteristics is about 83%, if they work outside their specialty, the figure is 79%, and if they do not have any specialty, the figure is 73%. In this case the differences in the implementation of an intellectual component (the most important aspect in economic neo-industrialization) in the examples under consideration are even more significant. In conclusion the authors put forward several recommendations aimed to promote the use of young people's potential on the labor market.

Key words: labor potential, young people, barriers to implementation, inequality, discrimination, labor market, government regulation.

References

1. Avraamova E.M., Loginov D.M. Stabil'nost' molodezhnoi zanyatosti v period ekonomicheskoi retsessii [Stability of youth employment in the period of economic recession]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 5 (85), pp. 107-122. (In Russian).
2. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. *Uroven' obrazovaniya rossiiskikh rabotnikov: optimal'nyi, izbytochnyi, nedostatochnyi?* [Educational level of Russian employees: is it optimal, too high or insufficient?]. Moscow: NIU VShE, 2010. 64 p. (In Russian).
3. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Young people in Russia: a sociological portrait]. Moscow: TsSPiM, 2010. 592 p. (In Russian).
4. Gubanov S.S. Ot eksportno-syr'evoi modeli k neoindustrial'noi ekonomicheskoi sisteme [From a raw materials export model to a neo-industrial economic system]. *Ekonomicheskoe vrozhdienie Rossii* [The economic revival of Russia], 2015, no. 4 (46), pp. 48-59. (In Russian).
5. Zhuravleva L.A., Zav'yalova N.V. Molodezh' kak innovatsionnaya sotsial'naya obshchnost' [Youth as an innovative social community]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 2013, no. 4, pp. 77-90. (In Russian).
6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodye spetsialisty; podgotovka i vostrebovannost' na rynke truda [Young specialists, training and demand in the labor market]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 5, pp. 114-122. (In Russian).
7. Ivashkina N.V. Kachestvo podgotovki vypusknikov professional'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii Respubliki Mordoviya: sotsiologicheskii aspekt [Quality of training of graduates of professional educational institutions in the Republic of Mordovia: a sociological aspect]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Mordovia University Bulletin], 2011, no. 3, pp. 149-152.
8. Ilyin V.A., Smirnova N.A., Timofeeva Ya.B. *Kachestvo trudovogo potentsiala naseleniya Vologodskoi oblasti* [Quality of labor potential in the Vologda Oblast]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 1998. 72 p. (In Russian).
9. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Defitsit rabochei sily v ekonomike Rossii: makroekonomicheskaya otsenka [Labor Shortage in the Russian economy: a macroeconomic evaluation]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2006, no. 4, pp. 34-51. (In Russian).
10. Leonidova G.V., Popov A.V. *Zarabotnaya plata i effektivnost' truda: vzglyad sotsiologa* [Wages and labor productivity: a sociologist's view]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 50 p. (In Russian).
11. Leonidova G.V., Ustinova K.A., Gordievskaya A.N. Zdorov'e mladogo pokoleniya v kontekste modernizatsii territorii [Health of the younger generation in the context of modernization]. *Voprosy statistiki* [Statistics issues], 2015, no. 4, pp. 47-56. (In Russian).
12. Lorents O.Yu. Sovremennye napravleniya sotsial'noi politiki FRG v sfere zanyatosti i bezrabotitsy [Modern trends in the social policy of Germany in the field of employment and unemployment]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2016, no. 6, pp. 92-98. (In Russian).
13. Manoilova M.A. Vozmozhnosti samorealizatsii sovremennoi molodezhi [Opportunities for self-realization of today's youth]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences], 2015, no. 1, pp. 54-58. (In Russian).
14. Maslova I.S. *Trudovoi potentsial sovetskogo obshchestva: voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Labor potential of the Soviet society: issues of theory and methodology of research]. Moscow, 1987. 32 p. (In Russian).

15. Moskovtseva E.A. Sovremennyye problemy molodezhi na rynke truda [Modern problems of young people in the labor market]. *Uchenye zametki TOGU* [Academic notes of Pacific National University], 2013, no. 2, pp. 15-20. (In Russian).
16. Nikulina Yu.N. Professional'naya podgotovlennost' molodykh spetsialistov: vzglyad vypusnikov vuza i rabotodatelei [Professional competence of young specialists: a view of college graduates and employers]. *Vestnik OGU* [Bulletin of Orenburg State University], 2011, no. 8, pp. 88-93. (In Russian).
17. Popov A.V. Trebovaniya rabotodatelei k kachestvennym kharakteristikam molodykh rabotnikov (na primere Vologodskoi oblasti) [Employers' requirements to quality characteristics of young workers (case study of the Vologda Oblast)]. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management], 2016, no. 4, pp. 215-223. (In Russian).
18. Savchenko V.V., Popova M.V. Osobennosti i strategii molodezhi na sovremennom rynke truda (na primere Stavropol'skogo kraia) [Features and strategies of youth in the modern labor market (case study of Stavropol Krai)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2012, no. 29, pp. 28-36. (In Russian).
19. Solov'eva T.S. O nekotorykh rezul'tatakh modernizatsii regional'nykh obrazovatel'nykh sistem (na primere Vologodskoi oblasti) [About some results of modernization of regional educational systems (case study of the Vologda Oblast)]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and management: problems, solutions], 2016, vol. 1, no. 11, pp. 232-243. (In Russian).
20. Tavokin E.P. Rossiiskaya molodezh' na rynke truda v otsenkakh ekspertov [Russian youth in the labor market in expert assessments]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye protsessy* [Public opinion monitoring: economic and social processes], 2016, no. 2, pp. 175-184. (In Russian).
21. Topilin A.V. Trudovoi potentsial i ego vozmozhnosti dlya neindustriializatsii Rossii [Labor potential and its possibilities for the neoindustrialization of Russia]. *Ekonomist* [Economist], 2016, no. 10, pp. 3-17. (In Russian).
22. Tsylev V.R., Sharova E.N. Udovletvorennost' molodezhi Murmanskoi oblasti usloviyami sotsializatsii i samorealizatsii [Satisfaction with socialization situation and with self-realization among the youth of Murmansk oblast]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 5, pp. 130-139. (In Russian).
23. Chekmareva E.A., Ustinova K.A. Vliyaniye urovnya razvitiya navykov na trudovoi potentsial, ego realizatsiyu i vybor rabochikh mest [Influence of the level of skills development on labor potential, its implementation and the choice of jobs]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 726-740.
24. Chekmareva E.A. *Ekonomiko-matematicheskoe modelirovaniye realizatsii trudovogo potentsiala regiona: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Economic and mathematical modeling in the realization of labor potential in a region: Ph.D. in Economics dissertation]. Vologda, 2012. 182 p. (In Russian).
25. Adams S.J. Age discrimination legislation and the employment of older workers. *Labour Economics*, 2004, vol. 11:2, pp. 219-241.
26. Apascariteli P., Susaeta L., Suarez E., Guttierrez-Martinez I., Idrovo S., Ramon Pin J. A comparative analysis of youth labour market exclusion. *WP IESE of Business school – University of Navarra*. 2015. Vol. 1100-E. 32 p.
27. Bell J. *Understanding adultism: a major obstacle to developing positive youth-adult relationships*. Somerville, MA: YouthBuild USA, 1995. Available at: http://www.nuac.org/articles/pdf/understanding_adultism.pdf.
28. Choudhry M., Marelli E., Signorelli M. Youth unemployment rate and impact of financial crises. *International journal of manpower*, 2012, vol. 33, pp. 76-95.
29. Easterlin R., Crimmins E. Private materialism, personal self-fulfillment, family life and public interest. *Public opinion quarterly*, 1991, vol. 55, pp. 499-533.
30. Finkelstein L., Truxillo D. Age discrimination research is alive and well, even if it doesn't live where you'd expect. *Industrial and organizational psychology*, 2013, vol. 6, pp. 100-102.
31. Gong J., Wright D. Context of Power: Young people as evaluators. *American Journal of Evaluation*, 2007, vol. 28 (3), pp. 327-333.
32. Job Corps. *Official site of US Department of Labour*. Available at: <http://www.jobcorps.gov/home.aspx/>.
33. *Jóvenes en Acción*. Available at: <http://jovenesenaccion.dps.gov.co/JeA/IncentivosJea.aspx>.
34. Kluge J. Youth labor market interventions. Comprehensive programs that focus on skills can reduce unemployment and upgrade skills in OECD countries. *IZA Discussion papers*. 2014. December. Pp. 1-10.
35. Paşnicu D., Tudose G. Youth employment and measures to increase employability during the crisis. *Theoretical and Applied Economics*, 2013, vol. 20, issue special 2, pp. 276-287.

36. Quintini G., Martin J.P., Martin S. The changing nature of the School-to-Work transition process in OECD countries. *IZA Discussion papers*, 2007, no. 2582. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:101:1-20080425121>.
37. Schmiedek F., Lovden M., Lindenberger U. Keeping it steady: older adults perform more consistently on cognitive tasks than younger adults. *Psychological studies*, 2013, vol. 24:9, pp. 1747-1754.
38. *The New Deal for Young People*. National Audit Office of UK. Available at: <https://www.nao.org.uk/report/the-new-deal-for-young-people/>.

Information about the Authors

Andrei Vasil'evich Popov – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Tat'yana Sergeevna Solov'eva – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru)

Статья поступила 09.03.2017.

ПРАВИЛА
приёма рукописей статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Экономические и социальные перемены:
факты, тенденции, прогноз» (в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (1 стр. ≈ 1800 знаков). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 22 страницы (≈ 39600 знаков). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В печатном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Статья с подписью автора на первой странице. Для аспирантов и соискателей необходима также заверенная надлежащим образом подпись научного руководителя, печать должна быть четкая.

2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail) и оформленные по образцу (см. на сайте журнала).

3. Письменное обязательство автора статьи в том, что он не опубликует её в других печатных и/или электронных изданиях до выхода в свет журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» с данной статьей.

В печатном виде материалы должны быть направлены на почтовый адрес редакции журнала: 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).

2. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.

3. Таблица со сведениями об авторе.

4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля:

правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т.п. слов, специальных символов),

нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление первой страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

Должно быть приведено не более 8 ключевых слов.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Все источники оформляются в соответствии с ГОСТом 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства к оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.aks.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.06.2017.
Дата выхода в свет 30.06.2017.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,2. Тираж 500 экз. Заказ № 201.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru